

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Луганский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

МАРФИНА ЖАННА ВИКТОРОВНА

**КОНСТАНТА РОДСТВО / СПОРІДНЕНІСТЬ
В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ:
ЛИНГВОМИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика (филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

ЛУГАНСК – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ МИФОПОЭТИКИ.....	39
1.1. Концепт и константа в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике: вопрос о роли мифопоэтической составляющей	39
1.2. Признаки и структура концепта-константы. Лингвомифопоэтический подход к анализу концепта-константы	56
1.3. Лингвокультурная мифопоэтика в контексте компаративной методики анализа концепта-константы.....	67
1.4. История изучения константы Родство / Спорідненість в российской и украинской лингвистике (аналитический обзор).....	75
ГЛАВА 2. КОНСТАНТА РОДСТВО / СПОРІДНЕНІСТЬ: ОТ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ К ФРАЗЕОПАРЕМИЙНОМУ СОДЕРЖАНИЮ	97
2.1. Номинативное поле, внутренняя форма (мифопоэтическое ядро) и семантическое ядро константы Родство / Спорідненість.....	97
2.2. Вербализация константы Родство / Спорідненість в народно-разговорном (фразеопаремийном) пространстве языка.....	131
ГЛАВА 3. СОДЕРЖАНИЕ КОНСТАНТЫ РОДСТВО / СПОРІДНЕНІСТЬ В НАРОДНО-ПЕСЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	196
3.1. Общие особенности вербализации константы в народно-песенном пространстве языка.....	196
3.2. Концептуализация повседневно-бытовых отношений и ритуальных ролей членов нуклеарной семьи.....	199
3.3. Концептуализация семейно-родственных отношений в социально маркированных народно-песенных текстах	217
3.4. Метафора как способ семантизации социокультурных отношений на материале НР-фольклорем.....	235
ГЛАВА 4. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНСТАНТЫ РОДСТВО / СПОРІДНЕНІСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА И Т.Г. ШЕВЧЕНКО	243
4.1. Вопрос о мифопоэтическом компоненте художественной литературы.....	243
4.2. Функционирование константы Родство в творчестве А.С. Пушкина: образность, сюжетики, семантика	248
4.3. Функционирование константы Родство в творчестве Т.Г. Шевченко: образность, сюжетики, семантика.....	273
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	304

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	320
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	326
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	375
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	423
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.....	434

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Вопросы взаимосвязи и взаимодействия языка, культуры и ментальности человека остаются основополагающими вопросами лингвистики на протяжении примерно двух веков. Антропоцентричная парадигма не является новейшим изобретением: современная интегративная гуманитаристика в целом и языкознание в частности лишь продолжают начатое еще В. фон Гумбольдтом дело изучения языка как формы выражения «духа народа».

В то же время именно в современной лингвистике проблематика взаимодействия человека как носителя национально маркированной и одновременно индивидуальной ментальности с культурой и языком как ее сущностной семиотической системой приобрела особую актуальность. Это связано в первую очередь с социокультурными, экономическими, духовными процессами глобализации, с одной стороны, и стремлением выработать как научную, так политическую и идеологическую позицию по отношению к национальной и культурной идентичности и процессам (само)идентификации – с другой. В этом контексте активное обращение лингвистов (Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, В.В. Красных, В.А. Маслова, В.В. Воробьев, И.А. Стернин, З.Д. Попова, С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин, В.И. Карасик, А.Т. Хроленко, Н.Ф. Алефиренко, И.В. Кононова, В.В. Жайворонок, С.Я. Ермоленко, Л.А. Лисиченко и др.) к проблемам структурирования национально-языковой картины мира, концептуализации и категоризации опыта взаимодействия мира и человека в ментальном поле носителей национальной лингвокультуры в ее связи с глобальной концептуальной картиной мира есть следствие и социокультурного запроса, и необходимости выработать комплекс научных представлений о специфике и взаимоподобии национальных культур. В русле этой актуальной для современного (в том

числе российского и украинского) общества и науки проблематики и выполнено настоящее исследование.

Концептуальная картина мира и языковая картина мира – основные объекты изучения двух актуальных направлений современной лингвистики: лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Основное различие между ними состоит в формулировке предмета исследования: в триаде «язык – культура – человек» лингвокультурология движется от языка к культуре и человеку, тогда как когнитивная лингвистика – от человека (ментальности) к языку и культуре. Иными словами, внимание лингвокультурологии сфокусировано на способах репрезентации в языке национальной и общечеловеческой культуры, закономерностей воплощения в семантике языковых единиц ценностных ориентиров и смысловых категорий культуры (Н.Ф. Алефиренко). Внимание же когнитивной лингвистики нацелено на изучение ментальных процессов, доступ к которым лежит в сферах языковой, речевой и дискурсивной деятельности (Е.С. Кубрякова).

В рамках российской лингвокультурологии был разработан целый ряд в той или иной мере пересекающихся, но не совпадающих в своем содержании терминов, созданных для описания отношений между языком, ментальностью и культурой: «константа культуры» (Ю.С. Степанов), «код культуры» (С.М. Толстая, Т.В. Цивьян, В.Н. Телия, С.Е. Никитина, Т.Б. Банкова, Т.И. Вендина, В.В. Красных, М.Л. Ковшова, Н.И. Степанова и др.), «культурный концепт» (Н.Ф. Алефиренко, О.А. Дмитриева, Л.Х. Самситова, М.А. Дмитриевская, В.В. Туровский, Н.Ю. Буряк), «лингвокультурема» (В.В. Воробьев, Г.В. Токарев), «лингвокультурный концепт» (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, М.В. Пименова), «культурно значимый концепт» (В.Н. Телия), «ключевой концепт культуры» (В.А. Маслова) и др. В украинской лингвокультурологии введены в научный оборот понятия «языковой эстетический знак» (С.Я. Ермоленко), «этноконцепт» (Е.А. Селиванова, В.В. Жайворонок), «специфический концепт» (А.Н. Приходько), «определяющие слова-понятия»

(В.И. Кононенко), «концепты историко-культурного сознания народа» (В.В. Жайворонок), «культурно значимый концепт» (Е.П. Левченко) и др. Из приведенного списка базовым термином, имеющим наибольшую сферу распространения в науке и наиболее четкие понятийные границы, является термин (*лингвокультурный*) *концепт*. Термин *концепт* в понятийно-терминологическом отношении отчасти объединяет лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы к изучению языка, речи, дискурса. Отчасти – поскольку сходства и различия в содержательном наполнении этого термина в двух научных дисциплинах обнаруживают сходство и различия в самой сути их научной методологии.

Концепт в лингвокультурологии трактуется как «культурно окрашенный вербализированный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций» (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин), «основная ячейка культуры в ментальном мире человека», то, в виде чего «культура входит в человека» и сам человек «входит в культуру» (Ю.С. Степанов). В сопоставительном ракурсе (то есть в отношении концепта в различных формах его существования внутри двух или более лингвокультур) изучением лингвокультурных концептов занимается лингвокультурная (сравнительная) концептология – «научная дисциплина, изучающая культурные концепты, опредмеченные в языке» и нацеленная на выявление через это изучение «лингвоспецифических характеристик» национального (этнического) менталитета [Воркачев 2015, с. 9]. Методика сравнительной концептологии положена в основу методики изучения констант, разработанной в настоящем исследовании.

В когнитивной лингвистике концепт определяется как отраженная в психике человека составляющая концептуальной системы, обобщенной картины мира, характеризующаяся, в первую очередь, содержательностью и оперативностью. Е.С. Кубрякова предлагает трактовать данное понятие как «смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей

человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания» [Кубрякова 1996, с. 90].

Следовательно, концепт определяется как единица «культурного смысла» в лингвокультурологии и «ментального лексикона» – в когнитивной лингвистике; в соответствии с этим определяется и разница в установлении этими науками отношений между словом и концептом. В лингвокогнитивистике одному концепту соответствует одна языковая единица (слово), в лингвокультурологии же концепт реализуется в целом ряде единиц языка и речи, а также в других знаках и знаковых системах. В то же время поскольку в рамках когнитивной лингвистики было доказано, что фундаментом любой концептуализации мира в человеческом мышлении выступает языковая категоризация и концептуализация, то интересы лингвокультурологии и когнитивной лингвистики сходятся в изучении языковой картины мира как проявления национального менталитета.

Значимым для исследования является выделение из ряда лингвокультурных концептов одного их вида, который можно вслед за Ю.С. Степановым определить термином *константа*. Предлагаем под *константой* понимать вид концептов, для которого характерна временная, образно-смысловая и семиотическая масштабность существования в национальной культуре и который маркирован значимостью для национального мира в плане его духовно-исторического бытования. Гипотеза настоящего исследования тесно связана с этим положением, поскольку она исходит из того, что *масштабность существования констант в культуре, а также их сущностное отличие от остальных видов лингвокультурных концептов определяется содержащейся в них мифопоэтической составляющей*.

Гипотеза, выдвигаемая в настоящем исследовании, может быть сформулирована следующим образом: *мифопоэтическая составляющая в константах играет роль содержательного стержня и обеспечивает единство всех его слоев (от этимологического до актуального; от понятийного до ассоциативного) и задающего перспективу его развития;*

при этом понятие «мифопоэтическая составляющая» подразумевает не только отсылку к мифу во внутренней форме (мифопоэтическом (образно-смысловом) ядре) константы, но преимущественное ее развитие через фольклорное и художественное освоение ее мифопоэтического потенциала. Это положение опирается на научное представление о константах как «ключевых концептах», имеющих длительность существования, сопоставимую с длительностью развития национальной культуры (Ю.С. Степанов). Новизна гипотезы состоит в том, что масштабность существования констант в национальной культуре связывается с их мифопоэтическим образно-смысловым стержнем (ядром).

Необходимо пояснить, что под **мифопоэтической составляющей** концепта-константы в работе подразумевается мифопоэтический образ, лежащий в основе и центре (образно-смысловой и этимологически-исторической внутренней форме) концепта, определяющий его ценностное содержание и задающий основные векторы его развития (развития его структуры), содержащий в свернутом виде определенный сюжет или набор сюжетов, которые впоследствии разворачиваются в разных (в первую очередь фольклорных и литературных) текстах культуры, и реализующийся во внутренней форме доминантного и других слов, вербализующих концепт, а также в соответствующей метафорике, символике, фразеологии, паремиологии и т.д. Другими словами, в работе утверждается и доказывается на большом объеме текстового материала, что концепт-константа как центральный элемент структуры является образно-смысловым ядром и центральным элементом структуры и имеет не «чувственно-образное», а мифопоэтическое ядро, то есть имя-миф, к которому восходит доминантное для константы слово, вербализующее ее, а также (в качестве потенциальной или же реализованной возможности) ряд других значимых в плане ее вербализации слов. Имя-миф предполагает отсылку во внутренней форме этих слов не только к мифологическому образу, но и к разворачивающемуся в потенциале сюжету, а также возможное их ассоциирование с

мифологическими представлениями о мире, связанными с этими именем и сюжетом.

Значимость мифа-имени и мифопоэтического ядра в структуре константы допускает возможность следующего предположения: ведущую роль в развитии структуры константы играют фольклорные и литературные тексты, поскольку они способны воспринять целостность ценностно-образного и нарративно-сюжетного потенциала мифа-имени, воспроизвести и (или) интерпретировать его, зафиксировать в концептосфере и транслировать в пространство национальной культуры. Особая роль в формировании и развитии структуры константы отводится классическим текстам художественной литературы, которые наиболее значимы для всей национальной культуры и литературы (ср.: А.С. Пушкин – национальный русский поэт; Т.Г. Шевченко – национальный украинский поэт). Исходя из этого, был отобран основной материал для данного исследования.

В отношении концепта-константы Родство / Спорідненість эта гипотеза может быть конкретизирована в следующей формулировке:
указанная константа преимущественно развивается в фольклорном и художественном пространствах, осваивающих образно-смысловой потенциал ее мифопоэтического ядра, которое определяется этимологией слова «род» и целым рядом связанных с ней мифологических представлений о взаимодействии и единении мужского и женского начал в человеческой и природной жизни.

Поместив в центр исследовательского внимания константу Родство / Спорідненість, мы исходим из трех основных тезисов:

1. Она является ключевой в формировании мировоззренческих ориентиров по отношению к «человеку семейному».

2. Это одна из наиболее значимых констант в концептосфере человеческой культуры в целом и в концептосфере восточнославянских лингвокультур в частности (ср.: Родственные связи и отношения нашли в

языках мира «культурное осмысление, их ритуальное оформление», содержание и оценку [Толстая 2009, с. 7]).

3. На настоящий момент она не получила полного и разностороннего описания как в том, что касается отдельно русской и украинской лингвокультур, так и в том, что касается их сопоставления.

Поясняя содержание первого тезиса, необходимо отметить, что «человек семейный» – одно из важнейших понятий, отражающих историческое и социокультурное развитие социума; «в приоритетную аксиологическую группу “Человек” в большинстве классификаций в качестве ведущего входит и понятие “семья как ценность”» [Кучуб 2008, с. 43]. Сопряженное с представлением о семье как ячейке и важнейшей ценности общества, как модели взаимодействия и сосуществования в едином пространстве людей, объединенных заботой друг о друге и любовью друг к другу, «человек семейный» в контексте современных духовных, идейных и политических тенденций есть принципиально традиционное (в разных его оценках и трактовках) понятие.

Более того, именно в современном контексте оно приобрело особую актуальность как базовое понятие-идея, в борьбе против которой философия и политическая практика неолиберализма выдвигает идеи трансгуманизма и таких личных свобод, которые если не полностью отрицают ценность и человека семейного, и семьи как таковой, то активно подвергают ее сомнению. «Либеральная идеология, ставя высшей ценностью человека и его свободу, устраняет ограничения для проявлений эгоизма» [Закирова 2022, с. 361], путь ничем не ограниченной свободы «отбирает у людей их достоинство, равно как и чувство эквивалентной ценности» [Dworkin 1978, p. 206], институты брака и семьи «если не упраздняются, то радикально трансформируются» [Закирова 2022, с. 361].

Для современного российского общества в отношении «человека семейного» и семейных ценностей характерно многообразие точек зрения и социокультурных тенденций. Однако на уровне государственной политики и

идеологии (Концепция государственной семейной политики РФ до 2025 года; Основы государственной молодежной политики РФ), равно как и на уровне традиционных представлений о семье, имеющих значение и для молодежи (см., в частности: [Серебрякова 2019]) закреплена идея фундаментальной значимости семьи, в том числе в основополагающих ее функциях – воспитании ребенка в любви, продлении рода, сохранении ценности брака. Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется как необходимостью теоретической и практической разработки проблематики лингвокультурологии в аспекте мифопоэтического содержания констант национальной лингвокультуры, так и обращением к социокультурно значимой проблеме «человека семейного» в ее воплощении в русской и украинской лингвокультурах в форме константы Родство / Спорідненість.

Что касается места константы Родство / Спорідненість в концептосфере восточнославянских лингвокультур, для подтверждения тезиса о его значимости необходимо принять во внимание следующие факты. В восточнославянской мифологии бог Род – «воплощение рода, единства потомков одного предка» [Топоров 1988, т. 2, с. 384–385] – занимал если не центральное, то одно из наиболее выделенных мест в культах божеств; упоминания о нем и связанных с ним богинях (Рожаницах) в древнерусских памятниках XI–XII веков чрезвычайно многочисленны [Там же, с. 385]. Известно, что культ предков сосуществовал с православными представлениями в народной русской культуре вплоть до конца XIX века [Миролюбов 1996]; более того, его следы можно найти и в русской православной традиции молитвы за предков. С другой стороны, и в настоящее время понятийная категория «Родство» включается исследователями в число ключевых ментальных образований русской лингвокультуры: в «Словаре русской ментальности» В.В. Колесова и др. находим следующий значимый в этом отношении тезис: «Родство – духовная связь по общности предка, обретаемая по роду, рождению, родине, т.е. физически, социально и духовно» [Колесов 2014, т. 1, с. 167]. Таким образом,

для всех восточнославянских культур, имеющих общий мифологический, мифопоэтический источник, и отдельно для русской культуры константа Родство – один из наиболее значимых феноменов духовного бытия.

В отношении же третьего из выдвинутых тезисов следует отметить, что речь идет о степени разработанности проблемы описания константы Родство / Спорідненість в современной лингвистике и, соответственно, о новизне данной работы.

Состояние и степень разработанности проблемы исследования.

Номинации родства, вербализующие константу, традиционно находятся в центре внимания отечественной и зарубежной лингвистики. Прежде всего, отметим, что эти номинации были объектом изучения с позиций истории языка и этимологии (П.А. Лавровский, Ф.П. Филин, А.А. Бурячок, О.Н. Трубачев, В.А. Козырев, В.М. Русанивский, Б.А. Ларин, В.Н. Топоров, В.В. Нимчук, Г.В. Дзибель и др.), семасиологии (А.А. Уфимцева, А.А. Тараненко, Л.А. Лисиченко, О.Ю. Николенко, Н.Н. Трошина, С.А. Кидямкина и др.), лингвофольклористики (С.Я. Ермоленко, Н.И. Мазай, Н.Г. Барышникова, В.Ф. Стенина, М.Ю. Езаова, Н.А. Данилюк), стилистики (С.Х. Головкина, И.Ю. Белякова, О.А. Бондаревская, О.А. Фещенко, Е. Привалова, Т.В. Пьянкова, Н.Н. Рухленко, Е.М. Черникова, Л.Б. Мельник, Н.В. Охота, В.М. Янив, Л.М. Романюк, А.В. Чернова, Ж.В. Марфина и др.), этнолингвистики (С.М. Толстая, В.В. Жайворонок, Д.И. Добрусинец и др.). Изучались номинации родства и в рамках сравнительного языкознания: известно немало работ, выполненных на материале русско-, украинско- и белорусскоязычных текстов (О.Н. Жизневская, В.И. Ярмач), на материале неблизкородственных языков (М.А. Гасанова, Л.Х. Хараева, А.С. Головин, Е.А. Кострубина, Л.Е. Леонтьева, З.Г. Коцюба, А.Г. Абрамова, С.М. Адамова, Н. Гаспарян, А.А. Ким, Р. Ани, Р.Д. Шамилева, Т.А. Шайхуллин, М.К. Гулкамян, М. Николич, Н.Ю. Микитенко, Е.В. Ли, Р.З. Мурясов, Х.Х. Эгамназаров, А. Мамедгасанов, З.А. Биктагирова, А.Ш. Альбекова,

Л.А. Гаджиева, С.А. Алиева, Н.Э. Гаджихмедов, С.Г. Перевалова, Д.Е. Восканянц, В.И. Рассадин, С.М. Трофимова, Ж.Б. Жалсанова и др.).

Как многоуровневая изоморфная семантическая структура, парадигма номинации родства (далее – НР) рассматривается и в лингвокультурологии. В лингвокультурологических исследованиях НР трактуются как проводники концептуализированного, обобщенного опыта, смысла. Большинство исследователей относит концепты Семья, Род, Родство к универсальным, ключевым (А.С. Головин [Головин 2014]), М.В. Пименова [Пименова 2005], Ю.С. Макарец, О.М. Слипчук [Макарец, Слипчук 2013], Н.Н. Занегина [Занегина 2011], Г.А. Гуняшова [Гуняшова 2013] и др.) или фундаментальным концептам (Н.Н. Занегина [Занегина 2011], Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров [Верещагин, Костомаров 1973, 1980, 2005] и др.) концептам, определяющим жизнеустройство общества, регламентирующим сложные социокультурные процессы.

Результаты осуществленных лингвокультурологических исследований, в частности, показывают, что в концептосферу русской культуры входит ряд взаимосвязанных микроконцептов родства. Так, значимыми для русского сознания составляющими макроконцепта Дом являются следующие микроконцепты: Родители, Семья, Отец, Мать, Бабушка, Дети, Брат, Сестра, Муж [Залевская 2005; Караулов 2000; Уфимцева: Русские 1996; Алефиренко 2010; Артыкбаева]. Н.С. Сергиева отмечает, что «подзона «Семья» самая важная для человека как существа социального обозначается в составе зоны ЧЕЛОВЕК» [Сергиева 2007]. Концепт Мать проанализирован как репрезентант макроконцептов Семья и Женщина (Ю.А. Абрамова, А.Д. Алиева, Г. Вальтер, А.Г. Евенчук, Я.И. Калинина, А.В. Кирилина, И.И. Ковалик, И.С. Страшнюк, Т.Н. Сукаленко, В.Н. Телия и др.). Изучено его функционирование в художественном дискурсе (Х.В. Старовойтова, В.Б. Яковлева и др.), описано ассоциативное поле по данным свободного ассоциативного эксперимента на материале немецкого, польского, русского, украинского и других языков (Л.В. Адонина, Т.В. Бисовецкая, В.Б. Марчук и

др.). В.Н. Телия, анализируя номинативные единицы для обозначения женщины, родовым считает концепт Женщина / Баба, а все остальные, в том числе связанные с семейным статусом, – видовыми [Телия 1996, с. 261].

Украинские лингвисты (В.В. Жайворонок, В.И. Кононенко, Ю.С. Макарец) рассматривают константу Спорідненість и ее отдельные составляющие в контексте формирования украинской языковой картины мира. В ракурсе соотношений лингвокультурных концептов в русском национальном сознании Е.А. Глотова описала концепт Семья [Глотова 2014]. В исследовании З.Б. Богословской на материале толковых словарей русского языка разного времени делается заключение о семантических изменениях концепта Семья, происходивших на протяжении полутора столетий [Богословская 2016, с. 67].

Константа Родство изучается преимущественно в аспекте сравнительной концептологии. Подобные исследования сосредоточены на анализе ценностной составляющей данного концепта-константы в языковом пространстве различных языков. Так, анализ национально-культурных особенностей макроконцепта Род / Семья дал ученым основания сделать вывод, что его ценностное содержание наиболее ярко отражается во фразеологическом и паремиологическом фонде любого языка ([Кошарная 2018; Калько 2013; Ніколайчук 2013; Жизневская 2012; Кульсарина 2014]).

Ученые (В.Н. Телия, Е.И. Зиновьева, А.В. Рудакова, А.И. Головня, Л.В. Адонина, Лю Бо, Е.В. Бахтина, Л. Йен-Чун, Н.И. Мазай, Ж.В. Колоиз, М.Н. Довголюк, Н.Н. Малюга и мн. др.), обращают внимание и на пересеченность константы Родство с другими концептами, а также возможность ее включения в их структуру в качестве составляющего компонента. Например, концепты Женщина, Дом, Родина, Родная земля включают в свою структуру концепт Мать, а концепт Мужчина – концепты Муж, Сын.

Вместе с тем единственным основательным исследованием, сфокусированным на изучении как таковой константы Родство, является

диссертация А.С. Головина «Лингвокультурный концепт “Родство” в английских, немецких и русских паремиях» [Головин 2014]. Выполненное в русле сравнительной концептологии, оно имеет свою специфику как в методологии, в текстовом материале (паремийный фонд), так и в предмете изучения (вербализация ценностной составляющей константы Родство). В данном исследовании говорится, в частности, о том, что ценностный компонент концепта родство «вербализуется посредством паремий, семантика которых на материале английского, немецкого и русского языков демонстрирует специфику представления отношений к родственникам по крови, по браку и в понимании родства душ» [Головин 2014, с. 7].

Таким образом, в отношении константы Родство / Спорідненість и ее изучения в русле сравнительной концептологии открытыми остаются следующие вопросы:

- содержания (структуры и семантики) константы;
- механизмов воплощения ее мифопоэтического «стержня» (внутренней формы) в формах вербализации константы на разных этапах ее существования в сопоставляемых национальных культурах;
- содержания и развития ассоциативно-образной ее составляющей, формирующей периферию содержания константы и воплощенной в первую очередь в народно-разговорном, народно-песенном и художественном дискурсах;
- расхождения в содержании константы Родство / Спорідненість в русской и украинской лингвокультурах, культурно-исторических причин и динамики этого расхождения.

Исследовательские лакуны в изучении константы Родство / Спорідненість связаны как с недостатком ее комплексных (в том числе сравнительных) исследований (обычно в фокус изучения попадают компоненты, части константы (микрконцепты, концепты), но не целостный ее состав), так и с невниманием к мифопоэтическому компоненту ее содержания. Выдвигая тезис о том, что любая константа, включая Родство /

Спорідненість, имеет в основе своей внутренней формы, а также в качестве образно-смыслового ядра комплекс мифопоэтических образов и представлений, мы определяем эту составляющую предметом своего изучения, наравне с другими компонентами константы.

Таким образом, **проблема исследования** представляет собой *комплексное теоретико-методологическое и концептуально-историческое изучение развития структуры и семантики константы Родство / Спорідненість как синкретичного феномена двух национальных лингвокультур (русской и украинской) на разных этапах их становления и содержащихся в них базовых мифопоэтических структур*. Данная проблема обусловила выбор темы исследования – «Константа Родство / Спорідненість в русском и украинском языках: лингвомифопоэтический подход».

Объектом исследования является константа Родство / Спорідненість в различных способах ее вербализации в русском и украинском языках.

Предмет исследования – структура и семантика константы Родство / Спорідненість в русском и украинском языках на разных этапах их становления в качестве национальных литературных языков, включая механизмы вхождения мифопоэтических структур в ее содержание, актуализованное в различных фольклорных дискурсах и в ключевых (с точки зрения формирования национальных лингвокультур) текстах художественной литературы.

Основным материалом исследования, в соответствии с выявленной проблемой и определенным выше предметом исследования, являются тексты народно-разговорного (фразеопаремийного), народно-песенного и словесно-художественного дискурсов русского и украинского языков.

Источниками материала исследования стали различные сборники пословиц и поговорок, а также фразеологические словари (например, Большой словарь русских пословиц (Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., М., 2010); «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под ред. В.Н. Телия (М.,

2006), «Фразеологічний словник української мови» (Київ, 1993); академические сборники народных песен («Пісні родинного життя» под ред. И.П. Березовского (Київ, 1988); ряд произведений А.С. Пушкина, включенных в собрание сочинений в 10 т. (М., 1976–1979); Т.Г. Шевченко, полное собрание сочинений этого автора (Повне зібрання творів у 12 т. (Київ, 2001–2003. Т. 1–3)), а также словари языков и образных средств А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко: «Словарь языка Пушкина» (М., 1956–1961), «Поэтическое слово Пушкина. Словарь» (И.И. Меншиков, В.И. Мордань, Н.В. Подмогильная (Днепропетровск, 1999)), «Словарь русских произведений Т.Г. Шевченко» (Київ, 1985–1986), «Словник мови Шевченка» (Київ, 1964), «Конкорданція поетичних творів Тараса Шевченка» (Торонто, 2001), «Епітети поетичної мови Т.Г. Шевченка» (В.С. Ващенко (Днепропетровск, 1982)), «Поетичне слово Кобзаря. Словник лексичних компонентів атрибутивних конструкцій» (И.И. Меншиков, Н.В. Подмогильная, Київ, 2008)).

В качестве дополнительных источников исследовательского материала в ходе выполнения диссертации привлекался ряд других лингвистических словарей: «Словарь современного русского литературного языка» (1950–1966); «Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (М., 1999), «Словник української мови» под ред. И.К. Белодеда (Київ, 1970–1980); Етимологічний словник української мови: В 7 т. под ред. А.С. Мельничука (Київ, 1985–2012. Т. 1–7); «Словарь литературных эпитетов» А.Л. Зеленецкого (М., 1913), «Словарь эпитетов русского литературного языка» К.С. Горбачевич (СПб., 2002), «Словник епітетів української мови» под ред. С.Я. Ермоленко (Київ, 1998); а также источники энциклопедического характера: «Славянские древности. Этнолингвистический словарь» под ред. Н.И. Толстого (М., 1995–2004), «Мифология. Большой энциклопедический словарь» под ред. Е.М. Мелетинского (М., 1998), «Мифы народов мира. Энциклопедия» под ред. С.А. Токарева (М., 1997), «Демографический энциклопедический

словарь под ред. Д.И. Валентей (М., 1985), «Национальная психологическая энциклопедия» (электронный источник), «Российская педагогическая энциклопедия» под ред. В.Г. Панова (М., 1993–1999), «Философский энциклопедический словарь» под ред. С.С. Аверинцева (М., 1989).

Общее количество проанализированных микроконтекстов – более 10 тыс.; на их основе смоделированы концептуальные цепочки (общее количество 460): 284 – в народно-разговорном; 105 – в народно-песенном и 25 и 46 (71) – в словесно-художественных индивидуально-авторских (А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко) пространствах константы Родство / Спорідненість.

Целью исследования является комплексное сравнительно-концептуальное описание содержания константы Родство / Спорідненість с учетом стержневой роли ее мифопоэтической составляющей и в соотнесенности путей становления русского и украинского национальных языков во фразеопаремийном, народно-песенном и художественном пространствах их функционирования.

Для достижения поставленной цели в исследовании решались следующие задачи:

1) разработка методологии исследования константы Родство / Спорідненість в дискурсах и семиотических рядах различного типа на основе синтеза лингвокультурологического (с акцентом на сравнительно-концептологический), лингвоконцептологического и мифопоэтического подходов;

2) создание специального подхода к анализу концептов-констант, соответствующего их содержанию и структурным особенностям; обоснование доминантной роли лингвомифопоэтического подхода (анализ лингвокультурной мифопоэтики);

3) обоснование и апробация методики концептуальных цепочек при моделировании когнитивно-ментальных текстовых структур в народно-

разговорном, народно-песенном и художественном пространствах бытования национальных лингвокультур;

4) описание лингвокультурной функции константы Родство / Спорідненість в сопоставляемых нами национальных языковых картинах мира;

5) аналитический обзор осуществленных на настоящий момент исследования в отношении функций и семантики названий родства в русском и украинском языках;

6) апробация лингвомифопоэтического подхода к анализу концепта-константы в отношении образно-смыслового содержания мифопоэтического ядра константы Родство / Спорідненість в аспектах номинативного поля константы и ее семантического ядра, по данным лексикографических источников;

7) сопоставительный анализ фразеопаремийных контекстов с доминантными названиями кровного родства и свойства в русском и украинском языках с применением авторской методики концептуальных цепочек;

8) сопоставительный анализ народно-песенных текстов, содержащих доминантные названия кровного родства и свойства, в русском и украинском языках с применением авторской методики концептуальных цепочек;

9) выявление ценностно-образной и информационно-смысловой специфики функционирования константы Родство в художественном творчестве А.С. Пушкина – в текстах, которые лежат в основе современного русского литературного языка и русской национальной культуры;

10) выявление ценностно-образной и информационно-смысловой специфики функционирования константы Спорідненість в художественном творчестве Т.Г. Шевченко – в текстах, которые лежат в основе современного украинского литературного языка и украинской национальной культуры;

11) выявление и описание особенностей функционирования константы Родство / Спорідненість в анализируемых пространствах сопоставляемых лингвокультур;

12) определение роли мифопоэтического ядра («стержня») в развитии содержания константы в разных пространствах двух лингвокультур;

13) характеристика соотнесенности констант Родство – Спорідненість в параметрах общих и индивидуальных признаков;

14) комплексное описание (на основе проведенного анализа) информационно-смыслового и ценностно-образного содержания константы Родство / Спорідненість в народно-разговорном, народно-песенном и художественном пространствах бытования двух национальных лингвокультур; определение роли художественных текстов общенационального значения в развитии структуры константы.

Методологическую основу исследования составили лингвокультурологический и лингвокогнитивный подходы к изучению языка, а также приемы и идеи литературоведческой мифопоэтики и лингвокультурологической поэтики. Основополагающими для данного исследования стали разработки в области сравнительной лингвоконцептологии, включая теоретические положения о природе, признаках и структуре концептов, а также различные методики концептуального анализа. Значимыми для настоящего исследования являются идеи лингвокогнитивистики относительно когнитивных механизмов и структур и той роли, которую в деятельности человеческого сознания играет язык и культура (Г.Г. Слышкин, Е.С. Кубрякова, С.А. Жаботинская); за образец при интеграции основ лингвокогнитивистики и лингвокультурологии были взяты работы И.В. Кононовой.

Опорными приемами работы с текстовым материалом стали широко используемые в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике приемы лингвокогнитивной интерпретации (описание когнитивных структур через

анализ языковых средств их объективации); полевой стратификации; компонентного анализа; дискурсивного анализа художественных произведений А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко. В работе были также использованы такие лингвокогнитивные методы и приемы как метод субъективных дефиниций; метод описания чувственного образа (на материале народно-песенной культуры); метод письменной рефлексии и оценочной дифференциации. Теоретически и функционально значимым для нашего исследования стал метод моделирования семантической структуры высказывания в различных дискурсах, состоящий в конструировании концептуальных цепочек, отражающих модели семантизации названий родства в русском и украинском языках и обобщающих типовые сценарии повседневной коммуникативной коммуникации в сопоставляемых нами лингвокультурах.

При этом следует признать, что вне методологического и идейно-понятийного поля лингвоконцептологии, так же как вне ее исследовательской практики, остается изучение таких специфических признаков сущности и структуры концептов-констант, как интенсивность их реализации в фольклорных и литературных текстах, роль художественного осмысления имени-мифа, лежащего в их основе; стержневая роль имени-мифа и мифопоэтического в их структуре.

«Мифопоэтическое» в работе понимается шире, чем спектр проявлений древнего мифа в художественной литературе: вслед за Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским мы считаем, что мифопоэтический компонент подразумевает «просвечивание» древних мифологических представлений в человеческой (включая национальные) культуре на любом этапе ее исторического становления.

При выработке лингвомифопоэтического подхода к анализу концептов-констант, при утверждении лингвокультурной мифопоэтики как подхода, адекватного природе и структуре концепта-константы, учитывались идеи и принципы работы с текстами, выработанные в рамках литературоведческой

мифопоэтики. С другой стороны, в этом аспекте для исследования был значимым тезис В.А. Масловой о том, что лингвокультурологическая поэтика изучает «способы формирования и восприятия культурных смыслов, создающих эстетический эффект», «репрезентацию культурных знаний в поэтическом тексте» [Маслова 2014, с. 59–60].

Таким образом, отталкиваясь от положения о том, что анализ лингвокультурной мифопоэтики представляет собой особый подход в изучении содержания и сущностных особенностей изучаемого концепта-константы, мы применяем в исследовании интегрированный подход работы с различными видами дискурсов в рамках сравнительной лингвоконцептологии, позволяющей объединить содержание теории и практики лингвокультурологии и лингвоконцептологии, мифопоэтики и лингвокультурологической поэтики. При этом предложенный в качестве ключевого прием моделирования когнитивно-ментальных текстовых структур направлен на выявление ключевых фреймов / сценариев, в которых задействованы термины родства как знаки, символы повседневно-бытовой, ритуально-обрядовой культуры; уточнение сочетаемости вербализаторов концепта-константы; семантический анализ синтагматических связей названий родства с целью интерпретации выделенных ситуаций в контексте жизненного опыта субъекта и его мировоззренческих установок, закрепленных в текстах сопоставляемых национальных культур; расширение рамок лексического значения, что позволяет посмотреть на жизнь слова в условиях определенного дискурса. В рамках разработанной методики анализа концепта-константы использованы лингвистические приемы интерпретативного, полевого, фреймового, структурно-семантического, компонентного, ассоциативно-семантического и количественного анализа языкового, текстового, дискурсивного материала, широко применяемые как в рамках лингвокультурологии, так и в рамках когнитивной лингвистики.

Теоретической базой работы послужили труды отечественных ученых, созданные в последние десятилетия. В области лингвокультурологии

ключевыми стали идеи и труды В.И. Карасика и Н.Ф. Алефиренко (в частности, В.И. Карасик сформулировал цель лингвокультурологии в «поиске закономерностей языкового преобразования действительности» [Карасик 2013, с. 4]; Н.Ф. Алефиренко же определил основной задачей лингвокультурологии осмысление «способов и средств репрезентации в языке объектов культуры, особенностей представления в языке менталитета того или иного народа, закономерности отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры» [Алефиренко 2010, с. 21]). Были учтены наблюдения и заключения ряда других ученых-лингвокультурологов (работы В.Н. Телия, Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой, В.В. Воробьева, В.М. Шаклеина, В.А. Масловой, А.Д. Шмелева, Н.И. Толстого, С.Г. Воркачева, И.А. Стернина, О.А. Дмитриевой, Ю.Е. Прохорова и др.).

Основополагающей с точки зрения представленных в исследовании подходов к анализу константы стала лингвокультурная (сравнительная) концептология (Ю.С. Степанов, С.Г. Воркачев, И.В. Кононова и др.), «изучающая культурные концепты, опредмеченные в языке» и нацеленная на выявление через это изучение «лингвоспецифических характеристик» национального (энтического) менталитета [Воркачев 2015, с. 9]. Лингвоконцептологические исследования направлены на изучение лингвокультурологических концептов, в связи с чем та исследовательская методика (и практика), которая сегодня получила общее название «концептуальный анализ», так или иначе реализует методологию лингвоконцептологии применительно к сопоставляемым в двух национальных культурах концептов.

Относительно природы мифа и сущности мифопоэтического компонента культуры для настоящего исследования основополагающими являются идеи Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, С.С. Аверинцева, Е.М. Мелетинского, В.Н. Топорова и А.Ф. Лосева.

В методологическую базу работы вошли идеи, сформулированные в рамках лингвокультурологической поэтики – научной дисциплины, предмет которой был сформулирован В.А. Масловой в монографии 2014 г. [Маслова 2014], а несколько позже уточнен (вместе с формулировкой цели и методологии) О.В. Данич и Н.В. Крицкой в статье 2018 г. [Данич, Крицкая 2018].

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые:

– была выдвинута и подтверждена на отобранном материале гипотеза о том, что масштабность существования концептов-констант в культуре, а также их сущностное отличие от остальных видов лингвокультурных концептов определяется содержащейся в них мифопоэтической составляющей;

– было доказано, что в константах мифопоэтическая составляющая играет роль образно-смыслового стержня, обеспечивающего единство всех его слоев (от этимологического до актуального; от понятийного до ассоциативного) и задающего перспективу его развития;

– был разработан особый подход к изучению концептов-констант, объединяющий методологию сравнительной лингвоконцептологии с теоретическими положениями и исследовательскими методиками лингвокультурологической поэтики и мифопоэтики – лингвокультурная мифопоэтика (лингвомифопоэтический подход);

– на основе предложенного подхода и с учетом места мифопоэтической составляющей в структуре концепта-константы и значимости фольклорных и литературных текстов для ее развития была создана лингвокультурная мифопоэтическая методика сравнительного анализа концепта-константы, а также предложено использование приема концептуальных цепочек в качестве базового способа моделирования когнитивно-ментальных текстовых структур в народно-разговорном, народно-песенном и художественном пространствах бытования национальных лингвокультур;

– были определены основные признаки, формирующие семантическое ядро константы Родство / Спорідненість (совокупность значений ‘родство по крови’, ‘родство по браку’ и ‘родство по духу’; мифологически-историческая перспектива значений ‘общего источника’ и ‘общего имени’; ценностный компонент содержания, ориентированный на семью / единство / общность / близость);

– было выявлено, что образно-смысловое (мифопоэтическое) ядро константы Родство / Спорідненість, связанное с мифопоэтическими представлениями о боге Роде, ряде женских божеств и Мировом древе, в образно-чувственной форме содержит семантику единства (рода, мира, народа) и раздельности (царств земного и небесного, царства мертвых); взаимосвязи синхронической и диахронической (мира и человека, предков и потомков); взаимодействия мужского и женского начал как творящего и питающего (поддерживающего); (с)охранения (сакральной родовой энергии); значимости и преодолимости границ (между царствами);

– было установлено, что русский и украинский фразеопаремийные и народно-песенные фонды характеризуются незначительными отличиями и в целом симметричностью в актуализации содержания константы Родство / Спорідненість, обнаруживающим соотнесенность одновременно с культурно-историческим периодом патриархального уклада жизни в селе и с разработкой мифопоэтического потенциала концепта;

– было выявлено, что семантический центр содержания константы в ее фразеопаремийном бытовании составляют значения ‘жизнь’, ‘порядок’, ‘согласие’, ‘общность, единство’, ‘благополучие’, ‘защита’, ‘воспитание’, ‘дом’; периферийную же зону этого содержания составляет семантический комплекс, в который входят ‘(генетическая) наследственность’, ‘(психологическое и физиологическое) сходство’, ‘опора’, ‘счастье’, ‘(Божья) правда / воля / помощь’, ‘сочувствие’, ‘доброта’, ‘любовь’, ‘забота’, ‘уважение (к родителям)’, ‘(родовая) судьба’, ‘(родовая) ответственность’, ‘труд, работа’, ‘ум, разум’;

– было определено, что информационный компонент содержания изучаемой константы, в частности в фразеопаремийном существовании, равно содержит как положительный оценочный компонент, так и сложно реализованные негативные информационно-оценочные значения, указывающие на возможность развития неблагоприятных сценариев в отношении рода, родственников, родственных связей: ‘смерть’ (родителей), ‘корыстолюбие’, ‘зависть’, ‘обособленность’, ‘враждебность’, ‘безответственность’, ‘глупость’, ‘брань’, ‘битье’, ‘пьянство’;

– было доказано, что варианты содержания константы Родство / Спорідненість различаются в зависимости от вида (функции) народной песни: лирической, календарно-обрядовой, семейно-обрядовой, социально маркированной; при этом общей особенностью содержания константы в народно-песенной культуре является акцентирование семейных (а не родовых) отношений;

– было определено, что семантическим центром в структуре константы Родство / Спорідненість в народно-лирическом и в обрядово-песенном вариантах ее бытования является взаимоподобный комплекс значений, включающий в себя такие различные оценочно маркированные значения (‘семья’, ‘любовь’, ‘свой, родной’, ‘жизнь’). К периферийному содержанию константы народно-лирических контекстах актуализируются такие семантические компоненты, как ‘счастье’, ‘радость’, ‘доля’, ‘чужой’, ‘страх’, ‘печаль’, ‘душевная мука’, ‘душевная боль’, ‘долг’; (для обрядово-песенного пространства) ‘благословлять’, ‘дом’, ‘сад’, ‘радость’, ‘женитьба / замужество’, ‘порядок’, ‘уважение’, ‘печаль (тоска)’;

– было выявлено, что в семейно-обрядовых песнях моделируется особая структура константы Родство / Спорідненість с акцентом на оппозиции ‘своя, родная (семья) – новая, малознакомая (семья)’: в ее семантическом центре – такие значения, как ‘послушание’, ‘уважение’, ‘родной’ (и ‘неродной’), ‘род-племя’, ‘дом’; на периферии – ‘поддержка’, ‘радость’, ‘печаль’, ‘слезы’, ‘труд’, ‘верная (жена)’;

– было доказано, что в социально маркированной народной песне центром содержательной структуры константы Родство / Спорідненість является комплекс значений, связанных с ощущением одиночества, оторванности от семьи: ‘дом’, ‘отец-мать’, ‘одинокий’, ‘без / вне семьи’, ‘без / вне помощи’, ‘чужая (сторона)’, ‘плохая доля’, ‘неволя’, ‘прощанье – встреча’. Преимущественно отрицательная оценочность центрального комплекса значений выражена и в периферийных значениях, хотя их оценочный компонент не однозначно негативен: ‘слезы’, ‘тоска’, ‘печаль’, ‘сила’, ‘помощь’, ‘совет’, ‘жизнь’, ‘смерть’.

– было уточнено, что во всех видах народной песни через механизмы психологического параллелизма, метафоризации, олицетворения мифопоэтический компонент константы Родство / Спорідненість приобретает эстетические функции. В фольклоризмах с растительной символикой, орнитосимволами, слова-символами природных стихий, усиливается оценочность, образность, экспрессивность фольклорно-песенного языка и стилистическое своеобразие;

– было выявлено, что характерный для казацких народных песен образ-символ матери (в значении оберега, защитных сил семьи, рода) специфически воплощается в ассоциативно-образной связи Украина-мать. В этом уподоблении архаическое мифопоэтическое представление о святом материнстве родной земли встраивается в военно-исторический сценарий вражьих набегов, разорения и борьбы с врагами, приносящими страдания матери-земле, которая при этом теряет свойственные ей функции поддержки и защиты, оберегания, питания народа природными силами и предстает страдающей жертвой, которую нужно защищать с оружием в руках;

– было обнаружено, что между бытованием константы Родство в творчестве А.С. Пушкина и бытованием константы Спорідненість в творчестве Т.Г. Шевченко существуют как некоторые сходства, так и существенные отличия: именно к этим последним следует возводить

расхождение в концептуализации отношений родства в двух лингвокультурах в более позднее время;

– было доказано, что в творчестве А.С. Пушкина сохраняется мифопоэтическая и библейско-христианская парадигма иерархических отношений между мужским и женским началами, тогда как Т.Г. Шевченко в центр и начало мироздания ставит сакральную фигуру матери;

– было выявлено, что у А.С. Пушкина центральное место в структуре константы Родство занимает сочетание семантики духовного родства, связанного с общностью интересов, и семантики рода как духовной, душевной и физической связи поколений, прошлого и настоящего, начала рода и его продолжения. У Т.Г. Шевченко в структуре константы Спорідненість как основополагающее прослеживаем поэтическое воплощение жертвенной материнской любви и сакральной связи между матерью и ребенком. Спроецированная на социокультурный мир, эта семантика предельно сакрализует и образ страдающей матери-Украины, и отношения между ней и украинским народом.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что:

- *уточнены* научные представления о признаках, структуре и механизмах развития концепта-константы в национальной культуре;

- *дано определение* концепту-константе и мифопоэтической ее составляющей;

- *установлены и обоснованы* принципы интеграции методов и теоретических положений лингвокультурологии, лингвокогнитивистики, мифопоэтики и лингвокультурологической поэтики для описания содержания и функционирования концепта-константы;

- *разработан* синкретичный анализ изучаемого концепта-константы с опорой на особенности его структуры и содержания; *предложены* методика лингвомифопоэтического анализа константы и прием моделирования когнитивно-ментальных структур (концептуальных цепочек) для определения особенностей ее функционирования в тексте (дискурсе);

- *выявлено и описано* содержание семантического и образно-смыслового ядра константы Родство / Спорідненість в русской и украинской лингвокультурах;

- *доказано*, что русский и украинский фразеопаремийные и народно-песенные фонды в целом характеризуются симметричным семантическим наполнением и функционалом, в котором соотнесенность с культурно-историческим периодом патриархального уклада жизни в селе сочетается с разработкой мифопоэтического потенциала, содержащегося в образно-смысловом (мифопоэтическом) ядре константы;

- *определено*, что функционирование константы Родство / Спорідненість в таких центральных для формирования национальных литератур и современных литературных языков текстах, как художественные тексты А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко, сопровождается существенными расхождениями в актуализации ее семантики.

Практическая ценность данной диссертационной работы состоит в возможности использования ее материалов для изучения в сравнительном аспекте других значимых лингвокультурных констант как с позиций лингвокультурологии, лингвоконцептологии, так и социолингвистики, лингвостилистики, лингвоаксиологии, семасиологии, ономасиологии, а также теоретической и практической лексикографии, литературоведения, философии культуры, социологии, истории, этнографии. Результаты работы представляют очевидную ценность с точки зрения перспектив развития лингвокультурологии – в частности, для уточнения научных представлений о функциональной текстовой семантике названий родства в близкородственных языках (в аспекте как их сходств, так и различий), а также об акционально-ситуативной, образно-смысловой (мифопоэтической), ценностной и информационной компонентах их содержания.

Полученные новые прикладные результаты могут быть полезны в практике вузовского преподавания как русского, так и украинского языков, для переработки курсов сопоставительного языкознания, создания

спецкурсов по этнолингвистике, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, дискурсологии, истории литературного языка.

Положения, выносимые на защиту:

1. Временная, образно-смысловая и семиотическая масштабность существования константы, а также ее сущностное отличие от остальных видов лингвокультурных концептов определяется содержащейся в ней мифопоэтической составляющей, то есть 1) памятью об архаическом (и христианском) мифе, работающей во всех формах его бытования, 2) мифопоэтическим образом, лежащим в основе (смысловой и этимологически-исторической внутренней форме) константы и задающим основные векторы ее развития. Этот образ в контексте мифопоэтических представлений, с ним связанных, является мифопоэтическим, или образно-смысловым ядром константы.

2. Константа характеризуется таким отличительным свойством, как частотность реализации в фольклорных и литературных текстах, входящих в ядро мифопоэтики, а также характеризуется ярко выраженной структурной спецификой, проявляющейся в том, что 1) мифопоэтическое ядро (в отличие от чувственно-образного) является центральным элементом структуры концепта-константы; 2) актуальные, равно как и исторические, ценностно-образные ассоциации, а также понятийные элементы, маркирующие специфику конкретной исторической эпохи составляют структуру периферийного поля исследуемой константы.

3. Адекватным сущности, признакам и структуре константы с точки зрения возможностей их изучения является разработанный и апробированный в работе лингвомифопоэтический подход – лингвокультурологический подход к изучению языкового, текстового, семиотического материала в аспекте их соотнесенности друг с другом как форм выражения концепта-константы и сочетающий принципы и методологию сравнительной лингвоконцептологии с идеями и приемами мифопоэтики и лингвокультурологической поэтики.

4. Ключевой номинацией константы Родство / Спорідненість выступает слово *родство / спорідненість* как наиболее частотное, стилистически нейтральное, многозначное, широко употребительное; при этом мотивирующее его и множество других номинаций слово *род / рід* является внутренней формой константы.

5. Существенными признаками семантического ядра константы Родство / Спорідненість являются: а) совокупность значений ‘родство по крови’, ‘родство по браку’ и ‘родство по духу’, б) мифологически-историческая перспектива значений ‘общего источника’ и ‘общего имени’, в) ценностный компонент содержания, ориентированный на семью / единство / общность / близость как ценностную установку. Во всех трех признаках обнаруживается семантика мифопоэтического ядра константы.

6. Мифопоэтическое ядро константы восходит к мифопоэтическим представлениям о боге Роде, ряде женских божеств и Мировом древе и в образно-чувственной форме содержит семантику единства (рода, мира, народа) и раздельности (царств земного и небесного, царства мертвых); взаимосвязи синхронической и диахронической (мира и человека, предков и потомков); взаимодействия мужского и женского начал как творящего и питающего (поддерживающего); (с)охранения (сакральной родовой энергии); значимости и преодолимости границ (между царствами). Новые христианские представления об отношениях между Богом (Создателем) и тварным миром, с их акцентом на личной ответственности и жертвенной любви, в семантику и символику кровного родства и свойства влили семантику родства духовного.

7. Русская и украинская концептуализация отношений родства в фольклорной лингвокультуре – как во фразеопаремийном фонде, так и в народно-песенных текстах – обнаруживает симметричность общего содержания и функций, расходясь при этом в незначительных деталях понятийной, образной или же ценностной структуры. В то же время существенной для дальнейшего развития константы является специфика ее

актуализации в казацких песнях. Она определяется значимостью ассоциативно-образной связи Украины-матери, в которой характерное для народной культуры представление о святом материнстве родной земли встраивается в военно-исторический сценарий вражеских набегов и борьбы с ними. В этом сценарии мать-земля предстает страдающей жертвой, которую нужно защищать с оружием в руках.

8. Более близкой к образно-смысловому содержанию мифопоэтического ядра является реализация константы во фразеологизмах и паремиях (нежели в народных песнях). Семантический центр ее содержания составляют значения 'жизнь', 'порядок', 'согласие', 'общность, единство', 'благополучие', 'защита', 'воспитание', 'дом'. Первые пять из них явно восходят к семантике мифопоэтического ядра.

9. В народно-песенном пространстве языка развивается эстетизация мифопоэтических средств; структура и содержание константы Родство / Спорідненість приобретает выраженную специфику, ориентированную на ценность любви и семьи (христианская и одновременно ритуально-бытовая перспектива) и варьируется в зависимости от песенного жанра. Семантическим центром в структуре константы народно-лирическом и в обрядово-песенном вариантах ее бытования становится взаимоподобный комплекс значений, включающий в себя оценочно маркированные значения 'семья', 'любовь', 'свой, родной', 'жизнь'. «Просвечивание» мифопоэтического ядра обнаруживается здесь как в системе образно-поэтических средств, так и в ценностном выделении пространства дома и семьи.

10. В отличие от фольклорной концептуализации родственных отношений, структура и содержание константы Родство / Спорідненість в художественном пространстве русского и украинского языков – а именно в творчестве создателей их литературных форм (А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко) – обнаруживает глубокие сущностные различия. Именно к ним

следует возводить расхождение в концептуализации отношений родства в двух лингвокультурах в более позднее время.

11. Варианты концептуализации отношений родства в творчестве поэтов объединяют следующие признаки: многоаспектная значимость фольклорной традиции (особенно в ее народно-песенном варианте); активность употребления всех основных номинаций родства в прямом значении в контекстуальном окружении, ассоциированном с фольклорной традицией; актуальность переносных, метафорических употреблений НР – в том числе по отношению к своему поэтическому слову, к творческому акту.

12. Наиболее значимые различия в бытовании константы Родство / Спорідненість в художественной речи А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко касаются: 1) взаимодействия с мифопоэтической и библейско-христианской парадигмой иерархических отношений между мужским и женским началами. У А.С. Пушкина она сохраняется, тогда как Т.Г. Шевченко в центр и начало мироздания помещает сакральную фигуру матери; 2) структуры константы: у А.С. Пушкина центральное место в ней занимает сочетание семантики духовного родства и семантики рода, тогда как у Т.Г. Шевченко – сочетание семантики жертвенной любви и семантики сакральной связи между матерью и ребенком.

13. Спроецированная на социокультурный мир, семантика жертвенной любви и священной связи между матерью и ребенком, занимающая центральное место в структуре константы у Т.Г. Шевченко, предельно сакрализует и образ страдающей Украины-матери, и отношения между ней и украинским народом. Таким образом поэт, чье творчество лежит в фундаменте национальной украинской культуры, усиливает вектор развития содержания константы, обозначившийся в казацких песнях, закрепляет за образом Украины статус высочайшей ценности и соединяет его (этот образ) со сценарным мотивом жертвы и жертвования.

14. Фольклорное и художественное бытование константы Родство / Спорідненість расширяет комплекс семантических признаков, выделяемых в

семантическом ядре константы на основе лексикографических источников. В каждом из выделенных пространств бытования национального языка константа приобретает своеобразные очертания как в границах своего семантического центра, так и в облаке периферийных значений. При этом семантика, а отчасти и образно-смысловые (ценностные, нарративные) структуры мифопоэтического ядра сохраняются (при возможности существенной трансформации) в виде стержневых во всех исследованных вариантах единого концепта-константы, так же как в компонентах ее семантического ядра.

Апробация и внедрение результатов исследования

Исследование проводилось на базе кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет». Основные положения и результаты данного исследования обсуждались на заседаниях кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», а также были представлены на международных конференциях: «Актуальные вопросы современных гуманитарных наук» (2016, Екатеринбург, Российская Федерация), «Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах» (2016, Кострома, Российская Федерация), III Фирсовские чтения. «Лингвистика в XXI веке: Междисциплинарные парадигмы» (2017, Москва, Российская Федерация), «Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков» (2017, Липецк, Российская Федерация), «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» (2017, Владимир, Российская Федерация), «Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты» (2018, Витебск, Республика Беларусь), «Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литератур» (2018, Симферополь, Российская Федерация), Фортуналовские чтения в Карелии (2018, Петрозаводск,

Российская Федерация), «Актуальные проблемы и перспективы русистики» (2018, Барселона, Испания), «Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке» (2018, Тула, Российская Федерация), «Русистика в XXI веке: тенденции и направления» (2019, Ереван, Армения), «Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты» (2019, Витебск, Республика Беларусь), международной научно-практической конференции «Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации)» (2020, Кострома, Российская Федерация); международной научно-практической конференции «XV Машеровские чтения» (2021, Витебск, Республика Беларусь); международной научно-практической конференции «Далевский код современной культуры» (2021, Луганск, ЛНР); а также на научно-практических мероприятиях разного масштаба и формата: XVI международном семинаре «Тарас Шевченко и его петербургское окружение» (2014, Санкт-Петербург, Российская Федерация), «Славянская фразеология: семантический, ареальный, исторический и этнокультурный аспекты» (2018, Луганск, ЛНР), «Дискурс современного социально-гуманитарного знания и образования» (2019, Луганск, ЛНР); II всероссийской научной конференции «Рецепция личности и творчества А.С. Пушкина в русской и мировой культуре (XIX–XX вв.)» (Нижний Новгород, 2024, Российская Федерация), VII всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, приуроченной к 150-летию Д.Н. Ушакова и Году педагога и наставника «Славистика: новые имена в науке» (2024, Горловка, Российская Федерация); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Дискурсология: язык, культура, общество» (2024, Луганск, Российская Федерация).

Основные результаты исследования представлены в монографии «Лингвокультурный концепт “Родство” в русской языковой картине мира» (Луганск: НПК ПЕРСПЕКТИВА; Книга, 2023. 248 с.) и 17 статьях из списка ВАК по теме диссертации, а также были внедрены в научную и проектную

деятельность кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет»; нашли отражение в содержании лекционных и практических занятий таких учебных дисциплин, как «Лингвокультурология», «Этнолингвистика», «Лингвистический анализ текста», «Стилистика» и др.

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка литературы и трех приложений. Библиография включает 494 наименования, в том числе на иностранных языках. Общий объем диссертации составляет 475 страниц.

Во **Введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность; определяются цели и задачи исследования, методологическая база, объект и предмет исследования; выдвигается научная гипотеза, раскрывается научная новизна, обосновываются теоретическая и практическая значимость; формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В **Первой главе** рассматриваются основные этапы формирования лингвокультурологии как научной дисциплины, изучаются отношения между лингвокультурологией и когнитивной лингвистикой, уточняется специфика лингвоконцептологии как направления в лингвокультурологии; из видов лингвокультурных концептов вычленяется константа, обосновывается масштабность ее существования в культуре в связи с мифопоэтической ее составляющей; дается определение терминам константа, мифопоэтическая составляющая, мифопоэтическое ядро; обосновывается необходимость лингвомифопоэтического подхода к изучению константы, дается его описание на основе синтеза методологии и приемов лингвоконцептологии, лингвокультурологической поэтики и мифопоэтики; предлагается соответствующая методика анализа константы с применением концептуальных цепочек; дается аналитический обзор исследования номинаций родства и концептов, которые они вербализуют.

Во **Второй главе** описывается номинативное поле константы Родство / Спорідненість, выделяются наиболее существенные признаки ее семантического ядра, исследуется этимологическое значение, «внутренняя форма» доминантного слова-мифа; определяется содержание мифопоэтического ядра константы; изучаются формы ее вербализации во фразеологизмах и паремиях с доминантными названиями кровного родства (на украинском и русском материале); определяется семантическое, ценностное, образное наполнение этого варианта константы, с выделением центральной и периферийной зоны, включая мифопоэтическую образность, в ее содержании; отмечаются случаи несущественного расхождения в актуализации фразеопаремийного содержания константы в русской и украинской лингвокультурах.

В **Третьей главе** рассматриваются особенности использования номинаций родства в народно-песенных текстах разных жанров и происхождения; анализируется функционально-стилистическая нагрузка НР-фольклором в лирических и обрядовых песенных текстах, а также в социально маркированных текстах; выявляются особенности структуры и содержания константы Родство / Спорідненість в них; отмечается эстетизация мифопоэтического компонента, неотделимость оценочности от информационно-понятийного компонента (если рассматривать его в составе семантики), прослеживаются варианты эстетической обработки мифопоэтических образов: фольклоризмы с растительной символикой, орнитосимволы, слова-символы природных стихий; отмечаются их функции; определяется специфика функционирования НР-фольклором в казацких песнях.

В **Четвертой главе** изучается специфика функционирования НР и слов более общего содержания с семантикой родства в художественных произведениях А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко. Выявляется ряд сходств и расхождений в ассоциативно-образном употреблении НР в творчестве двух авторов; описываются особенности восприятия в их творчестве фольклорной

традиции и ее мифопоэтических образно-смысловых элементов; определяются основные различия в содержании и структуре константы Родство / Спорідненість в их художественной речи как основы для расхождения концептуализации родства в современных русской и украинской лингвокультурах.

В **Заключении** обобщаются полученные в ходе исследования результаты, определяется степень доказанности гипотезы работы, кратко описываются методологические основы и методика исследования; характеризуются отношения между семантическим ядром константы Родство / Спорідненість, фольклорной и литературной концептуализациями отношений родства в русской и украинской лингвокультурах; намечаются перспективы дальнейших исследований констант культуры на основе предложенного лингвомифопоэтического подхода.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ МИФОПОЭТИКИ

1.1. Концепт и константа в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике: вопрос о роли мифопоэтической составляющей

В процессе развития человеческого общества, в результате накопления, обработки, трансформации, передачи и иных видов использования знаний и способов и приемов взаимодействия человека с природой и человека с человеком формируется культура – «исторически сложившийся образ жизни людей, включающий в себя ценности и нормы, верования и обряды, знания и умения, обычаи и установления, технику и технологии, способы мышления, деятельности, взаимодействия и коммуникации и т.д.» [Межуев, Константинов 2023]. «Будучи имманентно антропоцентричной, культура есть система осознания мира человеком, и поэтому формы концентрации и обозначения в ней мироустройства соответствуют масштабам деятельности в микро и макрокосмосе человека как субъекта культуры» [Телия 2004, с. 24].

Сложную систему культуры составляют разнообразные знаковые системы – коды, образующие многочисленные парадигмы: религиозные, философские, научные, бытовые, речеповеденческие, ценностные, языковые, дискурсивные, текстовые [Барт 1989, с. 39–40] и т.п. Понятие «код культуры» был выработан, как известно, в рамках семиотического направления (Ю.М. Лотман, В.В. Красных, А.С. Кармина). В формулировке Д.Б. Гудкова и М.Л. Ковшовой, «культурный код – это система знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в

себе культурные смыслы, которые прочитываются в этих знаках» [Гудков, Ковшова 2008, с. 97]. В соответствии с семиотической трактовкой, содержание культуры определяется совокупностью ее знаковых систем (кодов).

Вслед за Н.И. Толстым можно утверждать, что в любом коде культуры прослеживается сосуществование и взаимодействие четырех семантических полей:

- концептуального (понятийно-смыслового),
- вербального (словесного),
- реального (вещно-предметного),
- акционального (действенного, кинетического) [Толстой 1995, с.

15–26, 86].

Многие исследователи рассматривают значение «кодов культуры – в концептуализации биоморфных (антропных, соматических, сенсорных, фитоморфных, зооморфных и т.п.), социальных, природно-ландшафтных, архитектурно-домостроительных, вещных, или предметных, пространственных, духовных (моральных, эстетических, этических, мифологических, религиозных), колоративных, звуковых, одоративных, квантитативных, темпоральных, гастрономических, аксиологических и т.д. информационных элементов и блоков в сегментах культуры» [Красных 2002, с. 257]; [Гудков 2004]; [Багаутдинова 2007, с. 21]; [Леонтьева 2003]. В то же время коды культуры в различных формах своего выражения передают многоплановую смысловую информацию, которая, по сути, формирует ядро (семантическое и ценностное) этих знаков.

Семиотические изыскания в области языка и вторичных знаковых систем были продолжены в поле изучения культуры через язык в лингвокультурологии. Непосредственная связь между семиотикой и лингвокультурологией устанавливается, в частности, в формулировке одного из основателей этого направления в современной лингвистике В.Н. Телия: «Культура обладает своим языком – она говорит с нами архитектурой,

живописью, музыкой, танцем, литературой и прочими творениями разума, таланта и другими делами рук человеческих. <...> При этом в центр внимания лингвокультурологии попадает самое универсальное средство для выражения смыслов культуры – естественный язык. <...> Используя это средство, человек воплощает в нем все, что можно и пересказать, и сказать об окультуренном мироздании» [Телия 2006, с. 12].

Понятие *код культуры* приобрело качество гиперонима по отношению к таким вошедшим в научный оборот терминам, как «*когнитивная метафора*» [Лакофф 2004], «*квазистереотип*» [Телия 1996], или «*культурно-национальный эталон, символ*» [Потебня 1989; Вольф 2002]. Код культуры обладает рядом признаков, основные из которых – системность, структурность, усложненность, «открытость к изменениям с присоединением этнокультурных, индивидуально-личностных, групповых черт и универсальность» [Рэнчин 2010, с. 11], – комбинируются и создают представление о коде культуры как сплаве смыслов. Исследователи обращают внимание и на такую особенность кодов культуры: «чем большую значимость они имеют, тем сложнее их смысл и тем больше элементов (вербальных знаков) с ними связано» [Красных 2003, с. 298–299], тем сложнее их ассоциативная природа.

«Постигаемое человеком в том или ином опыте преимущественно вербализируется, покрывается ментальными сетками, набрасываемыми культурой на окружающий мир в виде категорий, семантических структур, оценок» [Красных 2002, с. 232]. Вербализованная часть культуры при этом в той или иной мере осознается коллективным сознанием, пребывает в его «светлой зоне», невербализованные же смыслы присутствуют имплицитно, их экспликация может быть результатом специального анализа [Гудков 2004, с. 39].

Действительно, среди знаковых систем, кодирующих культуру, особая – ведущая – роль отведена слову: «бездонное», диалогичное по своей природе (М.М. Бахтин), как бы растянутое между типовым (структурным)

значением и индивидуальным смыслом, оно не механически кодирует и транслирует освоенное знание, но соединяет индивидуальные голоса, человека с человеком, эпоху с эпохой, и оставляет возможность для приращения, изменения количества и качества усвоенной человечеством информации.

Важнейшим результатом концептуализации опыта человека и общества в слове (языке) становится формирование общей национальной языковой картины мира (далее – НЯКМ): «Язык – мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культурных традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» [Тер-Минасова 2000, с. 15].

Коды культуры образуют картину мира (далее – КМ), которая имеет ряд особенностей, в т. ч. этно-ментальных: «Интегральный образ реальности в обыденном сознании прежде всего включает повторяющиеся представления как повседневной эмпирической практики, так и символической вселенной. Каждый тип культуры, славянский в том числе, вырабатывает свой символический язык и свой образ мира, в котором получают значение элементы этого языка» [Маслова 2001, с. 70]. КМ является одним из базовых терминов в различных научных дисциплинах гуманитарного цикла, включая философию, психологию, социологию, культурологию и лингвистику. Под КМ как «одном из фундаментальных понятий, описывающих человеческое бытие» [Там же, с. 47] понимается система образов-представлений, в которых воплощаются знания человека, общества о себе самом и мире вокруг него. Исследователи указывают на такую особенность КМ, как способность отражать объемность, пространственные и временные качества культуры: «Картина мира может быть представлена с помощью пространственных (верх – низ, правый – левый, восток – запад, далекий – близкий), временных (день – ночь, зима – лето), количественных, этических и других параметров» [Маслова 2001, с. 64]. Разные ее аспекты представлены в терминах *мифологическая*,

религиозная, наивная, философская, художественная, физическая, языковая, национально-культурная и т.п. картины мира.

В современной когнитивной лингвистике, как и в лингвокультурологии, различают языковую КМ (далее – ЯКМ) и концептуальную КМ (далее – ККМ). В соответствии с определением Ю.Н. Караулова, ЯКМ есть «взятое во всей совокупности, все концептуальное содержание данного языка» [Караулов 2009, с. 161]. Концептуальная же КМ, как подчеркивает Е.С. Кубрякова, есть система индивидуальных образов-понятий, складывающихся в сознании человека в общую КМ. Это одновременно более широкое и более узкое понятие, чем ЯКМ, поскольку сознание человека может вмещать как больше, чем выражает и транслирует язык, так и меньше (например, при небогатом опыте и неосознаваемой его концептуализации). Представляется, что известное рассуждение Кубряковой о ККМ человека («Картина мира – то, каким себе рисует мир человек в своем воображении, – феномен более сложный, чем языковая картина мира, то есть та часть концептуального мира человека, которая имеет “привязку” к языку и преломлена через языковые формы» [Кубрякова 1988, с. 142]) не учитывает всего спектра взаимоотношений языка и человека, в том числе тех случаев, когда язык оказывается «больше» человека, а ЯКМ – больше ККМ.

Сущность ККМ, как и соотношение ККМ и ЯКМ, в концепции В.А. Масловой трактуются принципиально иначе. «Концептуальные картины мира у разных людей одинаковы, ибо человеческое мышление едино. <...> ЯКМ по отношению к ККМ вторична, поскольку она касается не фундаментальных категорий, представлений, образов, но некоторых их особенностей, обусловленных чертами национальной культуры» [Маслова 2008, с. 51]. Для настоящего исследования несущественны расхождения в трактовке разными учеными сущности понятия ККМ. Базовым же для него является представление о том, что ЯКМ имеет национальную специфику, как бы плотно «сшивающую» национальный язык с культурой народа. Значимо и

другое научно подтвержденное утверждение: ККМ (уточним: ККМ в двух версиях ее понимания, добавим: не только ККМ, но и ЯКМ) не являются неизменными. В их структурах происходят более резкие и заметные или более плавные категориальные (и концептуальные) сдвиги [Лапшина 1996, с. 3–7]. Л.А. Лисиченко выделила два их направления: расширение в процессе освоения нового и уплотнение, возникающее в процессе углубления знаний об уже освоенном языком концептуальном пространстве [Лисиченко 2009, с. 4–5].

Ставшее аксиоматичным гумбольдтовское суждение о том, что язык есть воплощение духа народа, в отношении ЯКМ разворачивается в возможность ее поименования национальной языковой картиной мира (далее – НЯКМ), поскольку язык народа, который имеет в своей истории опыт строения новой государственности и национального бытия, в способах концептуализации мира, реализующихся в его лексико-семантических, грамматических и дискурсивных особенностях, отражает специфику национальной культуры. В этой связи трактовка О.А. Корниловым НЯКМ как «запечатленного в лексике соответствующего языка национально-специфического видения всего сущего» [Корнилов 2000] представляется неполным, поскольку язык не есть только его лексика, и специфика национальной концептуализации мира отражается не только в ней.

В отличие от ККМ, для ЯКМ характерно дискурсивное членение средств выражения, временная и пространственная динамика. Системный и деятельностный аспекты языка сопряжены в ЯКМ, поскольку она «связывает язык с речью, с окружающим миром, с культурно-этническими реалиями и содержанием самых сложных абстрактных понятий и категорий, которые функционируют в языке» [Губарева 2002, с. 186].

Современными лингвистами ККМ и ЯКМ наиболее активно исследуются в аспекте лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, различия между которыми представлены в триаде «язык – культура – человек», где лингвокультурология движется от языка к культуре и человеку,

тогда как когнитивная лингвистика – от человека (ментальности) к языку и культуре [Приходько 2008, с. 98]. В отношении основного предмета лингвокультурологии точными и емкими представляются формулировки отечественных ученых, специалистов в области лингвокультурологии В.И. Карасика и Н.Ф. Алефиренко. Первый из них указывает, что внимание этой науки нацелено на «поиск закономерностей языкового преобразования действительности» [Карасик 2013, с. 4]; второй уточняет, что лингвокультурология на современном этапе изучает «способы и средства репрезентации в языке объектов культуры, особенности представления в языке менталитета того или иного народа, закономерности отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры» [Алефиренко 2010, с. 21]. Схожим образом в формулировке В.В. Красных лингвокультурология – это «дисциплина, которая изучает проявление, отображение и фиксацию культуры в языке и дискурсе» [Красных 2002, с. 12].

В фокусе лингвокультурологических исследований находится язык в аспекте культурно значимой информации, те элементы семантики его единиц, которые отмечены ценностным, эмоциональным, образным параметрами его собственного или же ассоциированного с ним содержания. С точки зрения лингвокультурологии «культурная информация» вкраплена как в структурно-типологическое, так и процессуально-индивидуальное бытие языковых единиц [Маслова 2001, с. 10–11]. Взаимная встроенность языка в культуру и культуры в язык отражается в основных понятиях лингвокультурологии: *«пространство культуры, текст культуры, тезаурус культуры, код культуры, симболярий культуры»* [Телия 1999], *«культурно значимый концепт»* [Левченко 2005, с. 6, 58], *«культурно маркированная единица, языковой эстетический знак культуры»* [Срмоленко 2009].

Как известно, лингвокультурология, оформившись как одно из ведущих направлений отечественной лингвистики в последнее десятилетие XX века (работы В.Н. Телия, Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой,

В.В. Воробьева, В.М. Шаклеина, В.А. Масловой, А.Д. Шмелева, Н.И. Толстого, С.Г. Воркачева, И.А. Стернина, Ю.Е. Прохорова, В.И. Карасика и др. исследователей), продолжает активно развиваться в научном, научно-просветительском и учебно-методическом планах. Что касается первого из них, ведущую роль в его развитии играет лингвокультурная (сравнительная) концептология – «научная дисциплина, изучающая культурные концепты, опредмеченные в языке» и нацеленная на выявление через это изучение «лингвоспецифических характеристик» национального (этнического) менталитета [Воркачев. *Studia selecta*, 2015, с. 8]. Лингвоконцептология необходимо должна быть сравнительной, поскольку национальная (этническая) специфика концептов со схожим содержанием и функцией в культуре и менталитете не может быть выявлена никаким другим способом, кроме как сопоставительным.

Исходный термин лингвокультурной (сравнительной) концептологии – (лингвокультурный) концепт, сущность которого В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин, а вместе с ними отчасти и С.Г. Воркачев, определяют как «культурно окрашенный вербализированный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих определенную лексико-семантическую парадигму» [Карасик, Слышкин 2007, с. 12]. В схожей по содержанию формулировке Ю.С. Степанова концепт – «основная ячейка культуры в ментальном мире человека, то, в виде чего культура входит в человека и сам человек входит в культуру» [Степанов 1997, с. 40], а О.А. Дмитриева трактует его как многомерное смысловое образование, включающее ценностный компонент [Дмитриева 1997]. Иными словами, **лингвокультурный концепт – это единица коллективного и вместе с тем индивидуального знания / сознания, имеющая языковое воплощение и иные семиотические формы выражения и отмеченная культурной (национальной) спецификой.** Примем это определение за рабочее и отметим, вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, что при языковой объективации концепта его присутствие в языке обозначается

словами и фразеологизмами, свободными словосочетаниями, структурными и позиционными схемами предложений (синтаксическими концептами), высказываниями паремиологического характера, текстами [Попова, Стернин, 2001, с. 38].

Поскольку лингвокультурология, несмотря на не менее чем сорокалетний период своего становления и развития, не является полностью устоявшейся и утвердившейся в определенных границах наукой, термин «лингвокультурный концепт» получает в работах разных авторов разные дублетные именованья: в одном с ним синонимическом ряду стоят термины «культурный концепт» (В.А. Маслова), «константа культуры» (Ю.С. Степанов, М.Ф. Алефиренко), «ключевое слово культуры» (А. Вежбицкая). Все они обозначают «когнитивно-семиотические образования» (С.Г. Воркачев), занимающие промежуточное положение между познаваемыми языковыми знаками и объектами, которые «познаются и которые, кодируя и транслируя этнокультурное видение мира» [Алефиренко 2006, с. 151], являются «экзистенциально значимыми и для отдельной языковой личности, и для лингвокультурного сообщества» [Маслова 2001, с. 51].

Вместе с тем необходимым для настоящего исследования представляется **разграничение понятий «лингвокультурный концепт»** (далее – ЛК) и **«константа»** и определение последней как определенного вида ЛК – вида, для которого характерна временная, образно-смысловая и семиотическая масштабность существования в культуре и который маркирован «основополагающей» (в формулировке Ю.С. Степанова) значимостью для национального мира в плане его духовно-исторического бытования. Теоретическая гипотеза настоящего исследования тесно связана с этим положением, поскольку она исходит из того, что *масштабность существования констант в культуре, а также их сущностное отличие от остальных видов ЛК определяется наличием в них мифопоэтической составляющей*. Саму же гипотезу можно представить следующим образом: в

константах как видах ЛК мифопоэтическая составляющая играет роль содержательного стержня, обеспечивающего единство всех его слоев (от этимологического до актуального; от понятийного до ассоциативного) и задающего перспективу и векторы его развития; при этом понятие «мифопоэтическая составляющая» подразумевает не только отсылку к мифу во внутренней форме константы, но преимущественное ее развитие через фольклорное и художественное освоение ее мифопоэтического потенциала. *В отношении концепта-константы Родство эта гипотеза имеет более конкретизированное наполнение: константа Родство преимущественно развивается в фольклорном и художественном освоении образно-смыслового потенциала мифа о Роде, ассоциированного с рядом мифологических представлений и формирующего внутреннюю форму константы.*

В осмыслении взаимоотношений между словом, мифом и когнитивными процессами эта гипотеза углубляет и «продолжает» тезисы, озвученные такими крупными учеными-лингвистами прошлого, как В. фон Гумбольдт и А.А. Потебня. Последний, в частности, указывал на то, что номинативные единицы, вербализирующие мифы, являются знаками-«генераторами» («энергейями», по В. фон. Гумбольдту [Гумбольдт 1985, с. 169], носителями «ближайшего этимологического значения слова» и основой формирования поэтического образа [Потебня 1976, с. 37]). Этот тезис получил уточнение в наблюдениях современных отечественных лингвистов: в частности, над тем, что кроме функций (номинативно-репрезентативной, сигнификативной, коммуникативной и прагматической, идентифицирующей [Уфимцева 1977]), такие знаки задают общее направление информационных (кодовых) взаимодействий в моделируемой реальности, влияют на ход типизированных сценариев, поведение их участников; а также над тем, что когнитивные структуры и языковые элементы, связанные с мифом, в исторической перспективе способны к развитию. В содержании когнитивных структур развиваются понятийный и ценностный компоненты, расширяются

концептуальные модели, мотивирующие создание и функционирование номинативных единиц [Колесник 2011, с. 63].

Прежде чем двигаться к детальному описанию структуры концепта и концепта-константы, необходимо прояснить вопрос о том, что подразумевается под **«мифопоэтической составляющей» константы**. «Мифопоэтическая составляющая» – термин-неологизм, восходящий к устоявшемуся в литературоведении термину «мифопоэзия» (Н. Фрай, Г. Слокхвер, Э.М. Бодкин,) [Токарева 2004; Мелетенский 1976] для обозначения «всех жанров художественного творчества, тематически или структурно связанных с тем или другим древним мифом» [Slochower 1970, p. 76]. При этом миф следует понимать как когнитивную структуру, которой присуща инвариантность, изоморфность, взаимоподобие и ассоциативно-образная логика, ориентированная на целостное, синкретическое понимание мира [Белехова 1998, с. 85]. В формулировке Э. Кассирера, в мифе «образ не изображает вещь, он и есть вещь» [Cassirer 1955, с. 51; 1957, с. 66].

«Мифопоэтическое», однако, нужно понимать шире, чем спектр проявлений древнего мифа в художественной литературе, если подразумевать, в целом, «просвечивание» древних мифологических представлений в человеческой (включая национальные) культуре на любом этапе ее исторического становления. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский говорят о «мифологизме» культуры и литературы как о часто встречаемом и стабильном явлении, уточняя при этом то, что «соответствующие формы могут представлять собой реликтовое явление или результат регенерации; они могут быть бессознательными или осознанными» [Лотман, Успенский 2000, с. 536–537]. Органичность присутствия мифа в человеческой культуре, искусстве, литературе утверждает и С.С. Аверинцев, соотнося «символ» как «универсальную категорию эстетики» с мифом и определяя эту соотнесенность в отношениях неполного тождества: «<...> символ и есть миф, “снятый” (в гегелевском значении) культурным развитием, выведенный

из тождественности самому себе и осознанный в своем несовпадении с собственным значением» [Аверинцев 2001, с. 156].

Отметим, что наиболее обобщенно под символом понимают «знак, который предполагает использование своего первичного содержания в качестве формы для другого содержания» [Маслова 2001, с. 95]. Символ – продукт развития культуры и ее признак, поэтому его считают важной составляющей «нашего ментального устройства», его жизненной силой «в построении человеческого образа», его «психической энергией». Поэтому культурные символы «не могут быть устранены без значительных потерь», как отметила В.А. Маслова [Маслова 2001, с. 55].

В работе придерживаемся убеждения о наличии у символа ряда признаков: образность (иконичность), мотивированность, комплексность содержания, многозначность, расплывчатость границ значений, архетипичность, универсальность в отдельно взятой культуре, пересечение символов в разных культурах, национально-культурная специфичность целого ряда символов, встроенность символа в миф и архетип [Маслова 2001, с. 98].

В приведенном выше утверждении С.С. Аверинцева тонко отмечена как связь литературы, искусства с мифом, так и факт преобразования мифа в эстетическую категорию (символ) в художественных произведениях. Вводимый в представленной работе термин *мифопоэтическая составляющая концепта-константы* призван выделить связь слова-символа с другими элементами, входящими в художественное произведение, активно формирующими его смысловую структуру и вместе с тем связанными с древним мифом, равно как и смысловое расстояние между ними, обусловленное преобразованием мифа в ряд категорий когнитивно-языкового (метафора, образ) и эстетического (символ, художественный образ) планов.

Длящееся значение мифа в истории человеческой культуры вне его воплощений в искусстве и художественной литературе отмечает А.Ф. Лосев

в фундаментальном исследовании «Диалектика мифа». Ученый считает, что воплощенный в каком-либо из видов искусства миф предстает не «выдумкой, или фикцией», не «фантастическим вымыслом», а символом, подлинной реальностью человеческого сознания, в котором осуществляется чудесная личностная история, диалектический синтез выражения личности [Лосев 1990, с. 363–600, 567–579]. Примечательно, что в определении французского философа Р. Барта миф есть тоже реальность, но не подлинная, а псевдо-, заведомо ложная: это некая «коммуникативная система, некое сообщение, которое искажает буквальный смысл и тем самым превращает историю в природу» [Барт 2000, с. 233, 249, 255].

Понимание мифа у Лосева и Барта сходны в утверждении истинной или мнимой *реальности* мифа и в целом соотносятся с концепциями, изложенными в трудах отечественных ученых: А.А. Потебни, Я.Э. Голосовкера, В.Н. Топорова.

А.А. Потебня считает, что миф представляет собой совокупность образа, представления и значения, целостное ментальное образование, связанное со словом [Потебня 1989, с. 237–284, 260]. В.Н. Топоров, следуя за А.А. Потебней, связывает миф с понятием *образ*, определяя его как «наиболее семантически богатый, энергетичный и имеющий силу примера образ действительности» [Топоров 1996, с. 5]. Утверждения и о многозначности мифа, и о своеобразном двусмысленном, диалектичном познании мира в образах мифа – одно из центральных положений в книге Я.Э. Голосовкера «Логика античного мифа» [Голосовкер 2010, с. 100, 106]. Тезис о реальности мифа для коллективного сознания народа стал одним из важнейших постулатов многочисленных мифологических теорий в XX веке, утверждающих как данность то, что «некоторые аспекты и функции мифологического мышления образуют важную составляющую часть самого человеческого существа» [Элиаде 1995, с. 181].

Вместе с тем для осмысления специфики мифа как явления необходимо учитывать этимологические значения греческого слова *μῦθος* – *мифос*: оно

обозначает собственно *слово, сказание, речь, предание*. Иными словами, *мифос* – не обычная лексема, а семиотический знак, обладающий способностями потенциального развития имени в рассказ, в событийный ряд, в сюжет. Кроме того, в речи рассказчика миф тоже больше, чем лексема, он может выполнять функцию слова-предания, рассказа, освященного традицией воспроизведения мифа и его понимания. *Миф в отличие от слова-логоса представляет собой явление человеческой культуры, такое слово о мире (мироздании), которое в именах и событиях воплощает его базовые культурные смыслы*. В определении русского и советского философа Я.Э. Голосовкера, «миф <...> есть запечатленное в образах познание мира во всем великолепии, ужасе и двусмыслии его тайн» [Голосковер 1010, с. 106].

Таким образом, говоря о мифопоэтической составляющей концепта-константы, мы подразумеваем связанный с древними мифологическими представлениями образ, находящийся в основе и центре (смысловой и этимологически-исторической внутренней форме) концепта, определяющий его ценностное содержание и задающий основные векторы его развития (развития его структуры), содержащий в свернутом виде определенный сюжет или набор сюжетов, которые впоследствии разворачиваются в разных (в первую очередь фольклорных и литературных) текстах культуры, и реализующийся во внутренней форме доминантного и других слов, вербализующих концепт, а также в соответствующей метафорике, символикe, фразеологии, паремиологии и т.д.

Прояснение вопроса о взаимоотношении понятий «миф» и «метафора», равно как и понятий *миф* и *концепт*, лежит в поле когнитивной лингвистики. Когнитивная лингвистика дает объяснение языковым, речевым, дискурсивным явлениям, опираясь на исследование концептуальных структур мышления и когнитивных операций [Жаботинская 2004, с. 55]. Более того, когнитивная лингвистика рассматривает язык как средство отображения мыслительных процессов, ее и интересует не собственно язык, а ментальные процессы, доступ к которым лежит в сферах языковой, речевой и

дискурсивной деятельности. Являясь частью когнитологии (когнитивистики) – науки «о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметнопознавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и систематизированных данных, которые в определенной степени репрезентованы в нашем сознании и составляют основу ментальных, или когнитивных процессов» [Кубрякова 1994, с. 34]. В рамках когнитивной лингвистики концепт трактуется как отраженная в психике человека составляющая концептуальной системы, обобщенной картины мира, которая характеризуется содержательностью и оперативностью; как «смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких “квантов” знания» [Кубрякова и др. 1996, с. 90].

Исходя из понимания концепта как единицы «культурного смысла» или же «ментального лексикона» в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике, соответственно, определяется и разница в установлении этими науками соответствий между словом и концептом: в когнитивистике одному концепту соответствует одна языковая единица (слово), в лингвокультурологии же концепт реализуется в целом ряде единиц языка и речи, а также в других знаках и знаковых системах [Слышкин 2004].

В то же время, поскольку в рамках когнитивной лингвистики было доказано, что фундаментом любой концептуализации мира в человеческом мышлении выступает языковая концептуализация, представляющая собой организованный определенным образом и закреплённый в структурах языка опыт контактирования с внешним миром [Радбиль 2010, с. 164–166], интересы лингвокультурологии и когнитивной лингвистики сходятся в изучении языковой картины мира как феномена, приоткрывающего завесу над тайной национального менталитета и ментальности человека. В точном обобщении Н.Н. Болдырева, процессы концептуализации и категоризации как фундаментальные когнитивные процессы, результатом которых являются

усвоенные человеком знания, хранящиеся в памяти в «квантах»-концептах и систематизируемые по разным принципам в категории, «могут осуществляться только в рамках и с позиций определенной культуры» [Болдырев 2018, с. 58].

С точки зрения когнитивной лингвистики метафора есть не только способ языкового оформления новых знаний, но и когнитивный механизм, особенная форма осмысления явлений, связанная с объединением разных когнитивных единиц. В формулировке А.А. Потебни, во многом предвосхитившего открытия когнитивной лингвистики в XX веке, «метафоричность – постоянное качество языка, и переводить мы можем только с метафоры на метафору» [Потебня 1976, с. 434]. Метафора – двигатель и результат мысли: «большая часть нашей обычной концептуальной системы по своей природе метафорична» [Лакофф 2004, с. 25]. Согласно концепции М. Блэка [Блэк 1990, с. 153–170], метафорические структуры образуются в результате взаимодействия двух концептуальных систем: к главному объекту присоединяется система «ассоциированных импликаций», связанных с дополнительным объектом, вследствие чего образуется новое, отличное от суммы компонентов метафоры значение, в пределах которого также изменяются значения предыдущих двух задействованных в метафоризации объектов. Более того, метафора – один из основных способов формирования познавательной системы человека: сама эволюция человеческого сознания связана со способностью к метафоризации [Janes]. Метафоры языковые есть в то же время метафоры когнитивные; поэтому те из них, которые укоренены в народной культуре, которые корнями уходят вглубь национальной истории (мать →земля, океан →небо, вода →время [Потебня 1989, с. 274]), как правило, фиксируют древние мифологические представления и, в то же время «схватывая» миф в метафорическом переносе, запускают процесс его осмысления через сопоставление (а не изоморфизм и тождество, как в мифе) и (косвенно) осмысление оснований для сопоставления. Таким образом, языковая

метафора, укорененная в народной культуре, представляет собой результат когнитивного (рационального и чувственно-перцептивного одновременно) и языкового освоения мифа.

В рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии была разработана теория лингвокультурного концепта в параметрах признаков, структуры и типологии концептов, а также в параметрах системности и фрактальности концептосферы – совокупности концептов, соответствующих ККМ¹; причем теоретические выкладки лингвокультурологов во многом опираются на достижения когнитивистов. В целом вслед за Е.И. Зиновьевой можно утверждать, что «теоретической базой лингвокультурологии, которая описывает концепт как элемент национальной концептосферы, является когнитивная лингвистика» [Зиновьева 2009, с. 82]. Более того, сравнительная лингвоконцептология – ведущее в современных исследованиях направление лингвокультурологии – необходимо сочетает в себе методы и принципы «структурной и функциональной семантики» [Карасик 2013, с. 93], лингвокультурологии как ее современного продолжения, «когнитологии, социологии, истории и прочих смежных дисциплин» [Воркачев 2014, с. 12]. Иными словами, теоретический аппарат и методология концептуального анализа на современном этапе развития лингвистики гипотетически и

---

¹ Концептосфера языка, следуя логике Д.С. Лихачева и С.А. Аскольдова, соотносится с концептосферой национальной культуры и представляет собой способ целостного выражения национальной картины мира. Концептосфера национальной культуры как система ментальных концептов не только отделена от концептосферы другой культуры (культуроспецифична), но и соединена с ней единым полем человеческой культуры. Национальная концептосфера есть «инвариант, существующий во множестве» фрактальных миров, в том числе в варианте авторской концептосферы, концептосферы произведения или нескольких произведений, сближающихся между собой разными аспектами. Авторские концепты в искусстве и литературе всегда индивидуальны и ассоциативно «запредельны», так же как и авторские концептосферы. В то же время они являются вариантом национальной концептосферы, связанной с ней в том числе «первичными» значениями слов, системой языка, культурной традицией. См.: Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / ред. В.П. Нерознак. – М.: Academia, 1997. – С. 280–287; Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / Ин-т народов России и др.; под общ. ред. В.П. Нерознака. – Москва : Academia, 1997. – С. 267–279.

практически совмещает лингвокультурологический подход с лингвокогнитивным (см., в частности, работы С.Г. Воркачева, Н.А. Сергиенко, И.А. Стернина); варьируются лишь способы и границы этого совмещения.

Опираясь на уже устоявшуюся практику использования достижений лингвокогнитивистики при анализе лингвокультурного концепта, предложим свое понимание структуры концепта-константы, определим его место в типологии концептов и разработаем новую методику концептуального анализа. При этом будем исходить из того, что само наличие мифопоэтического компонента в структуре концепта-константы, значимость его (стержневого, центрального) места в этой структуре, а также роли реализующих его фольклорных и литературных текстов в формировании и развитии концепта-константы требуют особого подхода к анализу этой лингвокультурной единицы. В основу такого подхода может быть положено сочетание элементов собственно концептуального анализа с элементами лингвокультурной поэтики и литературоведческой мифопоэтики.

1.2. Признаки и структура концепта-константы.

Лингвомифопоэтический подход к анализу концепта-константы

Ученые выделяют разные признаки лингвокультурных концептов и определяют разное количество их базовых признаков. Так, в работах С.Г. Воркачева основными признаками концепта названы: 1) «переживаемость» – концепты не только мыслятся, но и «переживаются», поскольку совмещают значение с оценочностью и образностью); 2) «семиотическая плотность» – представленность, реализация рядом языковых синонимов, паремий, фольклорных и литературных сюжетов, ритуальных, поведенческих стереотипов и пр.; 3) «ориентированность на план выражения» – встроенность имени концепта в парадигматические и синтагматические языковые связи; 4) «многомерность» – выделяемость в

содержании концепта нескольких качественно отличных друг от друга компонентов (например, компоненты понятийный, эмоциогенный, аксиологический, ассоциативный, этимологический (в работах Ю.С. Степанова); ценностная, образная и понятийная составляющие (в работах В.И. Карасика); понятийный, образный и значимостный (в соответствии со значимостью имени концепта в языковой системе) компоненты (у С.Г. Воркачева)) [Воркачев 2015, с. 11–12].

Г.В. Токарев среди основных признаков лингвокультурного концепта также перечисляет 1) многомерность и 2) значимость для культуры (ср.: у Воркачева: семиотическая плотность), при этом формулирует и другие: 3) объективность и 4) историчность (историческую детерминированность), а также добавляет к ним 5) возможность превращения концепта в константу культуры при условии длительного в ней существования [Токарев 2003, с. 11].

Обобщая положения, изложенные в работах А. Вежбицкой, Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, С.Г. Воркачева и некоторых других авторов, О.А. Ипанова выделяет одиннадцать признаков лингвокультурного концепта, оговаривая при этом, что не все из них являются обязательными: 1) высокая частотность использования имени концепта в речи, 2) активная производящая основа у имени концепта, 3) активность слов-репрезентантов концепта при формировании состава идиоматических выражений, 4) «переживаемость концептов, 5) номинативная плотность, 6) неопределенность, 7) мировоззренческая ориентированность, 8) лингвокультурная отмеченность, 9) коммуникативная релевантность, 10) языковая абстрактность – способность обобщать значения своих лексических реализаций, 11) наличие этимологической памяти» [Ипанова 2005]. Представляется, что отдельные из перечисленных О.А. Ипановой признаков являются если не дублетными, то взаимопересекающимися (например, мировоззренческая ориентированность, коммуникативная релевантность и даже лингвокультурная отмеченность);

такие же признаки, как частотность использования имени концепта в речи и активность производящей основы не только относительны, но и второстепенны, то есть носят дополнительный характер.

Не оспаривая систему признаков лингвокультурологического концепта, изложенную в указанных выше работах, обратим внимание на следующее: особым признаком концепта-константы является интенсивность его реализации в фольклорных и литературных текстах, а также в других художественных текстах национальной культуры; причем следствием и необходимым сопровождающим эффектом этой реализации является художественное осмысление и переосмысление исходного мифологического образа, а также существенное приращение смысловой структуры константы при неизменности ценностной ее составляющей.

Выделение признаков лингвокультурного концепта необходимо не только для того, чтобы идентифицировать то или иное лингвоментальное явление (в качестве концепта), но и для того, чтобы описать его общую структуру, дать типологию концептов и, соответственно, на этом основании и на фундаменте существующих методик концептуального анализа предложить ту, которая может быть наиболее эффективна при анализе концепта с мифопоэтической составляющей его содержания.

К наиболее разработанным теоретически и апробированным практически моделям структуры концепта относятся модели Ю.С. Степанова, З.Д. Поповой и И.А. Стернина, Г.Г. Слышкина, В.И. Карасика и С.Г. Воркачева. Так, Ю.С. Степанов, исследовав структуру концепта, сделал вывод о ее многослойности и сферичности, выделил такие ее компоненты, проявляемые в определенный период развития культуры: 1) «внутренняя форма, запечатленная во внешней, словесной форме и связанная с этимологическим значением и морфемным составом слова-доминанты концепта (слова-концепта); 2) основной, актуальный признак – актуальное для всех, кто использует данный язык в определенную эпоху, в том числе на современном этапе развития культуры, содержание; 3) дополнительный или

несколько дополнительных, исторических признаков – содержание, являющееся неактуальным в настоящее время, но имеющее для определенного периода бытования национальной культуры несомненное значение» [Степанов 1997, с. 41].

И.А. Стернин и З.Д. Попова также предлагают сферически-«слоистую» модель структуры концепта, опираясь при этом не на факторы исторические, но на модель полевой организации значения слова. Анализ языковых средств репрезентации концепта приводит к определению его ядра (чувственно-образного базового слоя) и периферии (интерпретационного слоя): «Базовый слой концепта может исчерпывать содержание концепта, если он отражает конкретные чувственные ощущения и представления <...>. В более сложных концептах дополнительные когнитивные признаки (концептуальные слои) наслаиваются на базовый образ <...>. Признаков может быть много, они могут образовывать относительно автономные концептуальные (когнитивные) слои и наслаиваться <...> от более конкретного слоя к более абстрактному» [Попова, Стернин 2001, с. 61]. Периферия концепта – это интерпретационное поле, содержащее, по мнению исследователей, «оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием» [Попова, Стернин 2001, с. 97]. Значимо уточнение: «многочисленных концептуальных слоев в концепте может не быть, но базовый когнитивный слой с чувственно-образным ядром есть у каждого концепта, иначе концепт не может фиксироваться в универсальном предметном коде как дискретная единица мышления <...>, не может функционировать как мыслительная единица» [Попова, Стернин 2001, с. 34].

Полевая модель структуры концепта на иной основе – основе теории ассоциативного поля и методики ассоциативного эксперимента – была предложена Г.Г. Слышкиным [Слышкин, 2004, с. 51–67]. Ученый предполагает, что «номинативная плотность является основной характеристикой интразоны концепта – совокупности входящих в концепт ассоциаций, а «етафорическая диффузность – характеристикой его

экстразоны, то есть совокупности исходящих ассоциаций» [Слышкин, 2004, с. 60].

В представлении В.В. Колесова в структуру концепта входят три компонентами: образ – понятие – символ, где «образ – психологическая основа семиотического знака, понятие – результат перевода образа на язык логики, символ же – общекультурный компонент словесного знака, то есть общекультурное его содержание» [Колесов, 2002, с. 107, 42].

Представленная в работах В.И. Карасика структура концепта состоит из образного, понятийного и ценностного компонентов. При этом исследователь трактует образный компонент как «след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами; понятийный компонент – как совокупность существенных признаков объекта или ситуации; ценностный компонент наиболее актуальный для носителей языка и составляет ядро структуры концепта» [Карасик, 2004, с. 105–107].

Н.Ф. Алефиренко, дополняя структуру концепта символическим компонентом, указывает, что «формируя экстенционал и интенционал лексического значения, концепт развивается сам, преобразуя тем самым свои смысловые ингредиенты (предметно-изобразительный код, или универсальный предметный код) в такие смыслогенерирующие феномены словопорождения, как предметный остов, внутренняя форма слова и соответственно компоненты лексического значения (семемы) – интегрирующие и дифференцирующие семы» [Алефиренко 2003, с. 10–12].

Поддерживая мнение российских лингвистов, С.Г. Воркачев добавляет структурную модель концепта значимостным элементом, который определяется «местом, которое занимает имя концепта в языковой системе» [Воркачев, 2015 (Родной народ), с. 28–33]. Это место, в свою очередь, зависит от этимологического фактора, употребительности слова-концепта, богатства его собственно языковых (в первую очередь синонимических) и ассоциативных связей, его словообразовательной продуктивности. Что касается понятийного компонента, то его содержание в целом соответствует

содержанию понятия (построенному на комбинации родовых смысловых элементов) и в то же время может определяться на основе доминантных ассоциаций.

Объединение изложенных моделей происходит в работе И.В. Кононовой «Структура лингвокультурного концепта: методы выявления и механизмы семантизации» [Кононова 2012], в которой автор расширяет структурную матрицу концепта до шести элементов: образного, ассоциативного, понятийного, ценностного, этимологического, исторического. И.В. Кононова подчеркивает, что «ассоциативная составляющая концепта индуцируется наиболее частотными (прототипическими) ассоциативными отношениями имен, имеющих внеконтекстную связь с концептом», и поясняет, что «понятийная составляющая концепта имеет зоны пересечения с ассоциативной, так как может включать смыслы, выводимые из доминантных ассоциативных связей концепта, однако базовыми в ее содержании являются дистинктивные, родовые признаки» [Там же, с. 56]. Образный компонент содержания концепта «может включать наглядно-чувственное представление («мыслительную картинку», перцептивный образ), а также комбинацию концептуальных метафор, выводимых носителем языка из сочетаемости имени, объективирующего концепт в языке» (там же). Ученый обращает внимание также на то, что исторический компонент ЛК состоит из таких значимых признаков ассоциативного компонента, которые входят в его структуру на более ранних этапах его существования: «По мере обогащения ассоциативной составляющей концепта новыми ценностно акцентуированными признаками, ряд старых, теряющих актуальность и интенсивность оценочности, переходит в историческую составляющую. <...> Оставаясь в «пассивном» (историческом) слое, они способны актуализироваться в особых условиях дискурса» [Там же, с. 57–58].

Представленные модели структуры концептов вполне могут быть использованы для описания структуры концепта с мифопоэтической

составляющей – то есть концепта-константы. Рабочими в этом смысле представляются модели Ю.С. Степанова, И.А. Стернина и З.Д. Поповой, В.И. Карасика, С.Г. Воркачева. Однако важно прояснить содержание компонентов и отношения между ними с опорой на выдвигаемую гипотезу: о том, что в константах как видах ЛК мифопоэтическая составляющая играет роль содержательного стержня, обеспечивающего единство всех его слоев (от этимологического до актуального; от понятийного до ассоциативного) и задающего перспективу и векторы его развития. Представляется необходимым в связи с этим ввести в сферу научных представлений о структуре констант как вида ЛК следующие тезисы:

1) константа в качестве образно-смыслового (содержательного, ценностно-образного) ядра и центрального элемента структуры имеет не «чувственно-образное» ядро, но имя-миф, к которому восходит доминантное для константы слово, вербализующее ее, а также (в качестве потенциальной или же реализованной возможности) ряд других значимых в плане ее вербализации слов. Имя-миф предполагает отсылку во внутренней форме этих слов не только к мифологическому образу, но и к разворачивающемуся в потенциале сюжету, а также возможное их ассоциирование с мифологическими представлениями о мире, связанными с этими именем и сюжетом;

2) периферийное поле константы можно представить, объединяя модели Ю.С. Степанова и В.И. Карасика, в целостности диахронически-синхронического существования как структуру, состоящую из актуальных ассоциаций и актуального понятийного наполнения, а также исторических ассоциаций и понятийных элементов, имевших значение в определенную эпоху;

3) предположительно, периферийная зона концепта-константы развивается, как и вся человеческая культура, в направлениях от мифа к логосу и обратно, проходя на этом пути такие стадии (процессы) осмысления мифопоэтических структур, как метафоризация (осмысление в

метафорических уподоблениях), символизация (осмысление в знаках-символах), рационализация (осмысление в понятийно-логических структурах), «новая» метафоризация и символизация и, возможно, ремифологизация;

4) ведущую роль в развитии структуры константы играют фольклорные и литературные тексты, поскольку они способны воспринять целостность ценностно-образного и нарративно-сюжетного потенциала мифа-имени, воспроизвести и (или) интерпретировать его, зафиксировать в концептосфере и транслировать в пространство национальной культуры. Особое место в этом развитии принадлежит тем текстам художественной литературы, которые получают статус «классических», «национальных», лежат в основании национальной культуры и литературы (ср.: А.С. Пушкин – национальный русский поэт; Т.Г. Шевченко – национальный украинский поэт).

Что касается возможности соотнесения константы как вида ЛК с одним или несколькими типами концептов (имеются в виду типологии, представленные в работах таких ученых, как Ю.С. Степанов, В.А. Маслова, В.И. Карасик, М.В. Пименова), отметим, что константы могут относиться как к автохтонным, так и к универсальным (с национальным компонентом значения) типам концептов, но при этом всегда представляют собой вербализованные, устойчивые *«ядерные единицы картины мира»* (В.А. Маслова), *«культурные доминанты»* (В.И. Карасик) и *«макроконцепты – сложные ментальные образования, связанные с концептами, входящими в его структуру, родовидовыми отношениями»* [Пименова 2004, с. 17].

Исходя из выделенных особенностей в отношении признаков и структуры концептов-констант (интенсивность их реализации в фольклорных и литературных текстах, роль художественного осмысления имени-мифа, лежащего в их основе; стержневая роль имени-мифа в их структуре и др.), а также места их в общей типологии концептов (это вербализованные макроконцепты и культурные доминанты), считаем необходимым

предложить особый подход к анализу таких концептов. Основное требование к такому подходу – быть адекватным сущности и структурным особенностям концепта-константы. Этому требованию могло бы ответить предлагаемое совмещение методологии и теоретических положений (сравнительной) лингвоконцептологии с теоретическими и методологическими основаниями лингвокультурологической поэтики и литературоведческой (культурологической) мифопоэтики. Подход, учитывающий сочетание этих трех направлений научных исследований, можно назвать «лингвокультурной мифопоэтикой». Поясним, что именно подразумевается под совмещением этих методов исследования в лингвокультурной мифопоэтике как подходе, адекватном природе и структуре концептов-констант.

1. Сравнительная лингвоконцептология как ведущее направление современной лингвокультурологии является, с точки зрения В.И. Карасика и С.Г. Воркачева, продолжением и развитием классической, структурной и функциональной семантики, дополненной данными смежных дисциплин, в т.ч. культурологии, когнитологии, социологии, истории [Карасик 2004, с. 93; Воркачев 2014, с. 12]. В силу этого методология лингвоконцептологии опирается на исследовательские методы и теории семантики: компонентный (семный) анализ и теорию поля, – распространяя их на семантику текстовых и дискурсных образований. Лингвоконцептологические исследования при этом направлены на изучение ЛК, в связи с чем большое место в них уделяется анализу ассоциативных полей и контекстов слов, вербализующих ЛК. Кроме того, лингвоконцептология, предлагая выделить «макроконцепты» как особые варианты (виды) ЛК, учитывает особенности их структуры (то есть полисоставность, возможность выделения в их составе «простых» концептов) в практике концептуального анализа [Димитренко 2005; Кушнир 2012; Пименова 2021]. Та исследовательская методика (и практика), которая сегодня получила общее название «концептуальный анализ», так или иначе реализует методологию лингвоконцептологии применительно к различным сопоставляемым в двух национальных

культурах концептам. Все вышеозначенное может и должно быть использовано при выработке методики анализа концептов-констант, при утверждении лингвокультурной мифопоэтики как подхода, адекватного природе и структуре рассматриваемого объекта. При этом следует признать, что вне методологического и идейно-понятийного поля лингвоконцептологии, так же как вне ее исследовательской практики, остается изучение таких специфических признаков сущности и структуры концептов-констант, как интенсивность их реализации в фольклорных и литературных текстах, роль художественного осмысления имени-мифа, лежащего в их основе; стержневая роль имени-мифа в их структуре.

2. Отчасти эту исследовательски-методологическую лакуну восполняет лингвокультурологическая поэтика – научная дисциплина, объект и предмет которой были сформулированы В.А. Масловой в монографии 2014 г. [Маслова 2014], а несколько позже уточнены (вместе с формулировкой цели и методологии) О.В. Данич и Н.В. Крицкой в статье 2018 г. [Данич, Крицкая 2018]. Лингвокультурологическая поэтика, как и традиционная литературоведческая, и более современная лингвопоэтика, занимается изучением художественного текста. Художественный текст является объектом ее исследования; при этом ее предметом, по мысли В.А. Масловой, следует считать «способы формирования и восприятия культурных смыслов, создающих эстетический эффект», «репрезентацию культурных знаний в поэтическом тексте» (с. 59–60). В свою очередь, О.В. Данич и Н.В. Крицкая задачей лингвокультурологической поэтики как варианта лингвопоэтики считают изучение «совокупности языковых и стилистических особенностей» в речи поэта «в их тесной связи с культурой народа» (с. 62), а основной целью – интерпретировать художественный текст с учетом (в контексте) «системы ценностно-культурных ориентиров нации» (там же). В основу методологии лингвокультурологической поэтики была положена методология лингвопоэтики (труды А.А. Потебни, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура), с ее вниманием к значению и смыслу

художественного слова, в сочетании с идеями и положениями лингвокультурологии. Лингвокультурологическая поэтика, таким образом, восполняет недостаток внимания к особенностям художественного слова при изучении литературных текстов, который в целом характеризует лингвокультурологию и лингвокультурологические исследования художественных текстов. Как бы перекидывая мосты между лингвокультурологией и лингвопоэтикой, она стремится через изучение функционирования культуры в художественном тексте изучить одновременно особенности самого этого текста – в его реализации культурных смыслов, а также культурные смыслы в их функционировании в художественном тексте. В аспекте изучения взаимоотношения художественного текста и национальной культуры лингвокультурологическая поэтика может служить опорой для методологии лингвокультурной мифопоэтики.

3. При этом остается еще одна «теневая» область в изучении концепта-константы: имя-миф и, соответственно, взаимодействие и взаимосоотнесенность Имя-миф как стержневой компонент концепта-константы, с учетом ее мифопоэтического осмысления в текстах различных дискурсов. В изучении имени-мифа методологию и теоретические положения лингвоконцептологии и лингвокультурологической поэтики вполне логично дополнить литературоведческой (культурологической) мифопоэтикой. Как было продемонстрировано выше, в исследованиях мифа, мифопоэтики и мифологического сознания собственно литературоведческие идеи и методы работы с художественным текстом тесно переплетены с идеями философского, психологического, культурологического и лингвистического планов. Мифопоэтика, изучающая способы воплощения древнего мифа в образах, сюжетах, мотивах, аллюзиях и пр. в художественных произведениях, принимает во внимание как когнитивно-психологическое своеобразие мифологического мышления, так и своеобразие мифологической образности и сюжетики, а также полифункциональность

отношений фольклора и литературы с мифом. В связи с этим в рамках лингвокультурологической мифопоэтики, то есть при изучении концепта, в структуре которого мифопоэтический компонент является стержневым элементом и в развитии которого ведущую роль играет реализация образно-смыслового потенциала мифа-имени в фольклорных и художественных текстах, мифопоэтика как область и направление научных исследований может дать методологические основания для анализа мифопоэтического аспекта при изучении концепта-константы.

Таким образом, предлагаем считать лингвокультурную мифопоэтику особым подходом к изучению концепта-константы, адекватным особенностям его природы (сущности) и содержания. Лингвокультурная мифопоэтика – подход к изучению концептов-констант, объединяющий методологию сравнительной лингвоконцептологии с теоретическими положениями и исследовательскими методиками лингвокультурологической поэтики и мифопоэтики. Уточнив конкретные точки совмещения трех научных направлений в рамках лингвокультурной мифопоэтики, необходимо следующим этапом разработать в рамках заявленного подхода методику компаративного исследования концепта-константы.

1.3. Лингвокультурная мифопоэтика в контексте компаративной методики анализа концепта-константы

Под концептуальным анализом в сравнительной лингвоконцептологии, как правило, подразумевается разностороннее исследование концепта ([Зиновьева 2016, с. 88]), сочетающее в себе различные приемы лингвистического анализа, с акцентом на анализе семантическом (семасиологическом). Научное признание получили, в частности, методики **семантико-когнитивного изучения концептов** З.Д. Поповой и И.А. Стернина [Попова, Стернин 2007, с. 160], **семантико-семиотического**

описания концептов-констант Ю.С. Степанова [Степанов 1997, 2007] и комплексного концептуального анализа ([Ипанова 2005; Зиновьева 2016]).

Методика семантико-когнитивного описания концептов, связанная, разумеется, с моделью структуры концепта, предлагаемой авторами-разработчиками методики, предлагает следующую очередность исследовательских шагов:

1) построение номинативного поля концепта, то есть определение доминантного слова, а также максимально широкого ряда слов, вербализующих концепт;

2) описание семантического поля концепта и тех языковых средств, которые являются составной частью номинативного поля концепта;

3) определение когнитивных признаков, формирующих содержание концепта, как результат его семантического описания;

4) проведение ассоциативного эксперимента с целью верификации интерпретации содержания концепта.

Методика семантико-семиотического анализа, предлагаемая Ю.С. Степановым, схематично описывается им в теоретическом плане и подробно реализуется – на основании предлагаемого им описания структуры концепта – при описании концептов-констант русской культуры. Во Введении к своему Словарю ученый поясняет структуру каждой словарной статьи книги в четырехчастной формуле: «1) этимология, 2) ранняя европейская история, 3) русская история (в той или иной степени), 4) сегодняшний день» [Степанов 1997, с. 8], – поясняя, что каждый раз акцент падает на значение слов: материалом являются «этимологии слов; словоупотребления и толкования слов и понятий, запечатленные в различных текстах – писателей, общественных деятелей, в других словарях», а методом работы с этим материалом – авторская интерпретация, толкование, предполагающее обобщение этих данных в свете убежденности в существовании концепта как духовной субстанции. В статье же «Концепт» Ю.С. Степанов формулирует методологию работы с материалом: это

культурно-исторический метод работы с коллективным сознанием в его становлении, развитии, изменении от эпохи к эпохе на материале языковых данных (в первую очередь значений слов) и «эволюционных семиотических рядов», включая фольклорные, литературные, религиозные, философские, живописные, архитектурные и пр. тексты. Методика концептуального анализа, автором которой является Ю.С. Степанов, предполагает обращение к текстам разного содержания, разных эпох, сопоставление которых дает возможность проследить содержательные трансформации.

Методика комплексного концептуального анализа синтезирует различные подходы к описанию концепта, при этом очевидно, что ее базовые шаги соотносятся с приемами, предлагаемыми в рамках методики Поповой-Стернина и методики Степанова. Комплексный концептуальный анализ регламентирует следующую последовательность в продвижении изучения концепта:

1) исследование этимологии слова-доминанты (в исключительных случаях – нескольких слов) с целью определения образно-смыслового потенциала концепта путем определения внутренней формы доминанты (доминант);

2) анализ лексикографических источников с целью описания содержания понятия на основе словарных дефиниций. Выделяются семы, формирующие ядро концепта, описывается содержание этого ядра.

3) дистрибутивный анализ (актуальной) сочетаемости слова-доминантны, результатом которого становится определение его дополнительных семантических признаков;

4) анализ метафорических употреблений (в языковых метафорах) слова-доминантны, описание смысловых приращений, ставших результатом метафорических переносов;

5) анализ значения производных слова-доминанты, поскольку содержание концепта определяется значениями всей его словообразовательной парадигмы, а также (возможно, в случае значимого

присутствия двух доминантных слов в структуре концепта) других словообразовательных парадигм;

б) анализ ассоциированных со словом-доминантой слов по данным ассоциативных словарей и (или) на основании результатов проведенного ассоциативного эксперимента для выявления скрытых (невербализованных, неочевидных, имплицитных) признаков (нередко эмоционально-оценочного характера) в содержании концепта;

в) выявление парадигматических связей концепта в концептосфере языка для описания значимостного компонента содержания концепта.

Предлагаемая лингвокультурная мифопоэтическая методика сравнительного анализа концепта-константы, которая была выработана с учетом мифопоэтической ее составляющей и значимости фольклорных и литературных текстов для ее развития, базируется на семантико-семиотическом подходе к описанию концептов, предложенном Ю.С. Степановым. Это обусловлено как самой постановкой вопроса об изучении концептов-констант, так и вниманием к текстам разных семиотических рядов – вниманием, принципиальным для существующей и для предлагаемой методик. Действительно, мифопоэтический потенциал концепта-константы не только может, но и должен реализоваться как в языке и речи, так и в самых разных семиотических рядах, включая фольклорный, религиозный, философский дискурсы, литературные и кинематографические тексты и пр. Вместе с тем предлагаемая методика вводит в исследование концепта приемы лингвокультурологической поэтики и литературоведческой мифопоэтики, а также использует и элементы семантико-когнитивного и комплексного подходов, поскольку они задают четкую и последовательную схему шагов по продвижению в изучении концепта.

Лингвокультурная мифопоэтическая методика компаративного анализа концепта-константы включает в себя следующие шаги:

1) построение номинативного поля концепта-константы в компаративном аспекте, описание его семантического поля через анализ

языковых средств, входящих в номинативное поле данного концепта: семный анализ лексикографических источников, дистрибутивный анализ сочетаемости доминантного слова; анализ значения производных доминантного слова, определение содержания понятийного ядра концепта;

2) исследование этимологического значения, «внутренней формы» доминантного слова-мифа (доминантных слов), описание мифопоэтического ядра константы;

3) компаративное описание особенностей реализации константы в фольклорных языковых и речевых средствах, одновременно формирующих ближайший ко внутренней форме концепта исторический слой и актуальную для настоящего времени национальную картину мира;

4) компаративное описание особенностей реализации константы в литературных текстах, активно участвующих в формировании национального языка и национальной картины мира и связанных с внутренней формой константы, ее мифологическим содержанием;

5) обобщение данных о содержании констант в национальных лингвокультурах в динамике их формирования и развития.

Проецируя предлагаемую методику на изучение константы Родство / Спорідненість в русском и украинском языках, отметим, что значимыми для анализа их содержания в динамике развития их семантической структуры являются в первую очередь материалы народно-разговорного и народно-песенного дискурсов, а также литературные тексты, активно участвующие в формировании национальной культуры. Это обусловлено следующими факторами:

1) общедоступность: с этими высказываниями и текстами соприкасаются – через употребление в разговорных фразеологизмах, стереотипных ситуациях, через народные песни, а также через литературные тексты классиков национальных литератур – в своей коммуникативной повседневной деятельности практически все говорящие. В отличие от религиозного, философского, медийного, научного дискурсов именно эти три

составляющие создают ядро представлений национально-культурного сообщества о явлениях, объединенных семей 'родство';

2) взаимосвязанность: и народно-разговорное, и народно-песенное субпространства представляют собой значимые сегменты формирования языкового сознания. Эти же два субпространства являются источником формирования художественной картины мира в литературных произведениях.

3) емкость (объемность): широкая представленность контекстов функционирования названий родства, их наполнение национально-культурным содержанием именно в этих трех субпространствах наиболее интенсивны.

Поясним содержание каждого шага предлагаемой методики в отношении изучения константы Родство в русском и украинском языках. Первый шаг – построение номинативного поля концепта-константы – предполагает определение доминантного слова, а также ряда слов (вербализаторов), значимых для вербализации константы. В рамках сравнительного описания семантического поля языковых средств, входящих в номинативное поле концепта, – с помощью метода лексикографического моделирования семантической структуры НР, анализа словарных дефиниций устанавливаются логико-семантические связи, определяются ведущие семы и семемы, выявляется семантическое ядро константы.

Второй шаг – компаративное исследование этимологического значения, «внутренней формы» доминантного слова-мифа – включает в себя изучение не только этимологического значения доминантного слова, но и ассоциированных с ним мифопоэтических представлений, входящих в круг той или иной мифологии, с целью определения образно-смыслового потенциала мифа, лежащего в основе константы. Поскольку константа Родство / Спорідненість имеет прямое отношение к концептуализации отношений человека и мира, то в этот шаг в нашем случае втягивается частичное замещение архаических мифопоэтических верований мифологией

христианства. Очевидно, что этот второй шаг принципиально не имеет компаративной составляющей в отношении украинского и русского этимологического материала; в то же время в общей перспективе на этом шаге намечен вопрос об историческом расхождении векторов развития образно-смыслового потенциала внутренней формы константы в двух лингвокультурах.

Компаративный анализ народно-песенного и народно-разговорного дискурсов, а также компаративное описание литературных текстов, вербализующих константу Родство / Спорідненість, на третьем и четвертом шагах методики предусматривают совмещение приемов концептуального и мифопоэтического анализа – совмещение, направленное на установление ключевых фреймов / сценариев, в которых термины родства работают как символы повседневно-бытовой и ритуально-обрядовой культуры. Используются на этом шаге и приемы контекстуального анализа с целью изучения сочетаемости вербализаторов концепта-константы: стереотипных оборотов, формул, метафорических, эпитетных стереотипов, составляющих основу ассоциативно-образного поля названий родства, вербализаторов ментально-мифологического, акционального, антропоморфного кодов культуры. Семантический же анализ синтагматических связей названий родства позволяет интерпретировать выделенные ситуации с точки зрения жизненного опыта и мировоззренческих установок, закрепленных в текстах сопоставимых национальных народных культур.

Для моделирования когнитивно-ментальных текстовых структур константы Родство / Спорідненість был предложен механизм построения *концептуальных цепочек*. Для этого в исследуемых нами текстах концептуальные цепочки были выделены с помощью фигурных скобок {}, а внутри функционально-семантических фрагментов высказываний с помощью квадратных скобок ([]) были отделены семантические секторы, пересекающиеся в анализируемой структуре концепта.

Предлагая к использованию в процессе моделирования несколько графических инструментов, ориентируемся на разграничение типов когнитивно-ментальных текстовых структур, формируемых в процессе:

1) семантической корреляции или сопоставления ($\leftrightarrow$; $\leftarrow$; $\rightarrow$), сравнения (семантическая форма выражения – метафора, символ, синоним, ассоциативная связь «общее – частное»), ослабления коннотативной семы 'близкий' (:) у вербализаторов, например: {[**мать** $\leftrightarrow$ **питательница, кормилица**]}; {[**дочь**] = [**род, родиочка**] : дуб-отец, липа-мать, клен-брат, калина-сестра] = [**защита, совет, беседа, разговор**]};

2) отождествления семантических компонентов вербализаторов – полного (=) или частичного ($\approx$), например: {[**родители**] = [**коты** $\leftrightarrow$ **дети**] = [**котята**]}; {[**дети**] $\rightarrow$ [ожидание] $\approx$ [**мать**]};

3) противопоставления семантики компонентов вербализаторов ($\neq$), например: {[**брат**] /хата/ $\neq$ /хата/ [**брат**]};

4) контрарной оппозиции лексико-тематических маркеров (: | :), например, {[**мать**] : | : [**мачуха**]}.

Как правило, между компонентами, введенными в концептуальную цепочку (приведены полужирным шрифтом), выделены в предложенных моделях и так называемые операторы отождествления, т.е. те семантические компоненты, которые определяют в данном контексте основу сопоставления или оценки (указаны между наклонными линиями //, например: {[**отец / мать**] $\rightarrow$ /честь/ $\leftarrow$ [**дети**]}), ср: *Не по отцу-матери почет, а по уму*. Моделирование когнитивно-ментальных текстовых структур отражает конфигурации способов семантизации указанных единиц, которые, по сути, являются обобщенными сценариями повседневно-бытовой коммуникации².

---

² Такой концептуальный подход был предложен В.Д. Ужченко и нашел свое обоснование в анализе фразеологических единиц. Ученый считает, что «каждый фразеологизм как единство его инварианта и вариантов глубоко врастает в экстралингвальный грунт, принизывая многочисленными корнями-формулами и одновременно реализуя, вербализуя структуры сознания, представляя своеобразную матрицу некоторой стойкой стандартной ситуации» [Ужченко 2008, с. 50]. Важным аргументом при изучении фразеологии является и мысль А.Е. Гусевой, полагающей, что определяя фразеологические вербализаторы концепта, во внимание важно брать как семантический характер компонентов фразеологических единиц, так и общий ситуативный смысл всего устойчивого словосочетания [Гусева 2008, с. 24-25]. При этом учитывается то, что характеристика того или иного микроконцепта (названия родства) должна сопровождаться установлением

Такое моделирование содержания константы Родство / Спорідненість в народно-песенном, народно-разговорном и художественном дискурсах может дать представление не только о ее семантическом развитии, о ее синтагматике и парадигматике, но и о лингвокогнитивной вариантности, связанной с дискурсивным многообразием коммуникации, а также о национально-культурных особенностях реализации того или иного ценностно-смыслового содержания.

1.4. История изучения константы Родство / Спорідненість в российской и украинской лингвистике (аналитический обзор)

Феномен родства, вербализация и концептуализация семейно-родственных отношений – один из наиболее изученных вопросов в российской и украинской лингвистике. НР (согласно некоторым источникам, эту группу номинаций обозначают термином «лексика семейных отношений» [Ахнина, Шаклеин 2014], в которых воплощается «языковая картина типологии родственных отношений» [Гасанова 2012, с. 135]), являются наиболее исследуемым лексическим слоем в русском и украинском языкознании в аспектах этимологии, лексической семантики, структурно-функциональной стилистики, этнолингвистики (О.Н. Трубачев, Ф. Копечный А. Вежбицкая, Ф.П. Филин, Б.А. Ларин, А.А. Бурячок, В.М. Русанивский, И.С. Козырев, А.А. Бурыкин, С.М. Толстая, В.А. Попов, А.А. Тараненко, В.И. Кононенко, А.И. Моисеев, В.А. Передриенко, В.В. Левицкий, Л.А. Новиков, Е.В. Ли, И.М. Фирсова, Н.Ю. Микитенко, М. Николич, Л.Б. Николаева, Д.М. Добрусинец и др.).

Происхождение и развитие семантики русских и украинских НР детально представлены в авторитетных работах Ф.П. Филина, О.Н. Трубачева, А.А. Бурячка, В.В. Нимчука, В.А. Передриенко,

---

его отношений с другими компонентами ситуации, а шире – со всей семантикой текста в целом. Особую роль при анализе концепта играет предикат как главный носитель пропозиционного знания [Кононенко 2004, с. 7].

В.М. Русанивского, Л.А. Лисиченко, О.Ю. Николенко, Н.Н. Трошина, С.А. Кидямкиной и др.

Парадигма НР, сложная, четко структурированная, иерархическая, структурно закрытая, семантически сложная, ассоциативно разветвленная, по мнению исследователей, равно функционально и коммуникативно значимы в русской и украинской лингвокультурах.

Наиболее полный лингвистический анализ НР в славянских языках с учетом особенностей общественного, исторического и культурного развития их носителей осуществил О.Н. Трубачев, обосновавший взаимосвязь НР с древнейшим слоем номинаций-терминов общественного строя. В частности, он отметил, что «при известной исторической разнородности славянской терминологии родства следует помнить, что по древности своего первоначального оформления и длительности развития, а отсюда – по сложности многих моментов своей истории терминология родственных отношений занимает исключительное положение в основном словарном фонде» [Трубачев 2006, с. 17].

Идеи о необходимости отнесения НР к терминам придерживались и другие лингвисты (А.И. Моисеев, Н.В. Уфимцева, О.С. Ахманова, Г.С. Щур, Т.П. Ломтев, Т.П. Ломтев, В.В. Левицкий, А. Вежбицкая, А.А. Леонтьев, Л.А. Новиков, О.Ю. Николенко, Е.Ю. Кошелева, Н.В. Новоспасская, О.В. Лазарева, И.Б. Качинская и др.). Свою позицию ученые обосновывали, как правило, тем, что эти наименования «составляют строгую систему, матрицу, все элементы которой строго противопоставлены друг другу по определенным дифференциальным признакам и в совокупности покрывают собой всю систему понятий данной области» [Николенко 2011].

Мы не разделяем эту позицию и поддерживаем мнение тех исследователей, которые считают отнесенность НР к терминам «условностью, данью традиции» [Савельева 2007; Сергиева 2007]. «Слова-термины характеризуются отсутствием внутренней формы и соответственно наличием одной семемы» [Русанівський 1988, с. 30], стилистической

нейтральностью и ограниченной функциональностью, и эти характеристики принципиально не соотносятся с особенностями НР. Заслуживает внимания и следующий аргумент: слова, входящие в систему НР и содержащие в своем значении несколько семем, в том числе дополнительные эмоционально-оценочные характеристики (*братик, сестричка, мамочка, мамка, старик* и т.д.), уместно лишь условно относить к терминологической лексике [Кочерган 1976, с. 44] в связи с системным характером их группирования.

Что касается состава НР, по мнению исследователей, в восточнославянских языках парадигма данной лексико-тематической группы значительно разнообразнее в сравнении с языками других языковых групп, что обусловлено гендерными (номинации родственников мужского и женского пола), повседневно-бытовыми и социальными (номинации далеких и непрямых родственников, номинации родственников разных поколений) факторами.

Лингвисты, представляющие различные направления русского и украинского языкознания, пришли к выводу, что НР в восточнославянских языках дифференцируются по определенным признакам:

- 1) по степени родства (например, кровное, сводное и пр.),
- 2) по ступени родства (первое поколение; второе поколение и т.д.).

Бытует мнение, что значение НР определяется большим количеством сем, чем указано выше. Так, Л.А. Новиков считает, что «содержание НР состоит из пяти семантических признаков, поиск которых происходит путем операции последовательного многократного распределения множества элементов на подмножества по определенным свойствам» [Новиков 1982, с. 19]. К уже указанным признакам он добавляет свойства родителей и рожденных и подмножество, в которое входят свойства: кровных родителей и кровно рожденных; юридических родителей и юридически рожденных; родителей и рожденных в брачной связи одного из родителей; родителей и рожденных в брачной связи рожденного мужского пола; родителей и рожденных в брачной связи рожденных женского пола.

В анализируемых языках номинации вторичного кровного родства представлены моделями «слово, указывающее на степень родства + термин первичного родства»: *двоюродный (-ая) (троюродный (-ая)) брат, сестра / дядя, тетя* и под.

Примеры сопоставления словообразовательных парадигм с НР в русском и украинском языках: *род / рід – родство / спорідненість – родня / рідня – родственник / родич – родственница / родичка – родственничек (разг., ласк.) / – родичи / родичі; (рус.) отец – папа – папенька – папуля – папаша – папка – папочка – папаня – папуся / (укр.) батько – батечко – батяня – батенько, тато – татусь – татусечка – татусенька* и под.

Производные дериваты от лексемы «отец» в русском языке либо нейтральны стилистически, либо относятся к т. наз. высокому стилю, ср. *отец – отцовство – отечество, отчизна*, и пр. (также высок. *отець, отче* в украинском языке). Подпарадигма «мать» представлена в таком словообразовательном ряду: *мама – маменька – мамуля – мамуся – мамка – мамочка – матушка, мать* (нейтр. или груб.). Что касается особенностей стилистического маркирования слов в украинском языке, то эта подпарадигма может быть представлена таким образом: *мати – матір* (уроч.) – *матінка, матуся* (пестл.) – *мама* (ласк.).

Более компактные словообразовательные парадигмы с НР представлены так: *баба / баба – бабка (разг.) / бабка (розм.) – бабушка (разг.) / бабця, бабуля (розм., ласк.); сестра / сестра – сестричка / сестричка (разг., ласк.) – сестрица / сестриця (разг., ласк.) – сестренка / сестричка (разг., умен.-ласк.); тесть / тесть – тестюшка / тестонько (ласк. / пестл.); сноха / невістка – сношенька / невістонька (разг., ласк.); сыновья / сини (нейтральн.) – сыны / сини (чаще – высок.)* и т.п. Подобные дериваты в русском языке могут иметь ярко выраженную эмоционально-стилистическую окраску: *братан* (обл., разг.-сниж.) – *братуха* (фам.) – *братик* (умен.-ласк) и т.д. Такие же особенности употребления этих словоформ и в украинском.

Стилистически противопоставляется в русском языке пара *мать – мама*. Отсутствует параллелизм между компонентами синонимической пары *отец – папа*. Однако книжная лексема *мать* в русском языке может быть использована и в составе обесцененных выражений, ср. *материться – матерщина – матюгать – матюгаться – матерный* и т.п. [дет. см. наблюдения: Мурясов 2017].

Своего рода этическое табу наложено в украинском народном и литературном языках на слово «сноха»: «Словник української мови» не приводит НР «сноха», ему в разговорной речи и в литературной письменной практике соответствует «невестка». Тем не менее существует словообразовательная парадигма в пределах исследуемого лингвокультурного концепта «Родство» от общеславянского корня: [сноха] – *снохач – снохачтво – снохачький* ‘связанный с половыми отношениями свекра и невестки’.

В лексических составах как русского, так и украинского языков содержатся глаголы, образованные от НР *сын* и *дочь*: *усыновить (всиновити)* и *удочерить (вдочерити)*.

Большое количество слов, описывающих анализируемый лингвокультурный концепт, вступает в антонимические отношения (*внуки / онуки – деды / діди, внуки / онуки – прадеды / прадіди, предки / предки – потомки / нащадки*) [САРЯ], образуя своеобразные микрополя с гармоничными отношениями между всеми аспектами (логико-понятийным, коннотативно-признаковым и фоносемантическим) слова.

Детальный дефинитивный анализ концепта «Семья» в контексте отражения его вербализации в лексикографических источниках русского языка представлен в работе З.М. Богословской, Чжан Ци [Богословская 2016] и, по нашему мнению, не требует возврата к повторению того же пути в исследовании константы Родство.

Система русского кровного родства, как отметила И.М. Фирсова, отличается универсальностью (охватывает любые отношения) и

постоянством (исключение составляет НР *внучатый племянник*, которая в системе представлена как *двоюродный внук*). Но это замечание касается только кровного родства; что же касается родства через супружескую связь, то есть терминов свойства, то здесь наблюдается некая разрозненность. На сегодняшний день антропологи признают активно функционирующими в современной коммуникации шестнадцать терминов свойства: *муж, жена, свекор, свекровь, тесть, теща, зять, сноха, невестка, деверь, золовка, шурин, свояченица, свояк, сват, сватья* [Левин 1982, с. 92; Фирсова 2011].

Выявлению национально-культурной специфики НР в плане их функционирования в различных сферах (повседневной обиходно-бытовой, профессиональной, социально-культурной и пр.) посвящены работы Н.Н. Трошиной, О.С. Чеснаковой, Е.А. Айсакова, В. Цзинь Линя и др. В частности, стилистическая маркированность НР в повседневной речи проявляется в ситуациях, когда они выполняют роль апеллятивов. Например, Е.Б. Кузьмина на материале словарей проследила, как кодифицированы прагматические нагрузки НР и сделала вывод о недостаточном внимании составителей конкретно к ситуативному употреблению этих номинаций: «В словарях не отмечен даже такой аспект: употребление терминов родства в основном значении в функции апеллятивов имеет разную степень частотности. Так, *брат, сестра, дочь, сын* в этой функции практически не употребляются (в отличие от *мама, папа, дедушка, бабушка*). А использование их в речи требует дополнительного комментария, содержащего описание коммуникативной ситуации (*брат, сестра, дочь, сын* употребляются в качестве обращений в возвышенно эмоциональной речи или в ситуации конфликта, отчуждения). Очень часто в словарях не отмечена возможность употребления терминов родства в производных значениях в функции апеллятивов (ср. *бабушка* «разг. Вообще о старой женщине», «разг. Старая женщина, старуха», «ласк. Старая, пожилая женщина»)» [Кузьмина 2011, с. 148].

Особый коммуникативно-функциональный и лингвокультурный интерес представляют факты использования НР в качестве междометий:

- (рус.) *мать честная!* (восхищение, удивление, изумление); *мама дорогая!* (изумление, неожиданность, восторг); *батюшки мои!* (изумление, восхищение, испуг) и пр.;

- укр. *крий (не дай) мати божя!* (предупреждение, боязнь); *мати божя!* (удивление, восторг, восхищение) и под.

Немало исследований стилистических особенностей НР выполнено на материале художественных текстов. Подобные исследования базируются на актуализации понятия «художественный концепт» через реализацию, к примеру, концепта «семья». Выстраивается парадигма и анализируются художественно-образные характеристики лексем, взаимосвязанных с концептом Семья: *семья – дом / хозяйство / единство / радость / жизнь / счастье* [Пьянкова]; а также – «дед» [Назарова 2018].

В свое время С.Я. Ермоленко предложила некоторые НР, а именно зафиксированные в украинском песенном фольклоре, квалифицировать как составляющие типичных фольклорных формул народно-песенного словаря. Речь идет о номинациях *батько-мати, отець-ненька* [Ермоленко 1987, с. 65].

В нашем диссертационном исследовании на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Ассоциативно-образное поле названий родства в языке поэзии второй половины XX в.» представлен детальный анализ дистрибутивных, структурно-семантических и семантико-стилистических потенций украинских терминов юродства; описана динамика их метафоризации и функционально-стилистической модификации; установлены типы ассоциативных связей слов в поэтическом тексте.

Основные выводы данного диссертационного исследования были сформулированы в следующих тезисах:

1. В общелитературном пространстве НР свойственна устойчивая оценочность, для большинства из них – положительная. В языке поэзии положительная или отрицательная коннотация НР усиливается

соответствующими средствами – эпитетами, сравнениями и т.п. В свою очередь, НР являются мощным средством индивидуально-авторской оценки реальности: в ассоциативно-образных поэтических моделях они создают эмоционально-экспрессивный фон для психологического восприятия того или иного образа.

2. Высокая частотность, поэтическая символичность значения, сочетаемость с поэтической лексикой и ассоциативно-оценочные свойства НР, наличие определенных традиций употребления в поэтическом языке создают основания для их включения в группу поэтизмов.

3. НР раскрывают собственные ассоциативные потенции за счет неограниченной поэтической сочетаемости с лексемами любых семантических полей, а именно: названиями растений, животных, явлений природы, времен года, стихий, астронимами, пространственными, общественно-политическими, абстрактным названиями, названиями лиц и т.п. На пересечении НР с этими системами образуются микрополя «Природа», «Родина», «Дружба», «Деятель», «Портрет».

4. Рассматриваемый материал показал высокую активность НР в языке украинской поэзии, среди которых наиболее употребительными являются лексемы *мать, сын, отец, брат, ребенок, сестра, дочь, дед, семья*. Поэты употребляют эти НР чаще всего для оценки реалий как близких им. Такие НР, как *мачеха, дядя*, наоборот, передают чуждость явления внутреннему миру поэта. НС-диалектизмы (*вуйко, братан* и т.д.) наиболее употребительны в поэзии шестидесятников. Чаще всего поэтическое словоупотребление НР связано с народными традициями, что проявляется в сочетаемости с традиционными поэтизмами – названиями растений, животных, птиц, явлений природы, астронимами, – которая приводит к символизации значения исследуемых названий.

5. В языке украинской поэзии XX в. прослеживается сочетание в рамках одного микроконтекста различных НР. Чаще всего контекстуально ассоциированы такие лексемы: *мать – сын, отец – сын, отец – мать, брат –*

сестра, мать – ребенок, женщина – дети, брат – сын. Эти ассоциативные связи обусловлены тематически.

6. Для каждого периода развития языка украинской поэзии XX в. характерна актуализация определенных НР. Так, в 1910–1930-е гг. наиболее активными были лексемы *братья, сестры*, в 40–50-е гг. – *мать, сын, отец, дочь*; для 60-х гг. отмечены активностью лексем *потомки, предки, родители, дети*; в 70–80-х гг. фиксируется одинаковая частотность использования НР в поэтической словесной образности; 90-е гг. являются периодом спада в употреблении НР в языке украинской поэзии. «Вспышки» активности НР в языке поэзии прослеживаются, как показывает проанализированный материал, в периоды общественных, политических сдвигов, т.е. обусловлены прагматичными факторами. Так, ассоциативно-образные модели *Батьківщина-мати, брати-народи, сестра Росія (Білорусія, Болгарія тощо), визволителі-брати, син (дочка) України (Батьківщини, землі)* стали функционально значимыми в хронологический период Великой Отечественной войны, а в период послевоенного возрождения актуализировались следующие модели: *брати-трудівники, сім'я народів*, обращения *брати, сестри* и под.; в период экологического кризиса (60-е гг., Чернобыльская трагедия) был актуален образ *матери-природы*.

7. Словарь поэтической речи лучше отражает изменения, происходящие в семантической структуре слова, связанные с поэтическими функциями [Марфіна 2001, 2011, 2013, 2014].

Очевидно, что углубление в языковой, речевой, дискурсивный материал, особенно же в материал фольклорных и художественных текстов, дает в отношении концептуализации того или иного явления в лингвокультуре конкретные результаты, расширяющие научные представления о содержании лингвокультурной концептосферы. В данном случае в украинском литературном языке XX столетия в целом, и в частности в языке поэзии, ярко отражена социолингвокультурная динамика развития семантики НР.

Своеобразие отношений между индивидуально-авторской реализацией темы семьи в творчестве М. Цветаевой и особенностями языкового поэтического творчества 20–30-х гг. XX в. проследила И.Ю. Белякова, установив такие ассоциативные текстовые кластерные зоны: а) предки; б) родители; в) сестра; г) муж; д) дети; е) внуки (гипотетические). Они являются зонами проявления доминирующей семантики «я»-субъект, поэтические псевдо- и мифогенеология, «братский» дискурс [Белякова 2010].

К подобным выводам в контексте использования НР в поэтической речи для номинации субъектов родства пришла и С.Х. Головкина, отметив ассоциативно-образную взаимосвязь НР и лексем из сфер «семья», «род», «общество», «межличностные отношения», «сакральная сфера», «природа», «артефакты», «творчество», «объекты социального пространства», «отвлеченные понятия». Наиболее обобщенно результат данного исследования воплощен в таком положении: «Ключевыми в организации системы родства являются следующие термины родства: *мать, сын, брат, дед, жених, невеста*. Семантическим центром поэтической системы Н. Клюева становится духовное родство. Родственная связь между людьми устанавливается поэтом на основании представлений о Божественном начале в мире и человеке» [Головкина 1999, с. 18].

К интересным и немаловажным выводам приходят исследователи, работающие в русле корпусной лингвистики. Так, результатом исследования А.А. Бурыкина, использовавшего материалы электронного ресурса «Библиотека лексикографа» (разработан в Словарном отделе ИЛИ РАН), стали выводы о том, что в поэтических и прозаических текстах русской литературы XX века отмечаются определенные изменения, связанные с употреблением НР:

1) термины свойства в подавляющем большинстве текстов не употребляются более одного раза;

2) в отдельных случаях наблюдается гиперконцентрация отдельных терминов свойства в пределах одного или нескольких рядом расположенных абзацев;

3) нагромождение терминов родства и свойства используется для создания сниженного стилистического эффекта.

Автор делает перспективные для дальнейшего изучения функционирования НР выводы: «Дискурсивные модели использования лексических единиц определенной тематической группы, выстраиваемых в определенных системных отношениях или употребляемых в соответствии с определенными замыслами или с некодифицированной узуальной оценкой, представляют собой недостаточно изученную область коммуникативного синтаксиса, и одна из уже видимых сложностей изучения этой проблемы заключена в том, что эти эффекты не имеют определенной привязки к литературной форме, жанру или топике текста. Пока понятно одно: наблюдаемые явления тесно связаны с образными и аксиологическими компонентами концептов, манифестируемых в текстах» [Бурыкин 2013, с. 20].

В праиндоевропейском лексическом фонде лежат истоки репрезентации восточнославянских НР, на что, в частности, указывает Л.А. Лисиченко, отмечая, что от именно от древних славян восточноевропейские языки унаследовали систему НР со всей ее разветвленностью, иерархичностью отношений, как внутрисемейных, так и внутриродовых [Лисиченко 1993, с. 117].

Особенности словообразования восточнославянских НР рассматривала в сопоставлении с материалом русского, белорусского и польского языков Т.П. Шуба-Зимянина [Шуба-Зимянина 2011]. В ряде сопоставительных работ изучается реализация концептов Род / Семья на материале фразеологических и паремиологических текстов как близко-, так и неблизкородственных языков: русского (А.Ш. Василова, Е.В. Добровольская), украинского (В.Д. Ужченко, В.И. Кононенко, Ю.С. Макарец), чувашского

(Л.В. Борисова), английского (Е.Ю. Бабина, Р.В. Саттарова), немецкого (Г.А. Гуняшова), чеченского (Р.Д. Шамилева); русского, английского, немецкого, (А.С. Головин), французского, итальянского (Л.Х. Хараева, А.Н. Халилова); татарского, турецкого, английского (З.А. Биктагирова); английского, лакского (С.М. Адамова); арабского, русского (Т.А. Шайхуллин); русского, армянского (Н.К. Гаспарян); русского, корейского (А.А. Ким); русского, индонезийского (Р. Ани) и пр.).

Отдельное внимание лингвистов было уделено вербализации концептов Род / Семья во фразеопаремиологических картинах мира как близко-, так и неблизкородственных языков, например, русского и корейского / чешского / шведского / сербского (М. Николич, Н.Ю. Микитенко, Е.В. Ли, Х.Х. Эгамназаров, А.А. Мамедгасанова и пр.). Как правило, в таких исследованиях выявляются сходные и отличительные черты функционирования НР. В частности, Е.В. Ли обнаружила, что общей идеей, отражающей принципы взаимоотношений в русских и корейских семьях, является идея любви [Ли 2013, с. 23].

К исследованию НР ученые зачастую подходят комплексно, сочетая, помимо методов семантического и когнитивного анализа, элементы синхронно-диахронического, этимологического, антропологического анализа, сопоставляя лексические средства различных языков [Близнюк 2006].

Результаты такого сравнительного изучения позволили установить два типа организации семантического поля по линии кровного родства: I – в романо-германской группе, где отсутствует семантический признак направления свойства; II – в группе восточнославянских языков, где этот признак наличествует. Сопоставительное исследование выполнено на материале толковых и переводных словарей, результатов полевых исследований и опроса.

Особое явление в исследовании НР в российской лингвистике – коллективная монография «Категория родства в языке и культуре»,

вышедшая в свет под эгидой Института славяноведения РАН (и под ред. С.М. Толстой) в 2009 г. В главах книги исследуется не только русская лексика родства и ее вторичные метафорические значения, но и символика и мифопоэтика родства в народной культуре славян и их соседей (греки, евреи), мотивы родства в народном календаре, в мифологических представлениях и фольклорных текстах разных жанров (обрядовая поэзия, заговоры, нарративы) [Толстая 2009].

Общие результаты перечисленных работ можно сформулировать в следующем утверждении: НР относятся к наиболее древнему культурно значимому пласту лексики, формирующему семантически и ассоциативно разнообразные и сложные полевые структуры, обладающие развитой и разветвлённой системой парадигм.

Как многоуровневая изоморфная семантическая структура, парадигма НР рассматривается и в лингвокультурологии. В лингвокультурологических исследованиях НР трактуются как проводники концептуализированного, обобщенного опыта, смысла. Большинство исследователей относит Концепты Род, Семья, Родство многими исследователями определяются как концепты-универсалии (А.С. Головин [Головин 2014]), а также к ключевым (М.В. Пименова [Пименова 2005], Ю.С. Макарец, О.Н. Слипчук [Макарец, Слипчук 2013], Н.Н. Занегина [Занегина 2011], Г.А. Гуняшова [Гуняшова 2013] и др.) или фундаментальные, определяющие жизнеустройство человечества, регламентирующие сложные социокультурные взаимодействия (Н.Н. Занегина [Занегина 2011], Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров [Верещагин, Костомаров 1973, 1980, 2005] и др.).

Условно подобные научные подходы можно типологизировать по:

- исследуемому материалу (например, анализ особенностей вербализации концепта с опорой на толкование значения, представленное в лексикографических источниках; анализ паремиологических / фразеологических единиц; анализ художественных (поэтических) контекстов);

- по методам и приемам (сопоставительные исследования; экспериментальные (ассоциативные) исследования).

Результаты лингвокультурологических исследований показали, что в концептосферу русской культуры входит ряд микроконцептов родства. Так, микроконцепт Муж является компонентом макроконцепта Человек; по наблюдениям же Н.В. Уфимцевой, компонентами второго по значимости для русского сознания макроконцепта Дом являются микроконцепты Родители, Семья, Отец, Мать, Бабушка, Дети, Брат, Сестра, Муж [Залевская 2005; Караулов 2000; Уфимцева, Русские; Алефиренко 2010; Артыкбаева].

Н.С. Сергиева отмечает, что «подзона “Семья” самая важная для человека как существа социального обозначается в составе зоны ЧЕЛОВЕК». Номинации родства представлены в разных слоях ядра языкового сознания с учетом линий по браку и рождению детей с дифференциацией по половому признаку. По мнению ученого, «при преобладании в русском языковом сознании мужского начала пара *мать – отец* представляет собой исключение. В ней более значимым членом является мать, то же можно сказать и об эмоциональном апеллятиве *мама*, где отсутствует мужской член противопоставления» [Сергиева 2007].

Как соотношение лингвокультурных концептов Е.А. Глотова представила концепт Семья в русском национальном сознании [Глотова 2014]. Изучаемый концепт рассмотрен в национальном паремийном фонде и в различных словарях и структурно делится на три большие группы: 1) муж / жена, взаимоотношения между ними; 2) родители / дети, отношения между ними; 3) близкие родственники, отношения между ними. В результате проведенного лингвокультурологического анализа Е.А. Глотова делает вывод о том, что в основе архетипической связи концепта Семья с другими концептами (например, концептами Счастье, Любовь, Дружба, Быт и др.) лежат социокультурные и повседневно-бытовые факторы (например, семейные ценности, взаимоподдержка, общие проблемы, быт, взаимоотношения между членами семьи и т.д.). В частности, ученый

отмечает: «Компоненты большинства фразеологизмов и паремий соотносятся с антропным, или собственно человеческим, кодом культуры и несут функционально значимые для культуры смыслы. В основе всех рассмотренных фразеологизмов и паремий и лежит этот код, создающий метафорический смысл и значение единиц в целом» [Глотова 2014, с. 50].

Лингвокультурологический подход отличает исследование З.Б. Богословской, выполненное на материале больших толковых словарей русского языка. Основные выводы изложены в заключении: «Рассмотренные словари позволяют воссоздать преимущественно узואльную модель имени концепта “семья”, конструирование же речевой модели требует обращения к другим источникам. Лексикографические данные о слове “семья” свидетельствуют о его семантических изменениях, происходивших на протяжении полутора столетий. Слово “семья”, имеющее неразветвленную семантическую структуру, постепенно стало полисемантом. С течением времени оно приобрело метафорические и метонимические смыслы. Как термин слово начало использоваться в естественных и лингвистических науках. В целом лексикографические сведения позволяют предположить: концепт “семья” характеризуется полевой структурой, имеющей центр (ядро) и периферию. Его ядро соотносится с прямым значением слова “семья”. Изучение семемного и семного варьирования слова “семья” как репрезентанта одноименного концепта в русском языке дает возможность говорить о его сложной организации, имеющей общее узואльное значение: “совокупность живых организмов, находящихся рядом, имеющих сходные признаки, общее происхождение”» [Богословская 2016, с. 67].

Таким образом, мы можем констатировать, что наибольшее количество современных исследований константы Родство имеет сравнительно-концептологическую основу и сосредоточено на вербализации ценностной составляющей данного концепта. В большинстве случаев лингвисты приходят к выводу, что наиболее полное выражение и аксиологическое

содержание концепта Род/Семья воплощается во фразеопаремиологическом пространстве любого исследуемого языка.

Как известно, наиболее полное представление о ментальных, культурных особенностях языка дают фразеологические единицы и поговорки, позволяющие выявить специфику исторического, социального, культурного опыта народа, раскрыть лингвокультурные свойства фразеопаремиологической КМ. Вербализация различных микро-, макроконцептов, их взаимосвязи и презентация в паремиологических КМ представлены в ряде работ российских и украинских ученых [Кошарная 2018]; [Калько 2013]; [Ніколайчук 2013]; [Жизневская 2012].

Так, концепт Мать проанализирован как репрезентант макроконцептов Семья или Женщина (Ю.А. Абрамова, А.Д. Алиева, Г. Вальтер, А.Г. Евенчук, Я.И. Калинина, А.В. Кирилина, И.И. Ковалик, И.С. Страшнюк, Т.Н. Сукаленко, В.Н. Телия и др.). Изучено его функционирование в художественном дискурсе (Х.В. Старовойтова, В.Б. Яковлева и др.), описано ассоциативное поле по данным свободного ассоциативного эксперимента на материале немецкого, польского, русского, украинского и других языков (Л.В. Адонина, Т.В. Бисовецкая, В.Б. Марчук и др.). Например, С.Г. Коцюба исследовала особенности вербализации стереотипных национальных представлений о статусе и функции родителей в пословицах и поговорках славянских, германских и романских языков, дифференцировав универсальные и национально обусловленные характеристики отца и матери в разных культурах [Коцюба 2010, с. 293–303]. А.В. Чернова описала понятия «отец» и «мать» как константные величины украинской лексико-фразеологической системы языка, выделив ядерную и периферийную зоны их номинативно-смыслового поля и создав когнитивные метафорические модели концептуализации сегментов периферийной зоны [Чернова 2010]. В.Н. Телия, анализируя номинативные единицы для обозначения женщины, родовым считает концепт Женщина / Баба, а все остальные, в том числе связанные с семейным статусом, – видовыми [Телия 1996, с. 261].

При всей основательности упомянутых работ и аргументированности их выводов необходимо отметить, что не все отстаиваемые в них тезисы представляются неоспоримыми. В частности, В.В. Калько предполагает, что в украинской ПКМ «представлены два неиерархических и независимых концепта ЖЕНЩИНА и МАТЬ» [Калько 2013, с. 222]. Однако в концептуальной КМ, в концептосфере не существует несвязанных, непересекающихся составляющих.

В работах В.И. Кононенко, В.В. Жайворонка, Ю.С. Макарец анализируются составляющие константы Родство в плане формирования НЯКМ. М.В. Пименова рассматривает концепт Мать в качестве иллюстративного материала при изучении понятия *концепт* как фрагмента КМ, формируемого «общенациональными признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения» [Пименова 2004, с. 131].

Вместе с тем единственным основательным исследованием, сфокусированном на изучении как таковой константы Родство, является диссертация А.С. Головина «Лингвокультурный концепт Родство в английских, немецких и русских паремиях» [Головин 2014]. Выполненное в русле сравнительной концептологии, оно имеет свою специфику как в методологии, так в материале (паремийный фонд) и в предмете изучения (вербализация ценностной составляющей константы Родство). К релевантным для настоящего исследования тезисам диссертации относится в первую очередь следующий: «Ценностный компонент концепта “родство” вербализуется посредством паремий, семантика которых на материале английского, немецкого и русского языков демонстрирует специфику представления отношений к родственникам по крови, по браку и в понимании родства душ» [Головин 2014 (автореферат), с. 7].

Особый статус константы Родство среди концептов, коррелирующих интерперсональные отношения, обосновывает В.И. Карасик, который подчеркивает ее эпистемиологическую значимость относительно культурных

и национальных особенностей акционального и речевого поведения человека.

По результатам лингвокультурологических исследований НР сформировались представления о существовании национальных стереотипов / эталонов / коммуникативных норм относительно дома и семьи, вербализуемых во фразеологии, поговорках и т.п., например: русский человек воспринимает семью как надежный оплот; осмотрительность в выборе жены (мужа); в семейной жизни надо соблюдать порядок; основа семейной жизни – любовь, лад, уважение [Ахнина, Шаклеин 2014]. В русском фольклоре (пословицы, поговорки, колыбельные) отмечено проявление нескольких ключевых ценностей [Алефиренко 2010]:

- 1) семья как символ общности всех ее членов;
- 2) уважение к родителям, забота и ответственность за них;
- 3) сохранение преемственности семейных поколений;
- 4) воспитание детей в русле семейных ценностей;
- 5) основа семейного благополучия – это взаимоотношения супругов;
- 6) семья стоит на одном уровне с карьерой, личными интересами и получением удовольствия.

По справедливому заключению Л.А. Грицай, «идеалом родительского воспитания русской традиционной культуры мы можем назвать формирование личности человека, обладающего социально значимыми добродетелями: трудолюбием, верностью своей семье и роду, послушанием воле старших, смелостью, мудростью и находчивостью в принятии жизненных решений. Родительское воспитание понималось как естественный процесс постепенного приобщения ребенка к миру человеческих отношений, нравственности и труда с помощью традиционных представлений о смысле жизни и коллективного мировоззрения» [Грицай 2012, с. 59].

Исследования концепта Семья, выполненные в русле сравнительной концептологии, позволили установить ряд гештальтов, к которым «восходит»

когнитивно-ментальное восприятие этого феномена, в частности в русской культуре: очаг, живой организм, ячейка государства, государство (во времена СССР), здание, театр, гнездо, дорога, упряжка, передвижение по воде, гавань, оазис, остров, война, продукт маркетинга [Крушевская]. Определено в этих исследованиях и поле взаимодействия концепта Семья с другими концептами: Любовь, Совет, Лад (Мир, Порядок), Согласие, Тепло, Забота, Ласка, Романтика, Верность, Дружба, Доверие, Откровенность, Смирение, Молитва. Выделены также оппозиты концепта Семья – слова, вербализующие концептуализацию опыта вмешательства социокультурных помех в обустройство семейной жизни: намек, попрек, разлад, пьянство, безответственность, ссора, упрямство, вспыльчивость, долг.

Оперируя понятием «стереотип-ситуация», Го Пинтин в результате концептуального анализа устанавливает такую систему традиций семейного воспитания в русской языковой картине мира: стереотип-ситуация «религиозное воспитание», стереотип-ситуация «нравственное воспитание», стереотип-ситуация почитания родителей, стереотипы-поведения [Пинтин 2017].

«Не отпускает» исследователей и проблема идеологизации сознания, одним из инструментов которой является актуализация так называемой «семейной метафоры», или «метафоры родства». В частности, исследователи отмечают, что «семейная метафора была реализована в концептуализации и категоризации деловых отношений между экономическими и политическими партнерами» [Тупан 1997]. В то же время А.П. Чудинов, указывая на востребованность и популярность метафоры родственных связей в политическом дискурсе, подчеркивает: «...при выстраивании образа СССР имплицитно сквозь все тексты статей проходит идея о прототипической идеальной модели семьи. В рамках этой модели все отношения между членами семьи идеализируются: каждый стремится помогать ближнему, нет намека на ссоры и конфликты, предательство и измена остаются в стороне. Таким образом, метафора родства в советском медийном политическом

дискурсе первых послевоенных лет выявляет лишь положительные коннотации, выражая смыслы близости отношений, доброты, взаимопомощи, тесной связи, столь необходимые советскому народу в послевоенный период реабилитации» [Чудинов 2006]. Подобные выводы на материале современного политического дискурса сделаны и в работах Е.С. Савельевой и В.А. Миллер [Савельева 2015].

Обзор основных научных работ по проблематике НР можно завершить ссылкой на междисциплинарное библиографическое исследование выполненное Г.В. Дзибель [Дзибель 2012], в котором перечислены этнографические, социологические, исторические, культурологические, лингвистические и пр. источники (всего – 77). Отдельно указаны работы, касающиеся терминов родства и антропонимов, – 8, работы с использованием формального, структурного, дистрибутивного и др. методов анализа НР – 45 работ, исследования НР у восточных славян – 285 позиций.

Таким образом, изучению феномена родства, вербализации и концептуализации семейно-родственных отношений в русском и украинском языках посвящено большое количество лингвистических работ разной направленности. Глубоко исследована длительная история существования НР в этих и других языках, их архаическое происхождение и связь с древней мифологией, их культурная значимость, семантическая, ценностная, коммуникативная и образная развитость связанных с ними парадигм. Не смотря на значительное количество лингвокультурологических исследованиях НР (Н.Н. Занегина, Е.В. Добровольская, И.Б. Качинская, Н.С. Сергиева, Чжан Циньхан, Ю.С. Макарец, Е.Ю. Бабина, Р.В. Саттарова, Г.А. Гуняшова, А.А. Плотникова, Е.О. Атрощенко, М.В. Кононенко, В.В. Калько, А.Т. Ашхарава, Н.Н. Занегина, М.В. Пименова, Ю.С. Макарец и др.), единственной работой, исследовавшей константу Родство на материале паремий неблизкородственных языков в ее ценностно-содержательной целостности является диссертационное исследование А.С. Головина.

В связи с этим открытыми остаются вопросы, касающиеся:

- содержания (структуры и семантики) константы,
- реализации и развития ее мифопоэтического «стержня» (внутренней формы) в процессе развития культуры и языка,
- содержания и развития ассоциативно-образной ее составляющей, формирующей периферию содержания константы и воплощенной в первую очередь в народно-разговорном, народно-песенном и художественном дискурсах,
- расхождения в содержании константы Родство в русской и украинской лингвокультурах, культурно-исторических причин и динамики этого расхождения.

Поиск ответов на эти вопросы формирует основные задачи настоящего исследования.

Выводы к главе 1

Изучению феномена родства, вербализации и концептуализации семейно-родственных отношений в русском и украинском языках посвящено большое количество лингвистических работ разной направленности. Глубоко исследована длительная история существования НР в этих и других языках, их архаическое происхождение и связь с древней мифологией, их культурная значимость, семантическая, ценностная, коммуникативная и образная развитость связанных с ними парадигм. В лингвокультурологических исследованиях НР трактуются как проводники концептуализированного, обобщенного опыта, смысла. В многочисленных лингвокультурологических источниках представлен подробный анализ концептов Семья, Мать, Дитя, Брат и Сестра, Род. В то же время единственной работой, исследовавшей константу Родство в ценностно-содержательной ее целостности (на паремийном материале английского, немецкого и русского языков и в заданном ракурсе ценностного компонента ее содержания), является диссертационное исследование А.С. Головина.

В связи с этим открытыми остаются вопросы, касающиеся:

- содержания (структуры и семантики) константы,
- реализации и развития ее мифопоэтического «стержня» (внутренней формы) в процессе развития культуры и языка,
- содержания и развития ассоциативно-образной ее составляющей, формирующей периферию содержания константы и воплощенной в первую очередь в народно-разговорном, народно-песенном и художественном дискурсах,
- расхождения в содержании константы Родство в русской и украинской лингвокультурах, культурно-исторических причин и динамики этого расхождения.

Поиск ответов на эти вопросы формирует основные задачи настоящего исследования.

Для решения этих вопросов был выработан особый подход – лингвомифопоэтический – к анализу концептов-констант (в целом) и концепта-константы Родство (в частности). Предложенный подход базируется на положении о том, что в константах как видах лингвокультурного концепта мифопоэтическая составляющая занимает место содержательного стержня, обеспечивающего единство всех его слоев (от этимологического до актуального; от понятийного до ассоциативного) и задающего перспективу и векторы его развития.

Понятие «мифопоэтическая составляющая» константы в работе трактуется как а) память об архаическом (и христианском) мифе, работающая во внутренней форме константы, а также преимущественное ее развитие через фольклорное и художественное освоение ее мифопоэтического потенциала; б) связанный с древними мифологическими представлениями образ, находящийся в основе и центре (смысловой и этимологически-исторической внутренней форме) концепта, определяющий его ценностное содержание, задающий основные векторы его развития (развития его структуры), содержащий в свернутом виде определенный сюжет или набор

сюжетов, которые впоследствии разворачиваются в разных (в первую очередь фольклорных и литературных) текстах культуры, и реализующийся во внутренней форме доминантного и других слов, вербализующих концепт, а также в соответствующей метафорике, символике, фразеологии, паремиологии и т.д.

Соответственно, особым признаком концепта-константы предлагается считать интенсивность его реализации в фольклорных и литературных текстах, а также в других художественных текстах национальной культуры; следствием и необходимым сопровождающим эффектом этой реализации является художественное осмысление и переосмысление исходного мифологического образа, а также существенное приращение смысловой структуры константы при неизменности ценностной ее составляющей.

Свою специфику имеет и структура константы как вида лингвокультурных концептов. Эти особенности могут быть описаны в следующих утверждениях:

1. Концепт-константа в качестве основополагающего, исходного элемента структуры имеет не чувственно-образное, но мифопоэтическое ядро – имя-миф, к которому восходит доминантное для константы слово, вербализующее ее, а также (в качестве потенциальной или же реализованной возможности) ряд других значимых в плане ее вербализации слов. Имя-миф предполагает отсылку во внутренней форме этих слов не только к мифологическому образу, но и к разворачивающемуся в потенциале сюжету, а также возможное их ассоциирование с мифологическими представлениями о мире, связанными с этими именем и сюжетом.

2. Периферийное поле константы можно представить, объединяя модели Ю.С. Степанова и В.И. Карасика, в целостности диахронически-синхронического существования как структуру, состоящую из актуальных ассоциаций и актуального понятийного наполнения, а также исторических ассоциаций и понятийных элементов, имевших значение в определенную эпоху.

3. Предположительно, периферийная зона концепта-константы развивается, как и вся человеческая культура, в направлениях от мифа к логосу и обратно, проходя на этом пути такие процессы освоения мифопоэтических структур, как метафоризация (осмысление в метафорических уподоблениях), символизация (осмысление в знаках-символах), рационализация (осмысление в понятийно-логических структурах), «новая» метафоризация и символизация и, возможно, ремифологизация.

4. Ведущую роль в развитии структуры константы играют фольклорные и литературные тексты, поскольку они способны воспринять целостность ценностно-образного и нарративно-сюжетного потенциала мифа-имени, воспроизвести и (или) интерпретировать его, зафиксировать в концептосфере и транслировать в пространство национальной культуры. Те классические тексты художественной литературы, которые находятся в основании национальной культуры, наиболее полно и всесторонне отражают развитие таких констант. (ср.: А.С. Пушкин – национальный русский поэт; Т.Г. Шевченко – национальный украинский поэт).

Лингвомифопоэтический подход (или лингвокультурная мифопоэтика), таким образом, является подходом к анализу констант, адекватным сущности и структуре концептов-констант, а также их месту в общей типологии. Сущностью этого подхода является сочетание методов работы с языковым, текстовым, семиотическим материалом, а именно: методов сравнительной лингвоконцептологии, лингвокультурологической поэтики, мифопоэтики:

Разработана лингвокультурная мифопоэтическая методика компаративного анализа концепта-константы, которая должна включать в себя следующие шаги:

1. Моделирование номинативного поля константы (в компаративном аспекте), анализ семантического поля языковых средств, входящих в номинативное поле анализируемой константы (семный анализ лексикографических источников, дистрибутивный анализ сочетаемости

доминантного слова; анализ значения производных доминантного слова, определение содержания понятийного ядра концепта).

2. Исследование этимологического значения, «внутренней формы» доминантного слова-мифа (доминантных слов), описание мифопоэтического ядра константы.

3. Компаративное описание особенностей реализации константы в фольклорных языковых и речевых средствах, одновременно формирующих ближайший ко внутренней форме концепта исторический слой и актуальную для настоящего времени национальную картину мира.

4. Анализ реализации константы в литературных текстах, активно участвующих в формировании национального языка и НЯКМ и связанных с внутренней формой константы, ее мифологическим содержанием.

5. Обобщение данных о содержании констант в национальных лингвокультурах в динамике их формирования и развития.

Компаративный анализ народно-песенного и народно-разговорного дискурсов, а также выявление и структурирование мифопоэтической составляющей литературных текстов, вербализующих константу Родство / Спорідненість, предусматривают не только совмещение приемов концептуального и мифопоэтического анализа, но и моделирование когнитивно-ментальных текстовых структур константы с помощью разработанного в исследовании приема структурирования концептуальных цепочек. Такое моделирование может дать представление не только о синтагматике, парадигматике и семантическом развитии константы, но и о ее лингвокогнитивной вариантности, связанной с дискурсивным многообразием коммуникации, а также о национально-культурных особенностях реализации того или иного ценностно-смыслового содержания.

ГЛАВА 2

КОНСТАНТА РОДСТВО / СПОРІДНЕНІСТЬ: ОТ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ К ФРАЗЕОПАРЕМИЙНОМУ СОДЕРЖАНИЮ

2.1. Номинативное поле, внутренняя форма (мифопоэтическое ядро) и семантическое ядро константы Родство / Спорідненість

Номинативное поле константы Родство / Спорідненість в русском и украинском языках может быть описано на основе данных толковых лексикографических источников русского и украинского языков. Ключевой номинацией выступает слово *родство / спорідненість* как наиболее частотное, стилистически нейтральное, многозначное, широко употребляемое; при этом необходимо отметить, что мотивирующее его и множество других номинаций слово *род / рід* (вместе с мифопоэтическими представлениями, связанными с ним) следует считать внутренней формой константы.

Основной особенностью номинативного поля исследуемой константы, образуемой прямыми номинациями, является его чрезвычайная разветвленность, объемность, подразумевающая в том числе развернутую синонимию (*родной – милый – любимый / рідний – милый – улюблений*); *род – племя – семья – семейство – фамилия / рід – плем'я – родина (сім'я) – сімейство – прізвище*; *родство – родственность – (кровная) связь – родственные узы – близость / спорідненість – споріднення – (кровный) зв'язок – родинні зв'язки – близькість* и т.п.) и большое количество устойчивых единиц с номинациями, содержащими значение родства. Деривационное поле ключевой номинации, а также мотивирующей ее номинации *род / рід* столь велико, что данные словарей относительно количества соответствующих дериватов разнятся; среди наиболее

употребительных (доминантных) однокоренных слов можно назвать: *роды* (укр. *пологи*), *рождать* (укр. *народжувати*), *родовой* (укр. *родовий*), *родной* (укр. *рідний*), *родственный* (укр. *споріднений*), *родственник* (укр. *родич*), *родина* (укр. *батьківщина*), *зародыш* (укр. *зародок*), *породниться* (укр. *породнитися*) и др. В то же время, поскольку первое значение слова *родство* / *спорідненість* в словарях зафиксировано как «отношения между людьми, имеющими общих предков» и поскольку для мотивирующего слова «род / рід» первичным является семантика «коллектива кровных родственников, происходящих от одного предка и носящих общее родовое имя», то к доминантным словам номинативного поля константы Родство / Спорідненість следует отнести и такие слова, как *кровь* / *кров*, *кровный* / *кровний*, *предок* / *предок*.

Сопоставим семантическую связь выделенных доминантных слов тематической группы «родство, родственность» в двух языках по лексикографическим источникам в таблице.

Таблица 2.1.

Номинативное поле константы Родство / Спорідненість (по данным базовых словарей русского и украинского литературных языков)

Слово	Лексикографический источник русского языка	Лексикографический источник украинского языка
Род Рід	І м. 1. Основная общественная организация в первобытном обществе, представляющая собою союз больших семей, находящихся в родственных отношениях и ведущих общее хозяйство.	1. Форма спільності людей за первіснообщинного ладу, господарське і соціальне об'єднання кровних родичів. 2. Ряд поколінь, що походять від одного предка. // збірн. Усі родичі, рідні; родина, рідня // Уживається

	<p>2. Коллектив кровных родственников, происходящих от одного предка и носящих общее родовое имя; поколение. 3. разг. Члены одной семьи; родственники.</p> <p>II м.</p> <p>1. Группа, которая объединяет несколько близких видов, обладающих общими признаками (в научных классификациях).</p> <p>2. Категория понятий, включающих в себя ряд частных понятий с общими, объединяющими их признаками (в логике).</p> <p>3. Разновидность, обладающая каким-либо качеством или свойством.</p> <p>III м.</p> <p>Способ, образ, направление деятельности.</p> <p>IV м.</p> <p>Грамматическая категория, свойственная разным частям речи и состоящая в распределении слов или их форм по двум или трем</p>	<p>на позначення належності за народженням до якої-небудь соціальної групи, національності і т. ін..</p> <p>3. Вид, тип чого-небудь.</p> <p>4. <i>біол.</i> Група тварин або рослин, що об'єднує близькоспоріднені види.</p> <p>5. <i>лог.</i> Поняття, що включає в себе ряд менш загальних, видових понять.</p> <p>6. Граматична категорія, властива іменникові багатьох мов. [СУМ VIII, с. 554–555].</p>
--	---	---

	<p>классам, традиционно соотносимым с признаками пола или с их отсутствием (в лингвистике).</p> <p>V м. устар. Жанр, стиль. [ТСЕ]</p>	
<p>Родство</p> <p>Спорідненість / Споріднення</p>	<p>I ср.</p> <p>1. Отношения между людьми, имеющими общих предков. </p> <p>Отношения между людьми, возникающие в результате вступления в брак.</p> <p>2. Родственное чувство. перен. Близость по духу, привычкам, убеждениям.</p> <p>3. перен. Близость по общности происхождения.</p> <p>II ср.</p> <p>Отношение между языками, предполагающее наличие у них общего источника – праязыка (в лингвистике). [ТСЕ]</p>	<p>Абстр. ім. до споріднений [СУМ ІХ, с. 574].</p> <p>// Стосунки між родичами людей, що взяли шлюб, а також стосунки подружжя з їх кровними родичами; свояцтво [СУМ ІХ, с. 574].</p>
<p>Родственный</p> <p>Споріднений</p>	<p>I прил.</p> <p>1. Соотносящийся по знач. с сущ. родство I, родственник, связанный с ними.</p> <p>2. Свойственный</p>	<p>1. Пов'язаний спільністю походження. // Який має спільну причину.</p> <p>2. перен. Близький, схожий з ким-, чим-небудь</p>

	<p>родственникам, характерный для них.</p> <p>3. Основанный на отношениях родства родство I</p> <p>4. Близкий по общности происхождения.</p> <p> перен. Близкий по духу, привычкам, убеждениям.</p> <p>II прил.</p> <p>1. Соотносящийся по знач. с сущ. родство II, связанный с ним.</p> <p>2. Основанный на отношениях родства родство II, общего источника – праязыка (в лингвистике).</p> <p>III прил. см. родственные Имеющие один и тот же корень; однокоренные (о словах – в лингвистике). [ТСЕ]</p>	<p>за своїми якостями, ознаками і т. ін.. //</p> <p>Відповідний, близький кому-, чому-небудь, співзвучний з ним [СУМ ІХ, с. 574].</p>
<p>Родной</p> <p>Рідний</p>	<p>I м.</p> <p>Употребляется как ласковое обращение к отцу, брату, мужу, мужчине, юноше, мальчику, соответствуя по значению сл.: родимый, милый, любимый.</p> <p>II прил.</p> <p>1. Находящийся в кровном</p>	<p>1. Який має кровну спорідненість, кровний зв'язок із ким-небудь // Власт. людині, яка має кровну спорідненість, кровний зв'язок із ким-небудь// Який належить тому, хто має таку спорідненість, такий зв'язок</p>

	<p>родстве по прямой линии. 2. перен. Близкий по духу, привычкам и убеждениям с кем-либо; свой. [ТСЕ]</p>	<p>із ким-небудь // Який перебуває у шлюбі з ким-небудь (про чоловіка стосовно дружини і навпаки) // Який складається з кровно споріднених осіб. 2. у знач. ім. рідні, них, мн. Батьки. // Близькі й далекі родичі. 3. перен. Близький кому-небудь духом, звичками, поглядами і т. ін. [СУМ VIII, с. 557–558].</p>
<p>Кровний Кровний</p>	<p>I прил. 1. Основанный на происхождении от одних родителей или по отцовской линии. 2. устар. Наследственный (о человеке). II прил. устар. Чистокровный, породистый (о животных). III прил. Глубоко затрагивающий, близко касающийся. IV прил. разг. 1. Добытый, заработанный тяжелым</p>	<p>1. Який має спільних предків; рідний за кров'ю.// Який ґрунтується на походженні від спільних предків. <i>Кровна спорідненість</i>. 2. перен. Який ґрунтується на духовній близькості, спільності інтересів; міцний, нерозривний [СУМ IV, с. 361].</p>

	<p>трудом.</p> <p>2. Очень жестокий; тягчайший.</p> <p>[ТСЕ]</p>	
<p>Кровь</p> <p>Кров</p>	<p>I ж.</p> <p>1. Жидкость красного цвета, циркулирующая в организме человека или животного, доставляющая питательные вещества к тканям и уносящая продукты их распада.</p> <p>2. перен. разг. Убийство.</p> <p>II ж.</p> <p>1. Близкое, единокровное родство. Происхождение.</p> <p>2. устар. Потомок.</p> <p>III ж.</p> <p>разг. Страсти, темперамент.</p> <p>[ТСЕ]</p>	<p>1. Червона рідина, яка, циркулюючи в замкнутій системі організму, забезпечує живлення його клітин і обмін речовин у ньому.</p> <p>2. <i>перен.</i> Людські жертви при якому-небудь зіткненні, боротьбі, війні тощо; убивства, кровопролиття.</p> <p>3. Порода, породистість тварин.</p> <p>4. <i>перев. з означ., перен.</i> Про рід, походження, національність людини. // у сполуч.зприсв.займ., розм. Про близьких родичів (переважно про дітей) [СУМ IV, с. 358].</p>
<p>Предок</p> <p>Предок</p>	<p>1. Лицо, являющееся предшественником в семье, роде, племени по отцовской или материнской восходящей линии, обычно далее деда или прадеда (противопол.:</p>	<p>1. Старший родич по висхідній лінії з боку матері або батька (звичайно старіший за діда, бабу);</p> <p>// Той, від кого веде свій початок рід //</p>

	потомок) [ССРЛЯ XI, с. 138].	Родоначальник якогось виду або роду (про тварин). 2. <i>перев. мн.</i> Попередники сучасних поколінь; люди, що жили задовго до теперішніх часів; // <i>тільки мн.</i> Ті, від кого походять певні людські племена, народності і т. ін. [СУМ VII, с. 528–529].
Роды Пологи / Роди (редко) / Родины (разг.)	1. Физиологический процесс рождения, выхода младенца из тела матери. Процесс рождения детеныша у животных. 2. <i>перен. разг.</i> Тяжелый, мучительный процесс появления и формирования чего-либо нового. [ТСЕ]	Фізіологічний процес виходу плода з тіла матері; роди [СУМ VII, с. 541].
Рождаютъ	1. Производит на свет младенца в результате родов (о женщине). Давать жизнь кому-либо. 2. <i>перен. перех.</i> Давать начало чему-либо, создавать, производить, быть причиной появления чего-либо. 3. <i>перен. перех.</i> Вызывать в ком-либо какое-либо чувство.	1. <i>перех.</i> Давати життя дитині [дітям] під час пологів (про жінку або самицю). 2. <i>перех., перен.</i> Давати початок чому-небудь, створювати що-небудь, бути причиною появи когось, чогось. // Пробуджувати, викликати

	4. Приносить плоды, урожай; родить 3. (о почве). [ТСЕ]	що-небудь. 3. тільки док., перех. і неперех., розм. Дати багато плодів, принести великий урожай. [СУМ VI, с. 447].
--	---	--

В целом в толковой академической лексикографии отмечаем совпадение семантических признаков, отражающих в русском и украинском языках семантику ‘общность, связь, близость по крови’, ‘общность, связь по браку’ и ‘общность, близость по духу’. Первые два из выделенных значений – ‘близость по крови’ и ‘близость по браку’ – являются прямыми, сформированными в архаическое время и в силу этого наиболее мифопоэтически обремененными. Именно в этих прямых значениях, как в наибольшей степени связанных с образно-смысловым (мифопоэтическим) ядром константы и реализующих ее мифопоэтический потенциал, будет рассматриваться функционирование константы Родство / Спорідненість в фольклорных и литературных текстах в диссертации.

Кроме того, в отличие от семантики слов, вербализующих концепт Семья / Сім’я в двух языках, в семантическом поле номинаций родства значимое место занимают значения ‘общность происхождения’, ‘общий источник’, ‘общий предок’, ‘общее имя’. Все эти значения имеют отношение к значению слова *род* и к связанным с его этимологией комплексом мифопоэтических представлений. *Имя, предок, потомок, семья* (укр. *ім’я, предок, нащадок, сім’я*) – все эти лексемы, составляя часть номинативного поля константы Родство / Спорідненість, концептуализуют ценностный компонент ее содержания в мифологически-исторической перспективе: для константы Родство / Спорідненість вопрос об общем имени, источнике и развитии его потенций в потомках не менее важен, чем вопрос о единстве и близости того, кто объединен узами родства. Таким образом, установленные протосемы вербализуют описываемую константу в обобщающих понятиях

«предок – род, кровь – родственники, родня, родич, род – родственный, кровный» и – *мать, отец, дед, баба* – в номинациях родоначальников.

Очевидно, что константа Родство / Спорідненість как макроконцепт включает в себя множество концептов, в том числе Род и Семья. Их изучению посвящен ряд работ, среди них: [Добровольская 2005; Макарец 2013; Чжан Цинхань 2022; Пименова 2022]. Так, Ю.С. Макарец в результате своего исследования приходит к обоснованному выводу о том, что «концепты Род, Семья тесно взаимосвязаны между собой, однако их семантико-культурологический объем не тождественен. Ядром названных слов-концептов является значение совокупности лиц, связанных кровной связью, вокруг которого сформирован широкий круг глубинных значений. С родом в украинском сознании тесно связано представление о возможности полноценного существования только в его среде, поскольку он обеспечивает защиту и оказывает помощь. <...> Если род богатый и большой, то это улучшает положение каждого его члена. Род состоит из ряда семей, они также пользовались глубоким уважением, о чем свидетельствуют фразеологические контексты употребления лексемы *семья*. Этим компонентом значения ('единица рода') концепт Семья связан с концептом Род, однако словообразовательная связь первого со словами *род, рожать* ограничено его функционированием в научных терминосистемах, в частности вхождением в число биологических терминов, тогда как *семья* зафиксировано и среди лингвистических терминов (*семья языков*)» [Макарец 2013, с. 76]. На подобные корреляции обратила внимание С.М. Колесникова: «Концепт СЕМЬЯ опосредованно связан с понятиями ДОМ, ОЧАГ и ФАМИЛИЯ, РОД» [Колесникова 2018, с. 57]. Представляется, что для описания содержания макроконцепта-константы Родство недостаточным является не только анализ входящих в его состав концептов, но и схематичное описание отношений между ними.

Содержание номинативного поля константы Родство / Спорідненість уточняют данные словарей эпитетов: моделируя семантику той или иной

номинации, вербализующей родственные отношения, в ее воплощении в художественной речи, эпитеты, используемые писателями и поэтами, как правило, отражают не только авторскую оценку, но и «точку зрения культуры». Этот тезис, в частности, аргументированно отстаивается В.Г. Зусманом в статье о художественном концепте: «Концепты в художественной литературе возникают как результат взаимодействия внутренней формы слова-произведения со “словесными и общекультурными стереотипами”» [Зусман 2001, с. 21].

В словарях эпитетов русского языка находим: Мать Заботная (Мельн.-Печерский); Любящая (Плещеева); Нежная (Чехов, Щепкина-Куперник); Дети Беспечные (П.Я., Дрожжин); «Звонкоголосые, быстрые и светлые, как капельки разбежавшейся ртути» (Л. Андреев). Румяные (Некрасов). Резвые (Жуковский) [СЛЭ]. Отметим наличие общей семы «способная проявлять любовь» у эпитетов, характеризующих *мать*, и обратимся к более современному источнику. В нем эпитеты сопровождают большее количество номинаций родственников, число эпитетов значительно возрастает. Наибольшее количество эпитетов приходится на лексемы *семья, жена, муж*. Семья может быть охарактеризована как *бедная, бездетная, беззаботная, бережливая, беспечная, большая, деловая, деловитая, домовитая, зажиточная, захудалая, значительная, интеллектуальная, ленивая, маленькая, малоимущая, многодетная, многочисленная, небольшая, нищая, праздная, работающая, рачительная, хозяйственная; безалаберная, безупречная, беспутная, благополучная, благоприличная, драчливая, дружная, жадная, заботливая, замкнутая, затворническая, здоровая, интеллигентная, конфликтная, крепкая, культурная, ладная (разг.), любезная, мещанская, мирная, наглая, неблагополучная, неинтеллигентная, не приветливая, неприятная, непутевая, праведная, приветливая, радушная, распутная, скандальная, склочная (разг.), скромная, спаянная, сплоченная, степенная, строгая, сумасбродная, счастливая, трудная, хлебосольная, целомудренная, честная, шумная; Городская, дворянская, крестьянская,*

кровнородственная, купеческая, моногамная, патриархальная, старообрядческая, студенческая и т.п. [СЭРЛЯ, с. 162].

О качествах жены могут свидетельствовать следующие художественные определения: *аккуратная, беззаботная, безответная, безропотная, бережливая, благодушная, благоразумная, бранливая (разг.), бранчливая (разг.), верная, вздорная, властная, внимательная, горластая, гостеприимная, грубая, гулящая (разг.), добрая, добродетельная, домовитая, дорогая, достойная, заботливая, заботная (простореч.), злая, злющая (разг.), идеальная, кроткая, ласковая, легкомысленная, ленивая, любвеобильная, любимая, любящая, образцовая, милая, мужняя (разг.), неверная, недобрая, недостойная, нежная, нервная, плохая, покорная, послушная, постылая (разг.), расторопная, расточительная, ревнивая, родная, сварливая, скромная, строптивая, терпеливая, трудолюбивая, умная, хитрая, хозяйственная;*; *бездетная, законная, незаконная, разведенная, разводная (устар.), фиктивная, чужая* и т.п. [СЭРЛЯ].

По отношению к мужу могут быть употреблены следующие эпитеты: *безропотный, беспутный, благодушный, благопристойный, благоразумный, верныйвластный, грозный, грубый, гулящий (разг.), дачный (разг. и шутл.), добрый, домовитый, дорогой, достойный, жадный, заботливый, злой, идеальный, кроткий, ласковый, легкомысленный, ленивый, любвеобильный, любимый, любящий, милый, молодой, настоящий, неверный, недостойный, нежный, ненавистный, образцовый, отличный, плохой, покорный, послушный, решительный, родной, самоуверенный, сварливый, скромный, старый, страстный, терпеливый, умный, хмельной, честный, чуткий, эгоистичный;* *законный, незаконный, фиктивный, чужой* и т.п. [СЭРЛЯ].

Очевидно, что эпитеты, зафиксированные в современном словаре, характеризуют номинации родственников в разных аспектах: поведения в семье, значимых личностных качеств, законности отношений и пр. Обращает на себя внимание другое: большинство этих характеристик вписывается не только в разные синонимические ряды, но и в ряды оценочные, на

противоположных полюсах которых находятся слова-антонимы (с максимально положительной и, соответственно, максимально отрицательной оценочностью): *добрый, кроткий, милый, любящий – вздорный, грубый, грозный, злой (муж); безответная, безропотная, кроткая, благодушная – горластная, бранчливая, бранливая, ворчливая, вздорная, сварливая*. Причем положительной оценкой в языке наделены характеристики, согласованные с ценностью семьи (единства): то, что для семьи (единства, общности, близости) благо, оценивается положительно, то, что семью (общность, близость) может разрушить, – отрицательно. Оценочность, с выделением семьи / единства / общности / близости в качестве ценностно-содержательного ориентира, является неотъемлемой характеристикой семантического поля константы Родство и ее существенным признаком в русском языке. То же можно утверждать на основании данных словарей эпитетов и в отношении украинской константы и украинского языка.

В украинской лексикографии в реестре эпитетизированных названий родства – *баба (бабуся), батько, дід, мама (мати, матір), син, чоловік*. Соответственно *баба – балакуча, беззуба, бідна, бісова (прост.), бридка, весела, в'їдлива, вража (прост.), гладка, глуха, горбата, горлата, грішна, груба, дебела, добряча, добродушна, довгоп'ята, дурна, енергійна, єхидна, забарна, завзята, запліснявіла, затыта, збіджена, згорблена, здорова, здоровенна, злопам'ятна, злослива, злюща, кирпата, клята (розм.), коса, крива, криво лоба, кривонога, криворотта, курноса, лиха, ліберальна, люта, набурмосена, настирлива, нахабна, невірна (розм.), несимпатична, нетямуща, низенька, нікчемна, обдерта, обережна, перелякана, пихата, плакуча, погана, понура, похмура, привітна, приємна, причеплива, проворна, простоволоса, п'яна, розхристана, ряба, сердита, сіда (розм.), сліпа, смілива, справна, спрацьована, стара, столітня, страшенна, суха, суча (розм.), улеслива, хитра, хороша, цікава, чорна, чортова (розм.), язиката [СЕУМ, с. 16–17].*

Широкое эпитетное поле поэтической номинации *батько*: *Активний, багатий, бідний, бльдолиций, богатирський, боголюбний, божевільний, бородатий, брехливий, бровастий, брудний, вбогий, великий, великоголовий, величний, вередливий, веселий, витягнутий, високий, вільний, втомлений, говіркий, голодний, грізний, добрий, дебелий, довгий, дратівливий, древній, дужий, думаючий, єдиний, живий, життєзнаючий, загиблий, задуманий, задушевний, зайнятий, заклопотаний, закоханий, заможний, замордований, засапаний, заспокійливий, засушений, здоровий, здорожений, злий, коренастий, коханий, кремезний, лагідний, ласкавий, люб'язний, лютий, мислячий, мовчазний, могутній, мозолястий, монументальний, мудрий, надійний, намерзлий, намучений, насуплений, нафантазований, невідомий, незабутній, незнаний, немічний, неписьменний, непривітний, нереальний, нерідний, неслухняний, нещасливий, новоспечений, нудний, обвантажений, обдертий, одинокий, осиротілий, панський, поважний, покійний, порядний, працелюбний, привітний, приружений, п'яний, рідний, розхристаний, розумний, рум'яний, сивий, сивоволосий, синьоокий, сонцелюбний, старенький, старий, старомодний, статечний, статний, стурбований, стомлений, суворий, сумний, сутулий, тверезий, улюблений, усміхнений, хазяйновитий, хворий, хмурий, хоробрий, худючий, червоний, чесний, чорнобривий, чудесний, чужий, шанований, шановний, щасливий, щиросердний* [СЕУМ, с. 27–28].

Также широко представлены эпитетные ряды для других лексем: *дед* – 80 определений, *мама* – 88 определений, *сын* – 83 определения, *чоловик* – около 100 определений.

Представляется, что значительно больший объем эпитетов, отмеченных в украинском источнике, может указывать на большую значимость ассоциативно-образных структур, связанных с ЛК Родство, в украинской художественной КМ по сравнению с русской художественной КМ. В свою очередь, такое усиление значимости ассоциативно-образных структур, предположительно, может быть связано с большим влиянием фольклорной

КМ и, соответственно, дохристианских языческих мифопоэтических представлений.

Влияние языческих мифопоэтических представлений в целом сказывается на развитии языковой метафорики в концептуализации родства и родственных отношений: они и в целом, и в своих значимых частях могут представлять как метафора. Например, *род*, *семья* (как одна из форм реализации родства) – *человеческий организм* (*своя кровь* – «родня», *голова* – глава семьи, *колени* – горизонтальный срез родственников, степень родства, др.-рус. *кость* – «род, племя», др.-рус. *мизинец* – «младший сын») и *род*, *семья* – *растение* (*корни родства*, *ветви генеалогического древа*, *семя* – «потомство», *отпрыск* – «ребенок», *племя*, *племянник* – генетически родственное слову *плод*) [Николенко 2012]. Как отмечает О.Ю. Николенко, «древнее синкретическое представление о родстве как одном из законов мироустройства находит отражение и в универсальной метафоре родства, и в метафорическом представлении о самом родстве» [Николенко 2012, с. 219–220]. Приведенные нами выше языковые факты показывают, что связь НР с соматизмами и фитонимами не случайна: во-первых, она отражает антропоцентрическую структуру традиционной картины мира, выражающую социальные понятия с помощью языка человеческого тела; во-вторых, демонстрирует обращение к растительному (вегетативному) коду, так называемый «биологизм», для обозначения социальных отношений [Толстая 2009, с. 11].

Таким образом, существенными характеристиками семантического ядра константы Родство / Спорідненість является не только совокупность значений 'родство по крови', 'родство по браку' и 'родство по духу', но и мифологически-историческая перспектива значений 'общего источника' и 'общего имени', а также ценностный компонент содержания, ориентированный на семью / единство / общность / близость как ценностную установку. При этом очевидно, что и в прямых, и в метафорических значениях слов-вербализаторов константы ее номинативное поле

сконцентрировано вокруг исходного для нее слова *rod*, внутренняя форма которого восстанавливается как имя-миф *Rod* в связи с системой архаических мифопоэтических представлений о боге Роде. Разумеется, содержание константы Родство / Спорідненість не исчерпывается содержанием внутренней формы слова *rod* / *pid*, но оно, в качестве образно-смыслового ядра константы, задает основное направление как ее развитию, так и концептуализации (в рамках константы) семьи, близости, общности как ценности – в русской и украинской НЯКМ.

Обратимся к структуре семантических отношений между ключевыми (доминантными) вербализаторами константы с точки зрения ее мифопоэтической составляющей. Схематично ее можно представить следующим образом:

Структура семантических отношений ключевых вербализаторов константы

Родство / Спорідненість

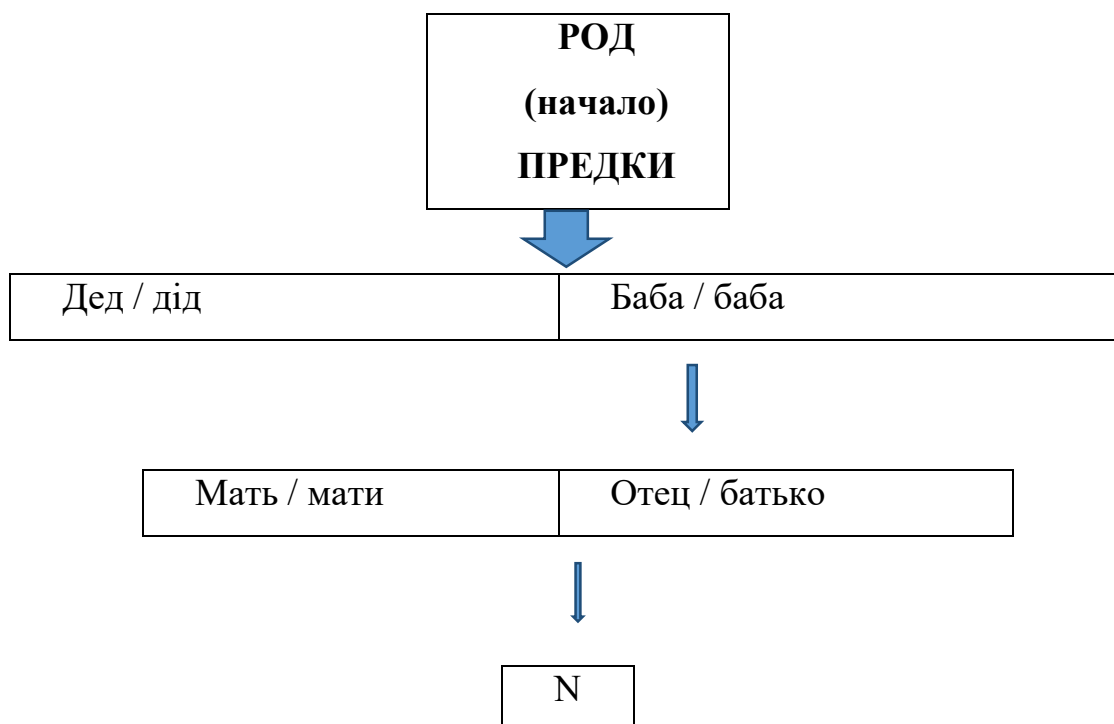

Схема 2.1.

Rod как имя-миф (мифема) занимает если не центральное, то одно из наиболее значимых мест в ряду имен-мифов, соотносящихся с древнерусской (восточнославянской) мифологией. В многочисленных научных и учебных

источниках, описывающих историю славян («История России», Энциклопедический словарь славянской мифологии и др.), превалирует мысль о том, что славяне на раннем этапе своего культурно-исторического развития были язычниками и веровали в злых и добрых духов, а на более поздних этапах (до принятия христианства) поклонялись целому пантеону богов [Орлов А.С., Георгиев В.А. 2006, с. 20; Славянская мифология 1995, с. 15]. В свою очередь, сонм славянских богов состоял из высших сил, олицетворяющих разнообразные силы природы. Так, наиболее почитаемыми богами славян считались Перун, Сварог, Велес, Симаргл, Дажьбог и Мокошь. Исследователи истории древних славян указывают, что, несмотря на разницу в иерархии славянских богов, все этнические славяне одинаково поклонялись природным явлениям, чтили усопших предков [Соловьев 1988, с. 103–104]. Наиболее часто как Первобог, Создатель упоминается в этнографических исследованиях бог Сварог [Домников 2002, с. 63; Фаминцын 2012, с. 121–124].

Значимой для нашего исследования является позиция Б.А. Рыбакова, считающего, что «Сварог» (Небесный) или Стрибог (Бог-отец) как Создатель в различных источниках выступает и под именем «Род». По данным митрополита Илариона Огиенко [Іларіон 1992, с. 116], *Род* считался творцом Вселенной, богом Жизни и Судьбы, опекуном Дерева жизни (символ Великой Матери, по К.Г. Юнгу [Юнг 1991, с. 55]). Со временем Род стал покровителем семьи [Войтович 2002].

Мы считаем, что внутреннюю форму имени-мифа *Род* составляет образно насыщенная семантика ‘единое начало мира’, ‘единство мира’, ‘близость между Небом и человеком и человеком и природой’, в основе которой лежат древние мифологические представления о единственности бога-Творца мира, природы и человека и сопричастности одного другому, так же как и человека человеку (в случае, если они объединены семейно-родственными, родовыми отношениями). Кроме того, в этих представлениях, выделялась активная роль человека, сопричастного творящему Роду, по

сравнению со служебной ролью природы, которая должна человеку помочь (быть «при роде / Роде») в устройении его земной жизни.

Наши наблюдения основываются на том, что многозначная лексема *род* в восточнославянских языках, и наиболее ярко в русском, в качестве базового выражает значение «родовые связи, объединяющие людей одного рода», а также на вхождение этого имени-мифа в этимологию слов, являющихся ключевыми для мировоззрения человека (например, *природа, народ, родина, рождение, родственник и родной*).

Весьма значимыми являются и обращения к литературным памяткам, как например, к «Слову о полку Игореве», где внуками Дажь-Бога называют русских, где упоминается традиция «покойников называть родителями» [Афанасьев 2007, с. 250]).

Можно предположить, что ассоциативная связь «мужское начало» – «творящее», значимая для семантики мифа-имени *Род*, в дальнейшем развилась в ряд этнокультурных концептов, таких как *посаженный, главный отец / весільний батько, крестный отец / хрещений батько*. Также ведущая роль *отца* в роде отмечена в развитии дополнительного значения слова *отец* ‘родоначальник, основоположник чего-либо’, ‘уважительное отношение (к старшему)’, ‘обращение к священнослужителю’ [ССРЛЯ VIII, с. 1364] / *батько* ‘родоначальник, основоположник чего-либо’, ‘уважительное отношение (к старшему, к козацкой старшине)’ [СУМ I, с. 113]. Немаловажным языковым фактом в этом отношении является и то, что слово *отцы / батьки* употребляется для именованя людей предшествующих поколений [ССРЛЯ VIII, с. 1366; СУМ I, с. 112].

Отношения человека, бога-Творца (Единоначалия) и природы играют значимую роль в мифологических представлениях о Роде и, соответственно, отражаются во внутренней форме константы Родство. Семантика единого творящего мужского начала, нашедшая выражение не только в лексической семантике слов *род, родитель, прародитель* и пр., но и, в частности, в грамматическом значении мужского рода слова *род*, дополняется во

внутренней форме константы семантикой единого вынашивающего, рождающего и кормящего женского начала, значимой для мифологических, архаических представлений о матери-природе. Не случайно одно из имен богини, воплощающей плодоносящие силы земли, в восточнославянской мифологии *Рожаница* – имя, этимологический и морфемно связанное с именем-мифом *Род*. Мужское творящее начало, проявляющееся в боге Роде, поддерживается и укрепляется женским питающим началом, воплощенном в Рожанице. Таким образом, во внутреннюю форму концепта Род и константы Родство входит ядерная для него семантика взаимосвязи и взаимодействия мужского и женского как творящего и питающего (поддерживающего) начал. Примечательно, что, по данным этнографии [Амброз 1966, с. 72], изображения женского божества в восточнославянских орнаментах не были самостоятельными: они всегда сопровождали, поддерживали солярный мужской символ, «прорастали» растительными, зооморфными, орнитоморфными, тератоморфными мотивами.

Представления о женском питающем начале в восточнославянской мифологии конкретизировались в образе матери-Земли, «Великой (Родовой Матери)», «Богини жизни» и воплощали идею жизни. Этот образ предстает под целым рядом имен: Жива, Дана, Дева, Берегиня, Житняя Баба, Рожаница, Слава [Жайворонок 2006, с. 69]. По всей видимости, и Мокошь (Макошь) как богиня плодородия и судьбы – одно из воплощений «Великой Матери». При этом, если бог Род в восточнославянских мифологических представлениях связан с Небом и, соответственно, духовной силой, то мать-земля свята своей жизненной, материальной силой.

Представления о кровно-родственной связи народа и природы (через соотнесенность с единым родовым началом – *Родом*) проявлялись, в частности, в народных поверьях, распространенных вплоть до революции 1917 г.: «Горсть родной земли, которую брали с собой в дорогу странники, наделялась магическими свойствами»: она могла согревать и защищать на чужбине [Шейнина 2001]. Эти магические свойства родная земля имела,

естественно, не только потому, что была насыщена жизненной энергией, но потому, что ее жизненная энергия была адресована «родному человеку» – человеку, рожденному и возвращенному ею в продолжение и поддержку творящей деятельности бога *Рода*.

Прослеживая древнейшие истоки русского слова *святой*, В.Н. Топоров обнаруживает, что исходный для него праславянский корень восходит к праиндоевропейской основе со значением набухания, возрастания, и заключает: «В языческую эпоху это “увеличение” <...> трактовалось как результат действия особой жизненной *плодоносящей* силы <...>. Не случайно поэтому, что эпитет «святой» в русской (и славянской) традиции определял прежде всего символы вегетативного плодородия <...>, рамки вселенной как предел ее потенций (*святая земля, святое небо*), выступающие и в ипостасном, как бы персонифицированном виде родителей (ср.: *Мать-Земля* и *Отец-Небо* при *святая мать, святой отец* <...>)» [Топоров 1995, с. 7–8]. О «живучести» мифологических представлений о святости плодородных сил земли и, собственно, родной земли свидетельствуют тот факт, что и после принятия Русью христианства родная земля в письменных источниках именуется «матерью» (См., например: «Аще ли земля есть мати, почто плюете на мать свою?» (Ипатьевская Летопись, 986 г.), «мати сира земля» (Иоанн Златоустый IV в.)).

Более того, многочисленные упоминания «святой русской земли» в былинах, духовных стихах и других фольклорных текстах раннего происхождения (включая Голубиную книгу (создание которой относят к концу XV – началу XVI в.) приводят исследователей к выводу о фольклорном происхождении такого значимого для русской культуры дискурса, как дискурс о Святой Руси: «Трудно отрицать, что если не самый термин “Святая Русь”, то дискурс, говорящий о святости Руси, появился в восточнославянском обиходе до Курбского. <...> Соловьев справедливо указывал на более или менее очевидное родство между выражением “светлая Русь” и “Святая Русь”» [Дмитриев 2012, р. 322]; «явственно фольклорная

закваска понятия «святорусская земля» (в противовес «святорусской империи») в «Истории» Курбского» указывает на «народно-фольклорное происхождение этого названия» [Королева 2023, с. 5–32. С. 6].

Архаическое по своему происхождению и вечно живое, как показывает история развития русской культуры, мифологическое представление о материнстве родной земли по отношению к народу в годы Великой Отечественной войны и более поздний период воплотилось в монументальных скульптурных и плакатных образах Родины-матери.

Метафорические переносы и символизм в словах, вербализующих этнокультурные концепты *крестная мать / хрещена мати*, рус. *посаженная мать / весільна мати*, *природа-мать / природа-мати*, *земля-мать / земля-мати*, *родина-мать / Батьківщина-мати*; простонародное употребление слова *мать / мати* по отношению к любой незнакомой женщине в возрасте указывают на укорененность в НКМ архаических мифологических представлений о значимости связей родства между человеком и человеком и человеком и природой.

Символом родственной связи человека с Небом и Землей, единственности и единоначалия мира, его органичного роста (эволюционности) в восточнославянской мифологии, так же как во многих других архаических мифологиях ([Топоров 1987]), являлся образ Мирового (космического) древа. В его образе, как известно, нашли воплощение представления о триединстве мироустройства, а также мифопоэтические представления об изоморфной структурированности мира. Мировое древо символизирует не только то, что во Вселенной сосуществуют и органично взаимосвязаны небесный (духовный) мир богов (Правь – в восточнославянском варианте), мир людей и всей земной жизни (восточнославянское название – Явь) и мир подземный, невидимый, вообще «тот мир», царство духов (Навь) (см., в частности: [Ларіон 1992, с. 57; Лозко 2010, с. 19–22; Войтович 2002, с. 393, 611–612, 325]), но и то, что трехчленная структурная взаимосвязь вообще органична для мира: для

времени (прошлое – настоящее – будущее), для рода (предки – родители – потомки), для человеческого тела (ноги – туловище (вместе с головой) – руки), для стихий (вода, земля, огонь) [Топоров 1987, с. 399].

Представляется значимым для настоящего исследования отметить, однако, не столько архетипические (то есть универсальные) черты и функции этого образа, сколько указать на одну особенность. В.Я. Пропп, рассуждая о функции и происхождении мотива переправы в волшебных сказках, указывает на его историческую связь с похоронными ритуалами и мифологическими представлениями о царстве мертвых и жизни человека в нем после смерти [Пропп 2000, с. 171–182]. В ряд вариантов этого мотива Пропп включает и «переправу» «по дереву»: «Сходное происхождение имеет мотив дерева, по которому попадают на небо. “Взял он мешок и полез на дуб. Лез, лез и взобрался на небо” (Аф. 188). Здесь русская сказка отражает широкое представление, что два мира (а иногда и три – подземный, земной и небесный) соединены деревом» [Там же, с. 180]. Однако происхождение и само содержание этого варианта «переправы» разительно отличается от других приводимых ученым вариантов. Во-первых, он не связан с похоронными ритуалами и, соответственно, с представлениями о царстве мертвых (подземном царстве): герой сказки лезет по дереву вверх (на небо, в царство богов) по собственному почину за своей (весьма прозаической) надобностью (желудями) и возвращается с неожиданными дарами (жерновцами и петушком). Кроме того, дерево вырастает прямо у «бедных-бедных» старика и старухи в доме, что исторически связано с совсем другим обрядом (обычаем): сажать деревце на месте предстоящей закладки нового дома [Коваль, 2016. с. 64.], как бы вписывая дом в образ Вселенной, «пристраивая» свой домашний очаг к «мировой оси». Примечательно, что в сюжете сказки, которую приводит Пропп, дерево становится «переправой» в небесный мир тогда, когда старуха (жена) всячески старается, чтобы желудь, случайно упавший в подпол, вырос в дерево, и когда старик (муж) решается

залезть по стволу, чтобы добыть желудей [Афанасьев 1984–1985, т. 2, с. 30–31].

В этой сказочной обработке мифологического сюжета о Мировом древе со всей очевидностью проступает органичная связь между мифом о *Rode* и мифологическими представлениями о Мировом древе в восточнославянской мифологии: бог Род вписывает человеческий род в космический порядок, объединяя собой царство небесное с царством земным (и, вероятно, царством подземным). Более значительным представляется, однако, другое: что Мировое древо здесь «одомашнено» в прямом и переносном смысле: оно вырастает изнутри пространства избы, более того, его вертикальное членение одинаково легко преодолевается стариком в обе стороны: вверх, в мир богов, и вниз, в земной мир; дары же небесного мира имеют вполне практические, «одомашненные» функции. Мифопоэтическая интерпретация такого «одомашнивания» мифа о Мировом древе в волшебной сказке в целом исходит из того, что волшебная сказка как жанр построена на разложении, в пределе – прозаизации или даже профанации мифа. Однако прозаизация как результат разложения мифа – общее место для волшебной сказки разных народов мира, сюжет же о старике, который лезет по дереву, выросшему в его доме, и беспрепятственно приносит найденные «на небе» дары старухе (и себе), хотя и несколько подобен такому сюжету, как например, сюжет английской народной сказки «Джек и бобовый стебель» (*Jack and the Beanstalk*), все же уникален. Его уникальность состоит в той простоте, с которой мировая, космическая ось вписывается в пространство дома и с которой человек преодолевает границы между царством земным и небесным. Представляется, что в этом сюжете, в простоте преодоления границ центра-периферии, внутреннего и внешнего, человеческого и небесного, в образной фиксации не символического, но сущностного подобия домашнего порядку порядку космическому сюжетно разворачивается тот особый образно-смысловой потенциал, который заложен во внутренней форме слова-мифа Род и который связан с семантикой

близкородственных отношений между богом Родом (Дедом) и человеческим родом (внуками божьими). Косвенно на это указывает характерный для русских народных сказок выбор в качестве активных действующих лиц, главных персонажей восточнославянской волшебной сказки старика и старухи (деда и бабы), как бы стоящих на границе царств земного и подземного и объединяющих собой, своим пограничным бытием и параллелизмом своего женско-мужского взаимодействия «сорботничеству» Рода и Рожаницы горизонталь земного мира с вертикалью космической структуры – Мирового древа.

Отношения между человеком и человеком, человеком и Небесными силами и человеком и миром, в образно-чувственной форме «схваченные» как отношения *родовой* или *при-родовой* близости в восточнославянской мифологии, концептуализируется в христианской культуре в принципиально новом ключе. Принятие Русью христианства, как известно, привело к масштабным изменениям в мировоззрении, в представлениях о мире и человеке. Миф о боге-Роде, культ матери-земли, образ Мирового древа при этом не исчезли, не растворились в новых представлениях, но отчасти повлияли на характер русского (восточнославянского) православия, отчасти же сохранились в параллельном существовании с новыми православными верованиями. В этом последнем отношении примечателен факт, на который указывает Д.С. Лихачев: «<...> культ земли, поклонение земле как матери, прародительнице, существовало в России наряду с христианством, точнее, не наряду с христианством, но как-то включалось в христианство <в том числе> и в XIX и в XX веках <...> Это особенность, которая очень важна была в русской жизни, потому что с этим было связано и особое отношение крестьянства к земле <...>. Что касается культа рода, то это сказалось и на политической жизни. <...> древнерусское язычество было не только характерной чертой русского крестьянства, не только там пустило какие-то свои корни, но и в княжеской среде был культ рода и культ земли [Лихачев 2006].

Сосуществование с православием культа рода проявляется в том числе в известной народной сказке «Курочка» [Афанасьев 1984, т. 1, с. 83–34]: в ней беда, допущенная в пространство рода – избу – дедом и бабой (разбитое яичко) не может быть отведена, исправлена ни просвирней, ни дьячком, ни попадшей, ни самим попом. Вхождение архаических верований в православные традиции нередко встречается и в наши дни – в частности, в замешанной на архаической мифологии убежденности в том, что грехи рода автоматически ложатся на потомков и что их можно и следует «вымаливать» или «отмаливать». Так, в разных выпусках православного журнала «Фома» встречаются вопросы по типу: «Как отмолить свой род?» – и ответы на них православных священников, содержащие отсылки к Новому Завету и отрицающие то, что грехи предков мистически переходят на потомков. Приведем в пример комментарий протоиерея Михаила Самохина: «Грех передается от родителей к детям без всякой мистики путем передачи дурного примера и образа жизни. При условии искреннего покаяния, как изменения образа жизни никакой грех не сможет передаться и стать общим для всей, зачастую многочисленной семьи. <...> Христианство – религия ответственности. Каждый из нас сам отвечает перед Богом за свою жизнь, не прячась за род, не списывая ничего на мифические “прошлые жизни” и не заявляя о предопределении. Мы знаем, что ответственность – обратная, но неотъемлемая часть Божественного дара свободы человека» [Фома 2023].

Личные отношения между Богом и человеком, личная ответственность за свою жизнь (физическую, социальную, духовную) в православном вероучении встают над коллективной ответственностью рода. Вместе с тем в саму семантику и символику кровного родства и свойства начинает вливаться семантика родства духовного, усиливается значение любви: семья в православной картине мира, кроме всего прочего, предстает (в потенции и при условии следования христианским традициям) «домашней Церковью», отец и муж – ее главой, проводником воли Божией, а все члены семьи –

единым организмом, живущим взаимной любовью (См., в частности: [Нефедов (прот.) 2006]).

С другой стороны, молитва за усопших является неотъемлемой практикой русского православия, что, наравне с некоторыми другими чертами, указывает на вхождение в него (с существенными внутренними изменениями) общих представлений о живой связи между потомками и предками одного рода, свойственных архаической восточнославянской мифологии. Представляется, что и особая жизнерадостность, характерная для русского православия, в той или иной мере связана не только с «праздничным характером» древнерусского язычества (как утверждает Д.С. Лихачев), но с той особой близостью родственных отношений между богом *Родом* и человеком, которая определила уверенность русского человека в «победе добра над злом» и которая, в частности, получила ясное выражение в комментированной выше сказке о старике, петушке и жерновцах. Собственно говоря, рассуждение Д.С. Лихачева об особенностях русского православия в характеристике «оптимистичности» как бы исподволь нащупывает связь между его «праздничностью» и архаическими верованиями древнерусского человека в близость рода *Роду*: «Но праздничный характер, который носило древнерусское язычество, <...> помогала явлению христианства, потому что христианство в Древней Руси <...> было оптимистическим христианством и с самого начала носило очень жизнерадостный характер. И надо сказать, что русское православие в своих лучших формах является выражением радости, радости в большей мере, чем чего бы то ни было другого, радости и благодарности Богу. <...> И русское богослужение, и русская живопись, и русская литература – все представляет собой выражение благодарности Богу, по преимуществу благодарности Богу, и жизнерадостности» [Лихачев 2006].

Более точно эту связь между дохристианским древнерусским мироощущением и оптимистичностью русского православия формулирует В.В. Зеньковский в своих размышлениях об основах русской религиозности:

«Русский аскетизм восходит не к отвержению мира, не к презрению плоти, а совсем к другому – к тому яркому видению небесной правды и красоты, которое своим сиянием делает неотразимо ясной неправду, царящую в мире <...>. <...> Отсюда становится понятным, почему так излюблен в русском церковном сознании образ “света” – свою веру народ любит называть “пресветлое Православие”. Здесь корень того мотива космичности, который связывает русскую религиозность со святоотеческой: мир воспринимается, как весь озаренный и пронизанный светом Божиим» [Зеньковский 2001].

Таким образом, новые христианские представления о небесных силах, с выделением триединого личностного начала в личности Господа (Пресвятой Троицы), и об отношениях между Богом (Создателем) и тварным миром (включая человека) – отношениях, отмеченных одновременно чрезвычайной близостью (человек создан Господом по образу Своему и призван уподобиться Ему в течение земной жизни) и внеположенностью (реальность Создателя в христианстве внеположена реальности тварного мира), – втянули в себя и преобразовали в рамках русской православной традиции такие образно-смысловые импульсы, заданные мифом о боге *Роде*, как сопричастность человека и природы (матери-земли) небесным силам, как возможность преодоления границы между земным и небесным царствами, как нерасторжимость духовной связи между предками и потомками рода (шире – народа).

Схожим образом можно охарактеризовать и втягивание культа матери-земли в православные представления о Богородице, внутреннюю его трансформацию в рамках русской православной традиции. Действительно, если вхождение образа Мирового дерева в христианскую мифологию и преобразование его в двойной, этически измеряемый образ дерева жизни и дерева познания добра и зла – это общее место и в то же время специфический признак христианской традиции (ср.: о древе жизни в энциклопедии «Мифы народов мира» В.Н. Топоров говорит как одном из «вариантов образа древа Мирового», при этом отмечая, что «наиболее известный образ древа жизни

представлен в книге Бытия» и что «вариант древа познания, где познание направлено на различение добра и зла <...> не является ни распространенным, ни архаичным» [Топоров 1987, т. 1. с. 396, 407]), то представления о Матери Божьей, характерные для русского православия, имеют отчетливо специфические черты. Об этих чертах в отношении не только народного православия, но православия русского в целом так говорит святой Иоанн Кронштадтский: «Где на земле так величается и превозносится по достоянию – достойно яко воистину – имя Пресвятой Богородицы, кроме Православной Церкви и особенно – Русской Церкви? Мы имеем готовую небесную помощь во Владычице нашей Богородице <...> Доколе Россия будет православна и будет усердно чтить Бога и Богоматерь, дотоле она будет могущественна и непоколебима, ибо от начала и доселе она выходила из всех бед, укреплялась и расширялась заступлением и помощью Богоматери во всех войнах и ратных, бедственных обстоятельствах» [Кронштадтский 1992, с. 122–124]. Не вдаваясь в догматику, подчеркнем, что Богоматерь именно в рамках русской православной традиции воспринимается как идеал человека и как мать всего человечества (*Заступница и Скорая Помощница*), особенно близкая русскому народу (ср.: «И особое произволение Царицы Небесной о судьбах нашего Отечества свидетельствуется всей историей России» [Полищук 2012, с. 5]): «Похвала женщин и слава женского пола – Пречистая Дева Мария – под своим Покровом хранит весь мир <...> Мы верим, что над нашей страной особым образом простирается Покров и заступление Божией Матери, Пречистой и Пресвятой Девы Марии» [Кирилл (патриарх)]. Представляется очевидным следующее: вера в то, что Покров Богородицы «особым образом» простирается над Россией и что русскому народу Богоматерь особенно, как бы по-родственному близка, наследует, внутренне преображая, те представления о родственной близости русского народа матери-земле, а также связанным с ней Небесным силам – *Рожанице и Роду*, которые характерны для восточнославянской архаической мифологии и которые

получили различные формы развития в так называемом «народном православии».

Церковная и народная концептуализация материнской теплоты отношений между (православным) народом, страной и Богородицей нашла выражение в особенностях русской иконописи и религиозной живописи. Как отмечает Н.А. Хафизова ([Хафизова 2014]), православная традиция изображения сюжетов богородичного цикла подчеркивает в материнстве не столько действия матери, сколько характер отношений, что в целом выражает общие коммуникативно-ценностные установки: 1) мать – не только та, что рождает и вскармливает, но и та, что охраняет, помогает, советует, сохраняет эмоциональный контакт; 2) заботливое посредничество матери в отношениях между детьми и отцом, подобно посредничеству Богородицы в отношениях между человеком, народом и Создателем, Отцом Небесным, способствует взаимодействию, пониманию, диалогичности этих отношений; 3) ребенок в семье, как человек по отношению к Создателю и Богоматери, развивается в согласовании родительского попечения о нем с его собственными усилиями (что в целом соотносится с идеей синергии в православии – см., в частности: [Хоружий 2002]).

Эти установки отчасти определяют специфику семейных образов (в отношении распределения и взаимосвязи семейных ролей, а также в отношении идеологем, ценностей) в русской и советской живописи XIX–XX веков. По контент-данным, собранным Л.А. Соловьевой [Соловьева 2012] на материале 865 русских и советских картин, центральными для раскрытия темы семьи (для воплощения константы Родство) являются тема материнства-отцовства и отношения жениха и невесты, мужа и жены. Результаты контент-анализа Л.А. Соловьевой приведены в сводной таблице «Количественное отражение ведущих тем произведений русских художников XIX–XX веков»:

Таблица 2.2.

Количественное отражение ведущих тем произведений русских художников XIX–XX веков и воплощенные в художественных образах роли членов семьи

Тема	Количество	Роль	Количество
Добрачное поведение	41	Родители	7
Жених / невеста	34	Семья	166
Мать / отец	28	Свадьба	80
Брат / сестра	21	Жизненный цикл семьи	45
Муж / жена	33	Похороны ребенка	2
Дед / бабушка	49	Беременность	3
Система родства и свойства	12	Влюбленные	7
Сваты / сваха	4	Свадебные обряды	19
Мачеха / отчим	2	Однополая любовь	2
Материнство / отцовство	204	Изображение работающей женщины	30
Крестный родитель	1	Семейно-бытовые ситуации	64

В украинской живописи тема семьи не менее популярна. Яркое воплощение она получила, в частности, в картинах Т.Г. Шевченко. Как отмечают искусствоведы, сюжет его картины «Крестьянская семья» (1843 г.) соотносится с каноном изображения «святого семейства», распространенным в европейской живописи: ребенок стоит в окружении своих матери и отца; движения их рук и линии их тел образуют плавный овал – некую область безопасности, защищенности для младенца, который только-только начал ходить. Шевченко не изображает конкретную бытовую ситуацию из жизни семьи – он передает нечто более глубокое: ощущение духовного единства, семейной общности, семьи как «малой церкви». В интерпретации художника

этот сюжет, реализованный на маркированно национальном материале, приобрел украинский колорит (национальная одежда и украинская хата-мазанка под соломенной или камышовой крышей).

Вместе с тем именно для украинской живописи характерен акцент на теме материнства – акцент, который сопровождается вытеснением темы отцовства, отделением материнского (женского) начала от отцовского (мужского), выделением его как основополагающего в семье (в отношениях между детьми и родителями). Так, в получивших широкое признание работах Н. Ивасюка («Мать», 1908), А. Новаковского («Женщина с девочкой», «Женщина с ребенком», 1912, «Молодая мать с детьми», 1930-е гг., масляные этюды и эскизы к картинам «Мадонна» и «Мать Милосердия»), Е. Кульчицкой (линорит «Мать», 1930), И. Бокшая (рисунок в овальной форме «Материнство», 1942), А. Шатковского (линогравюра «Материнство», 1950), Г. Боня («Мать-земля», 1960), С. Караффу-Корбут («Едельвейс», 1970) прославляется тема материнства и лейтмотивом становится образ жертвенной материнской заботы.

Зафиксируем этот момент: питаюсь от общего мифологического (мифопоэтического) и христианского (православного) корня, к XIX–XX векам константа Родство / Спорідненість в русской и украинской лингвокультурах приобретает разные актуальные слои, связанные, соответственно, с развитием идеи взаимосвязи и взаимодействия мужского и женского начал в семейно-родственных отношениях (прочитываемых как в плане земной, человеческой реальности, так и в плане реальности духовного родства человека Богу и человека природе) (для русской КМ) и с перенесением ценностного акцента на отношения «мать – ребенок», на жертвенную заботу матери и оценочно-образную концептуализацию материнства (для украинской КМ).

Предположение о том, что на развитие ассоциативно-образных характеристик в отношении НР в украинском языке оказали влияние дохристианские мифопоэтические представления, высказанное в начале

этого параграфа, следует уточнить. Мифопоэтические представления восточных славян не имели культа матери-земли или женского божества в качестве основного или независимого. Как было показано выше, содержание внутренней формы константы Родство / Спорідненість, связанной с этими представлениями, формируется на основе семантики взаимосвязи и взаимодействия мужского и женского как творящего и питающего (поддерживающего) начал. Логично предположить, что не собственно влияние фольклора, но его направленное влияние, опосредованное индивидуально-авторской картиной мира, воплощенное в творчестве писателя (поэта), стоящего у истоков национальной литературы, определило специфический поворот в константе Спорідненість в украинской лингвокультуре XIX–XX веков. Это предположение разрабатывается в качестве гипотезы и доказывается на материале фольклорных текстов во второй и третьей главах и при анализе произведений Т.Г. Шевченко в четвертой главе диссертации.

2.2. Вербализация константы Родство / Спорідненість в народно-разговорном (фразеопаремийном) пространстве языка

2.2.1. Концепт Род – Семья / Рід – Сім'я

Сопоставительный анализ провербиальных единиц коммуникации определяет ментальные, образно-ассоциативные представления русских и украинцев о повседневной бытовой культуре, частью которой являются отношения родства, кровного соподчинения и соответствующие им дискурсивные практики – ситуации (И.Н. Осовская [Осовская 2014], В.И. Кононенко [Кононенко 2004], В.В. Жайворонок [Жайворонок 2006, 2007], З.Г. Коцюба [Коцюба 2010] и др.). Эти стереотипные ситуации и их семантическое наполнение формируют коды национальной повседневной бытовой культуры – коммуникативные нормы, включающие оценки, характеристики, выстраивание социально-ролевых отношений участников

коммуникативного акта, помогающие транслировать определенные смыслы. О.В. Гофман считает, что «рассматривая семью как фрагмент языковой картины мира, следует исходить из представления о ней, как некоем сюжете, сценарии жизни человека, в котором можно выделить последовательные, связанные друг с другом действия и этапы, а также действующие лица: вступление в брак, создание семьи, сам процесс семейной жизни, который связан с отношениями супругов в семье, нормами поведения, рождением и воспитанием детей. Главными действующими лицами семьи как фрагмента языковой картины мира являются муж и жена, а также дети. Все действия в семье строятся вокруг этих субъектов и между ними» [Гофман 2002].

Поскольку паремии – это «стойкие воспроизводимые, культурно маркированные единицы» [Селиванова 2010, с. 535] НЯКМ, можно утверждать, что они не только отражают накопленный многими поколениями носителей национального языка социокультурный опыт, но и реализуют мифопоэтический потенциал, заложенный в релевантных для них константах. Именно паремии, в частности пословицы, в большей степени, чем другие элементы языка, отображают «особенности <...> национальной психологии, менталитета» [Осовська 2010, с. 142]. По мысли В.В. Жайворонка, НР «связаны прежде всего с народными обычаями, сказками, традициями – явлениями, поддерживающими историческую наследственность, укрепляющую общество людей» [Жайворонко 2007, с. 16].

Семиотичными феноменами языка называет паремии Т.А. Космеда, подразумевая, что пословицы «имеют двоякое направление: с одной стороны, это знаки системы языка с соответствующей синтаксической природой, а с другой – микроконтексты, погруженные в дискурсивную сферу, где они проявляют номинативную и коммуникативную природу» [Космеда 2010, с. 11].

Паремии с доминантными названиями кровного родства составляют одну из наиболее объемных групп в русском и украинском национальных паремийных фондах [Пазяк 1984, с. 127]. Отражая представления восточных

славян о роде, семье, об отношениях между всеми членами семьи, они в то же время развивают тот мифопоэтический потенциал, который содержится в образно-смысловом ядре константы. Разумеется, широкое употребление НР определено не в последнюю очередь экстралингвистическими факторами: кровные связи – наиболее близкие, они формируют непосредственное окружение личности [Щербакова 2002, с. 14]. Однако это утверждение не отрицает другого: что в поговорках о кровных родственниках продолжают концептуализоваться представления народа о единстве и единоначалии мира, завязанного на мужской духовно-творческой силе, и о поддерживающей и материализующей женской, материнской энергии.

НР в национальных поговорочных картинах мира (далее – ПКМ) имеют общие и отличительные способы вербализации. К примеру, и русские, и украинские поговорки, содержащие стержневые номинации *род / рід*, *семья / родина*, *сім'я*, отображают отличительные черты крестьянской этнокультуры, воплотившей в себе особенности повседневного народного языкового мышления. Семантика кровного родства реализуется в поговорочных текстах в нескольких концептуальных цепочках.

Так, в концептуальной цепочке {**[род / рід]** ← /написано/ → [**судьба / доля**]}, выражена архаическая сакрализация человеческой судьбы, ее преемственности и передачи по роду [Прилож. 1, прим. 1]. Особое значение имеет близость связи между судьбой, которая имеет не индивидуальный, а родовой характер, и родом.

В концептуальной цепочке {**[семья]** ← /завязь, плод, корни/ → [**дерево**]}, архаическое представление о Мировом древе выражено в форме уподобления, сравнения [Прилож. 1, прим. 2]. В семантической взаимосвязи «человек – семья – дерево» человек и семья вписаны в ПКМ в космический порядок, соотнесены с мифопоэтическим образом Мирового древа и в то же время уподоблены растительному миру, который становится эталоном жизненной силы, образцом упорядоченной взаимосвязи и взаимодействия

разных элементов целого (ср.: такие параллели прослеживаются, в частности, в финской ПКМ [Яковлева 2014, с. 80]).

Таким образом, сема ‘жизнь’ является одной из основных (ядерных) сем константы Родство, что обусловлено значимостью для славян и семейно-бытовых реалий, и мифопоэтическими представлениями о жизни рода как неотъемлемой части природного, космического бытия. Проявляется данная сема в паремиях где оппозитивная семантика ‘жизнь’ – ‘смерть’ вербализирована не через метафорическое отождествление, а посредством метонимического словоупотребление [Прилож. 3, прим. 1]. Концептуальная цепочка {[*большой род*] ← /*постная*/ → [*пища / еда*]} передает причинно-следственные отношения. В ней воплощены социально-бытовые традиции крестьянских семей (как правило, многодетных, проживающих в одном доме, на одном подворье) до начала XX в. [Прилож. 1, прим. 3].

По-разному выражен в украинских и русских паремийных текстах оценочный компонент содержания константы. Исследованный материал показал, что преимущественно в украинских пословицах представлены ценностные установки на сплоченность семьи (концептуальная пара {[*род / рід*] → [*лад*]}) посредством семантико-синтаксической модели с причинно-следственной семантикой [Прилож. 1, прим. 4]. Значимость желаемого выражается посредством сопоставления, например, семья как ‘защита’, ‘покров’, уберегающий человека от жизненных перипетий (концептуальная пара {[*род, семья / рід, родина*] → [*защита*]}) [Прилож. 1, прим. 5] – материальный символ, включенный в артефактную метафору семьи/рода. Урожай через сравнение олицетворяет силу любви (‘богатство’, и дополнительная количественная сема), что воплощено в концептуальной паре {[*семья*] ← /*достаток, богатство*/ → [*любовь*]}) [Прилож. 1, прим. 6].

Подобная семантика в русской ПКМ разворачивается в концептуальных цепочках, где есть промежуточные оценочные семы, ср.: {[*семья*] ← /*богатство*/ → [*согласие, лад*]}) [Прилож. 1, прим. 7]; {[*семья*] ← /*крепость*/ → [*лад*]}) [Прилож. 1, прим. 8]; {[*семья*] ← /*лад, согласие*/ →

[**счастье, добро**]} [Прилож. 1, прим. 9]. Высокую степень оценки счастливой семьи передает глагол *дорожить* (концептуальная цепочка {[**семья**] → /*дорожить, беречь*/ → [**счастье**]} [Прилож. 1, прим. 10].

В различных вербальных знаках концептуализирована семантика дружной семьи. Прежде всего следует отметить распространенность и в других национальных культурах метафорической модели «Семья – Дом (жилое здание)» (об опосредованной семантической роли этого концепта см. ниже в п. 3.2), которая номинируется в русской ПКМ образами *дом, изба, опора* [Прилож. 3, прим. 2]. Сема ‘вместе’ воплощена посредством номинаций артефактов [Прилож. 3, прим. 3]; номинаций еды, продуктов питания [Прилож. 3, прим. 4]; номинаций тактильных ощущений [Прилож. 3, прим. 5; номинаций позитивных эмоций [Прилож. 3, прим. 6].

Значительно меньше зафиксировано паремий, в которых актуализирована негативная семантика (‘недружная семья’, ‘враждебные отношения’) [Прилож. 3, прим. 7].

Показателен тот факт, что в украинской этнокультуре род/семья ассоциативно связан с образом доброжелателя, поддерживающего ближнего советом, добрым словом (концептуальная пара {[**род / рід**] → [**разговор, совет**]}) [Прилож. 3, прим. 11]. В отношениях между членами рода (преимущественно многочисленного, большого) прослеживаются и негативные стороны, выраженные семами ‘недостаток материальных благ’ – *ніде пообідати; ніде голови прихилити* [Прилож. 3, прим. 8]. Такие стереотипные формулы поддерживаются эпитетами, выполняющими аксиологическую функцию, как вот: *род – дурной, поганий, лихой, злой род* [Прилож. 3, прим. 9].

Одним из актуальных средств концептуализации позитивной семантики понятия *Добро* (базового для украинской ПКМ) является вспомогательный компонент концептуальной цепочки – *время*: {[**добро: добра година**] → [**родина**]}) [Прилож. 1, прим. 12]. Ситуативный образ

добрый години – это олицетворение единения/ воссоединения семьи, семейной гармонии.

Отличительной характеристикой и русского, и украинского паремийного фонда с вербализаторами константы Родство / Спорідненість является наличие в НЯКМ паремийных текстов, в которых прослеживается ироническое отношение к многочисленным семьям, а с другой стороны – к отсутствию семьи [Прилож. 3, прим. 10].

Важный семантический элемент константы во фразеопаремийном пространстве русского и украинского языков – деление на «своих» и «чужих» (концепт Свой – Чужой). Таких оппозиционных моделей больше в украинской ПКМ [Прилож. 3, прим. 11]. Слова, символизирующие препятствия в жизни (например, *вода*), выполняют роль вербализаторов значимости семьи для человека [Прилож. 3, прим. 12]. В приведенных и иных примерах [Прилож. 3, прим. 12] НР *род / семья* контекстно сочетаются с притяжательным местоимением *свой*, создающим ореол интимизации образа семьи.

Особенности культурного концепта «свой» в свое время описала С.М. Толстая: «<...> Область объектов *своего* для каждого отдельного человека можно представить в виде концентрических кругов: центром этой концентрической конструкции будет сам человек и то, что принадлежит ему, прежде всего его собственное тело. Следующий круг будет состоять из его ближайшего окружения (своя семья, свой дом), далее будет идти более широкий круг родственников (свой род), затем будет идти круг близких, <...>далее круг людей, связанных с ним этнической, языковой, конфессиональной, профессиональной и т.п. общностью (свой народ, своя страна), и, наконец, весь род человеческий <...>» [Толстая 2008, с. 319].

Постоянными ассоциатами нуклеарной семьи являются *дед-прадед, батьки* (концептуальная цепочка в русских паремиях – {[прадед-дед, отцы] → /жили, живали, пивали, ели/ → [семья]}, в украинских же паремиях {[прадед-дед, отцы] → /робили/ → [семья]} [Прилож. 1, прим. 13], а также

отец ({[**батько / отец**]← /глава, дах/ → [семья]) [Прилож. 1, прим. 14], *дети* (концептуальная цепочка {[дети] → /радость, цветы/ → [семья]) [Прилож. 1, прим. 15], *жена / жінка* ({[семья / родина] ← /жена / жінка/ → [семья]) [Прилож. 1, прим. 16].

В паремийном фонде также отмечаем, что в семантику родства входят характеристики индивидуальных негативных черт представителей рода / семьи [Прилож. 3, прим. 14].

2.2.2. Концепт Родители и дети

Данный концепт представлен в ПКМ несколькими микроконцептами, которые соотнесены с понятием 1-го уровня родства, т.е. супругами, родителями и их детьми. Для построения ценностно-смысловых составляющих этого концепта важно учитывать, что его иерархию образуют два уровня понятийной семантики: 1) концептуальное наполнение НР *отец, мать, дети – сын, дочь* и под.; 2) концептуальное наполнение соотносительных лексико-тематических пар *родители – дети, муж – жена, дядя – племянник, тетя – племянник, дядя – племянница, бабушка – внук* и под. На первый план выдвигаются при этом отношения между супругами (представителями одного поколения), а не отношения между представителями разных поколений (родителями и детьми).

Начнем описание концепта с характеристики его значимой составляющей – Отец / Батько. Специфика мифопоэтического образно-смыслового и одновременно оценочного содержания микроконцепта Отец / Батько определяется не только семантикой «глава семьи» [Жайворонок 2007, с. 16–17; Кононенко 2008, с. 58], но и следующими оценочными характеристиками, среди которых идеал, проводник Божьей силы, гарант семейного счастья и блюститель традиций (концептуальная пара {[отец / батько] → [Бог]}) [Прилож. 1, прим. 17]; передача знаний и опыта

(концептуальная пара {[отец / батько] → [поле; лице]} [Прилож. 1, прим. 18]. В актуализации этих значений паремии в равной степени соотносятся и с архаическими, и с христианскими мифопоэтическими представлениями. Особая роль отца, его отличие от других членов семьи отмечены в ПКМ в следующих текстах (концептуальная пара {[батько / отец] ≠ [мати]}) [Прилож. 1, прим. 19].

Отец / батько в паремиях предстает как символ дома, причем богатого, сытого, теплого, родного (концептуальная цепочка {[отец / батько] ← /моя, родная, своя, теплая, богатая/ → [хата]}) [Прилож. 1, прим. 20]. Отцовский порог (метонимия отцовского дома) – символ достатка. Зафиксировано выражение с обобщением стремления к еще большим личным благам [Прилож. 3, прим. 15]. Отцовская забота незаменима в жизни человека, что и отображают пословицы с оценочными интимизированными определениями свой / свій, мой / мій, дорогой (любленький) / любенький, родной / рідний [Прилож. 3, прим. 16]. Отношение наследников к отцу всегда было показателем человеческой порядочности, чести, воспитанности [Прилож. 3, прим. 17].

Среди пословиц с номинативным центром *отец / батько* (*тато, татко*), *отец* преобладают паремийные тексты с обобщенной этносемантикой. Прежде всего – с социокультурным компонентом. Один из них – ‘генетическая наследственность’. В большинстве случаев ее семантическим воплощением является концептуальная пара {[отец / батько] → /добрые, злые, такие/ [діти, дитя, дитя, дитятко]} [Прилож. 1, прим. 21]. Подобные паремийные тексты можно типологизировать в соответствии с семантическим средством отождествления, а именно:

- особенности внешности [Прилож. 3, прим. 18];
- особенности характера [Прилож. 3, прим. 19];
- характеристика по виду деятельности, профессии [Прилож. 3, прим. 20];

- названия растительного мира, что можно трактовать как проявления архаических представлений о роде в образе Древа жизни, Мирового дерева [Прилож. 3, прим. 21].

В украинской ПКМ метафорой ребенка выступает и номинация *вівця* ('овца'), концептуальные цепочки – те же (*/гарний, добрий/ [отец / отец] → /дурна, скажена/ [вівця]*) [Прилож. 1, прим. 22]. В целом метафорическая модель соединения членов концептуальных пар «какой – такой» очень распространена [Прилож. 3, прим. 21] и охватывает она понятия предметной (концептуальные цепочки *{[гребля – млин; хата – тин; колода – клин] ← /такой/ → [отец / батько – сын / син]}*) и растительной (концептуальные цепочки *{[явор / дерево – клин; кущ – хворостина; дуб – тин] ← /такой/ → [отец / батько – сын / син]}*) культуры, характерных для сельского дискурса [Прилож. 1, прим. 23].

Еще один компонент семантики микроконцепта Отец / Батько – *{[отец / батько, тато] ← / довел до ума (разу́ма), научил, воститал, выкормил/ → [наставаник]}*, *{[отец / батько, тато] ← /выкормил, вскормил/ → [кормилец]}*. Сема 'воспитание' в сопоставляемых нами НЯКМ представлена в следующих моделях – «не тот отец / батько, что родил (сплодив, вином скропил), а той, що...» [Прилож. 1, прим. 24].

Во многих паремийных текстах с центральной номинацией *отец* реализована семантика 'уважение', 'почитание' [Прилож. 3, прим. 23].

Оценка непослушания и его последствий в паремиях выражается различными способами [Прилож. 3, прим. 24].

Как одну из традиционных форм воспитания (особенно для русских крестьянских семей) ПКМ отражает и физическое наказание (битья / биття) и поощрения, в т.ч. словесные, детей (концептуальная цепочка *{[отец / батько] → /наказал, похвалил/ → /наставник, воспитатель/ → [сын]}*) [Прилож. 1, прим. 25]. Так, вызывает исследовательский интерес одна из русских паремий [Прилож. 3, прим. 25], где в метафоричной форме вербализуется концепт воспитания как навык *езды на коне*. При этом

семантика отношений кровной близости дополнена здесь семантикой родовой ответственности, которая так или иначе связана с мифопоэтическими представлениями, ассоциированными с внутренней формой константы Родство / Спорідненість.

В украинской паремике метафорой учения является отрицание роли хлеба ('сытость', 'еда') в процессе отцовского воспитания [Прилож. 3, прим. 26]. Прослеживаем метафорическое переосмысление функции артефакта шапка (актуализированы семы 'разум', 'опыт') на голове человека как символа передачи знаний и опыта от отца к детям [Прилож. 3, прим. 27].

Выделяем в исследуемых ПКМ и тексты с концептуализованными семами: {[отец / батько] ↔ [опора в жизни]} [Прилож. 1, прим. 26]; {[отец / батько] ↔ [забота]} [Прилож. 1, прим. 27]. Кроме того, паремийные тексты с номинативным центром *батько* (*тато*) / отец имеют антропные компоненты семантики – {[отец / батько] ↔ [правда]} [Прилож. 1, прим. 28]; {[отец / батько] ↔ [судья]} [Прилож. 1, прим. 29]. Ряд приведенных сем продолжает наиболее выраженная в концептуальной паре {[отец / батько] ↔ [трудолюбие]}, {[отец / батько] ↔ [достаток]} [Прилож. 1, прим. 30]. Правда, разворачивается она в украинских паремийных текстах в следующую: {[отец / батько] ↔ [трудолюбие], а [сын] → [расточительство, лень, склонность к развлечениям]} [Прилож. 1, прим. 31].

Паремии иллюстрируют сакрализацию отношений отца и детей, в таких текстах вербализована концепция родовой ответственности [Прилож. 3, прим. 28].

Паремийные тексты вобрали в себя образы социального неравенства. Отдельные высказывания содержат ироничные оценки бедности, материального неблагополучия отца и его наследников [Прилож. 3, прим. 29]. Привлекает внимание синтаксическая структура этих паремийных нарративов: первая часть предложения характеризует вещественную сторону ситуации, суть которой фактически раскрывает следующая

иронически маркированная часть высказывания, присоединенная бессоюзной связью.

Кроме пословиц, в которых позитивно оценивается социальная роль отца / батька как главы семьи, ответственного за ее благополучие, и наставника (учителя, помощника) собственных детей, в русской и украинской ПКМ встречаем фразеологические контексты, в которых образ отца ассоциативно связан и с негативными общественными явлениями и чертами характера, среди которых: равнодушие к собственным детям [Прилож. 3, прим. 30]; пьянство [Прилож. 3, прим. 31]; расточительство [Прилож. 3, прим. 32]; эгоизм [Прилож. 3, прим. 33]; неблагонадежность [Прилож. 3, прим. 34]; заносчивость [Прилож. 3, прим. 35].

Особо следует отметить как привычное, обыденное явление и для украинской, и для русской лингвокультуры те пословицы, в которых для оценки обыденных действий со значением-рекомендацией 'не спеши' используется отсылка к отцу / батьке, равнодушием к собственным детям [Прилож. 3, прим. 36]. В иллюстративных примерах закреплён образ закономерных жизненных процессов, некой последовательности жизни поколений, а мифопоэтический потенциал исследуемой константы реализован в свернутом виде в символике значения адского пекла.

Значимость связи отца с собственными детьми также реализуются в пословицах, развивающих сценарные мотивы товарищества и поддержки в сложной ситуации [Прилож. 2, прим. 1]. Паремии с компонентом «как отец / як батько» семантически связаны с концептуализацией важной для содержания изучаемой константы семы 'родной – близкий', преобразующуюся в коннотативную сему 'очень; сильно; крепко, много' [Прилож. 3, прим. 37].

В русском и украинском языках неотъемлемой частью константы Родство является концептуальная дихотомия Родители / Дети, реализуемая, наравне с компонентом Отец/ Батько, через другую его составляющую – Мать / Мати. Паремии с номинативным центром **мать / матір** (и со всеми

производными формами данной номинации: *мама, матушка, матка/мати, мама, матінка* м под.) отражают парадигму социокультурной семантики обеих лингвокультур. Наиболее значимая структурно-семантическая функция НР *мать* выражена в пословицах, где смысловая многогранность актуализирована внутренней формой номинации [Прилож. 3, прим. 38].

Образ матери ассоциируется со святостью, Божественным светом и духовно-нравственной чистотой, ее деяния как защитницы рода сопряжены с усердным молением о детях – заботой об их духовном благополучии. Поэтому ряд русских паремий включает соответствующие лексемы, которые являются носителями сакральной ассоциативной семантики (концептуальные пары {[**мать**] ← [**дети**] → [**Бог** – защита, церковь, глава]}) [Прилож. 1, прим. 32].

Как и в семантике микроконцепта Отец / Батько, в семантике этого микроконцепта содержится указание на действие сакральных сил [Прилож. 3, прим. 39]. На это указывает и концептуальное сближение пары {[**мама / матери**] → [**правда / закон**]}, в основе которой сема ‘истинная’ [Прилож. 1, прим. 33].

В качестве центральных рассматриваем четыре семантические составляющие в структуре микроконцепта Мать / Мати. Первая – это ‘естественная родственность’ [Прилож. 3, прим. 40], т.е. мать / матери – это данность, источник жизни, поэтому носителем этой семантики является концептуальная пара {[**мать / матери**] ↔ [**родительница**]}) [Прилож. 1, прим. 34]. Это стержневая сема, ибо, как известно, именно такая биосоциальная роль характерна только для женщины. Мать ответственна за человека от рождения и до смерти, но если кто-либо ведет аморальный образ жизни, отрекается от родных, то указывают [Прилож. 3, прим. 41].

Вторую семантическую составляющую описывает концептуальная цепочка {[**мать / матір**] ↔ [*годувальниця / кормилиця*] ↔ [**земля**]}) [Прилож. 1, прим. 35].

Третий уровень семантических составляющих анализируемого микроконцепта представляют концептуальные цепочки {[**мать / матери**] ← /зависимость, счастье, радость, добро/ → [**жизнь**]}, {[**мать / матери**] ← /зависимость, совместность/ → [**хата / дом**]}, концептуальная пара {[**мать / матери**] ↔ [**голова**]}. Понятие ‘зависимость’ обобщенно вербализуется в ПКМ в текстах с утвердительной семантикой [Прилож. 3, прим. 42]; с натуроморфной семантикой [Прилож. 3, прим. 43]. Жизнь с матерью, при матери ассоциируется в украинской ПКМ с поющим и цветущим садом, маковым цветом, с теплом солнца, весной, а в русской – еще и с пчелиным роем, с теплом, которое получают птенцы.

Четвертый прицентровый семантический компонент конкретизирует концептуальная пара {[**мать / матери**] → [**наставник, воспитатель, советчик**]} [Прилож. 1, прим. 36]. В украинской этнокультуре сам процесс воспитания ассоциируется с солнцем / тучами на небе]} [Прилож. 3, прим. 44].

В старину, как известно, позитивно оценивалось воспитание с битием, что отражает ряд русских поговорок. Поэтому в отмеченную выше концептуальную пару вклинивается еще один компонент и модифицирует ее структуру, расширяет акциональную семантику, ср.: {[**мать / матери**] → /битие/ → [**наставник, воспитатель, советчик**]} [Прилож. 1, прим. 37].

Ряд поговорок, в которых реализуется микроконцепт Мать, мама / Матір (мати, мама), ориентирован на отражение повседневных взаимоотношений в семье, выражающих глубокие этнокультурные оценки с антропным компонентом, т. е. активны концептуальные цепочки {[**мать**] → /каменная, праведная/ → [**защита, опора, ограда**]} [Прилож. 1, прим. 38]; и концептуальные пары {[**мать**] → [**совет**]} [Прилож. 1, прим. 39]; {[**мать**] → [**терпение, доброта, сердечность**]} [Прилож. 1, прим. 40]; {[**мать**] → [**друг**]} [Прилож. 1, прим. 41]; {[**мать**] → [**питательница, кормилица**]} [Прилож. 1, прим. 42]; {[**мать**] → [**забота**]} [Прилож. 1, прим. 43].

Обобщенную семантику имеют поговорки, построенные на концептуальной паре {[мать] → [любовь]}. Если в украинской ПКМ основной акцент приходится на телесную, кордоцентричную ментальность (*сердце*) [Прилож. 3, прим. 45], то в русских поговорках такого семантического направления соединены сопряженные понятия 'душа' + 'красота' [Прилож. 3, прим. 46]. В центре украинских поговорок зачастую находятся глубина чувств и эмоциональная палитра [Прилож. 3, прим. 47].

Анализ многочисленных поговорочных текстов с семантическим ядром «мать» показывает частотность наличия в них понятийно-оценочного эпитета *родная* [Прилож. 3, прим. 48]. Следует подчеркнуть и тот факт, что этнокультурные тексты украинских поговорок содержат и такой символический вербальный образ, как «белая сорочка» ('защита'), т. е. сема 'родная' входит в концептуальную цепочку {[мать] → /родная/ → [защита, **ограда**]}. В народном быденном сознании отражен и идеал защиты преданной, родной матери как воплощение благодарности за ее преданность. Поэтому порицается оскорбление матери]} [Прилож. 3, прим. 49]. Сема 'защита, опора' в русской и украинской ПКМ модифицирована в телесную метафору, а вернее, в метонимический образ «гладкой головы» ('ухоженной, здоровой', 'счастливой') [Прилож. 3, прим. 50].

Концептуальная пара {[мать / матери] → [хозяйка]} реализуется в ироничных контекстах [Прилож. 1, прим. 45]. Они отображают лишь некоторые негативные стороны бытовой жизнедеятельности женщин, но в качестве обобщающих образов могут проецироваться на другие ситуации как средства иронической оценки неаккуратности, поспешности, невнимательности.

Немногочисленны поговорки, в которых закреплена ассоциативно-образная связь мать=колыбельная [Прилож. 3, прим. 51].

В исследуемом материале используется и такой способ оценки роли матери, как актуализация концептов «жизнь – смерть» [Прилож. 3, прим. 52].

Воплощением сценарного мотива отсутствия матери является формула «без матери». Ассоциатом такой печальной ситуации является неутешность ребенка. Благодаря фигуре параллелизма мать отождествляется с мастером, т. е. идеалом, совершенством, ср. соответствующие русские поговорки [Прилож. 2, прим. 2].

Подобным образом, т. е. на противопоставлении жизненных ситуаций, более объемно предстают характеристики матери в противовес характеристикам мачехи (концептуальная антитеза {[мать] ≠ [мачеха / мачуха]} [Прилож. 1, прим. 46], а именно в таких концептуальных цепочках: {[мать /милая/] – [мачеха / мачуха]} [Прилож. 1, прим. 47]; {[мать/тепло, доброта, забота/] – [мачеха / мачуха]} [Прилож. 1, прим. 48]; {[мать /честность, справедливость/] – [мачеха / мачуха]} [Прилож. 1, прим. 49]; {[мать/достаток/] – [мачеха / мачуха]} [Прилож. 1, прим. 50].

Как периферийные следует квалифицировать поговорочные тексты, в которых сосредоточена широкая сема ‘родственность’, ‘близость’, ‘сродность’. В данном случае оценочная роль НР в поговорочном тексте, отражающем вторичную мифологизацию, коррелируется с архаическим мифопоэтическим образно-смысловым ядром константы, а именно:

родной стороной, землей ({/кормит, родная, ласковая/ ← [мать] ↔ [земля-родина]}) [Прилож. 1, прим. 51];

реками ({/кормит/ ← [мать] ↔ [вода]}) [Прилож. 1, прим. 52];

временами года, а именно весне, символизирующей начало, обновление всего живого ({/красивая/ ← [мать] ↔ [весна]}) [Прилож. 1, прим. 53];

зерновым культурам (пшеница, рожь), символизирующим источник жизни ({/кормит/ ← [мать] ↔ [хлеб]}) [Прилож. 1, прим. 54];

бытовым артефактам (печка), с различным символическим значением, например, печь – ‘домашний очаг’, ‘семья’ ({/кормит/ ← [мать] ↔ [печь]}) [Прилож. 1, прим. 55].

В паремийных текстах зафиксированы соединения НР на основе гендерного признака *отец / батько / тато* и *мать / матір / мати / мама / нянька*. Подобная сочетаемость актуализирует общую символических понятий обобщающего характера, среди которых 'незаменимость', 'исключительность', 'преданность' [Прилож. 3, прим. 53]. Характерно, что и в украинской, и в русской ПКМ отражена некоторая независимость отца и матери, намерение утаивать что-либо, держать в секрете, т. е. сохранять личное пространство в бытовых отношениях, хитрость [Прилож. 3, прим. 54]. «Разность» родителей учитывается народным самосознанием [Прилож. 3, прим. 55].

В паремиях с несколькими НР вербализованы и концептуализированы отношения между членами семьи, с одной стороны, как стереотипные модели родственных отношений в анализируемых этнокультурах, а с другой, подчеркивают особую силу и связь между ними.

Можно утверждать, что такие паремии – это лингвокультурные коды повседневной-бытовых ситуаций, в которых отражены внутрисемейные (межличностные) отношения родителей (отца / матери) с детьми. Они представлены в концептуальных цепочках:

{[отец / мать, батько / мати] → /единоначалие в воспитании/ → [дети]} [Прилож. 1, прим. 56];

{[отец / мать, батько / мати] → /хозяйственность/ → [дети]} [Прилож. 1, прим. 567];

{[отец / мать, батько / мати] → /отношение к воровству/ → [дети]} [Прилож. 1, прим. 58].

Но при этом в паремийных текстах подчеркивается исключительность роли матери в жизни ребенка [Прилож. 3, прим. 56].

В восточнославянских паремиях как ценностно-духовная доминанта отражена традиция почитания, уважения родителей. Так, в русских паремиях концептуальная цепочка {[отец / мать, батько / мати] ← /уважение/ ← [дети]} связана с констатацией такой поведенческой нормы [Прилож. 1,

прим. 59], а украинские поговорки отображают и другой культурно-дискурсивный опыт бытовой повседневности: уважительное отношение к родителями считали залогом личного успеха, счастья, удачи (концептуальная цепочка {[отец / мать, батько / мати] ← /уважение/ ← [дети] → /добро, здоровье, счастье/}) [Прилож. 1, прим. 60].

Кроме семы 'уважение' отношение к родителям проецируется на сферу материального обеспечения (концептуальная цепочка {[отец / мать, батько / мати] ← /поддержка, пропитание/ ← [дети]}) [Прилож. 1, прим. 61].

Наши наблюдения показывают, что поговорочные тексты анализируемой константы сохраняют и утверждают сакрализованные для славян отношения детей к родителям (концептуальная цепочка {[отец / мать, батько / мати] → /защита/ → [дети]}) [Прилож. 1, прим. 62]. Показательно, что такие поговорки преобладают в русской ПКМ. Именно в таком направлении утверждается значение и роль родителей для детей, семьи [Прилож. 3, прим. 57].

Сакральная роль родителей, защитное (обережное) предназначение родительского дома представлены в русских поговорочных текстах [Прилож. 3, прим. 58]. В некоторых поговорках сема 'защита' выражена посредством образов Бога, Ангела-хранителя (христианская мифопоэтика), ассоциативно сближенными с образами отца/матери [Прилож. 3, прим. 59].

Настоящим горем для детей в любом возрасте становится смерть родителей. Психоэмоциональное состояние, переживаемое детьми, потерявшими родителей, повседневные трудности, которые ожидают их без родителей, в поговорочных текстах детерминирует семы 'жалость', 'горе', 'опустошенность' [Прилож. 3, прим. 60].

Типовой для ПКМ является ситуация, когда образы отца / батька и матери соотносятся с транслированием духовно-нравственных ценностей, передаваемых своим детям. Прежде всего, это касается нравственных установок на единство, нерушимость семьи, восприятию союза отца / батька

и матери неделимого целого [Прилож. 3, прим. 61]. В паремиях обеих лингвокультур отражен тот факт, что для детей свойственна гордость за своих родителей, а в украинских паремиях подчеркнута важность репутации родителей в обществе, их честь – концептуальная цепочка {[отец / мать, батько / мати] → /честь/ ← [дети]} [Прилож. 1, прим. 63].

Часто встречаем паремийные тексты, подчеркивающие схожесть отца-матери с детьми [Прилож. 3, прим. 62]. В то же время гендерные особенности определяют особые взаимоотношения отца и сына, матери и дочери (хотя и не всегда) [Прилож. 3, прим. 63].

Полноценность восприятия родителей дети оценивают, понимают только в то время, когда приобретают тот же опыт – родительский [Прилож. 3, прим. 64].

Обе из анализируемых ПКМ сохранили особенности вторичной образности, т. е. использования названий *отец / батько* и *мать / мати* как оценочных метафор, ср. украинскую паремию с фольклорно-песенной направленностью [Прилож. 3, прим. 65] и русские – с элементами книжности, с расширенным рядом социально-ролевых статусов в названии людей [Прилож. 3, прим. 66].

В отношении микроконцепта Дети примечательны следующие признаки. В отдельных паремиях проявлена мифологическая перспектива христианства: люди предстают в них Адамовыми детьми, т. е. потомками единого прапредка, созданного Господом-Творцом. В таком трактовании {[дети] ↔ [потомки (от единого корня)]} [Прилож. 1, прим. 64].

В русских и украинских паремийных текстах четко прослеживается концептуальная оппозиция «свой – чужой». Для семы 'дети', вербализующей константу Родство / Спорідненість, как правило, эта оппозиция имеет характер частотной внутренней реализации. Особого внимания в данном плане заслуживают паремийные единицы, в которых смысловая нагрузка ложится на квалификативные определения *мой, свій*, которые не указывают принадлежность, но, прежде всего, контекстно

выражают оценочную (отчасти указывают на интимизацию отношений между родителем и ребенком) семантику (концептуальная цепочка {[родители] → /мой / мій, свой / свій/ → [дети, дитя / діти]}) [Прилож. 1, прим. 65].

В русской ПКМ (в сравнении с украинской) преобладают ассоциации ребенка (дитя, детей) с детенышами животных, забота о которых проецируется на воспитание собственных детей, что зачастую выражено контекстным употреблением уменьшительно-ласкательных форм. Такое отношение к ребенку в семьях восточных славян традиционно и составляет неотъемлемую часть обыденного сознания – (концептуальная пара {[родители] = [коты ↔ дети] = [котята]}) [Прилож. 1, прим. 66].

Оппозиция *чужой (людей, соседский) – свой (мой, наш)* является одной из наиболее часто встречаемых в ПКМ восточнославянских языков. Следует отметить, что концептуализация данной оппозиции, выраженной цепочкой {[родители] → / чужой / чужий/ → [дети / діти]} сопровождается оценочным оттенком, который привносят в т.ч. вторичные номинации детей (*чортенята, паненята, волчонок* и под.) [Прилож. 1, прим. 67].

Модель отношений с чужим ребенком представлена в паремиях, в которых утверждается запрет на влияние по отношению к не своим детям (сема ‘ограничение’) [Прилож. 3, прим. 66].

Одну из наиболее обширных групп и в украинской, и в русской ПКМ составляют т. наз. оценочно-сакрализованные паремии, в которых факт наличия детей с т. зр. народного представления о благе получает одобрительную оценку. Такая семантика выражена концептуальной цепочкой {[Бог] → [родители] → [дети]}. В таких контекстах дети ассоциируются: с Божьим даром, благодатью [Прилож. 1, прим. 68]; их появление на свет – с Господней помощью, благословением (во возвращении и воспитании) [Прилож. 1, прим. 69]. Именно поэтому в отдельных паремиях подчеркивается функция Бога и ангелов как поддержка ребенка [Прилож. 3, прим. 67]. Примечательно, что в русских паремиях подчеркнута ведущая

роль отца в воспитании детей, его ответственность за их жизнь (ассоциативная связь *отец – Бог*) [Прилож. 3, прим. 68].

И русские, и украинские поговорки постулируют утверждение о том, что дети являются основой семейного счастья, а их отсутствие у семейной пары считалось настоящим несчастьем (ассоциация с *бедой, одиночеством, пустотой в доме, грехом*) [Прилож. 3, прим. 69]. Достаточно частотны поговорочные единицы, в которых утверждается обратная мысль (ассоциативная цепочка *дети – горе / забота / кручина*) [Прилож. 3, прим. 70]. Двойственность и некую парадоксальность в отношении наличия детей в семье

Ряд пословиц, построенных по модели противопоставления определенных оценок, выражает неоднозначность и противоречивость уровня и содержания жизни супружеской пары с детьми и без детей [Прилож. 3, прим. 71]. При этом важной, определяющей характеристикой семьи с детьми является вербализация в поговорке концептуальной пары, в которой дети ассоциированы с родовым пространством: избой (домом) / хатой – {[дети / діти] ↔ [изба / хата]} [Прилож. 1, прим. 70].

Частотным является следующее общее значение поговорок о семье и детях: для отца и матери они – опора в жизни, ее смысл, источник вдохновения и силы [Прилож. 3, прим. 72].

Наши наблюдения показывают, что самую многочисленную группу пословиц с семантическим компонентом *dіти / дети* составляют те, в которых раскрыт социокультурный опыт и особенности этнокультурного народного воспитания – (концептуальная цепочка {[родители] → / **воспитание** / → [дети / діти]}). Это отражено в пословицах с обобщенно-категориальным смыслом и подчеркивает важность и сложность процесса воспитания [Прилож. 1, прим. 71].

Мы можем утверждать, что ПКМ отражает также биологическое сходство родителей и детей или отсутствие такового [Прилож. 3, прим. 73]. Одна из выделенных нами поговорочных групп отображает народно-песенный

метафорический механизм отождествления процесса воспитания с выращиванием растений (цветов, деревьев) и соответствует концептуальной цепочке – {[родители] → / любить, учить, поливать / растить, гнуть, глядеть / → [дети / діти]}. Такие паремии можно типологизировать согласно их структурно-семантических особенностей:

1. Паремии, представляющие собой своеобразные дидактические сентенции, формулы, пожелания. Эти пословицы-поучения содержат предостережения, наставления и т.д. При этом, если в русскоязычных контекстах преобладает обобщенная рекомендация, то в украинских усилена ассоциативная связь «дитя – дерево, росток» [Прилож. 3, прим. 74].

2. Пословицы-предостережения, построенные по принципу оппозиции актуализованных атрибутов *добрий, хороший – худой, плохой, злой (злий), добрий – ледачий*, относительно сформированных черт характера [Прилож. 3, прим. 75].

3. Пословицы-универсалии, определяющие следующие эталонные качества поведения детей:

- трудолюбие [Прилож. 3, прим. 76];
- правдивость, откровенность [Прилож. 3, прим. 77];
- покорность, послушность [Прилож. 3, прим. 78];
- активность, жизнеспособность [Прилож. 3, прим. 79].

Таким образом, мы можем утверждать, что в исследуемых национальных ПКМ доминируют пословицы-максимы с концептуальной цепочкой {[родители] → /воспитание/ → [дети / діти]}, построенные по следующим моделям:

«растить, учить, родить N ≠ легкое дело» [Прилож. 1, прим. 72];

«N = положительное или отрицательное явление» [Прилож. 1, прим. 73];

«N как / мов / что...» [Прилож. 1, прим. 74].

Кроме вышеназванных моделей, где представлены характеристики детей как объектов воспитания, отдельно выделяем паремии, определяющие

способы воспитания ребенка в семье, в частности постулат о его закрытости и ограниченности влияния со стороны посторонних [Прилож. 3, прим. 80]. Один из них – телесное наказание, битье (концептуальная цепочка {[родители] → /воспитание = битье / биття/ → [дети / діти]; [дети / діти] /не слушают/ ← /воспитание = битье / биття/ ← [родители]}) [Прилож. 1, прим. 75]. Хотя часть паремий отрицают положительный результат телесных наказаний детей как эффективного способа наказания [Прилож. 3, прим. 81].

Весьма противоречивы пословицы, оценивающие вольности и свободу в воспитании детей [Прилож. 3, прим. 82]. Негативно оценивается двумя лингвокультурами и избалованность в воспитании, чрезмерное внимание к ребенку [Прилож. 3, прим. 83].

Перечисленным выше типологическим группам противопоставлены другие классификационные разновидности паремий, объединяемые по признаку применения в процессе воспитания таких позитивных мер и способов воздействия на детей, как:

- похвалы [Прилож. 3, прим. 84];
- игры, забавы [Прилож. 3, прим. 85];
- родительской серьезности, суровости [Прилож. 3, прим. 86];
- воспитания стыдливости [Прилож. 3, прим. 87];
- проявления заботы и внимания [Прилож. 3, прим. 88].

Отдельно отметим, что негативная оценка в паремиях о семейном воспитании дана родительскому потаканию, балованию детей [Прилож. 3, прим. 89].

Процесс воспитания в ПКМ отождествлен также с таким важным процессом жизнедеятельности, как кормление, питание, смоделированным концептуальной цепочкой {[родители] → / воспитание = годування / кормление/ → [дети / діти]} [Прилож. 1, прим. 76].

В украинской ПКМ зафиксированы присказки, в которых через анималистические образы обыгрывается сценарный мотив воспитания-вскармливания [Прилож. 2, прим. 3]. Так через имплицитный

психологический параллелизм проявляются мифопоэтические представления о причастности человека природной жизни, о подобии, если не изоморфности, человеческой и природной жизни.

Совершенно неоспоримым является утверждение о том, что и украинские, и русские паремии концентрированно подчеркивают понимание ответственности родителей за воспитание ребенка, осознание того, что с его рождением в семье заканчивается беззаботная жизнь [Прилож. 3, прим. 90]. Исходя из этого, мы констатируем следующее: микроконцепт Дети / Діти разворачивается в паремиях двух лингвокультур в сложный семантический механизм концептуализации, т. е. обобщения предыдущего опыта (опыта предыдущих поколений), выстраиваемый в пословицах-максимах такого типа концептуальную цепочку {[родители] → /воспитание/ → [дети] = /бедность, беда, огорчение, недоедание, недосыпание/}.

Следует также зафиксировать следующую типичную семантику паремий о воспитании: по мере взросления ребенок требует больше родительских усилий и внимания. Этот смысл актуализуют вербальные компоненты *не наешься, не дают поесть, не дают пожить, не дают спать, не дают дышать* и т. д., соотнесенные с оценочным компонентом *малые / малі* (концептуальная цепочка {[родители] → /воспитание/ → [малые дети] = / бедность, тягость, беда, печаль, огорчение, недоедание, недосыпание, хлопоты/} [Прилож. 1, прим. 77]. В то же время единичные паремии сравнивают малое дитя со сладостью – медом, пряником [Прилож. 3, прим. 91].

Воплощением душевных переживаний за детей выступают в паремиях соматические метафорические образы *сердца, головы, руки, глаз, груди* и т. д. [Прилож. 3, прим. 92].

Анализ показывает частотность сравнения ребенка с кладом, цветами, ягодами, плодами, звездочками на небе и т. д.) [Прилож. 3, прим. 93]. Считаем, что в этих сравнениях имплицитно присутствует миф о Мировом древе, реализуется характерный для восточнославянских мифологий способ

символизации его образно-смыслового потенциала в представлениях о потомках как ветвях или плодах родового древа.

Особым знаком и символом материнского переживания является плач ребенка. Аксиоматичность оценки такого предельного эмоционального психофизиологического состояния матери, слышащей плач ребенка, тонко и экспрессивно отражен в ПКМ обеих лингвокультур [Прилож. 3, прим. 94].

Любовь как высшая мера человеческих взаимоотношений также, безусловно, нашла свое отражение в паремийных текстах о семье и роде. В многочисленных пословицах о родителях и детях представлена следующая концептуальная цепочка – {[родители] → /воспитание = любовь/ → [дети]} [Прилож. 1, прим. 78].

Отмечены следующие средства образности, эмоционально-экспрессивно говорящие о роли любви во взаимоотношениях родителей и детей: метафоры *ярмарка, звездное* ('счастливое') *небо, радость, счастье* и т.д. – концептуальная цепочка {[родители] ← /радость, счастье/ → [дети]}: [Прилож. 1, прим. 79]. Среди русских пословиц отмечены единичные тексты, в которых ребенок сравнивается со сладким медом (концептуальная цепочка {[родители] ← /сладость/ → [дети]}) [Прилож. 1, прим. 80].

Объединяющей для украинской и русской ПКМ в отношении реализации фрейма «любовь к детям» можно также считать следующую обобщенную семантику: любое дитя – нездоровое, болезненное в том числе, любимо и дорого своим родителям. Такая высокодуховная и соответствующая всем православным канонам позиция родителей находит свое отражение в концептуальной цепочке {[отец, мать] → [/милое, родное/дитя] /сопливо, кривое, худое, горбатое/} [Прилож. 1, прим. 81].

В паремийном фонде отражен и сценарный мотив наступления старости, который реализуется через ассоциативный между возрастными изменениями родителей, их жизненным опытом, житейской мудростью и взрослением (созреванием) детей [Прилож. 2, прим. 4].

При этом, паремии, в которых можно структурировать концептуальную цепочку {[родители] ← /смерть/ → [дети]} утверждают, что детей рожают не для старости, и в тоже время это частотно тексты, в которых оценивается степень горя от смерти родителей или их детей [Прилож. 1, прим. 82].

Концептуально значима для микроконцепта Дети / Діти характеристика семьи по количеству детей. Важность этой составляющей обусловлена традиционной многодетностью восточнославянских семей. Однако следует отметить, что объективные социально-экономические условия жизни таких семей, сформировали у определенной части общества неоднозначное восприятие многодетности. Так, зафиксированы паремии, в которых представлено ироническое предостережение относительно роста количества детей в семье, например [Прилож. 3, прим. 95]. Но тем не менее, большинство русских и украинских паремий утверждают наличие большого количества детей как благо и счастье. Таким образом, позитивную оценку в семантически подобных текстах получила семантика 'много' [Прилож. 3, прим. 96], причем, вербализовано и осознание того, что количество детей только ухудшает материальное благосостояние в семье, но не забирает при этом ощущение радости, Божьей поддержки, благодати. Безусловен факт негативной оценки семантики 'один', 'два' ребенка в семье [Прилож. 3, прим. 97].

Украинские паремии содержат указание на предпочтительные для зачатия детей периоды: Рождество (метонимия *кутя*), время после Успенского поста (метонимия *жнив*) [Прилож. 3, прим. 98].

Выстроенная нами концептуальна цепочка {[родители] → [дети] = /бедность/} обусловлена не морально-нравственным и религиозным мировоззрением восточных славян, а их социально-экономическим условиями жизни [Прилож. 1, прим.83].

Констатация такой духовной и нравственной позиции в исследуемых лингвокультурах подтверждает ряд перекликающихся не только семантически и концептуально паремийных текстов, но и имеющих сходную

особую ритмику и мелодику. Ср. русскую поговорку и украинские варианты [Прилож. 3, прим. 99].

В паремийном содержании микроконцепта Сын / Син выделяется несколько компонентов: 1) оценочный компонент; 2) взаимоотношения матери и отца с сыном; 3) обобщающие характеристики сына. Следует отметить, что как и микроконцепт Дети / Діти, микроконцепт Сын / Син входит в широкую оппозицию «свой – чужой» [Прилож. 3, прим. 100]. Охватывает эта оппозиция и номинацию «зять».

Паремийные тексты отражают общепризнанное отношение к появлению сына в семье и отождествление с радостью (метафоры *стіни радіють, хата радується*), что передано в концептуальной цепочке {[сын /свой/] ← [родители] → [/чужой/ зять]}, реализованная) [Прилож. 1, прим. 85].

Неоднозначно оценивается в анализируемых ПКМ тема богатства и бедности. Со одной стороны, хорошо, когда отцу есть что передать детям, но при этом народное самосознание всегда на стороне бедных родителей, сочувствует им. [Прилож. 3, прим. 101].

Паремийные тексты отражают и особенности этнокультуры взаимоотношений родителей и сына. Во-первых, это касается воспитательного процесса ({[родители] → /учение, воспитание/ → [сын]}) [Прилож. 1, прим. 86]. Народная мудрость концептуализует роль конкретного родителя в воспитании отца [Прилож. 1, прим. 87]; матери [Прилож. 1, прим. 88].

Анализ семантики паремий показывает, что в русской и украинской ПКМ большую ответственность за плохое воспитание сына возлагается на отца, который, в свою очередь выступает архетипным праобразом Творца [Прилож. 3, прим. 102].

Процесс воспитания отцом сына, представленный в паремиях, тесно связан не просто с наказанием, а с телесным наказанием, с битьем (концептуальная цепочка {[родители] → /учение, воспитание = битие/ →

[сын])) [Прилож. 1, прим. 89]. Хотя паремийные тексты могут отражать и противоположную сторону семейных отношений {[сын]→ /*битие*/ →[родители]} [Прилож. 1, прим. 90].

Паремийные тексты с доминантной семьей 'сын' выражают также такие значимые для категориально-обобщенного анализа русско-украинской лингвокультуры характеристики сына: сын – наследник родителей (концептуальная цепочка {[сын]→ /*близость*/ →[родители]}: [Прилож. 1, прим. 91]; позитивную маркированность образа как хорошего, доброго, послушного, умного сына ({[сын]→ /*хороший, добрый, послушный*/ ←[родители (отец)]}) [Прилож. 1, прим. 92]; умного сына ({[сын → [умный] ←[родители (отец)]}) [Прилож. 1, прим. 93].

Значима для русской и украинской ПКМ характеристика сыновей относительно:

- порядка их появления на свет [Прилож. 3, прим. 103];
- количества сыновей в семье (прямая связь с недостатком / достатком рабочей силы в крестьянской семье [Прилож. 3, прим. 104];
- склонности к вредным привычкам, слабый ум (глупость) [Прилож. 3, прим. 105];
- негативные качества поведения сына: лень, потребительство, стяжательство и под. [Прилож. 3, прим. 106].

Народное самосознание фиксирует в паремиях и ироническое восприятие отдельных характеристик сыновей. Например, несоответствие физических параметров и ума [Прилож. 3, прим. 107], привязанность сына к отцу как источнику его материального благополучия [Прилож. 3, прим. 108].

Отдельного рассмотрения требуют собенности функционирования микроконцепта Дочь / донька в украинских и русских паремиях. Они могут быть описаны по нескольким направлениям:

- оценочный компонент;
- взаимоотношения матери и отца с дочерью;
- обобщающие характеристики дочери.

Анализ паремийных текстов показал, что значимой для понимания роли и функции *дочери* в содержании рассматриваемой константы является отдельный значимый мифопоэтический концепт – *судьба / доля*, неразрывно связанный с архаическими лингвокультурными традициями и поэтикой и с образом Мирового древа. Ср. концептуальную цепочку {[дочка / дочь] → /окно / вікно/ → [Судьба / Доля]} [Прилож. 1, прим. 94]., где «окно» – мифопоэтический символ двери во внешний мир.

Отдельные паремии ориентированы на оценку количества дочерей в семье через частотную оппозицию «мало – много». Этот параметр выражает преимущественно следующую семантику: большое количество дочерей в доме наполняет его счастьем, весельем, хотя и делает саму жизнь родителей и братьев более ответственной и хлопотной [Прилож. 3, прим. 109].

Содержание отношений между дочерью и матерью, дочерью и отцом определяется рядом обязательств в воспитании и подготовке к роли жены для кого-то, так как дочь в определенное становится объектом сватовства, а потом замужества: концептуальная цепочка {[дочь / дочка] ← /чужая/ → [дом / хата]}). Эта составляющая обрядового народного дискурса требует употребления соответствующих данной мифопоэтической ситуации глаголов и народнопоэтических сравнений [Прилож. 1, прим. 95]. Вербализация оценки перспектив семейной жизни дочери находит выражение в реализации концепта «чужой – свой» [Прилож. 3, прим. 110]. При этом синонимами «чужого» выступают обрядовое слово *пропитая* (дочь) и обрядовое понятие *выданная* (дочь) [Прилож. 3, прим. 111].

Особое внимание в русских и украинских паремиях уделяется материальной стороне жизни семьи, где есть дочери, так как, чтобы их отдать замуж в хороший дом, нужно обеспечить достойным приданым [Прилож. 3, прим. 112]. Украинская паремия свидетельствует (так как часто выступает в роли исторического документа), что символом приданого выступает «сорочка» [Прилож. 3, прим. 113]. С этими разновидностями паремий связана концептуальная цепочка {[родители] → /дочь/ → [замужество]},

отражающая важность подготовки дочери к замужеству [Прилож. 1, прим. 96].

Длительные наблюдения за психологическими типами дочерей-жен, позволили сформулировать определенные обобщения, связанные с отмеченной схожестью дочерей с родителями, в зависимости, очевидно, от опыта самих родителей, копирования моделей поведения дочерей в зависимости от наличия в семье второй дочери. Поэтому смысловое наполнение паремий отражает обобщение {[**мать, отец**] = [первая **дочь**] ≠ [вторая **дочь**] = [первая **дочь**, т.е. **сестра**]} [Прилож. 1, прим. 97].

В связи с тем, что после ухода дочери в другой дом, когда она забирала приданое, дом казался пустым, паремии фиксируют образ опустошенной (ободранной, голой) хаты после замужества дочери – концептуальная цепочка {[**дочь / дочка**] → *голая* [**дом / хата**]} [Прилож. 1, прим. 98].

В паремиях обеих лингвокультур отображено поощрение со стороны родителей стремление дочери вести до замужества праздный образ жизни, что отражают в частности формы глаголов в повелительном наклонении [Прилож. 3, прим. 114]. Однако эти пожелания-рекомендации включают семантику меры [Прилож. 3, прим. 115].

Особого внимания в паремиях обеих лингвокультур заслуживает отражение духовной связи матери и дочери, передаваемое глаголами с определенной семантикой (*плакать, помогать, любить*) (концептуальная цепочка {[**мать**] → */родная, близкая/* ← [**дочь**]} [Прилож. 1, прим. 99] и в то же время определяет различный социальный статус каждой из них (*не годится*) [Прилож. 1, прим. 100].

Русские и украинские паремии содержат множество различных оценок дочери, которые ей дает мать. Нами отмечена частотная вербализация положительной характеристики дочери матерью с помощью определения *хорошая* [Прилож. 3, прим. 116], хотя есть и одиночные негативные оценки *ленивой* дочери, сделанные ее родителями [Прилож. 3, прим. 117]. Позитивную оценку дает мать дочери, характеризуя ее отношение к труду с

помощью следующих определений-вербализаторов: *родная, видная, приметная, обращающая на себя внимание* [Прилож. 3, прим. 118].

Анализ показывает наличие особых по ритмике и мелодике паремийных конструкций, содержащих похвалу со стороны матери, бабушки, т. е. представителей женской части семьи, а также традиционно характеристики дочери соотносятся с чертами отца [Прилож. 3, прим. 119].

Семантический компонент 'материнство' разворачивается в ряду компонентов. Пословицы, отражающие идеализированные отношения **мать / матір – дети, ребенок, дитя / дитина (діти, дитя)**, содержат характерные эпитеты (*мать, мати / найкраща, мила (-о), (-еє), миленьке, равны дитя, дитина*), а также другие средства оценки (сравнения, напр., *як золото*, категории состояния *жаль* и под.) [Прилож. 3, прим. 120]. Социокультурный компонент семантики этих паремий связан с акциональными и оценочными значениями:

а) 'внешнее и внутреннее психологическое сходство с матерью'. Причем в одних паремийных текстах прослеживается концептуальная связь {[/как, что, куда, какова, яка / **мать, матка, мамка, матушка / мати, мама, матка**] → /одинаковые → *так, то, туда, таковы, такая, таке, такі*/ [**дети, дитя / діти**]} [Прилож. 1, прим. 101].

В других паремиях – {[/какова, какая, яка / **мать / мати / няня / мамуня**] → /одинаковые/ → [/*такова, таковы, такая, така / дочка, доня, донюня*]} [Прилож. 1, прим. 102]. Выразительную этнокультурную коннотацию содержит паремия с концептом «каша» (есть кашу вместе 'жить под одной крышей') [Прилож. 3, прим. 121]. Реже в выделенной аксиологической подгруппе паремий встречаются концептуальные пары {[**мать**] → [**син / син**]} [Прилож. 1, прим. 103]. Интересна украинская паремия, в которой отношения с сыном ассоциированы как с родным человеком (поссоришься и помиришься, т. к. живешь с ним и для него), а с зятем – как с чужим. В таких примерах используется архетиповая семантика печи-хаты ('родное, близкое, свое') и

клямки ('двери из дому, в чужой мир') [Прилож. 3, прим. 122]. Подобное внутреннее содержание имеют и паремии с семантикой доли ('судьба') [Прилож. 3, прим. 123];

б) 'несхожесть детей с матерью'. Та же концептуальная цепочка {[**матка / мати, матка**] → /*счастье, обычай / неодинаковые, разные*/ [**детки, ребятки / дітки**]} определяющая для дифференциальной характеристики детей [Прилож. 1, прим. 104];

в) 'сочувственность, сопереживание'. С таким семантическим направлением связаны концептуальные цепочки {[**матка, мати**] → /*плач, слезы, боль, жаль*/ ← [**детки / дітки**]} [Прилож. 1, прим. 105].

г) 'заботливость' [Прилож. 1, прим. 106].

Одним из направлений обобщения отношений матери и ребенка является тема физического наказания – бития (биття) / небития (небиття) (концептуальная цепочка {[**мать / мати**] → /*битие / биття*/ → [**дитя**]}), поскольку приложение физических усилий являлось неотъемлемой частью народных традиций патриархального семейного воспитания [Прилож. 1, прим. 107]. Зачастую рукоприкладство в семье осознавалось как поучение, а точнее – предостережение другим [Прилож. 3, прим. 124]. Если негативные оценки бития матерью смягчены, то в проекции на такие поведенческие мотивы мачехи они осуждаются и в украинской, и в русской паремийных картинах мира [Прилож. 3, прим. 125].

Отдельного анализа заслуживает микроконцепт *Материнство*, который по своему семантическому и духовно-нравственному наполнению занимает чрезвычайно важное место в лингвокультурной картине мира славян. Микроконцепт *Материнство* реализуется в ряде пословиц, которые отражают отношение детей к матери, проявляющееся в конкретных жизненных ситуациях. В целом они подчеркивают неравенство соучастия и сопереживания, а также несоизмеримость социальных ролей матери относительно ребенка в младенчестве и в состоянии взрослости [Прилож. 3, прим. 126].

По народным наблюдениям, на отношения матери и детей влияют ее отношения с отцом (концептуальная цепочка {[мать] ← /битие/ ← [отец] = [мать] → /битие/ → [дети]}) [Прилож. 1, прим. 108]. Целиком реалистичен и сценарный мотив наказания (в т.ч. физического) как ответной реакции матери на непослушание детей [Прилож. 2, прим. 5].

Отмечены в этнокультуре и отношения матери с детьми разных полов (соответствующие концептуальные пары {[мать] ↔ [сын], [мать] ↔ [дочь]}). В этом ключе паремии обобщают процесс равноудаления детей по мере взросления [Прилож. 1, прим. 109].

Не менее важны для этнокультуры паремийные тексты в форме обобщенных диалогов. Это ритмизированные микротексты с некоторой долей ироничности в оценке отношений матери и домочадцев, в основном – детей, для которых в некоторых присказках закрепились собственные имена (*Андрушко, Василиха*). Наиболее выражены в таких паремиях сценарии питания [Прилож. 2, прим. 6], женитьбы, замужества [Прилож. 2, прим. 7], рукоделия [Прилож. 2, прим. 8]; судьбы [Прилож. 2, прим. 9].

Выделяется в ПКМ микроконцептуальная корреляция Сын / син – дочь / дочка, поскольку в ряде паремий сравниваются особенности отношений родителей с детьми разного пола и обратная связь сына и дочери с родителями. Важна актуализация в украинской ПКМ образа Древа жизни, Древа рода, подтверждающих равенство детей разного биологического пола, рожденных в одной семье, роду, т. е. от одного корня [Прилож. 3, прим. 127]. В то же время в русской ПКМ концептуализовано представление о принципиальных различиях между сыном и дочерью, о разной привязанности к ним, об отличии социальных последствий воспитания детей разного пола [Прилож. 3, прим. 128].

Семантическое наполнение некоторых русских паремий о сыне и дочери связано с актуализацией концептуальных оппозиций, в частности «свой – чужой» (концептуальная корреляция {[свой = сын] – [чужая = дочь]}) [Прилож. 1, прим. 110]. В русской ПКМ образ дочери ассоциативно

связан с красотой, а образа сына – с гордостью, почетом, уважением (*красуются, в почете живут*) [Прилож. 3, прим. 129], хотя такое разграничение весьма условно [Прилож. 3, прим. 130].

Наибольшее отчуждение связано с образом дочери, что констатировано в украинской паремике рядом контекстных элементов, как вот: *лиха доля* [Прилож. 3, прим. 131].

Традиционны в русской паремике народно-песенные отождествления сына с месяцем, а дочери с солнцем, их восприятием как хороших, красивых, приятных родительскому сердцу [Прилож. 3, прим. 132]. Ситуативно сравнивают сына и дочь с желанными (*домашними*) гостями, если они живут отдельно [Прилож. 3, прим. 133].

Не менее важна для восточнославянской культуры концептуализация корреляции детей и родительского дома. Концептуальная корреляция $\{[\text{сын} / \text{дочь}] \leftrightarrow [\text{дом} / \text{хата}]\}$ может раскладываться на такие компоненты – $\{[\text{сын}] \rightarrow [\text{дом} / \text{хата}]\} - \{[\text{дом} / \text{хата}] \rightarrow [\text{дочь}]\}$, т. е. с семантическими векторами «в – из дома» [Прилож. 1, прим. 111].

По-разному в ПКМ обобщен опыт отношений и внешнего сходства каждого из родителей с детьми разного пола, смоделированный на оппозиции отец – мать [Прилож. 3, прим. 134].

Сегмент ПКМ, в котором представлен микроконцепт Брат / Брат, прежде всего отражает представление о способах вербализации концептуальной оппозиции «добро – зло». Поскольку именно отношения между братьями, братьями и сестрами концептуализуются в ракурсе отношений между своими и чужими людьми вне дома.

Иерархия семантики микроконцепта Брат / Брат связана с отражением как положительного, так и отрицательного отношения людей друг к другу, причем паремии с негативным оценочным содержанием преобладают. Например, положительное представление о взаимоотношениях вербализовано в паремиях с концептуальными цепочками $\{[\text{брат}] \rightarrow$

/взаимопонимание, взаимопомощь, преданность, единство, доброта, ум / ← [брат]} [Прилож. 1, прим. 112].

Негативная сторона взаимоотношений или проявления черт характера вербализирована и в украинской, и в русской ПКМ через концептуальные цепочки {[брат] → */предательство, недоверие, зависть, корыстолюбие, индивидуализм, обособленность, жадность, ограничения в отношениях, враждебность / ← [брат]}* [Прилож. 1, прим. 113].

В русской паремике более, нежели в украинской отмечаем актуализацию силы братских отношений ({[брат] → */сила, взаимопомощь/ ← [брат]}*) [Прилож. 1, прим. 114].

Это преобладание семантики подтверждают не все контексты, поскольку зафиксировано параллельное употребление паремий с акцентом на враждебных отношениях братьев, выраженное сравнительными, условными и временными синтаксическими конструкциями (*лучше, чем...; краше, ніж; доти..., доки*), а также лексическими элементами с соответствующей семантикой (*не рад, нуще супостата*) [Прилож. 3, прим. 136].

Выделяется группа паремий, в которых концептуализованы денежно-вещественные отношения. В украинской паремике в большей мере, но в русской также отмечают обособленность хозяйственной деятельности братьев, а также отсутствие стремления к материальной взаимопомощи [Прилож. 3, прим. 137]. Практически в таких текстах речь идет об концептуальной оппозиции «свой – чужой», реализуемой лексическими и грамматическими элементами, в которых контекст создает условия для актуализации семантики сопоставления / противопоставления (*один – другой; мой – свой, брат брату не..., брат братом, а...*).

В то же время концептуальная оппозиция «богатый – бедный» вербализована нерегулярно [Прилож. 3, прим. 138]. В данном случае по отношению к небогатым братьям скорее проявляется сочувствие, чем осуждение. Хотя, можно предположить, что лексема «брат» употреблена здесь не в значении «кровный родственник», а в значении «хорошо

знакомый, чем-то похожий человек» [Прилож. 3, прим. 139]. Четко функцию употребления номинации *брат* с более широкой семантикой ‘родной, близкий человек’ прослеживаем тогда, когда оно употребляется в роли сравнения [Прилож. 3, прим. 140].

Обособленность братьев в материальном плане подчеркивает концептуальная цепочка {[брат] /хата/ ≠ /хата/ [брат]} [Прилож. 1, прим. 116].

В паремийных контекстах нарочито подчеркивается преобладание материальной заинтересованности в братских отношениях [Прилож. 3, прим. 141].

Паремий, соотносимых с микроконцептом Сестра / Сестра немного, причем преобладают тексты с отрицательной оценочностью. Они являются проводниками обобщений, связанных с реализацией концептуальных цепочек {[сестра] → /взаимопонимание, зависть, корыстолюбие, индивидуализм, обособленность, эгоизм / ← [сестра]} [Прилож. 1, прим. 117].

Примечательно наличие игрового компонента в семантике паремий с ироничным маркированием каламбурных выражений

Как в коррелятивных связях Сын – Дочь, так и в корреляции **Брат – Сестра** основополагающим является реализация мифопоэтического образа Древа жизни, Древа рода. В подобных паремийных контекстах смысловое содержание свидетельствует об актуализации семы ‘одинокость’ – единственный ребенок в семье сопоставлен с образом *одинокое дерева* [Прилож. 3, прим. 143].

Высоко оцениваются благоприятные, дружественные отношения между братом и сестрой, в восточнославянских лингвокультурах они засвидетельствованы как эталонные ({[брат] → /лучшие/ ← [сестра]}): *Лучших братьев и сестер не бывает* (БСРП); ({[брат] → /мир, согласие/ ← [сестра]}) [Прилож. 1, прим. 118].

В то же время негативную оценку получают отношения отчуждения и предательства брата и сестры (*продал, ушла*) [Прилож. 3, прим. 144].

Нейтральная в эмоциональном отношении концептуальная цепочка {[брат] → /подобие/ ← [сестра]} [Прилож. 1, прим. 119]. Одновременно она транспонирует отождествление родственников, воспитываемых в одной семье. В то же время паремии подчеркивают и разность брата и сестры, формирующуюся в силу психологических и биологических особенностей тяготения к образам отца и матери ({[батько / отец ≠ брат] ← /различны/ → [сестра ≠ матери / мать]}) [Прилож. 1, прим. 120].

Концептуальная цепочка {[брат] ← /корыстливость; скупость/ → [сестра]} отражает неискренность отношений родственников [Прилож. 1, прим. 121]. Это понятийное содержание паремий как в украинской, так и в русской КМ представлено большой подгруппой текстов.

Русские паремии предлагают сценарий уважительного отношения не только к своей (своим), но и к чужой (чужим) сестре (сестрам), что обусловлено мифологическим представлением о причинозависимости судьбы человека и его родных от собственных поступков и мыслей (*не смейся, потому что...*) [Прилож. 3, прим. 145].

2.2.3. Концептуализация названий второй степени родства

По нашим наблюдениям, паремийные тексты с центральной номинацией «дед / дід» воплощают ряд архаических мифопоэтических представлений (концептуальная пара {[дед] ↔ [жизнь рода]}). Прежде всего, образно-смысловые элементы мифа о Роде, о счастье-удаче (судьбе), о хлебе (ассоциативные заменители – обед, рыбка), т.е. жизни, жизненной энергии [Прилож. 3, прим. 146].

Семантика жизненной энергии, закрепленная в обеих ПКМ за номинацией *ded/ did*, реализуется, в частности, во фреймовых структурах, регламентирующих поддержание старшего поколения в старости и немощи

(семантические компоненты *корми, годуй, подсади, постій*) [Прилож. 3, прим. 147].

Особое внимание обращает на себя в паремиях образ деда, сидящего на печи, поскольку он является символом Рода, Духа, Первоначала, а печь символизирует бытовую опору рода/ семьи, залог благополучия, счастья, добра. Особенно это подчеркивает русский паремийный текст, где реализуется концептуальная пара {[дед] ↔ [печь]} [Прилож. 1, прим. 122].

Традиционные оценки деда как воспитателя, и в этом видится не только следствие социокультурного опыта народа, но и влияние мифопоэтических представлений о деде и бабе как проводниках силы рода / Рода [Прилож. 3, прим. 148]; начала рода, в котором или продолжают, передаются черты характера, манеры, или нет [Прилож. 3, прим. 149].

Паремийные тексты с номинацией *баба / баба* (и синонимичных ей), как и в случае с паремиями о деде / (про) діда не только концептуализуют социальный опыт семьи в отношении к бабушке, но и транслируют смыслы, связанные с архаическими мифопоэтическими верованиями и христианской мифологией. Бабушка – защитница рода, молитвенница и хранительница родовой жизненной энергии ({[баба, бабушка] ↔ [защита] ↔ Род}) [Прилож. 1, прим. 123].

Сценарий ворожения бабушкой – проявление ее отождествления с Берегиней – богиней, непосредственно связанной с богом Родом [Прилож. 3, прим. 150].

Бабушка – центр доброй родовой силы, проводник милосердного отношения к людям ({[баба, бабушка] → [добрая, щедрая, заботливая] → [Род]) [Прилож. 1, прим. 124].

Как микроконцепт Дед / Дід, микроконцепт Баба / Баба не имеет разветвленной группы паремий с семантикой ‘старость’ (концептуальная пара {[баба ↔ старость]}). Как правило, возрастные изменения передаются через соматизмы (*язык, зубы*) [Прилож. 1, прим. 125].

Кроме специфических качеств деда и бабы в ПКМ отмечены общие, выделяющие, а также кардинально противоположные характеристики. Среди релевантных для дифференциации ролей деда и бабы в роду важна связь с предметным символом *печь*, т. е. центром счастья, благополучия в доме, символом энергетического начала (в первую очередь – для русской ПКМ).

Анализ русских и украинских паремий с компонентом *печь*, который частотно коррелируется в тексте с лексемами *дед* и *баба*, показывает, что эти три лексемы, вербализованные в паремии, выражают в совокупности следующие общие по значению и метафорике смыслы: «хранитель счастья и благополучия в семье», «символ тепла и единения» [Прилож. 3, прим. 151].

В русской паремике подчеркивается роль бабушки как поддержки деда, ее равное участие в жизни семьи ($\{[\text{баба}] \rightarrow /любовь, поддержка/ \rightarrow [\text{дед}]\}$) [Прилож. 1, прим. 126]. Хотя, как отмечается в русских паремийных текстах, для исполнения этой роли порой нужна хитрость (концептуальная цепочка ($\{[\text{баба}] \rightarrow /хитрость, мудрость/ \rightarrow [\text{дед}]\}$)) [Прилож. 1, прим. 127]. В украинских паремийных текстах больший акцент переведен на роль бабушки как источника добра и любви ($\{[\text{баба}] \rightarrow /любовь/ \rightarrow [\text{внуки} \neq \text{дед}]\}$) [Прилож. 1, прим. 128].

Все вышесказанное в свернутом виде отражает те особенности мифопоэтических представлений об отношениях между Небесными, космическими силами и человеком, родом, которые характерны для восточнославянской мифологии.

В русских паремиях поддерживается образ строгого, сурового деда ($\{[\text{баба}] \leftarrow [\text{угроза}] \leftarrow [\text{дед}]\}$), [Прилож. 1, прим. 129]. Отмечаем несколько концептуальных цепочек, установленных в семантике паремийных текстов, характеризующих противоположные качества деда и бабы:

- $\{/хлеб/ = [\text{дед} / \text{дід}] \leftarrow [\text{Род}] \rightarrow [\text{баба}] = /радость/\}$ [Прилож. 1, прим. 130];
- $\{/ум/ \rightarrow [\text{дед} / \text{дід}] \leftarrow [\text{Род: внуки}] \rightarrow [\text{баба}] \leftarrow /душа/\}$ [Прилож. 1, прим. 131].

В паремийных текстах, которые реализуют корреляцию «дед – баба – внуки», отмечается хитрость, обособленность внуков, их корыстолюбие (концептуальная цепочка {[дед / баба] ← /хитрость, корыстность/ ← [внуки]}) [Прилож. 1, прим. 132].

2.2.4. Концептуализация родства по браку

Как и микроконцепт Отец / Батько, микроконцепт Муж / Чоловік является основополагающим для русской и украинской лингвокультуры. Отличие микроконцепта Муж / Чоловік состоит в том, что он содержит личностные и гендерные стереотипные характеристики мужчины и его роли в семье. Определенная часть паремий, в которых характеризуется значение мужчины в жизни женщины и отношений между ними на разных этапах жизни (до женитьбы и после нее), отражает определенную структурную общность таких паремийных текстов – наличие предлога *БЕЗ* (без мужа). Таким образом, народная мифопоэтика трактует такую ситуацию «без мужа» как отрицательную, неестественную для женщины. Такой оценочно-семантический вектор актуализирует ряд концептуальных оппозиций:

- жизнь / смерть [Прилож. 3, прим. 152];
- ум / глупость [Прилож. 3, прим. 153];
- хорошо / плохо [Прилож. 3, прим. 154];
- - семья / одиночество [Прилож. 3, прим. 155].

Описанию отношений между мужем и женой через зооморфные метафоры в различных по жанровым характеристикам фольклорных текстах посвящено большое количество исследований. Одним из основных выводов такого рода исследований стало утверждение о том, в паремийных текстах отношения между мужчиной и женщиной в семье, которые отождествляются с отношениями представителей животного мира (чаще домашних животных) воспринимаются как природные, нормальные, естественные (концептуальная корреляция {[муж] /гусь, конь, собака/ ↔ [жена] /вода, узда, кошка/}) [Прилож. 1, прим. 133].

В славянских фольклорных текстах роль мужа в семье определена как основная и первостепенная, а значит, неизменной и статичной является концептуальная цепочка {[муж / чоловік] ↔ [глава, голова, закон, порядок; Бог (крест), церковь]} [Прилож. 1, прим. 134]. Очевидно при этом, что эта социальная установка имеет не собственно социальное происхождение, а происхождение мифопоэтическое, праславянское, когда связь между ролью мужа и православными традициями отчетливо вербализована в некоторых паремиях. Таким образом, утверждение о том, что муж – глава, а жена подчиняется и следует за мужем, соответствует традиционным славянским мифопоэтическим представлениям и эксплицитно или имплицитно присутствует во многих и русских, и украинских паремиях.

Связь с мифопоэтическим началом более отчетливо проявляется в паремиях, выражающих сомнение в надежности жены, так как женское начало сродни природной стихии и столь же непостоянно и изменчиво (как погода, как смена времен года, как поведение животных в естественной для них среде): [Прилож. 3, прим. 156]. Причем обе, и русская, и украинская, пословицы идентичны по смыслу, имеют сходные компоненты: *жена, лошадь / конь, лодка* – это символы жизненной опоры мужчины, его реализации как продолжателя рода и кормильца, защитника. В то же время народная мудрость склоняет к мысли: «надейся на себя», т. е. имей в себе духовный стержень.

Наш анализ паремий показывает, что микроконцепт «муж / чоловік» определяется через положительно оцениваемые черты характера, поведения, отношений с женой с помощью оценочных эпитетов (концептуальная цепочка {[муж] / *честный, милостивый, добрый, щедрый, хороший, милый* / → [жена]} [Прилож. 1, прим. 135].

Наиболее частотно для оценки мужа в паремиях используется эпитет «добрый» (‘хороший’). В таких контекстах идет речь о том, что о такой муж – мечта любой женщины, мужа с такими качествами вымаливают у Бога [Прилож. 3, прим. 157]. Кроме того, добрый муж ассоциируется с природой,

дающей жизнь, со здоровыми, красивыми растениями (концептуальная цепочка {[муж / чоловік] /добрый, хороший/ → [жена / жінка] /молодая/}) [Прилож. 1, прим. 136]. Частотно такие паремийные тексты содержат в своей структуре антитезы (концептуальные оппозиции «добрый – худой», «добрый – дурной», «добрый – лихой» в соответствующей концептуальной цепочке {[муж] /добрый, хороший/ → [жена / жінка] /с защитой, красивая, молодая/}) [Прилож. 1, прим. 137].

Паремийные тексты обеих лингвокультур единодушно положительно оценивают усилия жены, чтобы ее муж был ухожен, красив, наряден и производил благоприятное впечатление на других (концептуальная цепочка {[муж / чоловік] /красивый/ ← [жена]}) [Прилож. 1, прим. 138].

Однако кроме положительных качеств мужа паремийные тексты, конечно же, концептуализуют его отрицательные характеристики (концептуальная цепочка {[муж / чоловік] /ревнивый, злой, ленивый, робкий, глупый/ → [жена]}) [Прилож. 1, прим. 139].

В паремийных текстах, реализующих исследуемую константу, особую концептуальную роль выполняют концептуальные оппозиции «свой / чужой», «старый / молодой», которые активно вербализированы в мифопоэтических КМ.

Таблица 2.3.

Концептуализация отношений мужа и жены в паремиях с семантическими оппозициями «свой / чужой», «старый / молодой»

Концептуальная цепочка {[муж / чоловік] ← /чужой/ → [жена]}	Концептуальная цепочка {[муж / чоловік] ← /старый/ → [жена]}
<i>Драний кожух не одежа, чужий чоловік не надежа (УПП). Як проти сонця не напиться, так з чужим чоловіком не нажиться</i>	<i>Любит жена и старого мужа, коли не ревнив (БСРП). Старый муж да упрямый муж – поперек постели лежит (БСРП).</i>

<p>(УПП). <i>Чужого мужа полюбить – себя погубить</i> (БСРП) // <i>Чужого чоловіка полюбити – себе погубити</i> (УПП Паз).</p>	<p><i>Старый муж и на руку колодой валится</i> (БСРП). <i>Старый муж ворчит, журит, раздевать, разувать велит</i> (БСРП). <i>Старый муж что гнилая колода лежит</i> (БСРП).</p>
<p><i>Чужой муж бы и мил, да не жить мне с ним; а свой постыл – волочиться с ним</i> (БСРП). <i>Чужий муж до часу, а свій до смерті</i> (УПП Паз).</p>	<p><i>Стар муж, так удушлив; молод, так не сдружлив</i> (БСРП). <i>Старого мужа соломкой прикрою, молодого сама отогрею</i> (БСРП) // <i>Старого чоловіка соломкою накрию, а молодого сама нагрію</i> (УНПП).</p>
<p>Концептуальная цепочка [муж ← [свой] → жена]</p>	<p>Концептуальная цепочка [муж ← [молодой] → жена]</p>

Таким образом, выявлена следующая концептуальная закономерность в исследуемых паремийных текстах: противопоставление чужой / свой и старый муж / молодой муж частотно характеризуется женой так: «чужой муж – ненадежный, временный», а «старый муж – жизненное бремя, нелюбимый, постылый». В целом противопоставление отношений «старый муж» / «молодая жена» также представлены восточнославянской паремиологией как ненадежные, неестественные, грозящие бедой (разлукой, изменой и под.) отношения [Прилож. 1, прим. 158].

В приведенных выше паремийных текстах прослеживается сравнение мужа с опорой, оградой, защитой (концептуальная цепочка {**[муж → [защита] → жена]**}) [Прилож. 1, прим. 140].

Микроконцепт Жена / Жінка также образует в восточнославянских паремиях разветвленное семантическими и структурными элементами семантическое поле, базирующееся на концептах этнокультурного сознания. Так, жена семантически и синтаксически увязывается с семейно-родовым

пространством дома (хата, кути, або роги) – концептуальная цепочка {[жена / жінка] ↔ [дом]} [Прилож. 1, прим. 141]. Семантика опоры мужчины, мужа, хранительницы семейного очага реализуется в метафоре опоры (*стенки, горы*) – концептуальная цепочка {[жена / жінка] ↔ [опора]} [Прилож. 1, прим. 142].

Концептуальные оппозиции микроконцепта Жена / Жінка проявлены в паремиях не менее, а даже более отчетливо по сравнению с содержанием микроконцепта Муж / Чоловік:

- «ум / глупость» [Прилож. 3, прим. 159];
- «здоровье / нездоровье» [Прилож. 3, прим. 160];
- «добро / зло» [Прилож. 3, прим. 161].

Типовой паремийный контекст, в котором жена сопоставлена с кошкой как обязательным атрибутом дома (семы ‘защита (дома от злых сил)’, ‘ласковость’, ‘уют’), построен с опорой на зооморфную метафору с такими опорными семантическими элементами, как *кошка – собака*, в данном случае отождествляющими обязательность присутствия в доме (*что без кошки... / что без собаки...; що без кішки... / без собаки...*) [Прилож. 3, прим. 162]. Целостность брачного союза мужчины и женщины (семы ‘неделимость’, ‘единство’) представлена в украинской ПКМ посредством зооморфизма (*як без хвоста скотина*), части которого подчеркнута обязательны в соответствии эталоном мифопоэтического бытования [Прилож. 3, прим. 163]. Метафорический соматизм *без рук* передает незаменимость жены, обязательность ее присутствия в жизни мужчины [Прилож. 3, прим. 164].

Опосредовано через концепт Счастье воплощена не только семантика семейного благополучия, но и несчастья, невзгод, которые ожидают членов семьи (в первую очередь, мужа) в случае ухода, потери хозяйки дома (концептуальная цепочка {[жена / жінка] ← /счастье/ → [муж]}) [Прилож. 1, прим. 143].

Зависимость успешности женщины, ее внешнего вида от отношения к ней собственного мужа, его заботы и внимания воплощена в украинских и

отчасти русских паремиях и транслирована посредством контекстного употребления атрибутивов с народно-песенным колоритом (*хороша, красна, ладна, гарна, румяна*) [Прилож. 3, прим. 165].

Кроме того, в украинской паремике зафиксированы в такой функции сравнительные конструкции *як ружа, як квітка* [Прилож. 3, прим. 166]. В русской ПКМ позитивный образ красивой жены поддерживается сравнениями с лебедем, пчелой, эпитетами *милая, белая* [Прилож. 3, прим. 167].

В то же время в украинской и русской ПКМ та же синтаксическая структура (S – Nominal Pred – O (Instrument)) может передавать рекомендацию в выборе спутницы жизни женщины прежде всего умной, трудолюбивой, сговорчивой, с хорошим, уступчивым характером, при этом красота жены вторична [Прилож. 3, прим. 168]. В то же время в народном сознании наличие красивой жены свидетельствует об уме мужчины [Прилож. 3, прим. 169].

Следует отметить, что наличие красивой (красной) жены в мифопоэтической славянской традиции не всегда гарантирует счастье и гармонию в семье, порой красота жены расценивается как угроза для мужа, так как на нее заглядываются другие, она является причиной ревности, что отражено в концептуальной цепочке {[жена / жінка → /краса / гарна, красна/ → [безумство/ смерть / измена (мужу)]} [Прилож. 1, прим. 144].

Зачастую концепт Жена соотнесен не только с концептом Дом (семья), но и с мифологическим образом богини-Берегини [Прилож. 3, прим. 170]. Отмечаем и преобладание прагматичного отношения к жене (особенно *красной, пригожей*) [Прилож. 3, прим. 171].

В украинской же паремике традиционно красивая жена ассоциативно сближается с калиной как символом женской красоты, привлекательности [Прилож. 3, прим. 172].

Поскольку существует потенциальная вероятность повторного вступления мужчины в брак, ПКМ отмечает, что отношение к жене в

последующих браках со стороны мужа может значительно отличаться [Прилож. 3, прим. 173].

Приведем в качестве примера концептуальные цепочки, передающие вербализованное содержание концептуальной оппозиции «свой – чужой», которая является одной из ключевых для характеристики внутрисемейных и межличностных отношений супругов:

1) концептуальная цепочка {[жена / жінка] /чужая/ ↔ [муж] /смерть, необдуманность поступков, мед, побег, маков цвет, не-жизнь, обман/} [Прилож. 1, прим. 145];

2) концептуальная цепочка {[жена] /своя/ ↔ [муж] /краса, милая/} [Прилож. 1, прим. 146].

Искушение чужой женой и связанные с этим противоречивые чувства отражают русские пословицы, где смысловая нагрузка лежит на фольклоризмах *лебедушка, любушка // горькая полынь, змеюшка* и под. [Прилож. 3, прим. 174].

Как свидетельствует исследованный материал, наибольшее количество фразеопаремнологических единиц содержит оппозитивные семантические обобщения характеристики жены:

1) концептуальная цепочка {/разумная, мудрая/ [жена] = /благодать, сума, клад, богатство, спасение; хитрая/} [Прилож. 1, прим. 147];

2) концептуальная цепочка {/глупая/ [жена / жінка] ← /учение/ ← [муж]} /} [Прилож. 1, прим. 148].

Среди пословиц встречаются тексты, говорящие о первопричинах глупости в жене – бедность, многодетность семьи, ленность [Прилож. 3, прим. 176]. Приведем способы вербализации концептуальной аксиологической доминанты «хороший / злой» через модели концептуальных цепочек:

1) концептуальная цепочка {/добрая/ [жена, женушка / жінка] = /клад, богатство, честь, забота, счастье, веселье, корона, спасение, победа, хозяйственность; веселая, добрая, заботливая/} [Прилож. 1, прим. 149];

2) концептуальная цепочка {/злая, лихая/ [**жена, жєнушка / жїнка**] = /кара, отрава, погибель, несчастье, тупость, нехозяйственность, упрямство, печаль, осуждение, мятеж, укор, грех, страх/} [Прилож. 1, прим. 150]

В украинских паремиях оппозиция «добрая (хорошая) – злая (плохая)» *жена* усиливается противопоставлением материальным благам, символами которых являются волы, нажитое имущество, земледельческие угодья, поля [Прилож. 3, прим. 176].

Паремийные тексты открывают некоторые причины озлобления жен, например, чрезмерно большое хозяйство, наличие большого количества детей (оппозиция *жена любенька – як злюка*) [Прилож. 3, прим. 177].

Зафиксированы и ритмизированные паремии с концептом Добро, в которых в игру смыслов включены онимы (*Маринка, Настя, Горпина* и под.) [Прилож. 3, прим. 178].

Высокую социально-культурную и эмоциональную оценку получила жена-труженица, соответственно негативную – ленивая (укр. ледача), ср.:

концептуальные цепочки {/роботящая/ [**жена / жїнка**] = /богатство, забота, чистота в доме/};{/ленивая/ [**жена / жїнка**] = /ненадобность, зло/} [Прилож. 1, прим. 151].

В русских паремиях подчеркивается, что доброта, смирение, заботливость – это самые ценные качества характера супруги и особо ценятся в семье [Прилож. 3, прим. 179].

Чтобы найти такую супругу, нужно правильно подойти к выбору жены: выбирать по делу (в старину это уточнялось – по работе в поле) [Прилож. 3, прим. 180].

В славянской лингвокультуре особое значение придается такому важному морально-нравственному понятию, как честь жены. За этим стоят древние родовые традиции, концептуализованные в паремийных текстах [Прилож. 3, прим. 181]. Важным ценностным критерием русских и

украинских паремий является также верность супруги, сравниваемая с верностью другу, семье и родине [Прилож. 3, прим. 182].

Хотя надо отметить, что концептуализируется и превозносится не только верность жены, но и мужа, который должен блюсти верность Богом данной ему супруге, любить ее и получать взамен добро и ласку (концептуальная цепочка {[жена / жінка] → /любовь/ ← [муж]}) [Прилож. 1, прим. 152].

Семантика семейной любви вербализируется разными способами. В одних случаях под ней подразумеваются отношения родственников, в других – мужа к жене. В частности, в украинской этнокультуре символом единства, мира и согласия в доме может выступать традиционное украинское блюдо – борщ, его оценка во время трапезы может определять отношение мужа к жене [Прилож. 3, прим. 183].

Отношения супругов часто соотносятся в паремиях с белым цветом, символизирующим чистоту, святость [Прилож. 3, прим. 184]. В русских паремиях любовь может ассоциироваться с силой жизни [Прилож. 3, прим. 185].

В украинской ПКМ особо оценивается и концептуализируется возраст супруги. Как известно, замуж в давние времена могли отдать очень юную девушку, по нынешним меркам ребенка, следовательно, нельзя было рассчитывать на то, что такая жена будет способна выполнять тяжелую женскую работу в доме и на поле, чем объясняется ярко выраженная негативная (зачастую в грубой форме) оценка излишней молодости жены [Прилож. 3, прим. 186]. Хотя в отдельных паремиях такая возрастная характеристика жены может быть оценена и позитивно [Прилож. 3, прим. 187]. Но при этом более высоко все же в восточнославянской лингвокультуре ценилась жена в зрелом (в физиологическом и социальном плане) возрасте (*красна годами*) [Прилож. 3, прим. 188].

Возрастное неравенство в браке (оппозиция «старый – молодая») традиционно получает негативную оценку, иногда с ироничным колоритом [Прилож. 3, прим. 189].

В паремийных текстах дана негативная оценка следующим отрицательным с точки зрения народного самосознания качествам жены:

- **бранливости, сварливость** [Прилож. 3, прим. 190];

лукавство, лесть [Прилож. 3, прим. 191];

- **хитрость** [Прилож. 3, прим. 192];

- **завистливость**. В связи с этим ряд паремийных текстов содержит компонент «жене правды не говори», «не верь жене» (концептуальная цепочка {[жена / жінка] → /правда/ ← [муж]}) [Прилож. 3, прим. 193].

В восточнославянских паремиях неоднозначно оценивается богатство жены, которое якобы может привести к непослушанию, нарушению правил поведения жены в семье (концептуальная цепочка {[богатство] → [жена] ← [ругань] ← [муж]}) [Прилож. 1, прим. 153].

Ранее нами уже отмечались факты применения в паремиях зооморфных метафор и сравнений по отношению к членам рода, семьи, в частности, относительно образа жены. Наиболее частотна модель сопоставления *жена как / жінка як + зооморфизм*, которая актуализирует семантику отождествления с образами-символами животных (чаще – домашних (*кішка, не коза*)). Так, сопоставление жены с кошкой актуализирует сему ‘внимание’ [Прилож. 3, прим. 194], а сравнение жены с козой – сему ‘каприз’, ‘переборчивость’ [Прилож. 3, прим. 195].

В паремиях семы ‘связь’, ‘единство’ детерминированы включенностью в паремийный контекст номинаций, обозначающих реалии окружающего мира (*лоза, жилка, торба* и под.) [Прилож. 3, прим. 196].

В структуру текста паремий в качестве образно-выразительных средств также включены лексемы, называющие предметы быта: названия крестьянской утвари, обуви, рукавиц, головных уборов и др. (*седло, рукавица, шапка, лапоть, черевик* и под.), того, что можно легко снять,

сбросить и также быстро надеть при необходимости. Такие семантические особенности подобных лексем позволяют метафоризировать следующую семантику отношений: подчеркнуть тесную связь между мужем и женой, готовность быстро прийти на помощь одному из супругов [Прилож. 3, прим. 197]. Сопоставление жены с бытовыми артефактами (домашней утварью, народными музыкальными инструментами), отличающимися хрупкостью, указывает на ответственность мужчины в выборе спутницы жизни [Прилож. 3, прим. 198].

Украинская ПКМ сохраняет особое отношение к предметному символу – окну, которое является праобразом иного мира, мечты, девичества и оценивается как враг хорошей жены, препятствие ладу в доме [Прилож. 3, прим. 199].

В анализируемых ПКМ прослеживаем ироничное отношение к такому социально-бытовому явлению, как брак по расчету [Прилож. 3, прим. 200].

В паремийных контекстах с номинативным центром *жена* также отображается изменчивость повседневно-бытовой культуры семейных отношений [Прилож. 3, прим. 201].

Большая группа паремийных текстов отражает отношения мужа и жены, разность их характеров, поведения, обобщает супружеский опыт и содержит поучения, направленные на рекомендации мужу вести себя с женой определенным образом. Наиболее обобщенно сакральность союза мужчины и женщины, решивших создать семью, отражает концептуальная цепочка ($\{[\text{жена}] \leftarrow [\text{Бог} = \text{Закон}] \rightarrow [\text{муж}]\}$) [Прилож. 1, прим. 154].

Ряд паремий, созданных по модели противопоставления, обобщает единство противоположностей в браке. Семантически-сопоставительную основу оппозиций таких структур составляют:

- названия продуктов питания [Прилож. 3, прим. 202];
- зооморфизмы [Прилож. 3, прим. 203];
- соматизмы [Прилож. 3, прим. 204];
- мифонимы [Прилож. 3, прим. 205].

Как уже было сказано выше, многочисленна группа паремий, отмечающих единство мужа и жены. В таких текстах прослеживается концептуализация понятий **один, одно, одни, одна** [Прилож. 3, прим. 206].

В целях подчеркивания нерасторжимой связи мужа и жены концептуальному переосмыслению подвергнуты также другие многочисленные лексемы: **пара, союз / спилка, закон, нитка (нитка и иголка), порода, пядь, локоть полтина**, а также **названия различных видов деятельности** и мн. др. [Прилож. 3, прим. 207].

Единство супругов обобщают паремийные тексты с концептуальными цепочками {[**муж**] ← /свой/ ← [**жена / жінка**]} [Прилож. 1, прим. 155]; {[**без мужа**] ← /сирота/ ← [**жена / жінка**]} [Прилож. 1, прим. 156]; {/где/какой/ [**муж**] ↔ /там/такая/ [**жена / жінка**]} [Прилож. 1, прим. 157].

Руководящая роль одного из супругов определена через семантику соматизмов – *голова, шея*, предметов быта (зачастую соотносимого с пространством дома), а также через сопоставление с реалиями церковной, духовной жизни или же соответствующую метафорику. В такого рода паремиях реализован мифопоэтический потенциал как архаических, так и христианских воззрений [Прилож. 3, прим. 208].

Показательно, что в восточнославянских паремиях осуждается главенство жены в семье, сопряженное с деспотизмом, авторитарностью по отношению к мужу [Прилож. 3, прим. 209].

С помощью сопоставления со взаимоотношениями других членов семьи (рода) паремии могут подчеркивать близость супругов (*больше, чем брат и сестра; ліпшаий (-а) від рідного брата*) [Прилож. 3, прим. 210], в других же может быть концептуализован конкретный жизненный опыт – например, в положительной оценке здоровья и взаимопонимания (*жену любить здорову; любить жінку здорову*) [Прилож. 3, прим. 211].

Паремии-максимы обобщенно указывают на сложность взаимоотношений полов в семье с акцентом на том, что жить без пары (мужа,

жены), быть одиноким гораздо хуже, чем супругом, наделенном пороками [Прилож. 3, прим. 212].

Лад, т. е. мир, согласие в семье, – это наивысшая ценность в супружестве, в сохранении которой главенство отдается жене [Прилож. 3, прим. 213].

Добрые отношения мужа и жены, взаимопонимание, схожесть супругов в поведении, мышлении также отмечены через вербализацию концептуальных цепочек {[муж] ← /ум, разум/ → [жена / жінка]} [Прилож. 1, прим. 158]; {[муж] ← /забота/ → [жена]} [Прилож. 1, прим. 159].

Идеал хорошей семьи связан также с концептуализацией работоспособности обоих супругов (концептуальная цепочка {[муж / чоловік] ← /работа/ → [жена / жінка (баба)]}) [Прилож. 1, прим. 160]. Предметными символами разделения труда в семье были *мешок* (нечто тяжелое, ноша) и *горшок* (символ дома, сытости членов семьи), а также домашняя ткацкая работа и работа в поле [Прилож. 3, прим. 214].

Разными способами вербализируется ассоциирование жены и семьи с едой (концептуальная цепочка {[жена / жінка] → /еда/ → [муж / чоловік]} и {[жена / жінка] ↔ [семья = ‘каша’] ↔ [муж]}). Семантика лексемы *еда* и ее способы лексической реализации при этом могут меняться. В одних случаях, *еда* понимается как символ единства, желание поддержать супруга, символ заботы о муже и других членах семьи [Прилож. 3, прим. 215], в других, *еда* – как уровень качества еды определяет умения жены как хозяйки, сфера ответственности жены [Прилож. 3, прим. 216] и, наконец, семейное единство вообще [Прилож. 3, прим. 217]. Через отношение к еде проявляются особенности привязанностей супругов [Прилож. 3, прим. 218].

Голодный муж – позор жене и причина для ссоры супругов [Прилож. 3, прим. 219]. Оставить мужа голодным воспринимается в народном сознании и как способ манипуляции со стороны жены [Прилож. 3, прим. 220].

Немало паремийных текстов нацелены на обобщение противоположностей в манерах, образах действий супругов, невозможности

прийти к одному мнению, согласию (концептуальная оппозиция {/орать, мислу; огонь/ [муж / чоловік] ≠ [жена / жінка] /руками махать, плясать; вода/}) [Прилож. 1, прим. 161].

Естественно, что отсутствие взаимопонимания (лада) в семье влечет за собой раздоры, ссоры как повседневно-бытовое явление, и потому этот семейный опыт также обобщен в ПКМ, а его причины отражены в паремиях: интерес к выпивке у мужа, склонность к веселью у жены, верховенство жены, ее болтливость или сварливость (метафорой чего является «язык») [Прилож. 3, прим. 221].

Обращает на себя внимание то, что народная мудрость предостерегает от внешнего вмешательства во взаимоотношения супругов (в т.ч. в споры, которые должны разрешаться самими супругами) [Прилож. 3, прим. 222]. Причина в самой природе скандалов и способах их нивелировать, что в фразеопаремийных текстах передано иносказательно (*в одну шубу ложится, вночі любит, перина їх мирить*) [Прилож. 3, прим. 223].

ПКМ содержит противоположные по смыслу тексты, которые призывают к битью как средству решения конфликта и воспитания жены и осуждают такие действия мужа по отношению к жене, ср.:

Таблица 2.4.

Отражение концептуальной оппозиции «бить – не бить» (жену) во фразеопаремииологии русского и украинского языков

НЕ бей	Бей
<i>Пий пиво, але не лий, люби жінку, але не бий.</i>	<i>Шубу бей – теплее, жену бей – милее.</i>
<i>Коли жінку почав бити, то й будеш бита, а не починав, тот й не починай.</i>	<i>Бей жену молотом, будет золотом. Бей жену в молодости, покой будет в старости. Кого люблю, того и бью.</i>

	<p><i>Жену не бить – милу не быть.</i></p> <p><i>Бей жену до детей, бей детей до людей.</i></p> <p><i>Бей жену к обеду, а к ужину опять.</i></p> <p><i>Бей жену к обеду, а к ужину опять (опеть), чтоб щи (шти) были горячи (гореци) и каша маслена.</i></p> <p><i>Кто вина не пьет, пьян не живет; кто жены не бьет-мил не живет.</i></p> <p><i>Чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее (тем наварней щи).</i></p> <p><i>Жене спускать – добра не видать; Жене спускать, так в чужих домах ее искать.</i></p> <p><i>Люби жену, как душу, а труси как грушу // Жінку люби, як душу, а тряси, як грушу [а трінай, як шубу].</i></p> <p><i>Як чоловік жінки не б'є, так у неї отроба росте.</i></p>
--	---

С темой битья связана вербализация концептуальной оппозиции «воля – неволя» (концептуальная оппозиция {/воля/ [муж] ≠ [жена / жінка] /неволя/}). Русские поговорки отражают народную традицию бить жену, т. е. держать ее в подчинении, в неволе, противоположное отношение к жене скорее порицалось, т. как нарушало патриархальную традицию, что отображено в поговорочном фонде анализируемых языков [Прилож. 1, прим. 162].

Социальный акцент в ПКМ приобрел такое бытовое явление, как битье женой муж [Прилож. 3, прим. 224]. Поговорки с временными компонентами (*в старые времена, бывало, доселева*), смоделированные по принципу антитезы,

указывают на смену внутрисемейных устоев, социальных ролей супругов, связанную с изменениями в отношении к институту семьи в обществе [Прилож. 3, прим. 225]. Можно допустить: раз в украинских паремиях нет временного акцента, то такое социальное явление в украинской народной культуре «более нормативно», чем в русской.

Воспитание жены битьем ассоциировалось с вымешиванием теста, т. е. подготовкой его для выпечки хлеба, или растиранием в ступе шафрана. Таким образом, прослеживается во внутренней форме паремии связь «жена – хлеб – жизнь», значит, научить жену жизни не так просто, она упрямее и мудрее мужа, как утверждает, хоть и не прямо, украинская пословица [Прилож. 3, прим. 226].

Муж / чоловік в паремийных текстах предстает как ответственное за порядок в доме лицо, поэтому ему вменяется вина за просчеты, муж – залог чести и достоинства женщины (концептуальная цепочка {[муж / чоловік] → /честь, главенство/ → [жена]}) [Прилож. 1, прим. 163].

Уже было отмечено, что корреляция Муж / Чоловік – Жена / Жінка связана с определенными синтаксическими моделями паремий, в которых закреплена рекомендательная, наставническая модальность. Это определяется по грамматическим признакам сказуемого в форме повелительного наклонения. Таким образом, в зафиксированных паремиях рекомендации конкретизируют повелительные глаголы, определяющие модели концептуальных сценариев:

учи [Прилож. 2, прим. 10];

хвали [Прилож. 2, прим. 11];

жалей [Прилож. 2, прим. 12];

выбирай (бери) [Прилож. 2, прим. 13];

держи [Прилож. 2, прим. 14];

не хвали [Прилож. 2, прим. 15];

не уступай [Прилож. 2, прим. 16];

не давай [Прилож. 2, прим. 17];

не пускай [Прилож. 2, прим. 18];

не позичай [Прилож. 2, прим. 19];

не кидай [Прилож. 2, прим. 20].

В некоторых украинских паремийных текстах содержится императивный компонент *треба* ('нужно') как акцентологический прием, указывающий на значимость определенных потребностей жены в быту [Прилож. 3, прим. 227].

Решаясь на создание семьи, муж, как обобщают паремийные тексты, должен руководствоваться чувствами, а не мерять будущую выгоду [Прилож. 3, прим. 228].

В некоторых паремиях концептуальную цепочку составляют понятия {[**батьки**]: [**муж**] – [**жена**] – /**смерть**/}, маркирующие век семьи [Прилож. 1, прим. 164].

Концептуализация отношений между мужем и женой выстраивается по линии ряда сценарных мотивов:

защита [Прилож. 2, прим. 21];

уважение [Прилож. 2, прим. 22];

забота [Прилож. 2, прим. 23];

угождение [Прилож. 2, прим. 24];

дети [Прилож. 2, прим. 22].

Приоритет в отношениях между супругами в некоторых паремиях отдается жене (концептуальная цепочка {[**жена 1 / жінка 1**] → [**муж 2**]}) [Прилож. 1, прим. 165]. Верховенство женщины в украинской семье подчеркивает ироничная пословица о том, что жена могла продать мужа, распорядиться им как вещь [Прилож. 3, прим. 223].

Украинская ПКМ отражает ироничное отношение мужа к внешности своей жены (концептуальная цепочка {[**муж**] ≈ /*низкая, толстая, большая*/ [**жена / жінка / жона**]}):

невысокого роста (*мала, маленька*) [Прилож. 1, прим. 166];

излишне полная (як *міх муки, бодня сала, стоги хліба*) [Прилож. 1, прим. 167].

Отражено и ироничное отношение к умению справиться с женой, подчинить ее себе (концептуальная цепочка {[**муж**] → /подчинение/ ≈ [**жена / жінка / жона**]}) [Прилож. 1, прим. 168].

В очередной раз фиксируем наличие ряда ритмизованных, особо интонированных паремий, которые в некой игровой форме говорят о концептуально важных смыслах. Так, характеристикам и типологизированным оценкам мужа соответствуют пословицы, в которых концептуализуются мужские онимы (*Григорий, Иван, Флор* и под.) [Прилож. 3, прим. 230].

Паремий с микроконцептом Дядька / Дядько – Тетка / Тітка в украинском и русском языках мало. Они в большей мере обобщают оценку моральных качеств тетки и дядьки – их отчужденность (концептуальная цепочка {[**дядька / дядько – тетка / тітка**] → /чужой/ → [**семья, племянники**]}) [Прилож. 1, прим. 169], а также скупость тетки (концептуальная цепочка {[**дядька / дядько – тетка / тітка**] → /скупость, жадность/ → [**семья, племянники**]}) [Прилож. 1, прим. 170], и ее грубость (концептуальная цепочка в украинской паремии {[**тетка / тітка**] → /грубая/ ← [**дядька**] → [**семья, племянники**]}) [Прилож. 1, прим. 171], и любовь к племянникам (концептуальная цепочка {[**тетка / тітка**] → /любвеобильная/ → [**племянники**]}) [Прилож. 1, прим. 172].

Тем не менее положительные оценки также зафиксированы: концептуальная цепочка {[**дядька**] → /ум/ → [**племянники**]}) [Прилож. 1, прим. 173]; {[**дядька**] → /забота/ → [**племянники**]}) [Прилож. 1, прим. 174].

Социально-ролевая функция тетки также отображена в украинско-русской лингвокультуре. Отдельно упомянута такая важная роль тетки, как участие в сватовстве (концептуальная корреляция {[**тетка**] ↔ [**сваха**]}) [Прилож. 1, прим. 175].

Из внешних особенностей в ритмизированных русских паремийных текстах отмечают красоту (концептуальная пара {[тетка] ↔ [краса]}) [Прилож. 1, прим. 176].

Понятийное содержание микроконцепта Невістка / невестка раскрывается в концептуальных оппозициях:

- «свой – чужой»: [Прилож. 1, прим. 177];

- «правда – кривда» (концептуальная пара {[невестка / невістка] – /неправда / сплетни/}) [Прилож. 1, прим. 178]. В связи с последней оппозицией пребывает положительное отношение к невестке, которая умеет смолчать, за что может быть вознаграждена (артефакт *сарафан*) [Прилож. 3, прим. 231].

- Отношение к невестке как источнику всего зла, поскольку она чужая в доме и «забрала» на свою сторону сына, выражено в паремиях с концептуальной цепочкой {[невестка / невістка] ← /зло/ ← [семья]} [Прилож. 1, прим. 179]. В связи с этим в украинской паремике предметным символом напряженных отношений в доме стал «солёный борщ» [Прилож. 3, прим. 232]. Неуживчивость в семье невесток отмечает зоометафора «коты в мешку» [Прилож. 3, прим. 233]. В целом образ невестки связан с концептом «зло, враждебность», предвзятое отношение к результатам труда невестки – ее неумению выполнять женскую работу – прясть, ткать и под. [Прилож. 3, прим. 234].

- С отмеченной концептуальной цепочкой связана вербализация неразборчивости в еде, что отражает злобное отношение в семье к невестке, передаваемое сниженными лексическими элементами *трескает, сожрет, не брезгает* и под. [Прилож. 3, прим. 235].

Недоброжелательность к невестке проектируется на возможность нагружать ее работой, использовать как рабочую силу, поэтому в нескольких паремиях выделяем концептуальную цепочку {[невестка / невістка (раба)] ← /работа/ ← [семья]} [Прилож. 1, прим. 180]. То же отношение

трансформируется в концептуальную цепочку {[невестка / невістка] ← /отсутствие похвалы/ ← [свекровь, свекор]} [Прилож. 1, прим. 181].

Безразличие к внешности невестки, а порой и злоупотребление ее непривлекательностью, отмечены в украинской ПКМ ({[невестка / невістка] ← /некрасивая, занехаянная/ ← [свекровь, свекр]}) [Прилож. 1, прим. 182]. ({[невестка] ← /неуважение/ ← [свекровь, свекр]}) [Прилож. 1, прим. 183].

В целом в народном сознании утвердилось негативное отношение к невестке. А если семья и многодетная, живущая в старину на одном дворе, то это отрицательное отношение умножается [Прилож. 3, прим. 236].

Восприятие зятя в бытовой культуре прежде всего объективирует концептуальная оппозиция «свой – чужой» (концептуальная цепочка {[зять] ← /чужой/ ← [семья]}) [Прилож. 1, прим. 184]. Неприятие «чужого» зятя отображает образ осознанного греха, бранливости [Прилож. 3, прим. 237].

Это концептуальное направление развивается в антикорреляцию {[зять] ≠ [сын / ребенок]}, т. е. сема 'близость' отсекается [Прилож. 1, прим. 185].

Вторая знаковая концептуальная оппозиция – «враг – друг» спроектирована в концептуальной цепочке {[зять] ← /враг/ ← [семья (тесть, теща)]}, которая синонимизирует зятя с врагом, чертом, собакой (псом), т. е. со злом и выражена в украинской и русской ПКМ [Прилож. 1, прим. 186].

Сценарии доброжелательного отношения к зятю как члену семьи выстраиваются через ситуативную модель встречи гостей, где зять, его близкие всегда желанны и дороги. Эти сценарии воплощаются в концептуальной цепочке {[зять, зятюшка] ← /радость/ ← [семья (тесть, теща)]} ПКМ [Прилож. 1, прим. 187]. Но встречаем и контексты с противоположной семантикой (концептуальная цепочка {[зять] ← жадность, корыстолюбие ← [семья (тесть, теща)]}) ПКМ [Прилож. 1, прим. 188].

Появление зятя в доме означало притеснение для обеих сторон, и в плане бытовом, и в межличностном [Прилож. 3, прим. 238].

Наиболее малочисленны паремии с номинацией *шурин*. Согласно нашим наблюдениям, ценностно-аксиологическое наполнение соответствующих образных обобщений такое же [Прилож. 1, прим. 189] и может быть представлено в концептуальной цепочке {[**семья**] → /*нелюбовь*/ → [**зять, шурин** = ‘чужой’]}.

Понятийное наполнение паремийных текстов с концептом «Свекор, свекруха / свекровь» связано с оппозитивной парой «добро – зло» (концептуальная пара {[**свекровь** /*зверь*/, **свекор**] ↔ [**зло**]}). Вербализировано это качество по-разному, но все с прозрачно негативным оттенком содержания:

- через образ грозы, зверя (*что сука на цепи, що собака на ланцюгу, уїдлива муха, псюха*) [Прилож. 1, прим. 190];
- всевидящего злого ока [Прилож. 1, прим. 191];
- через оценочные эпитеты – *лихая / лихой, брехливая, ворчливая, журливая* [Прилож. 1, прим. 192].

Из таких характеристик наиболее общей является негативная оценка «*лихая*», спроектированная и на образ дома / хати (метонимия) [Прилож. 3, прим. 239], в котором, как видно, прослеживается связь и с концептуальной оппозицией «свой – чужой». В отношении свекра этот концепт выражен четко и прямолинейно (*не рідний батько*) – концептуальная пара {[**свекор, свекровь**] ↔ /*чужой, чужая*/} [Прилож. 1, прим. 193].

Основная микроконцептуальная корреляция «свекровь – невестка», негативно маркирована, что подтверждено в выше приведенных примерах. Тут только добавим, что основное выражение возмущения одна другой выражают в словесной перепалке, а потому этот сценарий поведения обобщен в паремийном тексте-максиме, где образ кукушки (зозули) – воплощение свекрухи и невестки [Прилож. 3, прим. 240]. Оружие свекрови – слова, оскорбления, нравоучения (концептуальная цепочка {[**свекровь**] → /*слово*/ → [**невестка**]})) [Прилож. 1, прим. 194].

Отдельный сценарий характеризует отношения свекра и невестки, это сценарий бития невестки / невістки (концептуальная цепочка {[свекор] → /битье/ → [невестка, сын]}) [Прилож. 1, прим. 195].

Оценки свекра и свекрови со стороны невестки выражены в паремийных текстах в язвительно-лестных (*застоюшка, заборонушка*) и оскорбительных номинациях (*свекровище*) [Прилож. 3, прим. 241].

В целом особенности поведения свекра и свекрови обобщаются в паремии-максиме (концептуальная пара {[свекор] ↔ [свекровь]}) [Прилож. 1, прим. 196].

Что касается микроконцепта Тесть / Теща, то его можно представить в нескольких концептуальных оппозициях:

«добро – зло» (концептуальная цепочка {[тесть / теща] → /зло/ → [зять]}): *Як єсть, то єсть – лучше собака, ніж тесть* (УПП); *Теща в хату – нема ладу* (УПП Паз); *Так м'яко спать, неначе теща постелила* (УПП Паз);

«свой – чужой» (концептуальная цепочка {[теща] → /чужая/ → [зять]}) [Прилож. 1, прим. 197].

«богатство – бедность» (концептуальная цепочка {[тесть / теща] → /богатство, достаток/ → [зять]}) [Прилож. 1, прим. 198].

Кроме того, паремийный фонд сохраняет ассоциации **тещи** с болтливостью, неискренностью, скупостью [Прилож. 3, прим. 242].

В то же время жизненные ситуации не все такие негативные, поэтому ПКМ наполнена и текстами с высокой оценкой тещи (концептуальная цепочка {[теща /родная/] → /жена/ ← [зять]}) [Прилож. 1, прим. 199].

Рекомендательную интенцию имеют паремии-максимы, подытоживающие приоритет любви и взаимопонимания между супругами, а не материальных благ, которые могут дать им родители [Прилож. 3, прим. 243].

С этим моментом связан концепт «честь» (концептуальная цепочка {[тесть] /честь/ → [зять] ↔ [дочь]}), который является одним из ключевых в

характеристике тестя как гаранта целомудрия дочери-невесты [Прилож. 1, прим. 200].

Минимальное количество паремийных текстов находим в подгруппе Сват. Как в проанализированных выше микроконцептах, здесь проявляется концептуальная оппозиция «свой – чужой» (концептуальная цепочка {[сват] ← /чужой/ ← [семья]}), связанная с отождествлением свата с собакой [Прилож. 1, прим. 201].

Отношение к свату если не отрицательное, то недружелюбное (концептуальная цепочка {[сват] ← /недруг/ ← [семья]}) [Прилож. 1, прим. 202].

Выводы к главе 2

Основной особенностью номинативного поля константы Родство / Спорідненість является его чрезвычайная разветвленность, объемность. Ключевой номинацией константы выступает слово *родство / спорідненість* как наиболее частотное, стилистически нейтральное, многозначное, широко употребительное; при этом мотивирующее его и множество других номинаций слово *род / рід* является внутренней формой константы.

В целом в толковой академической лексикографии отмечается совпадение семантических признаков, отражающих в русском и украинском языках семантику ‘общность, связь, близость по крови’, ‘общность, связь по браку’ и ‘общность, близость по духу’. Первые два из выделенных значений – ‘близость по крови’ и ‘близость по браку’ – являются прямыми, сформированными в архаическое время и в силу этого наиболее мифопоэтически обремененными. Именно в этих прямых значениях, как в наибольшей степени связанных с образно-смысловым ядром константы и реализующих ее мифопоэтический потенциал, рассматривается в диссертации функционирование константы Родство / Спорідненість в фольклорных и литературных текстах.

Существенными признаками семантического ядра константы Родство / Спорідненість являются:

- совокупность значений 'родство по крови', 'родство по браку' и 'родство по духу',
- мифологически-историческая перспектива значений 'общего источника' и 'общего имени',
- ценностный компонент содержания, ориентированный на семью / единство / общность / близость как ценностную установку.

При этом очевидно, что и в прямых, и в метафорических значениях слов-вербализаторов константы ее номинативное поле и семантическое ядро сфокусированы на исходном для нее слове *род*, этимология которого связана с именем-мифом *Род* и системой архаических мифопоэтических представлений о боге Роде.

Мифопоэтическое (образно-смысловое) ядро константы Родство / Спорідненість, связанное с мифопоэтическими представлениями о боге Роде и женских божествах (в том числе Рожанице), в образно-чувственной форме «схватывает» семантику взаимодействия мужского и женского как творящего и питающего (поддерживающего) начал, обеспечивающих единство, взаимосвязанность и порядок в космическом, природном и человеческом мире.

Новые христианские представления о Небесных силах и отношениях между Богом (Создателем) и тварным миром, с их акцентом на личной ответственности и жертвенной любви, в семантику и символику кровного родства и свойства вливают семантику духовного родства и в то же время втягивают в себя и преобразуют (в рамках русской православной традиции) такие образно-смысловые, мифопоэтические представления, как сопричастность человека и природы небесным силам, возможность преодоления границы между земным и небесным царствами, нерасторжимость духовной связи между предками и потомками рода (шире – народа). Личные отношения между Богом и человеком, личная ответственность за свою жизнь (физическую, социальную, духовную) в православном вероучении встают над коллективной ответственностью рода.

Паремии с доминантными названиями кровного родства составляют одну из наиболее объемных групп в русском и украинском национальных паремийных фондах. Отражая социокультурный опыт устройства семейной жизни, они в то же время развивают тот мифопоэтический потенциал, который содержится в образно-смысловом ядре константы.

Проведенный анализ русских и украинских фразеологизмов и паремий, соотносимых с констатной Родство / Спорідненість, показал, что:

1) русский и украинский фразеопаремийные фонды характеризуются симметрическим семантическим наполнением и функционалом, в котором соотнесенность с культурно-историческим периодом патриархального уклада жизни в селе сочетается с отражением архаических мифопоэтических представлений;

2) семантический центр содержания константы в ее фразеопаремийном бытовании составляют следующие значения, выделяемые по параметру наиболее широкого охвата фразеопаремийного фонда: 'жизнь', 'порядок', 'согласие', 'общность, единство', 'благополучие', 'защита', 'воспитание', 'дом';

3) в периферийную же зону этого содержания входит большой семантический комплекс, включая следующие (наиболее актуализованные) значения: '(генетическая) наследственность', '(психологическое и физиологическое) сходство', 'опора', 'счастье', '(Божья) правда / воля / помощь', 'сочувствие', 'доброта', 'любовь', 'забота', 'уважение (к родителям)', '(родовая) судьба', '(родовая) ответственность', 'труд, работа', 'ум, разум';

4) положительный оценочный компонент содержания константы в ее фразеопаремийном бытовании тесно связан с информационным (понятийным); при этом в константе содержатся и информационно-оценочные значения негативного характера (модели неблагоприятных сценариев внутрисемейных / внутривидовых отношений, развития жизненных событий членов семьи/ рода), например: 'смерть' (родителей),

‘стяжательство’, ‘отчужденность’, ‘зависть’, ‘недоброжелательность’, ‘враждебность’, ‘халатность’, ‘битье’, ‘глупость’, ‘пьянство’ и под.;

5) на тесную связь константы с архаическими мифопоэтическими представлениями о единстве и взаимосвязи рода и мира, вписанности жизни рода в природную, обыденную жизнь указывает частотность актуализации во фразеопаремийном фонде фитотонических растительных образов, восходящих к образу Мирового древа;

6) в процессе анализа паремий в русской и украинской лингвокультурах мы фиксировали незначительные расхождения в актуализации фразеопаремийного содержания константы в русской и украинской лингвокультурах. Так, соотнесенность ПКМ с делением на «своих» и «чужих» чаще встречается в украинской лингвокультуре. Если в украинской ПКМ основной акцент в характеристике отношения матери к детям приходится на телесную, кордоцентричную ментальность (сердце), то в русских пословицах это отношение ассоциировано с ‘душой’ и ‘красотой’. Только русские паремии предлагают сценарий уважительного отношения к чужим сестрам. В то время как только в украинской ПКМ выражено безразличие к внешности невестки, а порой и злоупотребление ее непривлекательностью.

Во фразеопаремийном фонде русской и украинской лингвокультур наиболее представлена концептуализация ключевых НР, как вот: *мать / матери, отец / батько, дети / діти, сын / син, дочь / дочка, брат / брат, сестра / сестра*. В обеих ПКМ отмечаем значительное количество паремий, в которых концептуализируются внутрисемейные отношения: *муж / чоловік – жена / жінка; отец / батько – сын / син, дочь / дочка; свекр / свекор, свекровь / свекруха – невестка / невістка, теща / теща – зять* и пр..

Дифференцируются в связи с этим концептуальные пары двух типов: в одних сопоставимыми становятся вербализаторы константы Родство / Спорідненість (например, {[мать] → [син / син]}, {[жена 1] → [муж 2]}, {[тетка] ↔ [сваха]} и под.), а в других – концепты другого порядка.

Среди них – мифологемы ({[Бог] → [родители] → [дети]}; {[семья] ← /завязь, плод, корни/ → [дерево]}), артефакты-символы ({[дети / діти] ↔ [изба / хата]}), концепты эмоций, чувств ({[мать] → [любовь]}), концепты морали ({[мать] → [терпение, доброта, сердечность]}), концепты-соматизмы ({[мать / матери] ↔ [голова]}), метафорические концепты ({/кормит, родная, ласковая/ ← [мать] ↔ [земля-родина]}), социологемы ({[сын] → /битие/ → [родители]}), идеологемы ({[отец / мать, батько / матери] → /единоначалие в обучении, воспитании/ → [дети]}; {/глупая/ [жена] ← /учение/ ← [муж]}) и некоторые др. типы.

Отражая иерархию структурно-семантических языковых и ментально-языковых связей через конкретные микроконтексты со связанным лексико-грамматическим значением, фразеопаремии тяготеют к таким глобальным концептуальным оппозициям, как «свой – чужой», «добро – зло», «правда – неправда», «богатство – бедность», «радость – горе», «умный – глупый», «счастье – несчастье», «молодой – старый».

Эти все взаимосвязи имеют ориентированный характер, что показывают соответствующие значки: ↔, →, ←.

В целом русский и украинский фразеопаремийные фонды характеризуются симметрическим семантическим наполнением и функционалом, в котором соотносительность с культурно-историческим периодом патриархального уклада жизни в селе сочетается с отражением архаических мифопоэтических представлений. Выделенные из фразеопаремийного фонда литературных языков вербализаторы константы Родство / Спорідненість отражают народную концептуализацию родовых и семейных устоев, ценностных установок и сценариев взаимодействия в семье, а также реализуют мифопоэтическую составляющую, связанную с архаическими представлениями о боге Роде, Судьбе, Древе жизни. Особое место в ряду паремийных текстов, вербализующих константу Родство / Спорідненість, принадлежит паремиям с центральными номинациями *ded / did* и *баба / баба*. В них широко воплощается ряд архаических

мифопоэтических представлений о роде и сакральных силах Рода, о счастье-удаче и жизненной энергии Мирового древа.

ГЛАВА 3

СОДЕРЖАНИЕ КОНСТАНТЫ

РОДСТВО / СПОРІДНЕНІСТЬ

В НАРОДНО-ПЕСЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

3.1. Общие особенности вербализации константы в народно-песенном пространстве языка

Одним из наиболее ценных пластов культуры народа вообще и важнейшей разновидностью национальной лингвокультуры, отражающей аксиологически и ценностно значимые концепты повседневно-бытового и символично-ритуального поведения наших предков является народно-песенная культура. Народно-песенную разновидность национальной культуры можно рассматривать и как историческое, и как художественно-поэтическое (в ряде случаев фольклорное) свидетельство обычаев, верований, оценок и предпочтений народа. В тоже время тексты народных песен представляют собой наддиалектную форму национального языка и представляют огромный интерес для лингвистического изучения образно-речевых средств и различных лингвокультурологических процессов. Широта и разнообразие типизации эстетико-языковых приемов характерны и для таких ядерных единиц народно-песенного словаря, как названия родства [Єрмоленко 1987, с. 8].

Стереотипизация образов, стабильность норм словосочетания, лексическая и синтаксическая фразеологизация песенно-ритуальных контекстов способствовали формированию концептов этнокультуры. Среди них важное место занимает константа Родство / Спорідненість, в ее народно-песенном бытовании, восприятии, реализации [Жайворонок 2007, с. 181].

Этнолингвокультурные смыслы слов, в том числе НР, сформировавшись в народно-песенном дискурсе, воспроизводятся вне фольклорного контекста в качестве фольклором [Жайворонок 2007, с. 181], при этом термин *фольклорема* может относиться и к бытованию НР в фольклоре. Термин подразумевает, что НР не только широко используются в народно-песенных текстах в типизированных речевых формулах, но и заимствуются из этих текстов литературно-языковой практикой вместе с закрепленной за ними речевой и эстетической нагрузкой, поскольку эпичность, лиризм, оценка эмоционального, психологического и социального состояния человека тесно переплелись с их типизированными, стереотипными текстовыми формами. Кроме того, фольклоремы за пределами фольклорной КМ могут становиться маркером поэтического мировосприятия [Єрмоленко 1987, с. 156].

Изменения в концептуальном наполнении НР в структуре песенно-ритуального фольклора связаны с модификацией их внутренней формы, шире – с процессом социального осознания поэтической нормы, т. к. НР-фольклоремы стали маркерами определенных дискурсивных практик – ритуально-обрядовых, календарно-обрядовых, семейно-обрядовых, а также песенно-лирического обобщения эмоционально-психофизиологических состояний членов рода. Эту особенность отметил Н.Ф. Алефиренко: «Дискурсы, сообщая словам дополнительную смысловую нагрузку, снабжают их этнокультурным коннотативным ореолом, наделяют их особой символической функцией. В итоге такие слова становятся культурно маркированными. Причины их отмеченности могут обуславливаться сохранившимися в подкорках нашего сознания архетипами, архаичными формами мифологического мышления [Топоров 1995], культурными или библейскими ассоциациями, ритуалами или обрядами» [Алефиренко 2006, с. 38].

В народно-песенном пространстве языка НР функционируют в качестве фольклором, которые, в свою очередь, входят в состав паремий и

дискурсов, аккумулируют в себе особое семантическое содержание, наполняются символическим смыслом в неких ситуациях, связанных как с ритуалами, так и необрядовых и пр.

Изучение вербализации и функционирования константы Родство / Спорідненість в народно-песенном пространстве русского и украинского языков нацелено на определение роли мифопоэтических образов и структур в формировании художественного этнического (народного) сознания, на вычленение способов стереотипизации экзистенциальных (*род, жизнь, судьба, удача, смерть*), репрезентативных («свой – чужой») и поведенческих представлений и норм (*радость, любовь, страдание, страх, долг* и т. д.), а также на описание особенностей концептуализации в народно-песенной культуре отношений в семье и к семье / роду.

Основу исследования составили материалы сборников народных русских и украинских песен. В составе этих песен для удобства изучения выделено две группы: первую составляют песни семейно-бытовые, календарно-обрядовые, хороводно-игровые, шуточные, лирические любовные, рекрутские, тюремные; все они имеют тематические корреляты в обеих лингвокультурах. Другая обладает выраженной социальной направленностью: в ее состав входят песни бурлацкие, чумацкие, казацкие, невольничьи; представлена она преимущественно текстами украинской народной лингвокультуры.

НР-фольклоремы в структуре народно-песенного текста организованы по законам поэтики, т. е. включены в ассоциативно-образные связи, вспомогательные метафорические семантические механизмы обобщения и в формируемые на их основе символические структуры. Кроме того, в структуре народных песен они выполняют функцию воплощения и обобщения общественно-исторических (работа в найме, пребывание в плену, воинская служба и т. д.), идейно-эстетических явлений и чувственных переживаний человеком тех или иных состояний. Иными словами, НР-фольклоремы сопряжены с историческими процессами и сохраняют

регионализм песенного творчества. Преобладание дискурсивной составляющей в функционировании НР-фольклором обуславливает особенности структурирования лингвокультурологических моделей при анализе константы Родство / Спорідненість в народно-песенном пространстве русского и украинского языков.

3.2. Концептуализация повседневно-бытовых отношений и ритуальных ролей членов нуклеарной семьи

3.2.1. НР-фольклоремы в народно-бытовом лирическом песенном тексте

Фольклорные народно-песенные тексты восточных славян являются отражением чувственно-эмоционального разнообразия, своеобразия реакций народа на переживаемые события в повседневно-бытовых ситуациях [Сидельников 1959, с. 3]. Основу эстетизации семейной жизни в этих песнях составили темы любви родителей к детям и детей к родителям, сыновей и дочерей, которые, взрослея, переживают состояние любви. На семейно-бытовые отношения накладывало отпечаток социальное обустройство жизни, общественные условия крепостничества, работы по найму [Лазутин 1965], что стало предпосылкой к некоторой условности в дифференциации мотивов народных песен разных жанров: они во многом пересекаются, приобретая вариативное текстовое воплощение. Концептуальный анализ позволил структурировать систему словесных образов, связанных с функционированием НР-фольклором как вербализаторов константы Родство / Спорідненість. Для народных лирических песен в силу жанровой и тематической специфики наиболее значимыми в структуре константы являются концепт Род / Семья и микроконцепты Дочь и Сын.

Концепт Род / Семья в народных лирических песнях связан с воплощением представлений о том, что род есть главная опора в жизни человека, ср. концептуальную цепочку { [род, родиночка] = [пристанище] }

[Прилож. 1, прим. 203]. С другой стороны, род – это вся семья, а если в ней кто-то отсутствует, то по нему скучают – *тужат, заплакавши, слово молвят* (ср.: {[дочь, сын] ≠ [род, родиночка, род-племя] = [туга, печаль]}) [Прилож. 1, прим. 204].

В связи с этим стоит отметить, что именно в украинском лирическом народно-песенном дискурсе распространена уменьшительно-ласкательная словоформа «родинька», «родиночка». Этот образ в украинских лирических песнях ассоциативно сближен с этнокультурным образом-символом *вишневого сада* (ср.: {[род, родиночка] = [вишневый сад]}) [Прилож. 1, прим. 205].

Растительная символика пронизывает тексты народных лирических песен, в которых девушка (дочь или сестра) передает свои чувства беззащитной сироты на чужбине. Поэтому для нее родная земля и родное пространство соотнесены с образами дуба, граба-рода, дуба-батька, липы-матери, кленочка-братика, калины-сестрички, шелест листьев которых – метафора разговора с ближними (ср.: {[дочь] = [род, родиночка: дуб-отец, липа-мать, клен-брат, калина-сестра] = [защита, совет, беседа, разговор]}) [Прилож. 1, прим. 206].

Здесь архаические мифопоэтические представления, связанные с семантикой единства и единосущности человека и природного мира и восходящие в том числе к мифу о боге Роде, приобретают в приеме психологического параллелизма эстетические функции: сопоставление драматической ситуации, в которой оказался герой (героиня) песни, с природным явлениям и (или) их противопоставление эмоционально вовлекают слушателя, усиливают выразительность высказывания. В то же время в этом приеме и особенно в используемых в нем образах деревьев (воплощающих, конечно, не столько личный или коллективный опыт, сколько архаическую символику Мирового древа) и соотносимых с ними НР (*отец, батько, сестричка* и т. п.) продолжает жить и приобретает особые

художественные формы мифопоэтический компонент константы Родство / Спорідненість.

Желание вернуться в родную семью, на родную землю связывается в текстах песен с образами дальнего пути (дороги, поля и пр.); чтобы преодолеть расстояние, нужно обернуться голубем, соколом, слиться с дорогой, полем (концептуальная цепочка {[дочь, сын] → [цвет, голубь, дорога] → [род, родиночка]}). Такое превращение, однако, не является реальностью (как в народных сказках), но лишь мечтой героя [Прилож. 1, прим. 207].

Таким образом, мифопоэтический изоморфизм преобразуется в народных лирических песнях в эстетическое уподобление, приобретает функции метафоры.

В поэтической эпитетной формуле народная лирическая песня часто характеризует род как *милый, родной* [Прилож. 3, прим. 244].

Для текстов хороводных песен характерна тема любви, вовлекающая в себя установку на то, что брак должен совершаться по любви и благословлению родителей, согласию братьев-сестер. В связи с этим в концепт Род / Семья в хороводных песнях входит семантика любви как единого основания для семейных отношений (концептуальная цепочка {[род-семья] ↔ [любовь] ↔ [дети]}) [Прилож. 1, прим. 208].

Сопоставляя этот факт с исследованным выше мифопоэтическим ядром и теми изменениями, которые в него привнесло христианство, можно утверждать, что в актуализации семантики любви в концепте Род хороводные песни обнаруживают православную перспективу представлений о роде и семье.

Признание в своих чувствах к родным, как правило, в народной песне связано с мотивом долгого расставания, с нахождением вдали от родных по долгу службы. Поэтому концепт Род / Семья тесно коррелирует с концептом Чужбина (чужая сторона) ({[род-семья] ↔ [любовь] ↔ [чужбина]}) [Прилож. 1, прим. 209].

Микроконцепт Сын / Син в текстах народных песен чаще вербализируется в образе неженатого наследника, который контекстно коррелируется с позитивно окрашенным образом *барвинка*, символизирующим молодость ($\{\{[мать] \leftrightarrow [красота: \text{барвинок}] \leftrightarrow [сын]\}\}$): [Прилож. 1, прим. 210]. В контекстах, где мать призывает сына создать семью, подобрать себе достойную пару, повелительная (назидательная) семантика выражена концептуальной цепочкой ($\{\{[мать] \rightarrow [женитьба: семья] \rightarrow [сын]\}\}$) [Прилож. 1, прим. 211].

В русской лингвокультурной традиции прослеживаем взаимосвязь счастливого бытования с созданием семьи по взаимной любви, что в вербализировано контекстными компонентами с определенной семантикой *пресчастливая долюшка, девица возлюбила* и под. ($\{\{[сын] \leftrightarrow [любовь, женитьба: семья] \leftrightarrow [девица]\}\}$) [Прилож. 1, прим. 212].

В украинской народной песне нарочито подчеркнута необходимость своевременного вступления в брак как залога родительского благополучия детей-молодоженов ($\{\{[мать] \leftrightarrow [спокойствие] \rightarrow [сын женат]\}\}$) [Прилож. 1, прим. 213]. В таких контекстах выражено традиционное народное мнение относительно взаимоотношений в молодой семье: счастливой считается та семья, где жена *милая, возлюбленная* своему мужу [Прилож. 3, прим. 245]. В русской же песенной культуре частотно вербализован страх матери (ассоциат – *пташка*) в связи с женитьбой сына, неуверенность и беспокойство за будущее его семьи ($\{\{[мать] \leftrightarrow [беспокойство] \rightarrow [сын женат]\}\}$) [Прилож. 1, прим. 214].

Для украинских народных песен характерно образное сравнение сына с *соколом, орлом*. Эти традиционные орнито-метафоры привносят в фольклорный образ сына-воина особые качества, в частности воинственность, силу духа [Прилож. 3, прим. 246].

В народно-песенных контекстах порицаются сыновьи пороки, среди которых и в русских, и в украинских поговорках наиболее упоминаемо

пьянство, что свидетельствует о ценностной идентичности восточнославянских народов [Прилож. 3, прим. 247].

Оппозиционность взаимоотношений сына и матери; зятя и матери жены (тещи) приобретает в народно-песенных контекстах оттенок конфликтности: в народном сознании *сын* – это поддержка, защита, отрада (концептуальная цепочка {[сын] ↔ [помощь] → [род: мать]}), а *зять* – меркантильный чужак, ищущий выгоду в семье своей супруги и не испытывающий родственных чувств к членам ее семьи (в т. ч. к теще) (концептуальная цепочка {[зять] ↔ [деньги / чужость] → [род: мать]}) [Прилож. 1, прим. 215].

Мать по отношению к сыну может выступать источником истинных знаний, понимания жизни, высшей правды. Таким образом, родовые отношения соотносятся, с одной стороны, с мифопоэтическими представлениями о Мировом древе и о том, что старший в роду может быть проводником сакрального знания; с другой же – с представлениями о причастности родителей к правде Божьей в православной традиции. Это, в частности, выражается в концептуальной цепочке {[мать] → [ПРАВДА] → [сын]} [Прилож. 1, прим. 216].

Род сына, его родители чувствуют за собой право на физическое насилие над женщиной – женой сына в том случае, если ее поведение не соответствует той родовой «правде», носителями которой они являются. В украинском песенном фольклоре необрядового направления так представлен этот сценарный мотив: {[отец-мать] → /ОБУЧЕНИЕ - БИТЬЕ/ → [сын] → [жена]} [Прилож. 1, прим. 217].

Чрезвычайно значим для изучения константы Родство микроконцепт Дочь / Донька, частотно реализуемый в многочисленных лирических песенных текстах. Рассмотрим различные способы вербализации данного микроконцепта и проанализируем его содержание и оценочный потенциал.

Перечислим базовые сценарные мотивы, где микроконцепт Дочь / Донька реализован в текстах народных песен:

- расставание с дочкой, связанное с ее замужеством (**{[мать] ↔ [беспокойство] → [дочь идет замуж]}**) [Прилож. 2, прим. 26];

- материнские молитвы о счастливой судьбе-доле для дочери (**{[мать] → [Доля / Судьба] → [дочь]}**) [Прилож. 2, прим. 27];

- описание красоты дочери, ее стремление к счастливой любви (ломать калину; выгуливать коня) (**{[молодец] ← [любовь: калину ломать, коня выгуливать] ← [дочь]}**) [Прилож. 2, прим. 28]. В русской же народной лирике – образ *зеленого луга* (**{[молодец] ← [любовь: идти по зеленому лугу, коня выгуливать] ← [дочь]}**) [Прилож. 2, прим. 29];

- конфликт между дочерью и ее родителями, жизнью в девичестве и в замужестве (**{[забота родителей] → [дочь] → [замужество] → [тоска по девической жизни]}**) [Прилож. 2, прим. 30]. Ограничение свободы девушки до замужества – типовой для восточных славян повседневно-бытовой сценарий, реализованный сочетаемостью НР с отрицательно-оценочным эпитетом *грозен (-ая), (-ые)* (бабушка, мать, родители) (**{[забота родителей] → /грозные/ → [дочь]}**) [Прилож. 2, прим. 31];

- оплакивание дочерью своего неудачного замужества (**{[замужество] → [дочь] ← [тоска по роду, слезы]}**) [Прилож. 2, прим. 32];

- переживания дочери в связи с неприятием ее будущей свекровью (**{[мать] → [ОБУЧЕНИЕ] → [дочь] → [свекровь]}**) [Прилож. 2, прим. 33].

Ассоциирован с концептом Дочь / Донька в лирическом народно-песенном пространстве мотив чужой стороны (чужого, отчасти враждебного пространства), в которую дочь может попасть в связи с замужеством (**{[мать] ↔ /печаль, скорбь/ ↔ [чужой край] ↔ /печаль, скорбь/ ↔ [дочь]}**). Символами чужого края являются ветер и гнущиеся лозы, реализующие контекстно сему ‘враждебность’, спроецированную на сюжетную ситуацию [Прилож. 1, прим. 218].

Многими мотивами образ дочери в народных лирических песнях связан с темой любви. Среди них можно назвать:

- откровения дочери о своей любви; страх, что мать и отец разрушат ее любовь, не дадут добро на сватовство ({[дочь] → [страх: признание в любви] → [родители] → [запрет] → [дочь]}) [Прилож. 2, прим. 34];

- признание девушки в любви к своему парню, которому она близка, как родная сестра ({[дочь] = [сестра] → [любовь]}): [Прилож. 2, прим. 35];

- печаль в связи с расставанием с любимым, переживание физической боли ({[дочь] ↔ [боль] = [любовь]}) [Прилож. 2, прим. 36];

- - безответная любовь (та же концептуальная цепочка) [Прилож. 2, прим. 37].

Среди жанрового разнообразия народно-песенных образцов особое место отведено ритуальным, обрядовым текстам, обращенным к родным и близким (отцу, матери, подругам, братьям и пр.) девушки накануне свадьбы (обручения) (концептуальная цепочка {[дочь] ↔ [любовь] → [замужество] = [неволя]}) [Прилож. 1, прим. 219]. Частотно в таких ритуальных песнях, где дочь просит родителей не выдавать ее замуж, актуализируется сема 'обреченность', поддерживаема контекстно (*мачеха хочет в черницы постричь; мачеха хочет в черницы постричь*) [Прилож. 3, прим. 248]. Встречаем контексты, в которых транслируется мечта, желание лирической героини выбрать равного по возрасту (молодого) и благочестивого мужа [Прилож. 3, прим. 249].

Часть лирических народных песен нацелена на негативную оценку недоброй жены, на предупреждение, что молодой человек может ошибиться в выборе. В них фактически вербализируется утверждение противоположных стереотипов, которые объединяет концепт Хорошая жена, напр., концептуальная цепочка {[хорошая жена?] = [дочь] = [плохая жена?]} [Прилож. 1, прим. 220].

В хороводных свадебных песнях о любви лирический герой – молодой муж – утверждает свою заботливость (предметный символ *подушка*) по

отношению к жене {[жена] ← [забота] → [муж] → [жена]} [Прилож. 1, прим. 221].

В то же время для народной лирики характерны мотивы страданий жены, живущей с мужем-деспотом (*в мене тіло побитес; горе ж мені, моя рідна мати; ...боюся, бо лихого мужа маю; не бий мене, мужу, не карай*) или мужем-пьяницей ({[жена] ← [горе] = [плохой муж]}). В таких контекстах зачастую лирическая героиня обращается к матери как источнику сочувствия, надежды на лучшее [Прилож. 1, прим. 222].

В некоторых лирических текстах отмечается склонность жен к пьянству (*мое чудо з корчми ведуть; іде твоя миленька із корчмоньки п'яненко*), что вербализовано в концептуальной цепочке ({[плохая жена] = [горе] → [муж]}) [Прилож. 1, прим. 223]. В народной традиции всегда осуждались лень и праздность жены, что песенной лирике представлено контекстами с элементами иронии [Прилож. 3, прим. 250].

Результаты анализа народно-песенных текстов показывают, что народное песенное творчество охватывает все НР-фольклоремы. Вся семья и весь род были задействованы в совершении ритуалов сватовства, свадьбы и т. д., все эти традиции сохранялись и бережно передавались от поколения к поколению. А песни были или частью этих традиций, или в образно-поэтической форме описывали эти важные события в жизни каждого семейного клана, что и обосновывает актуализацию в них (в т. ч. хороводных, плясовых) различных НР: мать (*матушка, бела лебедушка*), дочь (*хорошая, чернобровая, приглядчивая*) [Прилож. 3, прим. 251]; отец (*батюшка*), сын (*сынок*) [Прилож. 3, прим. 252]; бабушка [Прилож. 3, прим. 253]; кум (*куманечек, душа-радость*), кума [Прилож. 3, прим. 254].

Анализ функционально-стилистической нагрузки НР-фольклорем в лирических песенных текстах позволяет утверждать, что в этом дискурсе в содержании константы Родство важное (если не центральное) место принадлежит семантике любви (как единого основания семейных отношений), при этом деление мира на своих (членов семьи и рода) и чужих

(тех, кто вне кровного родства или свойства) часто соотносится с парадигмой отношений любви (или же равнодушия). Средствами интимизации чувств членов семьи являются фольклоризмы с растительной символикой, орнитосимволы, слова-символы природных стихий. Они, как и прием психологического параллелизма, преобразуют мифопоэтический изоморфизм в эстетический механизм метафорического уподобления.

3.2.2. НР-фольклоремы в обрядовом песенном тексте

Обрядовые тексты русского и украинского фольклора, как известно, разделены на календарно-обрядовые циклы, связанные с сезонными работами селян, и циклы семейно-обрядовые. В разных видах обрядовой тексто-дискурсивной практики роли членов семьи освещаются по-разному, однако общие функции одинаковы: это пожелание, заклинание, призывание благополучия. В связи с этим необходимым представляется соответствующая дифференциация образно-ценностного, но не информационного компонента константы Родство / Спорідненість в их обрядово-песенном функционировании.

В песенных текстах зимнего цикла (колядки, щедровки), ориентированных на посещение гостей, перехода от дома к дому, актуализирована метафора весны – зозуля, один из символов щедровки, ибо существует поверье, что эта птичка предвещает приход весны и имеет ключи от юга, а следовательно, связана с представлениями о Мировом древе. В одном из воплощений последнего встречаем символику триединства отца – матери – спутницы жизни (девушки, жены), воплощенную в образе трех зозуль (рус. кукушек). Следует отметить, что в восточнославянском мифопоэтическом пространстве зозуля наделена особыми символическими значениями. Среди основных – отождествление с отцом-матерью как праобразом счастливой семейной жизни, родительской защиты [Прилож. 3, прим. 255].

Символом Мирового (Райского) дерева выступают и три терема с астральными символами радости и основ жизни, которые контекстно соотнесены с членами рода/ семьи (*красно солнышко – мать (жена, хозяйка), месяц-батюшко, часты звездочки – дети, светел месяц – отец (муж, хозяин)*) ({[отец-мать: месяц – солнышко] = [семья-древо] = [дети: звездочки]}) [Прилож. 1, прим. 224].

В народно-песенном пространстве прослеживается прямая ассоциативная связь между образом родителей, которые представлены как стражи дома (родового гнезда) ({[дети] = [дом] = [родители]}) [Прилож. 1, прим. 225]. Важно, что в таких текстах представлено четкое распределение социальных ролей в семье, а семы ‘опора’, ‘единоначалие’, ‘радушие’ воплощены в текстах через номинации бытовых артефактов (*татко за столом з медом і вином, матка у порога з рушником, братко у воротах*).

Сценарный мотив «трех дорог к отцу-матери» ({[дорога жизни] ↔ [отец-мать]}) [Прилож. 2, прим. 38] символизирует пожелание удачного брака (тут *дорога* в значении ‘всякое дело’ [Жайворонок 2018, с. 207]) в наступающем году. К этой цели ведет человека конь как метафора дороги, пути, в которой приобретается жизненный опыт [Жайворонок 2018, с. 305].

Не менее известен в зимнем цикле сценарный мотив «хвастовства своими родными», оценки которых представлены в метафорических вторичных номинациях, которые в целом создают предпосылки для создания образа сильного щита, тыла [Прилож. 2, прим. 39].

Таким образом, колядки и щедровки, нацеленные на пожелания всякого благополучия в новом году, опираются на позитивное мировосприятие, которое опирается на ассоциативное сравнение жизни с движением по реке (образ *золотого човника* (золотой лодочки), *срібного весельца* (серебряного весла) в данном случае выступают проекцией благополучной, благоприятной жизни) [Прилож. 3, прим. 256].

В целом идеалом семьи является единство духовного (*вітець, матка*, (отец, мать)) и материального благополучия (*дім з челядкою, худобонька* (дом с челядью, скот) [Прилож. 3, прим. 257].

Поскольку Масленица связана с шумным гуляньем, приемом гостей в доме, то песенные тексты обыгрывают дискурсивное отношение членов семьи друг к другу, обобщенные, в частности, в концептуальных цепочках:

{[теща ≠ мать] → /пытаєт, выспрашываєт, прывймаєт в доме/ :|:
[зять, зятєчек: сын, гостєчек]} [Прилож. 1, прим. 226];

{[теща] ← /угрозы, битьє/ ← [зять]} [Прилож. 1, прим. 227].

В весеннем песенном цикле актуальны глаголы *благословлять, звать, призывать*, т. е. ждать чего-то нового с радостью или хороших, счастливых перемен в ближайшем будущем. Эти действия весеннего календарно-обрядового цикла связаны с образом матери как источником жизни. Семантическую модель таких микроконтекстов может представить концептуальная цепочка {[жизнь] = [мать] → /благословлять/ → [весна] → [жизнь]} [Прилож. 1, прим. 228]. Соответственно, и земля как источник жизни отождествляется с матерью [Прилож. 3, прим. 258]. Смысловое наполнение предыдущего и следующего контекстов связывает концептуальная цепочка {[мать] ↔ [весна 'рождение'] ↔ [жизнь]}, поскольку и будущая женитьба сыновей – это стремление к продолжению рода, утверждению его жизнеспособности [Прилож. 1, прим. 229].

Позитивное восприятие женщиной свекрови представлено в троическом песенном цикле, в котором через эпитетную колористику, символику венка-подарка подтверждается желание идти замуж [Жайворонок 2018, с. 101: *давати кому-небудь вінок* 'идти замуж'], утверждается уважение к старшим, красота взаимопонимания в роду (концептуальная цепочка {[дочь] ↔ [уважение] = [свекры: отец-мать]}) [Прилож. 1, прим. 230].

НР-фольклоремы в жнивных песнях обозначают коллективное участие рода в тяжелых полевых работах, несмотря на которые женщина стремится

сохранить свою красоту (концептуальная цепочка {[дочь] ↔ [красота] = [лебедка]}) [Прилож. 1, прим. 231].

Семейно-обрядовые песни, которые являются частью ритуалов сватовства, благословения родителей, обручения и свадьбы, сохранили большое количество языковых явлений, говорящие о функциях НР-фольклором, воссозданы в семейно-обрядовых песнях, отражающих особенности всего комплекса свадебного ритуала – от сватовства до свадьбы. Типологию сценарных мотивов семейных ритуальных песен, где смысловым центром выступают НР-фольклоремы, можем представить следующим образом:

1. Сценарный мотив объяснения в любви молодых людей друг другу. Тексты народных песен дают основания утверждать, что в данной фреймной для народной культуры ситуации частотно используется метафора-орнитоним (*соловейко гніздо звив, до себе галочку прикликав*), когда выстраивается сценарий создания молодой семьи, сопровождаемый соответствующей символикой: строительством гнезда (символ родового гнезда/дома), выхаживанием и кормлением птенцов (символ взращивания и воспитания детей) и т.д.. [Жайворонок 2018, с. 145: *гніздо* ‘символ домашнего очага’] (концептуальная цепочка {[муж] ↔ [жена / жона] = [мать]}) [Прилож. 1, прим. 232].

В украинском песенном фольклоре отражен набор типовых ситуаций коммуникации молодых людей, традиционных обязанностей, выполняемых девушкой: она *поит коня, подает ведро с чистой водой* как символ своей молодости и красоты, *выставляет бочку меда, подметает двор васильками*, которые являются символом девичьей душевной красоты, чистоты [Жайворонок 2018, с. 410: *напування коня*; с. 382: *додати меду* ‘усилить впечатление’; с. 67: *васильки* ‘символ святости и чистоты; девичьей нежности, чести’] ({[мать] → /бранит/ → [сын] ← [любов] → [дочь] ← /бранит/ ← [отец-мать]}) [Прилож. 1, прим. 233].

2. Мотив признания дочери / сына в симпатии (как правило, оно обращено к отцу, матери) (концептуальная цепочка {[дочь: звездочка] ↔ [любовь] ↔ [сын: месяц]}). Его образно-поэтическими средствами выражения являются метафоры месяца и звезд на небе (*є на небі місяць, з правого боку зірочка*), воды в реке или озере [Прилож. 3, прим. 259]; вода, отражающая счастливое будущее дочери [Прилож. 3, прим. 260], проявляющаяся в девичьем восприятии как символ парования, единения [Жайворонок 2018, с. 113: *пити воду* ‘символ единения, удовлетворения желания любви’], а в материнском – разлуки с немилым зятем (*Шануй, мати, того зятя, Що я полюбила*). В данном случае контекстно реализуется концептуальная цепочка {[дочь] ↔ [любовь: вода] ↔ [зять] = /уважение/ = [мать]} [Прилож. 1, прим. 234].

Особое значение в народно-поэтической культуре имело семейное застолье, чаще ужин – символ единения, соборности семьи [Жайворонок 2018, с. 83: вечеря в 1 знач. ‘семейный ритуал, когда собирается вся семья за одним столом’, от которого отказывается сын, влюбленный и желающий жениться [Прилож. 3, прим. 261]. Привлекая внимание девушки, сын предлагает быть ему верной женой, а его матери помощницей (*Будеш же ти мені жіночка, / Моїй матінці вірничка*), верит в то, что «верно наживется» с избранницей ({[мать] ← [сын] /верность/ [жена]}) [Прилож. 1, прим. 235].

3. Сценарный мотив отдавания из семьи / принятия в другую семью в связи тем, что пришло время выходить замуж / жениться ({[мать] ← /отдание ↔ принятие ↔ благословение/ → [дочь]}, ({[теща, тесть] → /отдание/ → [дочь] → /отдание/ → [зять]}): [Прилож. 1, прим. 236]. Этому новому важному этапу в жизни дочери или сына обязательно предшествует семейный ужин, к которому мать готовит символическую трапезу – вечерю ({[мать] ← /отдание/ → [сын]}) [Прилож. 1, прим. 237]. В песенных контекстах отражены представления народа о счастливой семейной жизни в достатке, благополучии, процветании, воплощенном в образах пшеницы,

сада, млина (мельницы), в единении (*курочки докупочки*) [Прилож. 3, прим. 262].

С этим фреймом связан обряд проявления уважения, послушания, что выражают и определенные предикаты, и вторичная номинация матери – *государыня*, отца – *государь-батюшка* ({{[мать] ← [уважение] → [отец]}}) [Прилож. 1, прим. 238].

4. Сценарный мотив нежеланного супружества, когда, к примеру, дочь выдавалась за старого, злого, нелюбимого мужа ({{[муж] → /битые/ → [жена / жінка]}}; {[неверность] → [жена] → [муж]}) [Прилож. 1, прим. 239].

5. Сценарный мотив смены социальных статусов (ролей) членов семьи, связанной с вступлением в брак сына / дочери: жена / муж, свекровь / свекр, теща / тесть, невестка / зять и др. Больше всего народно-песенных контекстов сопровождает мотив сватовства. В таких текстах номинируются и обыгрываются новые виды родства (*ласкава теща, мій рудий зятю, лютий свекор, люта свекровь, назову ли я деверьщев братцями; назову свекра батюшкой, назову лютую свекровь матушкой*) [Прилож. 3, прим. 263].

В этих текстах песен самыми яркими и выразительными являются эпитеты, в которых дается концептуальная оценка «чужая / чужой», связанные с тем, что новые социальные отношения не так быстро становятся истинно родственными между членами двух семей ({{[чужой] → [новая семья] → [дочь]}}) [Прилож. 1, прим. 240].

Несмотря на значимость оценки «чужая сторона» в песенных текстах, звучащих во время сватовства, все же концептуально более значима в них эпистема «близкий» по отношению к новым родственным связям. Поэтому в эпитетике НР-фольклором подчеркнута сема 'близость' ({{[дочь / сестра] → /близость/ → [семья]}}) [Прилож. 1, прим. 241].

Тексты свадебных песен в большей степени ориентированы на изменения в жизни невесты, которую и в русской, и в украинской народно-фольклорной традиции чаще называют «молодой». В свадебных песнях особо отмечается, что молодая станет дочкой в новой семье, что она будет

почитать и служить новой родне лучше, чем кровной. Такие концептуально значимые новые правила жизненного уклада молодой передавались в текстах с помощью различных средств образности: метафор, эпитетов, сравнений и т.д. [Прилож. 3, прим. 264].

6. Сценарный мотив отношений молодых с родителями мужа / жены (концептуальная цепочка {[дочь / сын] ↔ [любовь]} → [свекор / тесть] → [нелюбовь] → [невестка / зять]) [Прилож. 1, прим. 242]. В свадебных песнях даются некие шаблонные, стереотипные оценки родителям и другим ближайшим родственникам лирических героев через мифопоэтические природные образы (*мой батька – ясен месяц, моя матка – красное солнце, мои братья – соловьи, мои сестры – перепелки*), средством интимизации которых является притяжательное местоимение *мой* [Прилож. 3, прим. 265].

7. Сценарий семейно-обрядовых традиций может быть связан с названием членов семьи с помощью метафор-орнитонимов. Перенос внешних характеристик птиц на людей и символизация образов птиц имеет древние корни в народном мифопоэтическом сознании славян: отдельных птиц частотно определяли как представителей небесного царства, заместителей Господа, его проводников на земле. Поэтому сопоставление человека с птицей (*сокол, селезень – суженный; паванька, лебедушка, ластушка – суженная (невестка); кинареечка и соловушка – пара молодых*) в свадебных текстах является способом привнесения высокой образности, сопряженной с ярко выраженной положительной оценкой [Прилож. 3, прим. 266].

Ритуал свадебного обряда у русского и украинского народов имеет много общего: одна из распространенных народно-фольклорных традиций – именование молодых князем и княгиней; произнесение имен и социальных ролей родственников требовалось сопровождать поклоном, молодые за столом вставали и кланялись, когда к ним обращали свои здравицы участники застолья и т.д. (*воздавай свашеньке поклон; на все стороны*

кланяется: *Как на первую-то сторону – Княгининому батюшке, <...> На вторую-то сторону – Княгининой матушке <...>* [Прилож. 3, прим. 267].

Свадебно-обрядовые песни отражают также тревогу невесты в отношении грядущих перемен в ее жизни, страхов относительно того, справится она или нет с ролью работницы в чужом доме (**{[дочь = работница] → [новая семья]}**) [Прилож. 1, прим. 243]. Хотя в песнях говорилось, что и сына воспринимали в семье жены как новую, дополнительную рабочую силу (*женить, чтобы пашеньку пахати*) [Прилож. 3, прим. 268].

8. Сценарный мотив покидания родительского дома сопровождается предчувствием печали, тоски, которые символизируют образы *темного леса, темного облачка, слез* (**{[замужество] → /печаль/ → [дочь]}**) [Прилож. 1, прим. 244]. Переживают эмоциональное напряжение и родители, отдающие в чужую семью свою дочь: (**{[замужество] → /печаль/ → [дочь] ← [мать]}**) [Прилож. 1, прим. 245].

Отдельная тематическая линия свадебных песен отражает ожидание встречи с родителями, братьями и сестрами, воспоминания отчего дома и всего, что с ним связано: (**{[дом] ← [радость] → [дочь]}**): *дом – сад, батюшка – радость, похвала, сладость* и т. д. [Прилож. 1, прим. 246].

Функциональна нагрузка символических образов в украинской народной песне: *венка* как оберега (*положу этот веночек на головку*), *косы* как символа вступления девушки в брак (*Тебя завтра будет, косынька, <...> Да чесать будет милая сестра; Уж не долго мне, матушка, / Во косе красоватися*); *косынки (хустки)* как символа статуса жены и под. С этим сценарным мотивом связана концептуальная цепочка **{[сестра] → [замужество: веночек] → [мать]}** [Прилож. 1, прим. 247].

9. Сценарный мотив свадебного одаривания молодых и передачи приданого невесты родителям мужа (**{[дочь / сестра] → [дар] → [новая семья]}**). В текстах свадебных песен особый образно-метафорический объем смыслов и особую образную роль выполняют такие лексемы, как *сундук*

[Жайворонок 2018, с. 582: *скриня* ‘символ достатка, богатства’], *короб*, *рушники* [Жайворонок 2018, с. 549: *рушник* ‘атрибут обряда сватанья, свадьбы’], *платок*, *косынка* и т. д. [Прилож. 1, прим. 248].

Со сценарным мотивом дарения связаны и определенные изменения в психологических и экономических отношениях сестры и брата (братьев). С одной стороны, в украинском фольклоре утверждается факт поддержки национальных традиций семейного сожительства ($\{[\text{брат}] \rightarrow [\text{ПОДДЕРЖКА}] \rightarrow [\text{сестра}]\}$) [Прилож. 1, прим. 249]. Как отметила С.Т. Лавриненко, фольклорно-правовые лингвокультуремы отражают свойственное связанным кровным родством лицам стремление к порядку, нарушение которого воспринимается как отклонение от естественной нормы, что может привести даже к правонарушению [Лавриненко 2014, с. 311]. Таким образом, в семейных отношениях сформирована концептуальная цепочка $\{[\text{ДОБРО}] = [\text{брат}] \rightarrow [\text{ЗАКОН РОДА}] \rightarrow [\text{сестра}]\}$ [Прилож. 1, прим. 250].

Также народно-песенное пространство транслирует такую особенность национально-правовой культуры, как экономическое неравенство сестер и братьев перед наследством ($\{[\text{брат}] \leftrightarrow [\text{НАСЛЕДСТВО}] \neq [\text{РАВЕНСТВО}] \neq [\text{НАСЛЕДСТВО}] \leftrightarrow [\text{сестра}]\}$) [Прилож. 1, прим. 251].

Проецируется на народно-песенный контекст и концепт Богатство. Речь идет о ситуативной трансформации известного фразеологизма «*Брат любить сестру багату, а чоловік жінку здорову*» (о его интерпретации см. п. 2.2). Лингвокультурные маркеры народно-песенного пространства НР свидетельствуют о наличии неравных прав у сестер (*сестра багатая – сестра вбогая*) [Прилож. 3, прим. 269]. В таком контексте реализована концептуальная цепочка $\{[\text{брат}] \rightarrow [\text{ЗВАТЬ}] \rightarrow [\text{богатая сестра}] : [\text{бедная сестра}] \approx [\text{брат}]\}$.

Таким образом, в различных тематико-сценарных разновидностях исследуемых народно-песенных лингвокультур прослеживаем функциональное разнообразие НР-фольклорем: их символизацию,

образность, метафоричность, олицетворяемость и т.д. Этот вид народного творчества стал той средой, где сохранились и воспроизводятся в наше время те или иные обрядовые действия, свидетельствующие о концептуально значимых символах, смыслах и понятиях в сознании двух народов.

3.3. Концептуализация семейно-родственных отношений в социально маркированных народно-песенных текстах

В народно-песенном пространстве исследуемых лингвокультур народных традиции, в т.ч. семейные / родовые, бытовые и внутрисоциальные устои, исторический путь развития народов выражены и в социально маркированных текстах, охватывающих значительный временной отрезок – с нач. XI в. до II пол. XIX в. Тексты народных песен отражают все значительные исторические периоды двух восточнославянских народов, история которых свидетельствует о неразделимости их исторического развития: крепостничество (в России официально датировано 1649–1861г.г, а в Украине – 1588–1861 гг.; рекрутчина (1705–1874 гг. (имперский период)); бурлачество, которое было распространено в России с XVI по 20-е гг. XX вв., а в Украине, где бурлаками часто называли бездомных людей, наемных вспомогательных рабочих, в период XVI–XIX вв., когда такая разновидность бесправной рабочей силы составляла значительную часть на промышленных предприятиях, рыбных промыслах и в портах на Днепре, Днестре, Дунае и Черном море; деятельность чумаков, проживающих на территории нынешней Украины и Юге России в XVI–XIX вв. и известная как торгово-перевозной промысел; турецкие и татарские набеги, которые являлись частью истории Украины XV–XVII вв. и, как известно, были связаны с порабощением населения, его эксплуатацией. Кроме этих исторических событий народно-песенная культура отражает невольничью и тюремную тематику, а также тематику особой воинской повинности, которая в украинской истории именуется казачеством. Без всякого преувеличения можно утверждать, что

народно-песенная культура стала своеобразной художественной исторической летописью двух народов.

Значимое место в концептуализации отношений родства в социально маркированных лирических песнях занимает концепт Род. В различных по тематике песенных текстах бесправный наемный работник тоскует о семье, говорит о покинутости вдали от родины. Такое психоэмоциональное (*Ой тужу я...; Горе ж мені, молодому...*) состояние контекстно воссоздается отрицанием какой-либо связи (в т.ч. душевной, физической) с родными – *нема роду; нема родиноньки; в чужій стороні нема роду, родини*. В концептуальных цепочках – {[крепостной, бурлак, наемный работник] ↔ [(нет) род / семья] → [тоска, горе]}, {[крепостной, бурлак, солдат, наемный работник] ↔ [(нет) род / семья] → [чужой]}, {[крепостной, бурлак] ↔ [род / семья] → [тоска, горе]} – отражено разнообразие ассоциативно-образных средств народно-песенных контекстов [Прилож. 1, прим. 252].

Для восточнославянской фольклорной традиции, как уже отмечалось ранее, характерно обращение к орнитосимволам, каждый из которых несет глубокую ассоциативную нагрузку, прежде всего, прочной генетической связи с родиной, с родными (*Соловейко маленький, <...> Защебечи ти мені, / Бо я в чужій стороні; <...> Перекажіть, лебедята, / Аж до мого роду*) [Прилож. 3, прим. 270]. Зачастую концептуальные цепочки, как вот: {[крепостной, бурлак, наемный работник] → [соловей, лебедь, орел] ↔ [(нет) род / семья] → [тоска, горе]}, являются примером ассоциативно-смысловой модификации контекстов. В украинском народно-песенном пространстве особое место занимает орнитоним *зозуля* (рус. *кукушка*) как символ глубокой печали лирического героя (героини), вызванной оторванностью от членов рода, неведением о их судьбе (*<...> одна [зозуля] біленька – то й то моя ненька. / Да й а друга [зозуля] біліша – то сестра рідніша*) [Прилож. 1, прим. 253].

Для народно-песенной культуры (преимущественно украинской) характерна актуализация внутреннего содержания контекста, связанного

тематически с расставанием, утратой членов семьи, как правило, родителей, (*Виряджала мати дочку <...>; Не очідай мене, ненько моя <...>; <...>Помер отець і матуся – сирота навіки*), потерей связи лирического героя (героини) с ними (семьи 'обреченность', 'сиротство' и под.): {крепостной, бурлак, наемный работник} ↔ [**сирота = (нет) род / семья**] → [обреченность, беззащитность, одиночество, тоска, горе]}) [Прилож. 1, прим. 254].

Не менее важной для описания особенностей исследуемых народно-песенных пространств является корреляция «отец – мать / батько – матір», представляющая собой совокупность устойчивых фольклорных образов, создаваемых сочетаемостью НР-фольклором с постоянными эпитетами *родной (-ая), старий (-ая), старесенька, сивий* (рус. *седой*) (-ая) *отца / матери*, как вот: *Чи ще живий батько сивий, / Старесенька мати?; Батько рідний, мати рідна, / Де ж ви долю заподіли?* и под.. В данных контекстах представлена концептуальная цепочка {крепостной, бурлак, наемный работник} ↔ [(нет) **род / семья / судьба**] → [тоска, горе, слезы]}. [Прилож. 1, прим. 255].

Сохранение родовой памяти, семейных традиций является обязательным условием полноценного существования человека, что отражено в сценарных мотивах (преимущественно украинских песен). Семантика памяти как родового скрепа поддерживается глагольной анафорой (*згадай – Згадай мене, ненько, / В суботу пізненько, <...>, / Згадай мене, ненько, / В неділеньку вранці <...>, Згадай мене, ненько, до церкви ідуци <...>*)]}. [Прилож. 2, прим. 40].

Мифологема *судьба* (укр. *доля*), актуализированная в сценарных мотивах воспоминания, неразрывно связана в мифопоэтическом сознании с представлениями о зависимости человека от житейских обстоятельств, невозможностью повлиять на судьбу, с бессилием перед фатумом, как вот: *Мати ж моя старенькая! / Нащо мене породила, / На біленький світ пустила, / Щастя-долі не вділила!* [Прилож. 2, прим. 41].

Тема-мотив житейских тягот, изнурительного труда является одной из ведущих не только в выше упомянутом сценарном мотиве, но также и в мотивах глубокой тоски по родным, беседы с ними. Примечательно, что в таких контекстах образно-смысловую основу составляют НР-фольклоремы, обозначающие лиц женского рода, что усиливает эмотивную составляющую текста, а его образную опору составляют фитонимные и пространственные метафоры (как вот, *луг-долина, поле, гай* и под.), например: *Ой піду я лугом, / Лугом-долиною, / А чи не зустрінусь / З родом, з родиною*<...>; *Ой у гаю-гаю / Там вітру немає, / Тільки брат сестриці / Про життя питає*<...> и под. [Прилож. 2, прим. 42].

Достаточно частотны в народно-песенном пространстве обращения к символическим номинациям, обозначающим стихии (*ветер*), пространственные понятия (*берег*), гидронимы (*река*), которые в мифопоэтическом плане являются воплощением родины. Риторическое обращение к ним лирического героя (бурлака, крепостного, работника) как к проводникам его сокровенных мыслей и чувств, посланникам к роду/ семье отображают мифопоэтическое восприятие единения человека с природой. Ср. концептуальные цепочки: {[крепостной, бурлак, наемный работник, солдат] ↔ [ветер / вода] ↔ [род – жена, дети] ↔ [тоска, печаль, слезы]} [Прилож. 1, прим. 256].

Содержательно-образный компонент народно-песенной культуры двух народов является значимой частью и других сценарных мотивов, которые следует представить как системные в виде таблицы:

Таблица 3.1.

Распространенные сценарные мотивы с микроконцептами *тоска, слезы, печаль* в народно-песенном субпространстве

НР-фольклор	Информационно-образный	Социальный статус,	Текст
-------------	------------------------	--------------------	-------

ема	КОМПОНЕНТ	СОСТОЯНИЕ	
батько, сини	←[слезы] →	пан, панщина	«Та посіяв вельможний пан пшеницю ланами, / Та позаганяв на панщину батьків із синами. / Летить крячок над женцями, літаючи, кряче, / За сльозами в пана хлопи і світу не бачать!» (КП-УНП 67, с. 207)
<i>родная</i> мать		солдатчина: рекрут	«Не за єдним некрутиком / Матінка вмливає; / Не під єдним некрутиком / Ворон коник скаче, / Не за єдним некрутиком / Мати рідна плаче» (РСП-УНП 67, с. 298)
отец, мать		солдатчина: рекрут, козак	«Взяли да й помчали темними лугами, / А за ними отець, мати битими шляхами. / А де на ніч стануть, світло задувають, / Що рідного отця й неньки да не допускають. / «Не плач, моя мати, не плач, не журися: / Що я молоденький козак, – вислужуся!» (РСП-УНП 67, с. 301–302)
			«Заплакала матусенька /

<p>мама</p>		<p>наемный труд, зароботки</p>	<p>Слізоньками, / Як я ішла в Америку / З пакунками. / «Не плач, не плач, матусенько, / Не журися, / Маєш в листі долярика – / Подивися» (НЗП-УНП 67, с. 659);</p> <p>«Задзвонили на станції дзвонити тоненько, – / Плачуть люди в Америці дуже жалібно: / Лишив тата, лишив маму й молоду дівчину, / А сам пішов в Америку – мало не загинув. / Лишив жінку, лишив діти, лишив рідну мати, / А сам пішов в Америку свій вік марнувати» (НЗП-УНП 67, с. 654)</p>
<p>отец (тато), мама, жена</p>			<p>«Ненько моя рідна! / Ох, яка ж я бідна! / Журюся та плачу, / Що тебе не бачу» (ТНП-УНП 67, с. 36)</p>

<p>мама, ненька</p>		<p>тюрма, неволя</p>	
<p>батько, сини, мати, дочка</p>	<p>← [печаль, горе: <i>‘чорна хмара’</i>, <i>‘лихая година’</i>] →</p>	<p>пан, панщина</p>	<p>«Наступає чорна хмара, / З-під чорної – синя, / Що син батька не заступить, / Ані батько – сина. / Що батько йде в степ косити, / А син молотити, / А його дочка паняночка – / Тютюну садити, А їх мати старесенька – / Обідать носити. / А в нашого дворянина / Сивая кобила, / Ох побила бідних людей / Лихая година» (КП-УНП 67, с. 210) «Ой а де ж то моя ненька, / Та, що мя зродила? / Ой а де ж та доріжечка, / Що я не ходила? / Ой далеко у лісочку / Зацвіла калина; / Ой тепер я на чужині / Нічия дитина. / Ой роблю я, моя мамо, / Як удень, так вночі – / Не можу ся доробити / На хліба кусочок. / Гірко мені, моя мамко, / Гірко поводитьсь, / Як</p>
<p>мати, дитя</p>		<p>наемний труд, заробтки</p>	

			не віриш, моя мамко, / Прийди подивиться» (НЗП-УНП 67, с. 654–655)
сестра, брат	←[сочувствие, защита] →	солдатчина: рекрут, козак	«Соколочек да милый брателко, / Ты куды да наряжаєшься, / Ты куды да сподобля-єшься, / Во какую да путь-дороженьку? / <...> Станут брить, да сокол-брателко, / Все твои да все русы кудри, – / Поваляться да русы кудри / Со буйные головушки» (РСР-РНП, с. 70); «Возьмемо ми того молодця, / Що ні неньки ні отця, / Гей, що ні неньки ні отця, / Тільки їдна сестра є, / Та й та за ним жалує, / Гей, та й та з ним жалує». <...> «Тікай ти, мій рідний брат, / Хотять тебе в військо взять, / Гей, хотять тебе в військо взять!» (РСР-УНП 67, с. 343)
мать, жена, дети	←[несчастье] →	солдатчина: рекрут, козак	«Знать-то, мне-ка, молодцу, во несчастье быть, / Вот тако мне счатьяце – в солдатах служить, / Моей родной маменьке – век солдаткой

мать, ненька		пан, панщина	быть, / Моей солодой жене – век солдаткой быть, / Моим малым деточкам – век сиротовать» (РНП Роз, с. 164); «Прийде стара ненька, просити ж го буде: / «Ой пане мій, пане, пусти ж мені сина, / Як не пустиш сина, то я нещаслива» (КП-УНП 67, с. 234)
мать, сын	←[тоска, печаль] →	чумакование: чумак	«Битим шляхом чумаки йдуть. / Туман поле устилає, / Мати сина підмовляє: / «Вернись, сину, додомоньку, / Змию, зчешу головоньку!» / «Ізмий, мати, сама собі, / Не завдавай жалю мені» (ЧП-УНП 67, с. 488)

Особую метафорическую функцию выполняет символная зооморфная метафора *конь*, выполняющая роль связующего звена между переживающим солдатом, рекрутом, казаком и его родными (*Ой ступай, коню, ти підо мною на розбитую груду. / Бувай здорова, родино моя, вже я у тебе не буду*) [Прилож. 3, прим. 271].

Как правило, в микроконтексты с высокой степенью экспрессивной наполненности, выражающие эмоциональное напряжение и переживание членов семьи во время рекрутско-солдатского набора входят сопряженные НР-фольклорема *мать-вдова* и номинация *сын* (*У неє [вдовы] єсть один*

сыночек-сиротина <...>; *А у вдови один син, та й той пішов під аршин* <...>) [Прилож. 3, прим. 272].

Значимые для всех народно-песенных текстов фито- и зоометафоры, выполняют концептологическую образно-оценочную функцию в рекрутско-солдатском цикле песен. Подобные НР-фольклоремы опосредованно обозначают символическую духовную связь родителей и детей, образно описывают тревожную, а порой трагическую для семьи, родителей ситуацию, когда единственного сына, опору и надежду семьи должны отдать в рекруты. Это следующие концептуально значимые образы: *зозуля* – ‘мать’, ‘печаль, горе’ [Жайворонок 2018, с. 264]; *вороной конь* – ‘верный друг’ [Жайворонок 2018, с. 305], ‘опора’; *орел* – ‘символ имперской власти’ [Жайворонок 2018, с. 447]; *дуб, дубрава* – ‘опора’, ‘сила’, ‘жизнь’ [Жайворонок 2018, с. 214]; *калина* – ‘краса’, ‘молодость’ [Жайворонок 2018, с. 287]; *барвинок* – ‘жизнь’ [Жайворонок 2018, с. 27]; *сад* – ‘отцовский дом; родители’ [Жайворонок 2018, с. 553].

Среди сценарных мотивов, презентующих Константу Родство / Спорідненість в текстах рекрутских песен, выделяем следующие центральные (базовые) для обеих лингвокультур:

1. МАТЕРИНСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ СЫНА НА СЛУЖБУ – {**мать**} ← [проводы] → [**сын-солдат**]}: [Прилож. 3, прим. 272].

В таких контекстах содержательно значимой является сочетаемость НР *мать (мати), матушка* с глаголами и глагольными конструкциям с семантическими компонентами ‘плачь’, ‘солдатчина’: *плачет, рыдает, во солдатушки снаряжает; в солдаты нарекает; виряджает у військо*; Благословение, сопровождается и пожеланиями, наставлениями матери, обращенными к сыну-рекруту (*Щаслива ті, сину, дорога!*; *Служи, служи, мій синочку, / Служи не журися* и под.) [Прилож. 2, прим. 43];

2. ПРОЩАНИЕ СЫНА С РОДНЫМИ – {[отец-мать, сестра, брат, жена, дети]} ← [прощание, слезы] → [**сын-солдат**]}.

Семы ‘обреченность’, ‘горе’ актуализированы, как и в предыдущем сценарном мотиве градацией

глаголов с семантикой, передающей психоэмоциональное состояние и самого сына-рекрута, и его родных (*прощаются, плачут, убиваются*) [Прилож. 2, прим. 44].

Для русской народно-песенной культуры прощание с родными приводит к дисбалансу в сознании и во внутреннем мире сына-солдата, сакральными узлами связанного с родиной, семьей, символами которой являются *земля* (мать) и *небо* (отец), *соколы* (братья), *лебеди* (сестры), *солнце*, *месяц* (дети): *мать сыра ли земля да простонала; небо, земля простонало; солнце, месяц опускаются* и под. [Прилож. 2, прим. 45].

3. ОПЛАКИВАНИЕ СЫНА ВО ВРЕМЯ ПРОЩАНИЯ – {[отец-мать; жена, дети] ← [печаль, слезы] → [сын-солдат]}. Этот мотив перекликается с мотивом прощания и воплощен в сквозных текстовых символах, соотносимых с образами родных сына-рекрута, оплакивающим его (зозуля, пташечка, вишневи́й сад, дуб,). Содержательно обоснована и актуализация в украинских песнях семы 'плачь', поддерживаемой сочетаемостью НР-фольклором с глаголами *заплакала, плаче, тужить* и устойчивыми глагольными сочетаниями *лить слезы*. Русские народно-песенные контексты менее эмоциональны, в них смысловой центр перемещается в плоскость значения 'единство', когда в трудную минуту сплачивается вся семья (*Провожает его [рекрута] <...> молода жена, провожают <...> Его все – отец и мать, <...> Его весь и род и племя*) [Прилож. 2, прим. 46].

Следует также отметить, что в рекрутских русских народных песнях значимую образно-функциональную нагрузку выполняет метафора *сад*, и все семантические элементы, связанные с ним: семья как *сад*, отождествленный с земным раем, соответственно кипарис выступает ассоциатом образа (*родного*) отца, (*сладка*) яблоня – (*родной*) матери, (*зелена*) груша – (*молодой*) жены [Прилож. 3, прим. 273].

Воспоминания о родине, о своих родных сопровождается обращением к символическим образам *сокола, коня* в ситуациях, когда умирающий или находящийся в плену на чужбине сын мысленно обращается к родным. В

таких народно-песенных ситуациях образы птиц, животных (*прилечу я соколочком; прилечу ясным соколом, седлай своего коня; отвезу [конь – воину] тебя в родну сторону* и под.) не только выполняют роль «трансляторов» желаний и мыслей лирического героя, но и воплощают ментальную, духовную и физическую связь с родом [Прилож. 3, прим. 274].

Метафоричность песенных текстов анализируемой тематики обусловлена эмоциональным напряжением обеих сторон, реалии родной для солдата природы включаются в ассоциативно-образные параллели с отдаленными родственниками [Прилож. 3, прим. 275].

Песни о крепостничестве являются пространством активного вовлечения фито- и зоометафорики. В таких контекстах *птица (пташка, птушка)* – это и символ духовного единства крепостных невольников с родом, связь с которым утрачена [Прилож. 3, прим. 276].

Часто встречаем образ и детей-соколов, отданных орлом-невольником для службы господину, на чужбину ({[отец-мать] → [печаль, слезы] → [дети-крепостные]}) [Прилож. 1, прим. 257].

Подобно характерным для народной лирической песни приемам обработки мифопоэтического компонента константы Родство / Спорідненість, социально маркированной народной песне свойственно преобразование мифопоэтического изоморфизма, отождествляющего человека с природным явлением, в сопоставление, уподобление, соположение человека и природы как родственных, но не тождественных феноменов, привнесение в эту взаимосвязь функции эстетического приема (усиления экспрессии) через механизмы психологического параллелизма, эстетического уподобления (метафоризации), олицетворения, обращения (героя к существам природного мира).

Особую символическую функцию национального оберега выполняет в украинском народно-песенном пространстве *біленька сорочка*, которая в иерархии значимых составляющих образа рода/ семьи солдата, бурлака, чумака существует в одном ряду с образами оберегов, защитников, опоры

(концептуальная цепочка {[мать] → /защита/ → [сорочка] → /защита/ → [сын]}). Прежде всего этот образ-артефакт символизирует зависимость внешнего благополучия и внутреннего эмоционального состояния лирического героя от присутствия в его жизни матери, сестры, жены, что поддерживается причинно-следственными текстовыми конструкциями (*Якби в мене була мати / Або сестра рідна, То була б.../ Сороченька біла*) [Прилож. 1, прим. 258].

Для всей восточнославянской мифопоэтической КМ характерно воплощение в образе *коня* верного, незаменимого помощника и товарища для всей семьи. В рекрутских песнях *конь* для сына-солдата – верный друг, но он же метафорически становится для семьи вестником гибели сына на войне, в плену, на чужбине. Такое же символическое значение несет и образ *ворона*, традиционный для мифопоэтического пространства восточных славян (*Иди коню, до матінки з новиною; кряче ворон*) [Прилож. 3, прим. 277].

Традиция использовать в фольклоре или классическом художественном произведении метафору *письмо* как овеществленный символ драматической или трагической судьбы сына-солдата, как весть о смерти продолжена в народных рекрутских песнях, воплощенных в концептуальной цепочке ({[отец-мать] ← [память, смерть, забота-поминание] → [сын-солдат; сын-арестант]}) [Прилож. 1, прим. 259].

Особого исследовательского внимания требует такой общественно-исторический феномен как *чумакование*, который через вербализаторы константы Родство / Спорідненість предстает в корреляции с несколькими акциональными концептами в ряде сценарных мотивов народно-песенных текстов:

1. ПАМЯТЬ:

1.1. Память и уважение – {[отец-мать] ← [память, уважение] → [чумак]} [Прилож. 2, прим. 47];

1.2. Память и забытие – {[отец-мать] ← [память, забытие] → [чумак]} [Прилож. 2, прим. 48];

1.3. Память и смерть – {[мать‘зозуля’; батько, отец, сестри, брати, рід] ← [память, смерть, слезы] → [сын-чумак]} [Прилож. 2, прим. 49].

2. ЗАБОТА:

забота – {[мать] ← [забота] → [сын-чумак]} [Прилож. 2, прим. 50].

3. ДОМ ↔ ОТЧУЖДЕНИЕ (ПЬЯНСТВО, ОТРЕЧЕНИЕ ОТ РОДА, ЖЕНЫ):

3.1. Забвение, проклятия – {[ДОМ: отец, мать, жена, дети] ← [проклятия] → [ЧУЖАЯ СТОРОНА: сын-чумак]} [Прилож. 2, прим. 51].

3.2. Пьянство – {[ДОМ: отец-мать] ← [гулянье] → [ШИНОК: сын-чумак]} [Прилож. 2, прим. 52].

3.3. Отречение – {[ДОМ: жена, дети] ← [разлука] → [муж / отец-чумак]}.

В таких микроконтекстах может актуализироваться слово-символ *калина* (*червона* (рус. красная)) в функции дополнительной коннотации со значением «обреченность», переданной визуальными образами (*зацвіла, попустила квіти, ісхилила віти* (рус. зацвела, попустила цветы, припустила ветви)), и как ассоциация с покинутой поневоле семьей (*кида свою жінку, маленькі діти* (рус. бросает свою жену и маленьких детей) [Прилож. 3, прим. 278].

Типичным для содержания украинской народной песни является выражение неприятие матерью желания дочери стать женой чумака ({[ДОМ: мать] → [запрет] → [дочь : чумак – сватанье]}). В таких контекстах выражено восприятие этого социального явления, ставшего историзмом, как негативного для института семьи: стать женой чумака – обречь себя на одиночество и раннее вдовство. И мать остерегает дочь от решения связать свою судьбу с (*Легше тебе, <...> доню, <...> Дома поховати, Аніж <...> за його [чумака] Заміж тебе дати*) [Прилож. 1, прим. 260].

По особому народное сознание проецирует через народно-песенное пространство отношение к такому социально-историческому явлению, как казачество (укр. козацтво). Сам *казак* (укр. козак), зачастую, изображается

через призму его восприятия семьей/ родом. Типовые (внешние, возрастные) характеристики ассоциативно отождествляется образ казака с барвинком или маком – символами красоты, чистоты и молодости сына ({[казак: барвинок, мак] =[красота]}) (*Козаченьку молоденький, / Барвіночку зелененький; По городах маки цвітуть; / Та тож не маки, то й козаки*) [Прилож. 3, прим. 279].

Как и в других текстах обрядовых народных песен особое значение имеет тема отчуждения, отдаления от рода, семьи ({[казак] ↔ /кладка, мост/ ↔ [род]}). С этой важной концептуальной для понимания содержания концепта Родство темой связаны предметные номинации *моста, речки, кладки*, символизирующие разделение казака со своим родом [Прилож. 1, прим. 261].

Сценарный мотив отдаленности, оторванности воина-казака от родного дома и семьи соотносится с ритуалом проводов ({[казак] ↔ /служба/ ↔ [род]}) [Прилож. 1, прим. 262]. Данный ритуал имеет свои постоянные, повторяющиеся элементы и структуру: в нем принимает участие вся семья, что обобщает символический образ *сада (вишневого)*. Целостность семьи создает опору казаку, а все члены семьи связаны в ритуале сборов и проводов сына в поход акциональной символикой. Так, отец дает сыну советы, мать готовит сорочку (символ материнской защиты, оберега), брат снаряжает коня (символ верного, надежного друга и помощника), сестра готовит платочек (символ нежности и любви), а в некоторых контекстах – также подает коня [Прилож. 3, прим. 280].

Акционный код «коня не давать» – не пускать сына в казаки, на воинскую службу, не благословлять долгую разлуку с родом [Прилож. 3, прим. 281].

Концептуальную канву сценарного мотива расставания создают эмотивные образы плача, слез (*слізочками умивається*), прежде всего, материнских, кручины / журби и самого казака, и его родных (*я журбу і сам*

знаю) ({[казак] ↔ /служба/ ↔ /слезы, печаль/ ↔ [род]}): [Прилож. 2, прим. 53].

Как уже отмечалось выше, наиболее близким ассоциативным образом самого казака является фольклорный образ коня – ‘верного друга’, ‘помощника’. Этот традиционный для русского и украинского народно-песенного пространства образ метафорически воссоздает взаимосвязь сына-воина с родом, с отчим домом. В народных песнях отражена и родительская практика снаряжать коня и передавать его сыну, отправляющемуся в поход (сема ‘забота’) [Прилож. 3, прим. 282]. Конь – посланник казака, которому в предсмертный час он доверяет сокровенное и просит весть о его судьбе (как правило трагической) *отцю, неньці, жінці-удівоньці, сестричкам-жалібничкам* ({[казак] ↔ /служба/ ↔ /конь/ ↔ [род]}) [Прилож. 2, прим. 54]. Сокровенность значения образа коня состоит и в том, что именно он основной участник ритуала погребения погибшего казака (*коники ржали, його везучи*) [Прилож. 3, прим. 283].

Отношения казака с матерью – основа духовного единства с родом, мать для него олицетворение защиты, духовной и материальной поддержки и имеет символическое значение оберега ({[казак] ↔ /служба/ ↔ /мать/ ↔ [род]}) [Прилож. 3, прим. 284].

Сломать калину для казака – потерять оберег матери, ее защиту (символ матери – *рожса* (рус. мальва), надежду на жизнь, утратить хорошую долю. Такая мифопоэтическая составляющая сценарного мотива формируется широким контекстом и его ключевыми смысловыми компонентами (*найду я рожу з калиною; стану я калину ламати; кину я калину ламати; на могилі – червона калина; мати сина в службу спорядила*) [Прилож. 2, прим. 55]. К такого типа образам-символам относится и *дождь* (*дрібен дощик*) – олицетворение слез матери, оплакивающей своего сына (*Як ти будеш пострілян, порубан, / Ой хто ж тобі раноньки промиє? <...> той [дощик] мені раноньки промиє*) [Прилож. 2, прим. 56].

Как свидетельствуют проанализированные тексты, одним из наиболее частотных символов, сопровождающих образ казака является орнитоним *зозуля* (рус. кукушка), к которой он обращается как к персонификации родной матери, ожидающей его на родине (*Зозуленько, моя ненько, <...>/ Скажи мені слід-дорогу / До мого рідного роду*) [Прилож. 3, прим. 285]. Этот орнитосимвол, контекстно сочетаясь с другими орнитонимами, реализующими свой мифопоэтический потенциал, как вот: *соловей – отец, соколы – братья*, проецирующие значение «помощь», «поддержка», которое усиливает образ *тучи (черной, синей)* как символа грядущих неблагоприятных обстоятельств, трудностей для сына-казака [Прилож. 3, прим. 286]. Такой же символический синтез фольклорного образа семьи-рода наблюдаем в ассоциировании номинаций *сивої зозулі* (рус. седой кукушки), ее пристанища – отцветающего *сада*, сивогривого *коня* [Прилож. 3, прим. 287]. Ассоциативно-образную основу семьи казака составляет фитосимволика. В мифопоэтическом сознании взаимоподдержка матери и отца, выраженная образами дуба и березы (*дуб на березу гіллям похилився*), является прочной основой благополучия сына-казака [Прилож. 3, прим. 288].

В текстах рекрутско-казачьих песен представлен обобщенный образ матери, который содержательно, образно и концептуально значим и наполнен следующими типовыми смыслами: никто не переживает, не заботится и не молится за казака так, как его мать, поэтому образ матери интегрируется в текстах песен с обобщенным образом родины, Украины ($\{[\text{казак}] \leftrightarrow / \text{служба} / \leftrightarrow [\text{мать-Украина}]\}$) [Прилож. 1, прим. 263]. В этой патетической взаимосвязи, единстве матери с родиной можно увидеть характерное для народной культуры архаическое мифопоэтическое представление о святом материнстве родной земли по отношению к своему народу. Такое же отождествление образа матери с образом родной земли можно квалифицировать в народно-поэтических текстах, описывающих борьбу с врагами и защиту родины от завоевателей, приносящих страдания не только его роду, народу, но и матери-земле. При этом мать-земля

предстает страдающей жертвой, которую нужно защищать с оружием в руках.

Кроме темы отчуждения, оторванности от родины для казацких песен частотен и актуален мотив воли (неволи), который соотносится с концептом Судьба. Концепт Судьба зачастую вербализован лексемой *фортуна*, вошедшей из латинского в украинский и русский языки в XVIII в. в значении 'удача' и 'богиня удачи'. Вместе со словом *фортуна* в эти микроконтексты входит мифопоэтическая традиция сравнивать отношения между людьми с отношениями между богами и людьми, желание подчинить человеку судьбу-фортуна (*Ой тим мені молодому / Фортуна служила*) [Прилож. 3, прим. 289]. Плененный казак (динамичный образ явора над водой) мысленно разговаривает с отцом с надеждой на участие семьи в его освобождении, которое поддерживает и его *дівчинька* (рус. девушка), молящая своего отца выкупить любимого из неволи [Прилож. 3, прим. 290].

Особо следует отметить в русской и украинской лингвокультуре актуальность концепта Смерть, вербализованный широким ассоциативно-образным рядом, в который входят традиционные фольклорные символы со значением «душа» (*сивый голубь*); «уход из жизни» (*высокая могила, гора, землянка, сырая земля, темный лес*); «предвестник смерти» (*белый снег, ворон, пугач*) [Прилож. 3, прим. 291].

В содержание концепта Смерть входит мотив смерти родителей, после которой казак называет себя *вечным сиротой* [Прилож. 3, прим. 292].

Наши наблюдения показывают, что концептуализация общественной мотивации отношений внутри семьи/ рода отражается в многочисленных способах вербализации оппозиционных понятий «чужой / свой (родной)», «смерть / жизнь», «воля / неволя», «радость / слезы», «прощанье / встреча», «память / забвение», среди которых определенные этнокультурные, народно-поэтические концептуализированные понятия с предметным, филологическим и зооморфным содержанием играют особую экспрессивно-оценочную роль: будучи символами с конкретно-образной основой, они сообщают текстам

особую эмоциональную окрашенность и в то же время эстетизируют мифопоэтические представления о родстве и тождестве реальности природной и человеческой.

3.4. Метафора как способ семантизации социокультурных отношений: на материале НР-фольклорем

Как отмечено выше, НР в лексикографическом пространстве соотнесены не только с прямым значением, но и с производными, касающимися семантизации общественных ролей членов нуклеарной семьи. Эта же ситуация наблюдается в социально маркированных народно-песенных текстах, в частности в анализируемых рекрутско-солдатских, казацких, чумацких, невольничьих, крепостнических. Ведущую роль в метафоризации семантики НР в них играет сема 'близкий' – по роду занятий, по духу, если речь идет об общих социальных действиях.

Проецирование семы 'близкий' с семейных отношений на отношения в социальной группе дает социально маркированной народной песне, в частности, вторичную номинацию *батько* по отношению к атаману ('наставнику') ({[ДОМ: отец] → [СЛУЖБА: наставник] → [отец] → [сын : чумак, солдат, бурлак, козак]}), а также *брат*, *браття* – по отношению к сослуживцам, товарищам по службе ({[ДОМ: брат] → [СЛУЖБА: общее занятие] → [брат] → [брат : чумак, солдат, бурлак, козак]}) [Прилож. 1, прим. 264].

Направление семантической метафоризации, в котором опорной является НР-фольклорема *мати*, *матір*, актуализирует семы 'родная', 'источник жизни', ассоциированные с реками, территориями, шире – землей, родиной ({[ДОМ: мать] ↔ [чумак, солдат, бурлак, козак] ↔ [РОДИНА: мать]}). Наиболее распространенная метафора *мать-сырая земля* (*Земле наша сиресенька!* / *Мати наша ріднесенька!*; *Моя ненька була – / То сирая*

земля) как источник жизни и последнее пристанище для умирающих солдат, чумаков, крепостных и т. д. [Прилож. 1, прим. 265].

В восточнославянских народно-песенных культурах регулярно формируются ассоциаты, возникающие как результат образной трансформации и имеющие метафорическую природу, в частности это касается и соотносительности различных номинаций с фольклоремой *мать*, а именно:

- ассоциаты из сферы природы родной земли ({[*мать*] ↔ [СВОЙ; КРАСИВЫЙ]} [природа: *звезда, вишня, пава* и т.д.]) В данных микроконтекстах встречаем наложения одной метафоры на другую: если *мать* – ‘близкая’, ‘родная’, ‘своя’, то *зірка, вишня, пава* – ‘красота’ [Прилож. 1, прим. 266];

- ассоциаты из сферы пространственных артефактов и значимых пространственно-природных явлений, обозначенных соответствующими топонимами. В комплексе с названиями городов (*матушка Москва*), рек (*Волга-матушка, матушка Нева-река, Дунай-речка мать*), этнографических регионов (*Буковина, мати наша рідна*) приложение *мать* актуализует сему ‘близкая’, ‘родная’, т. е. ‘защитница страждущих’ бурлаков, ‘источник’ их заработка, жизни ({[*мать*] ↔ [СВОЙ; КРАСИВЫЙ]} ↔ [река, город, регион])). Ср. и русские, и украинские песенные микроконтексты [Прилож. 1, прим. 267].

В ряд этих метафоризаций вписывается и известный устойчивый метафорический образ, характерный для казацких песен: Украина – родина (рус. семья), Великий Луг – батько (рус. отец), Сеч – мати (рус. мать) [Прилож. 3, прим. 293].

В то же время ассоциирование названия рек в бурлацких и казацких украинских и русских песнях с *братско-сестринскими отношениями, с батьком*, с *матерью* объясняется не столько вторичной номинацией, связанной с метафоризацией сем ‘родная’ / ‘родной’, ‘своя’ / ‘свой’, сколько архаическим мифопоэтическим представлением о естественной

родственности и единственности природы и человека и, соответственно, подобия отношений между людьми и природными явлениями ({[брат] ↔ [СВОЙ] ↔ [РЕКА]}) [Прилож. 1, прим. 268]. То же можно сказать и о вербализации концептуальной цепочки {[Днепр] ↔ [сестра] ↔ [Десна]} [Прилож. 1, прим. 269].

Традиционным является народно-песенное метафорическое уподобление отношений между представителями природы отношениям между членами в семье с учетом гендерного признака: *соловей – брат, сестра – перепелка*, т. е. ‘близкая’ / ‘близкий’, ‘своя’ / ‘свой’ [Прилож. 3, прим. 294].

НР-фольклоремы метафорически используются как средство интимизации в описании обмундирования и вооружения солдата-рекрута, т. е. того предметного мира, который физически ему наиболее близок ({[ДОМ: отец, мать, брат] ← [СВОЙ] → [ЧУЖАЯ СТОРОНА: сын] → [СВИЙ: оружие-брат, сестра]}) [Прилож. 1, прим. 270].

В народных песнях крепостнической тематики широко используется прием семантически-метафорической корреляции концепта Правда и НР-фольклоремы *мать* ({[ПРАВДА-мать] ↔ [дети]}) [Прилож. 1, прим. 271]. Обращает на себя внимание включение в эту корреляцию мифопоэтического образа орлицы, за которым (в частности, как и за образами больших птиц в целом) закреплена ассоциация с высшими силами, божественным миром.

В украинских казацких песнях встречаем метафоры с использованием НР-фольклорем как средства смягчения социально-политических оценок. Таким примером может быть метафорическое обращение к императрице (царице), которую отождествляют с матерью, при этом используют иронический оценочный прием ({[мать] ≈ [царица]}) [Прилож. 1, прим. 272].

Таким образом, в социально маркированном народно-песенном пространстве НР-фольклоремы активны как средства интимизации и эстетизации социальных отношений и социальных явлений в контексте

оценочной и смысловой концептуализации мира бурлаками, солдатами, чумаками, крепостными крестьянами.

Выводы к главе 3

Использование НР в народно-песенных текстах разных жанров и происхождения организовано по общим законам поэтики: они включены в ассоциативно-образные связи, метафорические механизмы сопоставления и синтеза, формируемые на их основе символические структуры. Варианты содержания константы Родство / Спорідненість существенно различаются в народной лирической (и хороводной) песне, в песне обрядовой (календарно-обрядовой) и в социально маркированной народной песне; при этом общей особенностью содержания константы в народно-песенной культуре является выделение в качестве центрального ее компонента значения 'семья'. Можно аргументированно утверждать, что пространство народно-песенной культуры – пространство принципиально семейное, личностно ориентированное, а не родовое.

Анализ функционально-стилистической нагрузки НР-фольклором в лирических песенных текстах позволяет утверждать, что в этом дискурсе в содержании константы Родство центральное место закреплено за семантикой любви (как единого основания семейных отношений), при этом деление мира на своих (членов семьи и рода) и чужих (тех, кто вне кровного родства или свойства) часто соотносится с парадигмой отношений любви – нелюбви (отчужденности). Наиболее значимыми в содержании константы Родство / Спорідненість в ее народно-лирическом бытовании является семантический комплекс 'любовь', 'свой, родной', 'семья', 'надежный', 'близкий', 'понятный'. К периферийному содержанию константы в этом песенном пространстве можно отнести семантические компоненты 'счастье', 'радость', 'судьба', 'чужой', 'чужбина', 'страх', 'печаль', 'страдание', 'боль', 'долг'.

Оценочность, являющаяся неотъемлемой частью как центральной, так и периферийной составляющих константы, усиливается приемами

включения мифопоэтических образов. Сопоставление драматической ситуации, в которой оказался лирический герой (героиня) песни, с природным явлением и (или) их противопоставление эмоционально вовлекает слушателя, усиливает выразительность высказывания. В то же время в этом приеме в целом и особенно в образах деревьев (воплощающих, конечно, не столько личный или коллективный опыт, сколько архаическую символику Мирового древа) и соотносимых с ними номинаций родства (отец, батько, сестричка и т. п.) продолжает жить и приобретает особые художественные формы мифопоэтический компонент константы Родство / Спорідненість.

Фольклоризмы с растительной символикой, орнитосимволы, слова-символы природных стихий являются средствами интимизации чувств членов семьи. Они, как и прием психологического параллелизма, преобразуют мифопоэтический изоморфизм в эстетический механизм метафорического уподобления.

Важнейшим жанровым требованием является разнообразное функционирование НР-фольклором в роли символов, образов, метафор, олицетворений и других видов образности в текстах календарно-обрядовых и семейно-обрядовых народных песен; специфика данных текстов проявляется в том, что в них актуализуются вторичные метафорические номинации НР.

В разных видах обрядовой дискурсивной практики роли членов семьи освещаются по-разному, однако общими для всех песенных текстов такого рода являются функции заклинания, пожелания, призывания благополучия. В связи с этим содержание константы Родство / Спорідненість в ее обрядово-песенном бытовании имеет единую структуру, в центре которой находятся семантический комплекс 'семья', 'полнота', 'счастье', 'жизнь', 'добро (материальное, физическое благо)', 'любовь'; в периферийной же области – множество связанных с ними смысловых компонентов разной направленности, включая 'благословлять', 'дом', 'сад', 'радость', 'женитьба / замужество', 'порядок', 'уважение', 'печаль (тоска)'. Существенно отличает

наполнение константы в разных видах календарно-обрядовых песен только образная составляющая. Так, песенные тексты зимнего цикла (колядки, щедровки), нацеленные на пожелание (заклинание) благополучия в новом году, опираются на изображение идеальной семейной жизни, состоящей в единстве духовного (семьи 'единство', 'полнота', '(взаимная) поддержка') и материального (семьи 'здоровье', (материальное) 'счастье') благополучия. В весеннем песенном цикле глаголы *благословлять*, *звать*, *призывать* связаны с образом матери как источника жизни. Семантическую модель таких микроконтекстов может представить концептуальная цепочка {[жизнь] = [мать] → /благословлять/ → [весна] → [жизнь]}.

Большое разнообразие функций и дискурсивных ситуаций с НР-фольклоремами сохранилось в семейно-обрядовых песнях, связанных со сватаньем, благословением, обручением, свадьбой. В целом они определяют следующие особенности содержания константы Родство / Спорідненість: в центре ее структуры – оппозиция 'своя, родная (семья) – новая, малознакомая (семья)'. С этой оппозицией связаны все наиболее значимые семантические компоненты, входящие в центральную часть структуры: 'послушание', 'уважение', 'родной' (и 'неродной'), 'род-племя', 'дом'; соотнесены с ней и значения менее частотные, составляющие периферийное содержание этого варианта константы: 'поддержка', 'радость', 'печаль', 'слезы', 'труд', 'верная (жена)'.

Мифопоэтическое сознание связывало птиц с небесным царством, с будущим, со способностью знать правду и быть ее проводником. Поэтому сопоставление человека с птицей, именование членов семьи с помощью орнитонимов и таких слов, которые обозначают небесно-природные явления (*солнце*, *месяц*, *звезды*) в семейно-обрядовых текстах, является способом привнесения высокой образности, сопряженной с выраженной положительной оценкой.

В социально маркированном народно-песенном пространстве НР-фольклоремы выполняют важнейшую дискурсивную функцию: в качестве

средства интимизации и эстетизации социальных явлений и отношений реализуют оценочную и смысловую концептуализацию мира бурлаками, солдатами, чумаками, крепостными крестьянами. В центре содержательной структуры константы Родство / Спорідненість, соответственно, находится комплекс значений, восходящих к ощущению оторванности от семьи, одиночества, сиротства: 'дом', 'отец-мать', 'одинокий', 'без / вне семьи', 'без / вне помощи', 'чужая (сторона)', 'плохая доля', 'неволя', 'прощанье – встреча'. Преимущественно отрицательная оценочность центрального комплекса значений выражена и в периферийных значениях, хотя их оценочный компонент не однозначно негативен: 'слезы', 'тоска', 'печаль', 'сила', 'помощь', 'совет', 'жизнь', 'смерть'.

Соответствуют специфике функционирования НР-фольклором в социально маркированном песенном дискурсе использование орнитосимволов в качестве знаков социальной свободы (освобождения от непосильного труда, ежедневно истощающей работника трудовой лямки) и духовной связи с родом, семьей.

Подобно характерным для народной лирической песни приемам обработки мифопоэтического компонента константы Родство / Спорідненість, социально маркированной народной песне свойственно преобразование мифопоэтического изоморфизма, отождествляющего человека с природным явлением, в сопоставление, уподобление, соположение человека и природы как родственных, но не тождественных феноменов, привнесение в эту взаимосвязь функции эстетического приема (усиления экспрессии) через механизмы психологического параллелизма, эстетического уподобления (метафоризации), олицетворения, обращения (героя к существам природного мира).

Особое место в украинской социально маркированной песне принадлежит казацким песням. В целом содержание константы в них совпадает в понятийном и оценочном аспектах с семантическим наполнением константы в других видах социально маркированных песен.

Основное отличие касается образного наполнения актуального слоя константы: значимое место в нем занимает конь как образ-символ помощника, посредника между служивым и его родом, а также образ-символ матери (в значении берега, защитных силы семьи, рода). Ассоциативно-образная связь *мать = Украина* реализуется в украинских народно-песенных контекстах сопоставлением лирического образа женщины-матери, тоскующей по своим сыновьям, переживающей за их судьбу, и образа родной земли. В этом уподоблении характерное для народной культуры архаическое мифопоэтическое представление о святом материнстве родной земли по отношению к своему народу приобретает особые очертания: оно встраивается в военно-исторический сценарий вражеских набегов, разорения и борьбы с врагами, приносящими страдания не только народу, но и матери-земле. При этом мать-земля теряет свойственные ей функции поддержки и защиты, оберегания, питания народа природными силами и предстает страдающей жертвой, которую нужно защищать с оружием в руках.

Семантически-метафорическая корреляция концепта Правда и НР-фольклоремы *мать* – прием, характерный для народных песен крепостнической тематики. Обращает на себя внимание включение в эту корреляцию образа орлицы, за которым (как и за образами больших птиц в целом) в мифопоэтическом пространстве закреплена ассоциация с небесным царством, миром богов – а значит, и высшей (а не только земной) Правдой.

ГЛАВА 4

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ КОНСТАНТЫ РОДСТВО / СПОРІДНЕНІСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА И Т.Г. ШЕВЧЕНКО

4.1. Вопрос о мифопоэтическом компоненте художественной литературы

Формирование специфических черт функционирования константы Родство / Спорідненість в художественном пространстве – результат долгого процесса, вбирающего в себя, воссоздающего и пересоздающего то, что было достигнуто на предыдущих этапах национального культурно-языкового развития. Это формирование связано с закреплением в семантической и коннотативной структуре поэтического, литературно-художественного лексикона аксиологических доминант, образных и других художественных (отчасти типизированных) средств. Будучи «вторичной знаковой системой», художественное пространство языка охватывает не только общие, но и индивидуально-авторские варианты употребления слов и речевых структур, что существенно усложняет общую картину функционирования концептов, в том числе концептов-констант в художественном тексте.

Определим общую связь между литературой и различными типологическими разновидностями мифов (архаическим, христианским и т.п.) через дефиницию «мифологизм»: термин подразумевает, что формы восприятия и пересоздания мифа в художественном тексте могут «представлять собой реликтовое явление или результат регенерации; они могут быть бессознательными или осознанными» [Лотман, Успенский 2000, с. 536–537]. В рамках метода мифореставрации (мифопоэтики) в качестве

основных механизмов вхождения мифа в художественные контексты исследователи называют «заимствования мифологических сюжетов и образов; создание собственной системы мифов; реконструкция мифологического сознания» [Телегин 1994, с. 94]. Этот последний механизм в той или иной степени свойствен любому литературному произведению, так как чувственное восприятие мира, «которое позволяет установить <...> в окружающем мире скрытые взаимосвязи» [Там же, с. 48] есть базовый признак не только «мифологического сознания» (термин М. Элиаде, С.М. Телегина и др.), но и художественного переживания мира.

С этим связаны такие очевидные сходные черты между мифом и литературой, как переплетение повторов, подобий и параллелей, образно-нарративный характер рассказывания и пр. И в художественном, и в мифологическом пространствах языка проявляются ассоциативно-образные связи слов, отражающие целостность сюжетно-образных связей как образов мира. При этом для художественной речи, разумеется, характерны и другие (специфические) особенности (отличающие его от мифопоэтического нарратива): активизация тропов, усиление принципа неопределенности, активизация внутренней речи и др. Особенностью поэтического языкового мышления является единство прямого обозначения слова и его непрямого соответствия: слово «остаётся конкретным только по видимости, превращаясь в неотчетливое иносказание» [Кожевникова 1986, с. 17]. Соответственно, образы, связанные с мифом, включаются в иерархию разнотипных средств, выражающих одни и те же общие мотивы. Возникает своего рода система зеркал, направленных на одно и то же содержание» [Кожевникова 1986, с. 49].

Своеобразным посредником между (архаическим, христианским и т.п.) мифом и художественной литературой является фольклор. Фольклор – ближайшая к мифу реальность, первый восприимчивый и пересоздатель мифологических структур; и в то же время это один из важнейших источников литературного творчества. Художественные тексты разных эпох

множеством нитей связаны с текстами фольклорными. Исследователи выделяют такие типы отношений литературы с фольклором, как а) структурное заимствование из фольклора; б) мотивное заимствование; в) образное заимствование (в формах перенесения (воссоздания) фольклорного образа и ассоциативно-образного наследования, при котором художественный образ имеет фольклорный подтекст); г) заимствование приемов и средств (тропов) устного народного творчества (таких как постоянный эпитет, олицетворение и психологический параллелизм) [Степанова, Бессонова 2007].

В отношении функционирования НР в условиях художественной речи взаимосвязь художественной литературы, мифа и фольклора проявляется следующим образом. НР в художественных (поэтических) текстах могут заимствоваться из фольклора (как фольклоризмы) и при этом приобретать особые свойства *поэтизмов*. Это означает, что в их форме и содержании, как правило, не только модифицируется в соответствии с эстетической функцией и местом в художественном тексте исходный мифопоэтический компонент, но воссоздается или пересоздается то функционально-смысловое наполнение, которое они получили в фольклоре в качестве фольклоризмов.

Система образных поэтических номинаций образует ряд своеобразных поэтических словесно-образных тем, воплощающих (вербализующих) в том числе константу Родство / Спорідненість. Поэтические контексты, содержащие конкретные слова, актуализуют то или иное фольклорное содержание, которое меняется в зависимости от контекстного окружения. Развитие (модификация) лексической сочетаемости – основной способ поэтической трансформации общеупотребительного лексикона, к области которого принадлежат и НР (ср. мысль Н.А. Кожевниковой: «Прежде всего и нагляднее всего изменения проявляются в минимальном контексте – в словосочетании» [Кожевникова 1986, с. 241]). Благодаря этому семантико-синтаксическому свойству лексических единиц в поэтическом контексте буквальное значение обрастает дополнительными, усложняющими и

делающими объемным словесный образ, который в контексте или конситуации приобретает обобщенность, стереоскопичность.

Ассоциативность как одно из качеств многозначных слов, а именно такими становятся НР в процессе развития национальной лингвокультуры, способствует разрастанию содержания константы и ее вербализации в микро- и макроконтекстах. На этапе становления национального литературного языка многие семантические явления обобщаются, принимаются как норма общезыковая или функциональная, например художественно-эстетическая, закрепляемая соответственно в словарях и текстах. Вследствие этих процессов, как отмечал В.В. Виноградов, слово начинает переливать «экспрессивными красками социальной среды» [Виноградов 1947, с. 19].

Если исходный лексикон, каковым мы можем считать вербализаторы константы Родство / Спорідненість, остается неизменным по форме и стабильности прямого обозначения, то вариации синтеза прямого и непрямого соответствия предмету изображения, образной ассоциации значительно варьируются. Варьирующиеся образы сосредотачиваются вокруг центральных номинаций родственных и семейных отношений. Повторяющиеся модели поэтического употребления НР (эпитетные, метафорические, компаративные) создают некий словесно-образный универсум, ассоциативно-образное поле вокруг номинаций родства – универсум, подобный мифопоэтическому в постоянстве и взаимосвязанности своих образных реализаций.

Переносные соответствия НР, проявляющиеся в метафорах и др. видах тропов, имеют метонимическую связь с общеупотребительной номинацией, актуализуя отдаленную, обобщенную, перекрестную с вербализаторами других концептов (ДРУГ, РАВНЫЙ, ПАМЯТЬ и др.) связь. Такая поэтическая трансформация общей семантики способствует укреплению и актуализации в семантике слов (в нашем случае – НР) «причастности к выражению одной и той же общей темы», к проявлению и закреплению синонимизации [Виноградов 1947, с. 75] (например, потомок – *сын*, друг –

брат, подруга – *сестра*), к закреплению в концептуальных семантических цепочках образно-сюжетных традиционных схем.

Это сочетание переносно-образного и индивидуально-авторского словоупотребления, как отмечал В.В. Виноградов, противопоставлено не словарной фиксации, но использованию слова в общеупотребительном плане – противопоставлено в качестве художественно-изобразительной, эстетической формы языковой деятельности человека [Виноградов 1960, с. 92–93]. В результате художественной деятельности вербализаторы константы начинают реализовывать функцию художественного изображения, эстетического отражения мира, при этом образы и словесные сцепления и приемы, заимствованные из фольклора, приобретают особые качества художественной речи: они одновременно имеют черты общего, типического и субъективно-образного, индивидуального, несовместимого со «стертостью» значений и оценок, со стереотипностью.

В круг словесно-образных вариаций входят индивидуально-авторские употребления, которые в случае выдающихся художников слова, творчество которых оказывает существенное влияние на последующее развитие национальной литературы и культуры (особенно же тех, которые являются основоположниками национальных литературных языков), становятся важными семантическими элементами структуры константы в целом. Иными словами, индивидуально-авторские варианты использования НР в художественной речи такими авторами, как А.С. Пушкин и Т.Г. Шевченко, – писателями и поэтами, чье творчество лежит в основе не только современных русского и украинского литературных языков соответственно, но в целом современных национальных культур, входят в содержательную структуру константы Родство / Спорідненість в качестве ее значимых семантических элементов.

Лингвомифопоэтический подход в изучении константы Родство / Спорідненість, проводимый на материале языкового творчества основоположников русского и украинского национальных литературных

языков и национальной литературной традиции – А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко – учитывает не только взаимодействие художественных текстов с фольклорной традицией и архаическим и христианским мифом, но и традиции книжно-письменного и художественного (ассоциативно-образного) словоупотребления.

Целью и результатом такого сравнительного исследования должно стать не только обнаружение общих функций и сходств и расхождений в ассоциативно-образном употреблении НР в творчестве двух авторов, но выявление специфики восприятия фольклорной традиции и ее мифопоэтических образно-смысловых элементов в художественной речи А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко. Иными словами, в результате должна быть подтверждена гипотеза о том, что у истоков (некоторых существенных) расхождений в структуре содержания константы Родство / Спорідненість в современной русской и украинской лингвокультурах стоит художественное творчество этих двух основоположников литературных языков и что эти расхождения связаны со спецификой восприятия соответствующей фольклорной традиции в творчестве А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко.

4.2. Функционирование константы Родство в творчестве

А.С. Пушкина: образность, сюжетика, семантика

Творчество А.С. Пушкина связано с периодом русской истории, когда, по мнению В.В. Виноградова, проявилась тенденция «национализации русского литературного языка», обязывающая к выработке «языка светского общежития» [Виноградов 1978, с. 49]. Заслуга основоположника современного русского литературного русского языка состоит в том, что он гармонично соединил разностилевые элементы национально-языковой культуры, в результате чего язык художественных произведений Пушкина «стал высшим воплощением национально-языковой нормы в области художественного слова» [Виноградов 1978, с. 53]. М.А Широкова отмечает,

что «Пушкину, как никому другому, удалось осуществить синтез противоположностей: идеала и реальности, западничества и славянофильства, общечеловеческого и национального, России и Европы» [Широкова 2018, с. 34]. Соединив русскость, национальность и универсальность, высокую речь и простой слог, смешав просторечный, разговорный, книжный, салонный, поэтический дискурсы, как бы «в чистом виде» создал в художественном слове «образ мысли и чувствования русского народа» [Кондаков 1999]. Таким образом, творчество А.С. Пушкина, по словам В.В. Виноградова, «разрушает все преграды для движения в литературу тех элементов русского языка, которые могли претендовать на общенациональное значение и которые могли бы содействовать развитию индивидуально-художественных <...> стилей» [Виноградов 1978, с. 54]³.

Эта особенность пушкинской художественной речи – синтетичность «нормального» поэтического языка как национального – в приложении к языковым явлениям прослеживается в том числе на материале функционально-стилевой и содержательно-информационной нагрузки названий родства в творчестве поэта. Как носители стилистической нейтральности (за исключением некоторых диалектных и церковнославянских форм) НР вошли в ядро словаря русского литературного языка, которое обеспечило его нормативность, общеупотребительность уже в

---

³ В.С. Непомнящий указывает на такую особенность пушкинского стиха: если попробовать представить себе «Я вас любил» в переводе на другой язык, это окажется практически невозможным. В них нет тех черт, которые должны быть присущи поэзии. Например, нет ни одной метафоры, за исключением слова «угасла». Но и это едва ли не расхожее выражение. Весь словарный состав стихотворения вполне отвечает условиям обыкновенного разговорного языка. Нет ни одного специфически яркого слова, выпирающей детали. И, главное, порядок слов почти такой же, как и в обычной речи. «Я вас любил, Любовь еще, быть может» – можно сказать «может быть». «В душе моей («в моей душе») угасла не совсем». И так далее. Только слово «томим» имеет поэтическую тональность. Больше никакой поэзии, «языка богов» в этих стихах нет. Это обычная человеческая речь. Таким образом, мы имеем дело с поэзией, как бы отказывающейся от самой себя. Это – абсолютная поэзия, в силу именно того, что она не хочет ничего специфически поэтического, она просто себя выражает как поэзия как таковая. А абсолютное, как мы понимаем, непередаваемо и непередаваемо никакими иными способами, кроме абсолютных. Поэтому никакими иными словами передать смысл, который есть в этом стихотворении, ни русскими, ни тем более иностранными, невозможно. Это все равно, что схватить руками воздух» [Непомнящий].

период первой трети XIX века [Виноградов 1978, с. 198]. В силу своей функциональной нагрузки НР соотносились с тропеической системой художественных текстов того времени, с группой «славянизмов» (к примеру, разговорных славянизмов). Однако в языке Пушкина данные языковые средства с помощью метафорических переносных употреблений входят в структуру галлицизмов и, выполняя роль лексических инкрустаций, вкраплений, наряду с элементами других подсистем русского национального языка приносят в высокую поэтическую речь начала XIX века социально-бытовое содержание, фольклорную или народную тональность повествования.

Ориентация на устно-бытовые стили, на национально-бытовое творчество – характерная особенность художественной речи в зрелом творчестве А.С. Пушкина [Виноградов 1935, с. 242]. Организуя сложную и стилистически многообразную структуру литературной речи, Пушкин постепенно сосредоточивает (особенно в области стиха) свое внимание на периферии литературных стилей и стремится слить в композиционные единства генетически разнородные языковые элементы [Виноградов 1935, с. 242].

Устная национально-бытовая стихия – «кипящая, но мутная» – с конца 1810-х годов все сильнее и сильнее привлекает Пушкина. Он видит в ней источник обновления литературной речи. Вовлечение форм простонародного языка, – под которым понимался «обиходный язык крестьянства (независимо от областного деления на диалекты), дворни, городских ремесленников, мещанства, мелкого чиновничества» [Виноградов 1935, с. 392], – в литературу было связано с процессом социально-стилистической переоценки и дифференциации элементов бытовой речи [Виноградов 1935, с. 377]. Таким образом, пушкинский «простой слог» с конца 1810-х годов сочетает в себе элементы разных стилей дворянского бытового просторечия с «простонародным» языком [Виноградов 1935, с. 399; Лопатто 1918, с. 14].

В поэтическом пространстве языка А.С. Пушкина, как показывают писательские лексикографические источники («Словарь языка Пушкина» (далее – СЯП), «Поэтическое слово Пушкина» (далее – ПСП)), зафиксированы следующие НР (в соответствующих колонках даны количественные показатели употребляемости, которую указывают авторы-составители словарей):

Таблица 4.1.

Названия родства в поэтическом словаре А.С. Пушкина

№	Название родства	СЯП	ПСП
1.	бабка	5	5
2.	бабушка 1	44 (в 1-м знач.) из 50	2
3.	брат 1	288 (в 1-м знач.) из 392	48
4.	братец 1	36 (в 1-м знач.) из 63	не указано
5.	дед	46	4
6.	дедушка	20	не указано
7.	дети 1	147 (в 1-м знач.) из 208	29
8.	детки	5	не указано
9.	детушки	12	не указано
10.	дитя 1	22 (в 1-м знач.) из 68	не указано
11.	дитятко	1	не указано
12.	дочь, дочь	209	29
13.	дочка	28	1
14.	дщерь	1	1

15.	дядя	52	5
16.	дядюшка	3	1
17.	жена	358	52
18.	жонка	67	не указано
19.	мать	184	16
20.	матушка	75	3
21.	матерь	5	1
22.	мать-земля		1
23.	мачеха (мачиха)	5	1
24.	маменька (маминька)	11	не указано
25.	муж	153	45
26.	отец 1	457 (в 1-м знач.) из 532	28
27.	папа	1	не указано
28.	папенька (папинька)	25	не указано
29.	семейство	106	3
30.	семья	89	29
31.	сестра	133	14
32.	сестрица	22	1
33.	супруг	45	15
34.	супруга	53	14
35.	супруги	1	не указано
36.	сын	304	59
37.	тесть	9	не указано
38.	тетинька	1	не указано
39.	тетка	59	4
40.	тетушка	7	1
41.	теща	13	не указано
42.	тятя	4	не указано

Представленный в таблице список НР подтверждает высокую частотностью употребления в поэтическом словаре А.С. Пушкина разнообразных языковых форм, прежде всего, народно-разговорных, менее частотно – церковнославянских. Как видно из приведенной выше таблицы, лексикографические источники дают разное количество зафиксированных словесных форм НР и, соответственно, имеют больший или меньший охват пушкинских текстов. Наиболее часто Пушкин прибегает к использованию НР *отец, жена, сын, брат, дочь, мать, муж, дети, сестра, семейство* (в порядке убывания в диапазоне 457 – 106 употреблений). Стилистические функции именно этих ядерных НР-поэтизмов будут проанализированы в плане концептуальной трансформации их мифопоэтического содержания НР в поэтическом языке А.С. Пушкина.

Использование НР в прямых значениях

Что касается художественно-образной нагрузки НР *отец*, эта лексема в поэзии А.С. Пушкина разных периодов в романтическом ключе увязывается с мотивами героизма, силы, мужества, борьбы за свободу и даже мятежности (*отец с сыном бранятся; твой отец, преступник и герой, гроза луны, свободы воин*) [Прилож. 3, прим. 295]. Иллюстративные отрывки свидетельствуют о противоборстве в индивидуально-авторском стиле Пушкина риторического возвышенного (следование высокой романтической стилистике, связанной с набором романтических штампов) и сниженного просторечной (тут еще – фольклорной народно-песенной, обратите внимание на соответствующий этой манере параллелизм). При этом с точки зрения периодизации творчества Пушкина эта конкуренция предстает, скорее, развитием языка, стиля и общего художественного мышления поэта: от романтической возвышенной стилистики, ориентированной на романтические же идеи и темы, столь значимой для поэта в начале 1820-х годов (первый контекст), Пушкин движется к народности в языке, темах, идеях – в 1830-х годах (второй контекст). При этом образ пещеры, в которой

ссорятся отец и сын, в своей функции «обнажения» истинных причин гармоничных или же дисгармоничных семейных отношений наследует фольклорный образ дома. В таком случае с НР *отец* связываем реализацию в этих пушкинских контекстах двух концептуальных цепочек: 1) {[война] [отец-воин : отец-командир] [отец] /чудесный/}; 2) {[ДОМ]: [отец] ↔ [волк] ↔ [сын]}.

Концептуализация сценарного мотива взаимоотношений отца и сына, раскрывает ситуации, когда последний проявляет безжалостность по отношению к давшему ему жизнь родителю (концептуальная цепочка {[сын] → [СМЕРТЬ] → [отец]}): [Прилож. 1, прим. 273]. С другой стороны, с функционированием лексемы *отец* в поэзии Пушкина сопряжена и ситуация благословения, мольбы умершего сына перед тронем Господа за своего отца ({[сын] → [МОЛИТВА : забота] → [отец]}) [Прилож. 1, прим. 274].

Лексикографические источники свидетельствуют, что палитра сочетаемости НР *отец* с эпитетными определениями в поэтическом языке Пушкина весьма разнообразна – от характеристик внешних, возрастных до свойств физического, психоэмоционального состояния, субъективных оценок: *бедный, блаженный, дорогой, достойный, казненный, недовольный, обязанный, ожесточенный, родной, святой, стареющий, седой, скорбный, сумрачный, холостой, чадолубивый, чахоточный* и пр. [ПСП, с. 52]. Отмечаем, что не во всех контекстах НР *отец* имеет атрибут: на тот или иной его конкретно-текстовый образ указывает более широкий контекст. Например, НР *отец* употребляется без эпитета, а на признаки персонажа указывает вторичная номинация [Прилож. 3, прим. 296].

О том, что глубокое проникновение не только во внешнюю сторону, но и в идейно-ценностные основания русской бытовой – в том числе народной – культуры у зрелого Пушкина касается и словоупотребления НР, свидетельствует его согласие с А.С. Шишковым в следующей позиции: «Никогда не может языку нашему быть свойственно, чтоб сын или дочь, говоря с отцом своим или матерью, называли их: отец, мать. Причиной тому,

что мы для возвышенного слога имеем и возвышенные слова: Родитель мой! Отче мой!... У нас не только – в возвышенном слоге, но даже и в простых разговорах сын вместо: здравствуйте, батюшка или матушка! Не скажет отцу: здравствуй, отец! Или матери: здравствуй, мать! (цит. по: [Виноградов 1935, с. 386]. Это замечание проецируем на употребление просторечного крестьянского *тятя* ‘отец’: Тятя (СЯП, IV, 616: отец (в языке крестьян)) [Прилож. 3, прим. 297].

Что касается НР *жена*, следует в первую очередь сказать, что наиболее известным и масштабным по силе воздействия на последующее развитие русской литературной и культурной традиции является употребление Пушкиным лексемы *жена* по отношению к Татьяне Лариной («*Да кто ж она?*» – / *Жена моя*») [Прилож. 3, прим. 298]. В данном случае слово *жена* сопряжено с местоименным эпитетом *моя*, интимизирующим образ, и в то же время с маркерами официального дискурса, призванными обозначить внешнее, официальное его великолепие: *посол испанский, князь, малиновый берет*. Однако важнее для понимания закрепленных за образом Татьяны-жены ассоциаций в русской культуре другое: ее решимость быть верной своему мужу выделена сюжетно, композиционно, структурно («*Но я другому отдана / И буду век ему верна*»), с этой решимостью, как и с ее образом в целом, сопряжен большой ряд характеристик, призванных выразить семантику простоты, безыскусности, глубины (переживаний, осмысления жизни) и близости к природной и народной жизни (в том числе самохарактеристика, которую дает Татьяна в последней главе, строфе XLVI) [Прилож. 3, прим. 299]. Пушкинская Татьяна – в ее решимости быть верной женой достойному, хотя и не любимому мужу – вошла в плоть и кровь русской культуры как образ, выражающий народные ценности и идеалы; впервые это было отмечено в «Пушкинской речи» Достоевского: «Это положительный тип, а не отрицательный, это тип положительной красоты, это апофеоз русской женщины <...>. Отметив тип русского скитальца, рядом с ним поставив тип положительной и бесспорной красоты в лице русской

женщины, <...> Пушкин, <...> провел пред нами в других произведениях <...> целый ряд положительно прекрасных русских типов, найдя их в народе русском» [Достоевский 1995, с. 430–434].

Пушкин наследует общелитературную традицию использовать как средство интимизации художественных образов местоименный эпитет *мой* (*моя*), в частности относительно поэтического образа жены; внешний словесный образ в других контекстах конкретизируют самые разные (в том числе антонимичные) эпитеты – *гордая, бедная, верная* [Прилож. 3, прим. 300]. Но, как подсказывает ПСП, эпитетный ряд могут продолжить, кроме приведенных, определения *благодарная, бледная, великая, довольная, красная, молодая, испорочная, истерпеливая, обреченная, одетая, окруженная, отличенная, погруженная, полногрудая, полная, равная, радая, робкая, святая, слабая, степенная, увенчанная, умная, утомленная, чернбровая, чистая, юная* [ПСП, с. 47]. Отмечаем преобладание эпитетов с позитивной семантикой.

Ассоциативно-образный ряд в отрывке «Уродился я, бедный недоносок...» (1828), воссоздающем фольклорную (народно-песенную) стилистику и фольклорный мотив сиротства, создается концептуальной взаимосвязью {[жена] → [ласка] → [муж]} [Прилож. 1, прим. 275].

Поэтическое употребление у Пушкина НР *муж* – это своеобразный ситуативный шаблон, отражающий нравы современной Пушкину эпохи, быта высшего сословия:

следование за женой (в связи с ее делами и целями) (*волочусь за нею [за женою]*) [Прилож. 3, прим. 301];

ревнивость мужа (...*скука, случай, муж ревнивый*) [Прилож. 3, прим. 302].

НР *муж* и *жена* в художественной речи Пушкина могут быть ассоциированы с концептом Вера (религиозная), что определяет присутствие семантики духовной связи в супружеских отношениях. Не случайны в стихотворении «Янко Марнавич» образы храма, молитвы, Божественного

света, судьбы, которые супруги видят в окно (*Посмотри, жена, ты в окошко. / Видишь и церковь Спаса отселе?; Вижу я на реке сиянье, / Близится оно к нашему дому*). Контекстную семантику отражает концептуальная цепочка {[муж] ↔ [ВЕРА-ДУХ] ↔ [жена]} [Прилож. 1, прим. 276].

Кроме общих с украинским литературным языком лексем для обозначения членов семейной пары, в языке Пушкина активно функционируют славянизмы *супруг* (СЯП, IV, 450: 45 употреблений) и *супруга* (СЯП, IV, 450: 58 употреблений). Их внутренняя форма содержит сему 'пара, соединенная венцом' = 'сопряженный браком, муж и жена, повенчанная чета' [ДТСЖВЯ, IV, 630]. Если представитель мужского пола охарактеризован в языке Пушкина со стороны физического (*мертвый, молодой, почтенный, уснувший*) и психологического (*дорогой, злобный, лукавый, ревнивый, счастливый, хороший*) восприятия, то поэтический образ супруги более разносторонен: он связан с акцентом на внешности женщины (*белоглавая, дородная, покрытая*) и в то же время содержит оценки ее физического состояния (*молодая, юная*), психологических качеств (*любезная, милая, печальная*), этичности поведения (*верная, неверная*) [ПСП, с. 116]. Хотя СЯП не дает стилистической пометы к отмеченным НР, однако очевидно, что им и ассоциированным с ними характеристикам свойственна высокая стилистическая коннотация, книжная (архаическая) маркированность.

Из фольклорной стихии в художественное слово Пушкина пришел субституты *старик и старуха* в значении *муж и жена*. С точки зрения масштабности влияния на русскую культуру самый значимый пушкинский текст, оперирующий этими субститутами, – «Сказка о рыбаке и рыбке». На иносказательность и символизм пушкинской сказки (основанной, как известно, на переложении померанской сказки братьями Гримм) указывает А.Н. Унжаков: «Пушкин начинает свою сказку с таких слов: “Жил старик со своею старухой у самого синего моря”. Главное слово – “своею”. То есть это

муж и жена, они венчаны, а значит старуха “замужем” – муж впереди, а жена за ним. По сути дела, мы должны здесь увидеть <...>, что муж предстоит пред Богом за свою жену. И этот смысл заложен в произведении» [Унжаков 2020]. Действительно, способ вербализации отношений между мужем и женой в начальном высказывании текста указывает на синтаксическую, морфологическую и лексическую экспликацию семантики единства и любви. Семантика единства эксплицирована в форме единственного числа глагола *жить* (*жил*) и в синтаксической структуре предложения (V(ед.ч.) S (ед.ч.) (с) О (Instr.; в значении совместности)). Семантика любви – в местоименном эпитете *своя*; в иносказательной форме – в символическом образе *синего моря*, поскольку символика синего цвета в религиозной и народной культуре включает в себя семантику чистоты и (в том числе небесной) любви. Вторая часть этого начального предложения имплицитно связывает семантику единства и любви с духовной, христианской перспективой: в указании на время их совместной жизни (*ровно тридцать лет и три года*) и в сопряженном с этим указанием описании условий этой жизни (*в ветхой землянке*) содержится аллюзия на новозаветную историю, на христианский миф. Тридцать лет, как известно, – возраст, в котором Христос принял святое Крещение и начал проповедовать; в тридцать три года Христос был судим судом неправедным, распят – воскрес и возшел на Небо. Архаическая символика числа *три* в христианском мифе приобретает религиозные, исторические и личностные очертания, за ней закрепляется ассоциация с Личностью Христа и Его земным путем как образцом, моделью жизненного пути человека, христианина.

В контексте этой явственной отсылки к «возрасту Христа» (с разбивкой на первый порог – «тридцать лет» и второй порог – «и три года») эпитет *ветхая* прочитывается как аллюзия на библейское понятие «ветхий человек», то есть человек, не прошедший путь духовного преображения вслед за Христом. Христианская коннотация слова *ветхий* усилена семантикой сочетающегося с ним слова *землянка*: сема ‘земляной’ в контексте аллюзий

на возраст Христа актуализована не только в прямом, но и переносном значениях: как 'сделанный из земли' и как 'связанный с землей' (и не связанный с Небом) – в отношении «ветхого» человека. В то же время, образ ветхой землянки может быть и символом жизненных трудностей, испытаний, сопровождающих супружескую жизнь, в которых муж и жена подходят к порогу возможного преображения.

В этом контексте символические христианские коннотации приобретает и слово *море*. В православных молитвах частотное использование сочетания «житейское море» (ср.: «Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурею, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти: возведи от тли живот мой, Многомилостиве!» – ирмос 6-й песни 6-го гласа). Христос в православных молитвах именуется *тихой гаванью*, *тихим пристанищем*, к которому человек может приплыть по морю житейских бурь и духовного делания. Образы моря – созданного и упорядоченного Творцом, расступившегося (перед Моисеем), морской пучины – поглотившей (пророка Иону, апостола Павла), морских чудищ – приводящих море в волнение и умиряемых Господом – одни из центральных в образной структуре Ветхого Завета [см., в частности: Асмус 2008; Райкена 2005].

Спокойное, тихое, чистое *синее море* в сказке Пушкина, таким образом, соотносится в своих библейско-христианских коннотациях с умирением страстей и жизнью в любви и согласии; море разыгравшееся (*море слегка разыгралось*), помутившееся (*Помутилось синее море*), а затем и почерневшее (*Почернело синее море; на море черная буря*) – с игрой, а затем и бушеванием страстей, которые грозят поглотить человека, как бездна морская – Иону.

Параллель «бушующее море – бушующие страсти» есть усложнение фольклорного психологического параллелизма, поскольку природное явление в этой параллели имеет не психологическую, но символическую функцию. При этом фольклорная основа сказывается в социально-статусной логике развития сюжета об испытании супружеской пары чудесно

обретаемой возможностью благополучия: все, чего желает старуха, касается поначалу материальной стороны жизни, а потом социального статуса (корыто – новая изба – столбовая дворянка – царица – владычица морская).

Великое чудо (как определяет его старик), явленное мужу, а через него и жене, предстает в пушкинской сказке способом не столько собственно испытания духовной зрелости и любви супругов, сколько развенчания иллюзии их идиллической жизни. Любовь и согласие, столь выделенные различными языковыми и образными средствами как сущностные характеристики их долгой совместной жизни, на поверку оказываются крепко связанными с привычной бедностью и общим социально-материальным неблагополучием и при первом же шаге из него обнаруживают свою иллюзорность. Старуха начинает с того, что грубо упрекает старика в глупости (*дурачина ты, простофиля*), а затем и вовсе отказывает ему в праве быть рядом с ней. Иллюзия любви сменяется откровенной отчужденностью и желанием властвовать. Старик, называемый ближе к концу текста уменьшительно *старичком*, не осмеливается ей *перечить* и, выполняя все приказы старухи, стараясь ее ублажить (*Ну теперь твоя душенька довольна?*), проявляет не столько любовь (которая в христианских воззрениях предполагает, конечно, главенство мужчины над женщиной как духа над телом, разума над чувствами и страстями), сколько свою зависимость от ее душевного к себе расположения.

Ситуация любви и согласия, основанная на христиански (а глубже – и архаически-мифологически) заданной иерархии отношений между мужем и женой, духом и телом, разумом и чувством, в развитии сюжета одновременно освещается как иллюзия, идиллический самообман – и как парадигма, соответствующая законам жизни и мироздания. Решая стилистическую и отчасти образную канву текста в фольклорном ключе, совмещая в лексической и образной символике народную стихию с библейско-христианской традицией, Пушкин строит свой рассказ о муже и жене на основе синтеза фольклорно-мифологического и христианского осмысления

отношений между мужчиной и женщиной и фактически находит в них общее зерно.

Сказочно-чудесным образом пройдя через испытание и погрузившись в пучину страстей, супруги, казалось бы, возвращаются в исходную сюжетную точку: к ветхой избушке и разбитому корыту. Однако за их плечами теперь (как и за плечами читателя) – опыт отчуждения и отказа от любви во имя своих страстных желаний, опыт самопознания. Последнее высказывание текста содержит не только описание возвращения старика к старухе, землянке и разбитому корыту, но и указание на ожидание: *Долго у моря ждал он ответа...* – указание, которое намекает на длительный процесс размышления, осознания. Финал пушкинской сказки, таким образом, с точки зрения судьбы супружеской пары и дальнейшего развития их отношений (между собой, с миром и Богом) остается открытым. Для настоящего же исследования существенными представляются две особенности пушкинского текста:

– синтез фольклорно-мифологического и христианского осмысления иерархии отношений между мужчиной и женщиной (мужем и женой, духом и телом, разумом и чувством), лежащий в основе символической образности и развития сюжета сказки;

– заданность истинной любви и иерархического согласия (в качестве основания супружества и семейной жизни) как парадигмы, соответствующей законам жизни и мироздания.

По нашим наблюдениям, достаточно высокую частотность сочетания с НР *жена* проявляет номинация *дети* [Прилож. 3, прим.303].

Помимо НР *дети* (209 фактов включения в текст) частотно употребляется в пушкинских текстах лексико-стилистический вариант *дитя* (68 фактов) в значении ‘ребенок’. По данным ПСП (с. 41), оценочные определения к НР *дитя* представлены в различных тематических группах, например: признаки родства с кем-либо (*родное*), признаки субъективной оценки (*любимое / нелюбимое, милое, прелестное*), признаки физического

состояния (*нездоровое, утомленное, резвое, слабое,*), признаки поведения, моральных качеств (*балованное, беспечное, благодарное, ничтожное, послушное, самолюбивое, спесивое,*), признаки возраста (*малое*) и пр. Употребление лексемы *дитя* у Пушкина, как правило, сохраняет связь с фольклорной, народно-песенной культурой.

Поэтизм *дитя* в пушкинских художественных текстах может сопровождаться употреблением интимизированного местоименного определения – *дитя, мое мученье* [Прилож. 3, прим. 304].

Концептуальное наполнение НР *дети* проявляется в типичных по ассоциативно-образному наполнению микроконтекстах, утверждающих гармонию, которая видится в единодушии главы семьи, его супруги и их детей (<...>*жена моя и дети / Вам благодарны, как и я*) [Прилож. 3, прим. 305].

В художественной прозе А.С. Пушкина, равно как и в эпической поэзии, словоупотребление НР *дети* относится к повседневно-бытовой языковой ситуации, когда родители обращаются к сыну и его жене (невестке) / дочери и ее мужу (зятю). В таких контекстах явно прослеживается отсылка к народно-разговорному (повседневно-бытовому) пространству (*Ты детей благослови / Жить в совете и любви; Оставьте, дети, ложе неги!..*) [Прилож. 3, прим. 306].

НР *сын* одна из наиболее часто употребляемых Пушкиным номинаций, образно-текстовое употребление которой можно представить в нескольких семантических группах. Первая группа содержит указание на возрастные особенности и очередность рождения (концептуальная цепочка {[**сын**] → [ОПОРА] → [**отец**]}) [Прилож. 1, прим. 277]. Зачастую номинация *сын* реализует свое прямое значение, указывает на последовательность рождения сыновей без дополнительных коннотативных признаков (*старший сын*) [Прилож. 3, прим. 307].

Вторая семантическая группа представляет субъективную оценку (как правило, позитивную) сына со стороны одного из родителей. В поэтическом

пространстве Пушкина сын представлен как *милый, отважный* молодой человек [Прилож. 3, прим. 308]. Следует отметить, что сочетаемость НР сын с эпитетами, характеризующие психоэмоциональное состояния человека и его поведения (*веселый, озлобленный, послушный, равнодушный*), преобладают в пушкинских текстах наравне с эпитетами, связанными с характеристикой физического (*больной, дряхлый, могучий* и др.) и материального состояния человека (*бедный*).

Народно-разговорная, эпистолярная стилизация языка поэтических произведений Пушкина обуславливает употребление НР *брат* в сочетании с понятийными эпитетами (*двоюродный, старший, меньший* и под.) [Прилож. 3, прим. 309].

Наличие местоименных определений *свой, мой* по отношению к брату у Пушкина прежде всего указывает на кровное родство без конкретизации его степени (*меня братья мои любили*) [Прилож. 3, прим. 310]. Среди эпитетов-прилагательных к НР *брат* наиболее функционально значимым для идиостиля Пушкина оказывается определение *милый* [Прилож. 3, прим. 311].

Для уточнения семантики разновидности братства у Пушкина использованы не только эпитеты (*родной (-ые) брат (братья)*), но и фразеологические выражений (*по крови, по душе, по Богу; родные*) [Прилож. 3, прим. 312].

По данным ПСП, с НР *брат* в пушкинских текстах сочетаются эпитеты, характеризующие физическое и психическое состояние (*безмолвный, бледный, больной, большой, живой, здоровый, маленький, мертвый, могучий, неблагодарный, несчастный, одинокий, бедный, коварный, любезный, прославленный* и под.), указывающие на субъективную оценку (*любимый, милый, родимый* и под.), указывающие на особенности внешности (*курчавый*) [ПСП, с. 23].

Повседневно-бытовая коммуникативная ситуация представлена стилистической моделью параллелизма *дубочки – братья*, наследующей

народно-песенную традицию (*Не два дуба рядом выросли, / Жили вместе два братца родные*) ({[дуб] – [СИЛА] → [братья]}) [Прилож. 1, прим. 279].

В теме братства, как видим, явственно ощущается влияние христианского (библейского) мифа: с функционированием НР *брат* у Пушкина связана не только семантика любви, поддержки, близости, родства (по крови и по духу), но и семантика предательства, ненависти, братоубийства (ср.: библейские сюжеты о Каине и Авеле, братьях Иосифа). Проявление этой негативно маркированной семантики может быть связано как с обращением к фольклорным сюжетам, фольклорной стилистике, так и с высокой книжной, даже архаической стилистикой. В выше отмеченных случаях мотив братоубийства выявляется в одной из «Песен западных славян» («Янко Марнавич»). Мотив предательства (продажи) брата находим и в наброске, посвященном судьбе Наполеона «Зачем ты послан был и кто тебя послал?..» [Прилож. 1, прим. 280]. Вычленим, соответственно, следующую концептуальную цепочку: {[брат] ↔ [ПРЕДАТЕЛЬСТВО] ↔ [брат]}.

В поэзии Пушкина в связи с темой братства присутствуют контексты, в которых воссоздается не только библейская сюжетика и тематика, но и ее повествовательно-риторические приемы. Так, в «Подражании Корану» находим отсылку к Корану и Апокалипсису, сочетающую повествовательную риторику обоих текстов [Свирин 1936, с. 229]: [Прилож. 3, прим. 313].

Частотен в пушкинской поэзии и словоупотребление НР *дочь*, сочетаемое с местоименным определением *своя* (*старшей дочери своей*) [Прилож. 3, прим. 314]. Не менее активно НР *дочь* сочетается с эпитетами, обозначающими [ПСП, с. 43]: социальную и общественную принадлежность (*купеческая, царская, черкесская*); оценку с положительной коннотацией, в т. ч. по внешним признакам, по поведению, по возрасту и пр. (*живая, маленькая, молодая, нежная, прекрасная, прелестная, томная, резвая*) которые контекстно могут расширять свой семантический спектр и

передавать признаки психологического состояния [Прилож. 3, прим. 315]. Морально-этическое поведение дочери может описывать семантика эпитетов *послушная, виновная, любезная*, а отношение к дочери родителей выражает определение *любимая*. Зафиксированы и негативные оценочные эпитеты в сочетании с НР *дочь*, обозначающие признаки внешние, эмоциональные, психические и физические (*бледная, несчастная, поруганная* и под.) [ПСП, с. 43].

Словарь языка А.С. Пушкина зафиксировал всего одно употребление церковнославянского варианта *дщерь* [СЯП, I, с. 760] вместо *дочка* (28 фактов) и *дочь (дочерь)* (209 фактов) [СЯП, I, с. 722], что свидетельствует о переходе Пушкина от старославянских традиций к стилистически нейтральной, а порой даже просторечно-разговорным вариантам русского языка, ставшим основой языка литературного [Прилож. 3, прим. 316].

Образ матери в языке пушкинской поэзии представляет собой его индивидуально-авторское восприятие. Стилизованное под народно-разговорный колорит, оно является, по сути, отражением его мировоззрения, что заключено в сочетаемости НР *мать* с оценочными эпитетами (*докучливая, несчастная* и под.) [Прилож. 3, прим. 317].

НР *мать* также как и номинации *отец, брат, дочь* частотно сочетается с интимизирующим местоимением *свой* [Прилож. 3, прим. 318].

Согласно данным ПСП, НР *мать* в тех или иных контекстах снабжены эпитетами самой различной стилистической окраски, от грубо-фамильярной до возвышенно-религиозной, отражающих физическое (*брюхатая, полная, мертвая*), психологическое (*виновная, добродетельная, докучливая, милая, несчастная, печальная, родная, строгая, унылая, честная, чуткая*), духовное (*спасенная*) состояния.

Словесный портрет *сестры* в художественной речи Пушкина сопряжен с разнообразными эпитетами: они описывают ее физические внешние данные (*белокурая*), психологические характеристики (*верная, ласковая, любезная, любимая*), социальный статус (*старшая, меньшая, двоюродная*). В

стихотворении «Сестра и братья» (из цикла «Песни западных славян», ориентированных на народные лирические песни балканских славян) НР *сестра* вынесен в заголовок текста вместе с НР *брат*. Лирико-драматический же сюжет текста выстроен вокруг отношений сестры с братьями и невесткой (женой одного из братьев). Развитие сюжета и использованные для этого диалога языковые средства расширяют семантику слова: НР *сестра* трактуется в тексте и в отношениях с женой брата. В данном стихотворении четко прослеживается фольклорная основа, проявляющаяся как в заимствовании сюжета, так и в воссоздании стиля. Этим предопределено в данном стихотворном тексте народно-разговорное употребление НР *сестра* [Прилож. 3, прим. 319]. В этом же тексте тема предательства, закреплённая в языке за НР *брат*, реализуется в отношении НР *сестра*. Сюжет произведения заключается в том, что жена брата, ревнуя мужа к его сестре, испытывает ненависть к ней и, желая оторвать их друг от друга, сначала убивает коня своего мужа, потом его сокола и, наконец, их с мужем, а значит и своего ребенка. И все это делается для того, чтобы обвинить во всем сестру. В конце концов ей удается вызвать ненависть мужа по отношению к девушке, и он казнит ее. Но силы природы и сам Господь указывают на ее невиновность: там, где упали капли ее крови, расцветают цветы, а там, где упало ее тело, – *Церковь там над ней соорудилась*. Таким образом, библейская тема предательства и братоубийства, входящая в ассоциативное поле НР *брат* как в русской книжной, так и в русской народной культуре, у Пушкина актуализуется в ассоциативном поле НР *сестра*.

Благодаря известным строкам из поэмы «Евгений Онегин» «*Мой дядя самых честных правил, / Когда не в шутку занемог, / Он уважать себя заставил. / И лучше выдумать не мог*» НР *дядя* стало соотноситься с образом больного старика. Что характерно, это отслеживаем и по ПСП (с. 45), где дядя (дядюшка) – *больной, старый; радый; названный, двоюродный*.

В рамках настоящего исследования особый интерес представляет НР *семья* в художественных текстах Пушкина. Контекстуальной особенностью

употребления обобщающего названия *семья* является его частотная сочетаемость с эпитетом *родная*, который усиливает основное значение НР [Прилож. 3, прим. 320]. Контекстуальным синонимом эпитета *родная* в поэзии Пушкина является определение *своя* [Прилож. 3, прим. 321]. Как ситуативные, нерегулярные отмечаем эпитеты *резвая*, *неровная* относительно многодетной семьи [Прилож. 3, прим. 322]. Общей для всех рассмотренных текстов является концептуальная цепочка {[РАДОСТЬ] → [ПРАЗДНИК] → [ЗАСТОЛЬЕ] = [семья]}.

В целом ряде поэтических текстов Пушкин делает акцент на этнокультурном аспекте характеристики семьи – *русская* [Прилож. 3, прим. 323].

Кроме семантики и функционирования НР, для научного представления о содержании константы Родство в творчестве Пушкина необходимо проанализировать семантику родства в двух известных его текстах: «Моя родословная» и «Два чувства дивно близки нам...». Первое стихотворение имеет очевидную сатирическую направленность, при этом сатира, направленная против обвинений в лживом аристократизме, указывает на истинный, или внутренний аристократизм всего рода Пушкиных [Прилож. 3, прим. 324]. Новая знать противопоставлена здесь предкам, роду поэта, в котором «был славен не один», по параметрам *спеси* (негативная оценка) – и *неукротимости духа* (положительная оценка), умения угодить царям (негативная оценка) – и личного достоинства и героизма (положительная оценка). Лирический герой, настаивая одновременно на своей богатой героической родословной и на значении только своих личных достижений (*грамотей и стихотворец, сам большой, мещанин*»), иронически освещает не только упреки в ложном (не обоснованном родословной) аристократизме в свой адрес, но и свое собственное стремление «выскочить» из отношений родства. Родство с героическим прошлым и героическими, сильным духом предками, таким образом, является в стихотворении естественным источником силы, естественной опорой лирического героя в поисках самого

себя: эти отношения фиксирует концептуальная цепочка {[ПОТОМОК] ↔ [ИСТИННОЕ ДОСТОИНСТВО, ГЕРОИЧНОСТЬ] → [РОД] }.

В неоконченном лирическом стихотворении «Два чувства дивно близки нам...» говорится о любви человека к своему отчужденному (*родное пенелище*) и памяти предкам (*отеческие гробы*). Вербализация в этом тексте связи человека с родиной отличается высокой стилистикой и явственной спецификой семантики: общими для слов *пенелище* и *гробы* являются смы 'то, что жило в прошлом' и 'то, что проявлено в настоящем', при этом прошлое, живое в настоящем (*Животворящая святыня!*), есть и (родительский, прародительский) дом, и память о предках. Оно связывает человека через чувство высокой, чистой любви (в этом отношении семантика слова *любовь* уточняется семантикой слова *святыня*) одновременно с землей (*Земля была б без них мертва*) и с Небом (*И как алтарь без божества*). Примечательно, что в сочетании, вербализующем память о предках, лексема *гробы* характеризуется эпитетом *отеческие*, в котором актуализована семантика связи человека с мужским началом рода, тогда как в сочетании, вербализующем любовь к (пра)родительскому дому, в слове *родное*, ассоциированном в языке со словом *родина*, имплицитно реализована семантика материнства. Таким образом, отношения человека с родиной в этом тексте определяются как отношения священной любви к материнскому теплу (пра)родительского дома и к памяти о героических, мужественных предках.

НР в переносном значении

Язык пушкинской эпохи отражает и переносное, образное употребление НР.

В одних случаях контекстная семантика НР уточняется с помощью ближайшего словоупотребления, как, например, НР *отец* в значении 'старший; наставник' {[отец] = [царь]} (Прилож. 1, прим. 282). В эпических произведениях Пушкина довольно распространено использование

определение *отец* к номинации *царь*, как например, в «Сказке о золотом петушке» [Прилож. 3, прим. 325].

Словосочетание *век отца* является символом прошлого, ушедшей эпохи, предыстории чьей-либо жизни, достойной уважения потомков ({[прошлое] ← [ОТЕЦ] /уважение/ [ДОЧЬ] ← [прошлое]}) [Прилож. 1, прим. 283].

В большинстве случаев поэтические употребления НР являются перифразами, соответствующими романтическому, чаще же – классицистическому стилю, риторической традиции. Как правило, в пушкинских контекстах переносное употребление НР *дитя* реализуется в таких генетивных словосочетаниях, как: *дитя расчета и отваги; забав и роскоши дитя; дитя свободы; сын пиров* ('человек, являющийся порождением чего-н., отразивший в себе характерные свойства, черты чего-н. '); *дитя предрассуждений* ('создание, порождение, следствие чего-н. '); *вольности дети, дети лени* ('о людях, выросших, воспитанных в каких-н. условиях, среде, обстановке'). Соответственно, ключевая концептуальная цепочка включает такие связи: {[ЧЕЛОВЕК] ↔ [ОБСТОЯТЕЛЬСТВА] → [ДИТЯ обстоятельств]}.

Наблюдаем также изменение семантики НР *дитя* и *сын* в переносном метафорическом употреблении наблюдается и в перифрастических контекстах [Прилож. 1, прим. 284]. В результате вербализирована концептуальная цепочка, где в причинно-следственных связях состоят понятия «пир» и «свобода» (от труда), – {[ЧЕЛОВЕК] ↔ [ОБСТОЯТЕЛЬСТВА пир ↔ свобода] → [ДИТЯ – СЫН обстоятельств]}.

Подобным образом генетив отражает семантические трансформации родственных отношений и для НР *сын*: сын – 'потомок', 'уроженец определенной территории' (2-е и 4-е знач., СЯП, III, 449) ({[ПРИРОДА] → [ПОТОМКИ (= сыны)]}, {[ОБЩЕСТВО] → [ПОТОМКИ (= сыны)]}) [Прилож. 1, прим. 285].

Подобные изменения в семантике НР *сын* наблюдаем в словосочетании *сын войны* [Прилож. 3, прим. 326]. В.В. Виноградов отмечал, что фразеологические обороты, среди которых «сын угрюмой ночи», являются галлицизмами, от которых позднее стремился отойти поэт в своей стилистике и в ориентации на национализацию русского литературного языка [Виноградов 1978, с. 54].

Оригинальны метафоры, в которых НР *сын* сочетается с наименованиями эмоций, психологических состояний, совместного празднования – *счастья, лени, пирования сын*. Здесь Пушкин, перерабатывая риторическую традицию, вливает в форму перифраза индивидуально-авторское содержание (*веселые сыны пирований; вдохновенный сын лени, счастья сын*) [Прилож. 3, прим. 327].

Единство НР *сын* и топонима не всегда образует словосочетание для обозначения потомков (4-е знач.: ‘Гражданин, уроженец какой-н. страны, государства’, СЯП, III, 470) ({[ЛОКАЦИЯ] : [ТОПОНИМ] → [ПОТОМКИ (= **сыны**)]}). Например, *сыны Бородина* – это герои, т. е. мужчины, ставшие на поле боя мужественными и смелыми героями [Прилож. 1, прим. 286]. Мифологическое и историческое сходятся в таком употреблении, создавая масштабный персонифицированный образ воинов за судьбу России.

Словосочетание, в котором соединены НР *сын* и топоним, под влиянием ближайшего контекста приобретает функционально-семантические качества вторичной номинации растения, второстепенной водной артерии ({[ЛОКАЦИЯ] : [РАСТЕНИЕ (= **сыны**)]}; {[ЛОКАЦИЯ] : [ВОДНАЯ АРТЕРИЯ] → [ответвления (= **сыны**)]}) [Прилож. 1, прим. 287].

В пушкинской художественной речи активно употребление НР *дочь* в одном из переносных значений: 1) для именованья женщины, выросшей в какой-то определенной обстановке, среде; 2) для называния уроженицы какой-то местности (СЯП, I, 722). Поэтический фразеологизм *земная дочь* в соответствии с мифологическим или же религиозно-мифологическим

членением мира на мир земной (человеческий) и небесный (мир богов, ангелов, мир Творца) употребляется в значении ‘вообще женщина’.

В поэтическом языке Пушкина активно употребление НР *брат* во втором значении – ‘единомышленник, друг, соотечественник’ (46) (СЯП, I, 160) [Прилож. 3, прим. 328]. Средством интимизации отношений с друзьями, со сродными по деятельности людьми являются эпитеты *мой, милый* [Прилож. 1, прим. 288]. В данных контекстах прослеживаем реализацию концептуальной цепочки {[ЛЮДИ] : [СОВМЕСТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ] → [брат]}.

Поэт актуализует глубинную семантику фразеологического сочетания *брат названный* ‘близкий’ (тот, кто побратался с кем-н., считается братом кому-н.) как средство оценки отношений с другом [Прилож. 3, прим. 329].

В СЯП отмечено употребление фразеологизма *друг и брат* кому-н. (о ком-н. очень близком) (СЯП, I, 160) с некоторым изменением его формы (*воспоминание и брата, и друзей*) [Прилож. 3, прим. 330]. В данном случае сема ‘близость’ объединяет два понятия, взаимно усиливая их значение.

Переносное употребление фиксируем в том случае, когда НР *брат* выполняет роль семантического ассоциата, т.е. указания на сходство одной реалии другой, подобной по одному из своих признаков ({[ЛОКАЦИЯ] : [ВОДНАЯ АРТЕРИЯ : МАТЬ] → [ответвления (= дети, братья)]}). Так поэт сравнивает реки (*Как прославленного брата, / Реки знают тихий Дон*) [Прилож. 1, прим. 289]. Подобным образом НР *мать* выполняет роль оценочного определения, указывая на то, что Волга – ‘наша’, ‘родная’ (*Ой ты гой еси, Волга, мать родная...*) [Прилож. 3, прим. 331]. У лирического героя, Стеньки Разина, волнение вод вызывает ассоциации с качанием колыбели матерью. Авторы СЯП указывают на то, что НР *мать* в таком употреблении выполняет роль народно-поэтического эпитета (СЯП II, 574), т. е. семантика родства почти стерта.

Актуализация семы ‘материнство’ в переносном значении в пушкинской поэзии связана с античной мифопоэтической традицией и

представлением о семействе творческих муз, которых воспитывает Память-мать (Мнемозина) ({[ПАМЯТЬ = МАТЬ] ↔ [девы-музы]}) [Прилож. 1, прим. 290].

Как и в случае переносного употребления НР *брат, сын, НР сестра* используется в метафорическом переносном значении для описания ситуаций близкого психологического подобия (как родства) (СЯП, IV, 118), [Прилож. 3, прим. 332], а также отметить, что лирического героя неизменно сопровождает что-н., ему постоянно что-то сопутствует (*несчастью верная сестра*) [Прилож. 3, прим. 333].

Частота переносного употребления НР *сестра* определила устойчивость некоторых перифрастических сочетаний, которые приобрели у Пушкина качество фразеологизма: *парнасские сестры* (о музах), *Фебовы сестрицы* (шутливо, с опорой на народно-бытовую стилистику, о музах): [Прилож. 3, прим. 334].

Актуализовано в художественной речи Пушкина и переносное употребление обобщающего слова *семья* (СЯП, IV, 105). Во многих контекстах отмечаем реализацию значения ‘люди, сплоченные общностью интересов’ (*душа родная душа родная – бессмертная семья; соседей добрая семья; младых повес счастливая семья*) [Прилож. 1, прим. 291]. Проанализированные контексты иллюстрируют положительную оценочность микроконцепта *семья* в пушкинских поэтических строках содержит ({[ДРУЖБА, СЧАСТЬЕ] : [СЕМЬЯ]}).

Не случаен в поэтической речи Пушкина метафорический перенос *великая семья* = ‘семья народов’ ср. концептуальную цепочку {[ДРУЖБА НАРОДОВ] : [СЕМЬЯ]} [Прилож. 1, прим. 292]. С одной стороны, проблема национальной идентичности в русской философской и общественно-политической мысли первой трети XIX в. играла значительную роль. Именно в это время русская культура вступила в период бурного формирования национального самосознания [Широкова 2018, с. 30]. С 1810-х годов в русской интеллектуальной жизни в ее историческом, эпистолярном,

философском, поэтическом дискурсах постоянно присутствует тема Святой Руси. В контексте интереса романтизма к проблеме национального своеобразия и (в связи с этим) к национальному фольклору, в контексте событий Отечественной войны 1812 г. и подъема народного духа понятие «Святая Русь» становится «ключевым в поисках русской интеллектуальной элитой основ русской национальной идентичности, в формировании русского национального самосознания» [Королева 2023, с. 11]. С другой стороны, в стихотворении, посвященном А. Мицкевичу, имеется несомненная биографическая основа, и тема соединения народов «в великую семью» (предположительно о славянских народах, поскольку дискуссия относительно кровного и духовного славянского братства составляла один из значимых элементов интеллектуального ландшафта эпохи 1810–1850-х годов), видимо, на основе личного общения с польским поэтом, соединяется именно с его образом в этом пушкинском тексте.

Анализ функционирования НР и некоторых других доминантных слов, вербализующих константу Родство в художественном творчестве А.С. Пушкина, показывает, что в художественной речи Пушкина:

– константа Родство вербализуется во всех основных наименованиях родства как в прямых, так и в переносных значениях, причем метафорические, перифрастические сочетания обнаруживают переход от риторической иносказательности к психологическому символизму;

– контекстуальное окружение и сочетаемость НР эксплицируют самые разные стилистические коннотации: **архаическую** (в том числе, церковнославянизмы), связанную с риторической культурой XVIII века; **высокую книжную**, восходящую (через классицистическую литературу и европейскую культуру XVIII века) к античным источникам; **книжно-поэтическую**, воспроизводящую романтические штампы или имеющие индивидуально-авторскую стилистическую нагрузку; **разговорную**, воспроизводящую особенности бытовой дворянской культуры; **народно-бытовую** (простонародную); **народно-поэтическую** (фольклорную);

– центральное место в структуре константы Родство занимает сочетание семантики духовного родства (братства, семейственности), связанного с общностью интересов – в частности, к поэтическому творчеству, и семантики рода (НР *сын, дочь, отец, мать*; лексемы *род, родословная*, сочетания *отеческие гробы, родное пепелище*) как духовной, душевной и физической связи поколений, прошлого и настоящего, источника (истока) и его продолжения;

– важное место в структуре константы (как в силу масштабности рецепции в русской культуре, так и в силу особой выразительности и неоднозначности разворачивания в художественной ткани пушкинских произведений) занимают словесно-образные и сюжетно-нарративные структуры, связанные с семантикой верности жены мужу (Татьяна Ларина, «Евгений Онегин») и любви и согласия в супружестве (старик и старуха, «Сказка о рыбаке и рыбке»);

– сохраняется мифопоэтическая и библейско-христианская парадигма иерархических отношений между мужским (творящим, руководящим, главенствующим) и женским (поддерживающим, питающим, принимающим) началами.

4.3. Функционирование константы Спорідненість в творчестве Т.Г. Шевченко: образность, сюжетика, семантика

Функционирование константы Спорідненість в поэзии Т.Г. Шевченко, основоположника современного украинского литературного языка, с одной стороны, определено темами и мотивами его творчества, интимизирующими коннотациями его образно-поэтического мышления, сформировавшегося под влиянием идей и стиля романтизма, с другой же – обусловлено народно-разговорной основой самого украинского литературного языка. Поэту была близка и понятна и номинативная, и образно-эстетическая стихии

разговорной речи простолюдина, она составила базис, органическую основу его языкового сознания.

НР – константы национальной культуры, имеющие этнокультурный компонент семантики, традиционный в малороссийских (украинских) фольклорных и литературных текстах нового времени (творчество И. Котляревского, Л. Глебова, поэтов-романтиков, прозаиков Г. Квитки-Основьяненко, П. Кулиша и др.). Т.Г. Шевченко сохранил и преобразовал информационное (понятийное), мифопоэтическое и эмоционально-оценочное содержание этого сегмента малороссийской (украинской) культуры. Установка на воссоздание в поэзии фольклорной стихии и одновременно утверждение (в романтическом ключе) личности художника как личности, приобщенной трансцендентной истине и способной отчасти преобразовать историческую реальность – основополагающие черты эстетической позиции Шевченко – могут быть уточнены в следующих деталях:

- народность как принцип творчества, включая любовь «к своему народу», собирание фольклора, этнографические исследования, историзм (не исключает фальсификации прошлого);
- сакрализация художественности на всех ее уровнях;
- воспевание исключительной личности в кризисном состоянии, акцентированной эмоциональности, способность к невероятным чувствам;
- идеализация предков, старины, любви, сердца;
- символизация как доминирующий способ обобщения, понимание символа как удачной комбинации фольклорного образа и вечного, универсального духовного содержания;
- широкое использование мифопоэтических средств на уровне тропов, тем, мотивов и сюжетики;
- мистичность художественного мышления, связанная с малороссийским (украинским) фольклором, соединившим мистику христианства с языческой мифопоэтической мистикой [Бовсунівська 2017, с. 209–210].

Внимание к художественно-образным функциям НР в творчестве Т.Г. Шевченко давно привлекает исследователей-шевченковедов. Так, в исследованиях академика В.М. Русанивского НР отнесены к так называемым «любимым словам Кобзаря» [Русанівський 2002, с. 224–226]. Ученые (Ю. Гончар, Г.Ю. Грабович, В.И. Пахаренко, В.А. Шевчук, О.О. Черкас, О.В. Шаф, И.М. Дзюба) отмечают их связь со сценарным мотивом отцовства-материнства. В частности, в одном из исследований утверждается, что особенности воплощения украинской модели семейных отношений в поэзии Шевченко могут выглядеть так: *добрий батько – дитина; лихий батько – добра мати – дитина (донька); батько-мати – неслухняна донька; старий батько (дід) – молода мати (його донька) – дитина* [Черкас 2014].

Согласно нашим наблюдениям, словесные образы отца-матери и их детей в творчестве Кобзаря сопряжены с различными текстовыми функциями соответствующих единиц:

– создать художественный образ идеальной семьи с укладом, в котором родители – воспитатели и хранители судеб детей или же злодеи, лишаящие своих детей ласки и опеки;

– выделить, акцентировать матриархальное основание традиции в украинской народной культуре, модифицируя также образ матери-Украины (см.: [Гончар 2010, с. 88; Шевчук 2008, с. 213]);

– использовать НР как средства интимизации чувствований, эмоций лирического героя;

– проецировать семантический потенциал НР на реалии окружающего мира (в структуре эпитетов, метафор, сравнений) (см: [Булаховський 1924, 1977]);

– изобразить драматизм жизни человека, несущего в себе идеал семейной жизни в любви и постоянно сталкивающегося с враждебностью (чужих) людей, злой судьбы.

Исследование текстовых функций НР в структуре художественной речи Т.Г. Шевченко невозможно без учета особенностей восприятия в его

творчестве романтизма. Неоднократно было отмечено, что мифологизм его художественности состоит в глубинном синкретизме его мышления. Сам Шевченко не стремился к созданию мифов, его цель – выражение народности. Привлечение мифогенных архетипов шло путем спонтанным, будучи управляемым одной только авторской ориентацией на выражение сакральной истины и на принципы библейской поэтики. Шевченковский мифологизм состоит в том, что поэт придал символическому языку окраску сказочной, песенной народности и в то же время сакральной истинности.

По данным шевченковской лексикографии («Словарь русских произведений Т.Г. Шевченко» – далее СРПШ, «Словник мови Шевченка» – далее СМШ, «Конкорданція поетичних творів Тараса Шевченка» – далее КПТШ, «Епітети поетичної мови Т.Г. Шевченка» – далее ЕПМ, «Поетичне слово Кобзаря. Словник лексичних компонентів атрибутивних конструкцій» – далее ПСК), в его украиноязычном творчестве зафиксированы НР-поэтизмы, приведенные в таблице ниже. Поясним, что в соответствующих столбцах представлены подсчеты употребления разных форм, зафиксированных в текстах, объединенных исходной формой именительного падежа единственного числа существительных-НР); в приведенных рядах отмечены формы-композиции и слова с суффиксами субъективной оценки; поскольку в «Конкорданції...» приведены варианты словоупотребления в русских произведениях Т. Шевченко, то через косую линию (/) указываем употребление русских форм НР:

Таблица 4.2.

**Названия родства в поэтическом словаре Т.Г. Шевченко в контексте
употребительности**

№	Название родства	СМШ	СРПШ	КПТШ	ПСК (количество атрибутивных)

					конструкцій)
1.	баба	11		22	299
2	бабусенька	4			не указано
3.	бабуся	8			не указано
4.	батько	134	отец – 129; папаша – 4; родитель – 6	139 / 2 – отец	31
5.	батечко	4			не указано
6.	батьки	4	родители – 32	6	300
7.	брат	103	156 / братец – 14	116	20
8.	братік 2.	3			не указано
9.	дитина	85		163	1
10.	дитиночка	3			не указано
11.	дитина-син				не указано
12.	дитятко	1			не указано
13.	дитинка	2			не указано
14.	дитя	20	149	19	16
15.	дитяточко	3			не указано
16.	дід	13	5	38	не указано
17.	дідусь	3	дедушка – 1		не указано
18.	діти	155	200 (дети)	119 / 4 – дети	не указано
19.	дітки	36			не указано
20.	діточки	58	деточки 5; детище – 4; детишки – 1		не указано
21.	доня	20		22	не указано
22.	донька	1	дочка – 7		не указано

23.	дочка	57	дочь – 76	46	16
24.	дочечка	2	дочечка – 1		не указано
25.	дружина (подружжя)	20		22	112
26.	Дружи- нонька	1			не указано
27.	дядько	4		5	не указано
28.	жінка	61	жена – 94	30 / 1 – жена	180; жена – 55
29.	жіночка	16			не указано
30.	зять	11	10; зятек – 1	9	591
31.	мати	348	мама – 8; мать – 224; родительниц а – 3	209	3; мать – 35
32.	матер	8	матерь – 23		не указано
33.	матір	7			не указано
34.	матінка	4	мамочка – 1; маменька – 25		не указано
35.	матуся	3	мамуня – 3		не указано
36.	неня	1		9	не указано
37.	ненька	7			378
38.	невістка	4	1	3	не указано
39.	сват	4	18	2	не указано
40.	сваха	1	2	1	не указано
41.	свекор	1		2	не указано
42.	свекруха	3		2	не указано
43.	свекрівонька	1			не указано

44.	сестра	93	сестра – 20; сестрица – 71	31	не указано
45.	син	225	143	61 / сын, сыночек – 4	не указано; сын – 68
46.	рідня	6		1	не указано
47.	рід, род	6	65	15 / 1 – род	не указано
48.	родина	5	32	1 / 1 – родня	не указано
49.	сем'я	4	10	/ 6	семья – 13
50.	сім'я	11		2	не указано
51.	тітка	1	тетя – 3; тетушка – 7; тетка – 3; тетенька – 13		не указано
52.	тесть	1	6	/ 6 – тесть	не указано
53.	теща	2	3	/ 6 – теща	не указано

Как видно из приведенных данных, наиболее частотны словесные формы НР – *мати, діти* в украинских текстах; и *мать, дитя* в русских. Множество форм НР, отмеченных в украинских произведениях, оказались «невыстробованными» в русскоязычных текстах Шевченко в связи со сменой тематики и мотивов. Отметим, что в произведениях на русском языке употребление НР ограничено номинациями *брат, братец, деточки, детишки, детище, дед, дедушка, дочь, дочка, дочечка, жена, зять, зятек, мама, маменька, мамочка, мамуня, мать, матерь, невестка, отец, папаша, сват, сваха, семья, сестра, сестрица, сын, сынок, сыночек, тетя, тетушка, тетка, тетенька, тесть, теща, род, родня, родители, родитель, родительница*.

Поскольку, как видно из *Таблицы 4.2*, разные лексикографические источники дают различные количественные показатели по употребительности тех или иных НР в связи с различными задачами

словарей, в общем соотношении употребления различных форм НР в украинско- и русскоязычных текстах можно обобщить так:

Таблица 4.3.

Соотношение украинских и русских форм НР к общему количеству НР в произведениях Т. Шевченко

Источник информации	Украинские формы НР	Русские формы НР
КПТШ	53 : 27	53 : 10
СРПШ		53 : 37

Можно предположить, что когнитивно-ментальная структура национальной языковой практики определяет ту или иную степень актуализации тех или иных компонентов в константе Родство / Спорідненість в творчестве одного автора на двух разных национальных языках.

Употребление НР в прямом значении

В поэтической вербализации константы Спорідненість в творчестве Шевченко особую роль играет лексема *семья*. В одном из самых известных стихотворений украинской поэзии «Садок вишневий коло хати» представлен идеализированный образ крепкой, любящей семьи, ставший не только символом украинской идентичности, но и воплощенным образцом семейных отношений с точки зрения славянской мифопоэтической картины мира. Сюжетная линия стихотворения в образной форме передает ностальгию по родному дому, семье (*мать, дочка, діточки*) лирического героя, отбывающего наказание в каземате. Стихотворение удивительно точно и тонко передает ощущение семейного тепла, ценности семейных взаимоотношений.

Аксиологическая составляющая текстового содержания в шевченковских текстах ассоциативно связана с образом *семьи*. Ценностный идеал – красота семейной жизни – представлен на фоне «типичного украинского пейзажа и атрибутов крестьянского быта» [Дзюба 2008, с. 398].

Шевченко нанизывает акциональные образы (*ідуть дівчата, сем'я вечерея, дочка подає вечерю, мати навчає, поклали діточок, заснули*), способные с помощью языковых средств нарисовать обыденную, неторопливую, идиллически прекрасную жизнь в рядовой крестьянской семье. Ритуальная ритмичность такой жизни подчеркивается чередой словесных повторов – приемом, восходящим к фольклорной поэтике. Идеализации крестьянской семейной жизни в стихотворении способствует изображение пения девчат и соловья.

Пространство стихотворения включает в себя внутреннее убранство сельского дома (хаты) и описание типичного для украинского пейзажа небольшого вишневого сада у дома. И то, и другое – постоянные атрибуты семейной жизни в украинском фольклоре. Шевченко продолжает традиции народно-песенной культуры, изображая вишневый сад через мифопоэтическую коннотацию христианского рая-сада, рая-пристанища и убежища семьи (концептуальная цепочка {[сім'я] ↔ [хата]}) [Прилож. 1, прим. 293]. Ср. такое наблюдение: «Хата в значении ‘семейного гнезда, пристанища семьи’ принадлежит к этническим украинским ценностям: тут проходит жизнь поколений, передается опыт, действуют моральные законы» [Єрмоленко 2014, с. 55].

Значимое место в стихотворении занимает и образ матери, укладывающей *Маленьких діточок своїх* спать: он повторяется и в других, различных по тональности и тематике, произведениях Шевченко как изображение идиллического крестьянско-семейного жизненного идеала: для поэта «это интимизированное высказывание стало идеализированной словесной формулой выражения эмоций, связанных с детьми» [Сюта 2014, с. 84]. Ср.: концептуальная цепочка {[мати кладе спати] → [хата ↔ сім'я] ← [маленькі діточки]}.

Во многих поэтических текстах Шевченко изображается образ старшего в семье «сивого (то есть старого) деда» – хранителя семьи, проводника родовой силы и жизненного опыта от предков к потомкам. Седой

дед в поэтике Шевченко – важная концептуально значимая мифопоэтическая НР. Наблюдаем художественное воплощение следующих концептуальных цепочек, связанных с данной НР {[сивий дід] ← [игра = поучение] → [внук]}; {[мати-донька] ← (любов) → [сивий дід] → [внук; дитина]} [Прилож. 1, прим. 294].

Родовая мифопоэтическая семантика народно-песенного эпитета *старий* (варианты: *сивий*, *мудрий*) активизирована в поэзии Шевченко и в отношении к *батьке* ({[дети] → [уважение] → [отец-учитель] → [мудрость / возраст] ← [сивый]}) [Прилож. 1, прим. 295].

Духовная связь отца и детей концептуализована в контекстных ситуациях, где речь идет о прощении и взаимном искуплении грехов отцов и детей (концептуальная цепочка {[отцы] ↔ /прощение / молитва-разговор/ ↔ [дети]}) [Прилож. 1, прим. 296]. Таким образом, связь отцов и детей сакрализована, она проходит по линии духовной связи и искупления грехов.

Характерна для поэзии Шевченко концептуализация и частотная вербализация отношений согласия и взаимопонимания между отцом и сыном. Эта семантика воплощена в лексемах *молитва*, *моление*, *разговаривать* (*не пом'яне батько з сином; молися, сину; пішли в хату з батьком розмовляти*) [Прилож. 3, прим. 335].

Вербализованный образ *старой матери* – *старої матері* [СМШ, I, 289] объединяет поэзию Шевченко со стилистическими и ценностно-содержательными особенностями народно-песенного творчества (*Коло його стара мати / Сидить на ослоні*). Образ *старой матери* неизменно трагичен, она одинока, вызывает сочувствие лирического героя, желание ее защитить [Прилож. 3, прим. 336]. Ассоциативно-образные связи в этой контекстуальной группе отражены в концептуальной цепочке ({[дети] → /уважение, сочувствие, сопереживание/ → [старая мать]}), которая, по сравнению с семантическим наполнением понятийного эпитета «старий батько», более эмоциональна-экспрессивно окрашена.

Эпитеты *сердешная, немощна, одна-однісінька, чорніше чорної землі* акцентируют внимание на тяжелой доле матери-крестьянки, матери-крепостной, формируют у адресата сочувственно-нежное отношение к ней ее детей ($\{[мать] \leftrightarrow [одиночество, печаль]\}$) [Прилож. 1, прим. 297]. Метафоричный по содержанию и структуре развернутый эпитет «чорніше чорної землі» стал устойчивым образным средством в всем творчестве Шевченко, приобрел статус самоцитаты [Сюта, 2014, с. 82–83].

Образ матери и материнской песни в поэзии Шевченко тесно переплетается с образом родины-матери, с темой исторической памяти своего народа (*Не одиуравсь того слова, / Що мати співала, / Як малого повивала<...>*). В таких микротекстах НР *мать* реализует семантику нежной заботы по отношению к своим детям в следующей концептуальной цепочке: $\{[малой (ребенок)] \leftrightarrow [мать] \rightarrow [песня]\}$ [Прилож. 1, прим. 298].

Концепт *Мать* в поэтических текстах Шевченко характеризуется так же следующими предикатами: *молитися* (рус. *молиться*), *повивати* (рус. *пеленать*), *нарікати* (*наставлять*), *доганяти* (рус. *догонять*), *возвращать дитя*, (*не*) *покличе вечеряти* (рус. *позвать к столу*), *плакати* (рус. *плакать*) (связь с мотивом ожидания) [Прилож. 3, прим. 337]. Одной из ключевых составляющих содержания образа матери у Шевченко является изнурительный труд (*у хаті, і надворі; коло скотини; увечері і вдосвіта*), однако, главное ее предназначение – забота о ребенке (*коло дитини так і пада*) [Прилож. 1, прим. 299]. Глубокая эмоционально-чувственная связь отражена в концептуальной корреляции «мать – дитя» (концептуальная цепочка $\{[мать] \rightarrow /забота; оберег; вскармливание/ \rightarrow [дети]\}$).

В центре образно-поэтического внимания Шевченко – образ страдающей матери, контекстно сопровождаемый метафорическими образами *моря сльози кривавої* (рус. *моря слез кровавых*), *ріки сліз* (рус. *рек слез*), воплощающими душевные переживания матери, ожидающей сына из заключения (концептуальная цепочка $\{[мать] \rightarrow /плач/ \rightarrow [дети]\}$) [Прилож. 1, прим. 300].

Трагичность, ярко проявленная в содержании НР *матери*, может быть усилена с помощью приема психологического параллелизма, в котором фольклорная мифопоэтическая основа расцветивается романтическим образом бури и поддерживает фольклорные коннотации и эмоциональное напряжение (взаимодействие трех концептуальных цепочек {[ветер] → [ломать = умирать] → [дуб]} ↔ {[мать] [умирать] [могила] → [дитина] → [один, сам, одиночество]} ≠ {[мать] ↔ [дитина] ↔ [отец]}) [Прилож. 1, прим. 301].

Мать – родительница, продолжательница жизни и рода. В художественной речи Шевченко за этим НР закреплён статус высочайшей значимости в жизни человека, главной ценности, сакральности (концептуальная цепочка {[ЖИЗНЬ] ↔ [мама] ↔ [семья]}) [Прилож. 1, прим. 302]. «Слово *мамо*. *Великеє*, / *Найкращеє слово*—это шевченковское высказывание оказало масштабное воздействие на национальное сознание украинского народа.

Во многих текстах Шевченко отображена наставническая роль матери (*дітей своїх научали*), бережливая миссия по отношению к детям, в первую очередь, к дочерям (*на досвітки мати не пускає*) [Прилож. 3, прим. 338].

Связанный неразрывными семейными узами образный тандем «мать – дитя» – наиболее ярко и самобытно представлен, наполнен лирической экспрессией, авторской любовью и восхищением, а так же коннотативно сакрализован (ср. микроконтекстную сочетаемость с лексемами *рай*, *сад*, *Божий*) и эмоционально выразителен в многочисленных шевченковских строках: «*Ох, діти! Діти! Діти! / Велика Божя благодать!*» (Т.Ш. 2, с. 27 – «Княжна»); «*У нашім раї на землі / Нічого кращого немає, / Як тая мати молодая / З своїм дитяточком малим*» (Т.Ш. 2, с. 193 – «У нашім раї на землі»); «*Мов яблучко у садочку, / Кохалась дитина*» (Т.Ш. 2, с. 28 «Княжна»). [Прилож. 3, прим. 339]. Поэтическое высказывание «*Нічого кращого немає, / Як тая мати молодая / З своїм дитяточком малим*» стало прецедентным национальным текстом, прочно вошло в речевую основу

этнокультурных национальных ценностей [Сюта 2017, с. 205–206]. Ассоциативно-образное наполнение этого высказывания отражается в концептуальной цепочке {[Бог] → [мать – ЛЮБОВЬ, РАДОСТЬ] → [дитя]}.

В приведенных поэтических контекстах библейски-христианское и фольклорно-мифопоэтическое семантическое содержание сливаются в обобщенную типологизированную семантику сакральности: сакральности рода и сакральности Господа.

Словесными ассоциатами детей в поэзии Кобзаря – в соответствии с установкой на воссоздание фольклорных мотивов – являются номинации деревьев: название мужского рода означает рождение сына, женского – дочери. Так, «посадила три ясени в полі» отождествляет рождение трех сыновей, «посадила високу тополю» – рождение дочери [Прилож. 3, прим. 340]. В этом поэтическом контексте находит проявление такая сакрализация материнства, при которой смещается, подменяется само основание как религиозных христианских, так и фольклорных мифопоэтических представлений о творящем, созидающем мужском и о поддерживающем, питающем женском началах. Доводя логику двоеверия, то есть слияния христианских верований с языческими в крестьянской ритуально-бытовой жизни, в том числе в векторе отождествления Богородицы с Матерью-Землей и богиней весны Ладой («в колядках пели о Богородице, что она засекает землю, а сам Господь водит золотым плугом» [Жайворонок 2006, с. 44]), до предельной сакрализации материнского начала, Шевченко в центр и начало мироздания ставит Мать как единое созидающее и питающее начало. Не только взаимодействие с началом мужским (духовным), но и сама природа творящего мужского начала из шевченковской мифопоэтической картины мира исключаются. В приведенном контексте мать сажает символические деревья – Деревья жизни, от нее идет Род, Жизнь, Любовь. Это матриархальный образ Вселенной в его индивидуально-авторском воплощении: концептуальная цепочка {[пра)Мать] ↔ [Жизнь]}.

Среди произведений Кобзаря поэма «Катерина» по силе воздействия на украинскую национальную культуру занимает особое место. С точки зрения концептуализации ролей и функций членов семьи, рода эта поэма следует выделенной выше логике наследования и внутреннего изменения, искажения фольклорной традиции. В фольклорной мифопоэтике семейных отношений, как было выявлено во второй и третьей главах диссертации, роли и функции членов семьи соответствуют семантике иерархического взаимодействия мужчины (мужа, отца, деда – главы для женщины) и женщины (жены, матери, бабушки), родителей и детей. Шевченко же в этой системе выделяет образ матери как средоточие семейного мира, как ее сакрально-ценностный центр (*хто матір забуває, / Того Бог карає <...>; Не кидай матері*), – казали <...>) [Прилож. 3, прим. 341]. В уста матери же он вкладывает наказ об уважении отца сыном, подчинении морально-этическим законам (концептуальная цепочка {[отец-мать] ≠ [ЧУЖОЙ] ≠ [дети]}) [Прилож. 1, прим. 303].

В поэтическом наследии Шевченко значимым является характерный для народно-песенного пространства сценарный мотив, воплощающий традицию, в соответствии с которой образы матери и сына воспринимаются как воплощение родовой преемственности (например: *дала [мату] йому [сину] карі очі, чорнії брови*). Отражение мифопоэтики материнства у Шевченко гармонично вписано в сюжетную канву поэтических произведений и формирует галерею знаковых для его творчества персонажей (*матери-роженицы, вольных сыновей* и под.) [Прилож. 3, прим. 342].

Крылатым стало высказывание Шевченко *А буде син, і буде мати, / І будуть люде на землі*, в котором образы матери и сына наполнены глубоким философским содержанием: они являются утверждением человеческого бытия, что актуализируется повтором глагола *быть*. Их сакральность реализуется через сопоставление с Богородицей и младенцем Христом (концептуальная цепочка {[пра)Мать] ↔ [Сын]}) [Прилож. 3, прим. 343].

Своеобразным средством интимизации образа матери является у Шевченко постоянный эпитет *добрая* (*матір добрую мою <...> у могилу нужда та праця положила*), который не сколько описывает характер, сколько передает индивидуально-авторское восприятие этого образа [Прилож. 3, прим. 344].

Наследует Шевченко народно-поэтическую традицию и в сценарных мотивах представлений матери о своем предназначении и будущем (счастливой жизни) своего сына, которое представляется ей в том, чтобы найти ему достойную пару (*найду тобі рівню*). При этом мать видит себя частью семьи сына в качестве наблюдателя, советчика (*сиджу на покуті, тільки поглядаю*) [Прилож. 2, прим. 57].

Сценарный мотив ожидания матерью сына контрастно реализован на фоне изображения чувств и переживаний невесты сына. Накал чувств и напряженность ситуации ожидания встречи после долгой разлуки подчеркивает синтаксический и психологический параллелизм [Прилож. 3, прим. 345]. У Шевченко отражено общенародное мировосприятие потери члена семьи (в данном случае – сына), построенное на контрасте с другими близкими ему людьми (любимой девушки, невесты): для матери гибель (плен) сына – невосполнимая утрата, настоящая жизненная трагедия, в то время как для молодой девушки – это лишь один из эмоциональных эпизодов, который сменится обычным ходом событий.

Концептуальную связь, отражающую разницу в отношениях сын – мать (*Поплакала стара мати / Та й стала ридати*), сын – девушка (невеста) (*Поплакала чорнобрива / Та й стала співати*), представляет цепочка: {[мать] ↔ [ожидание сына] : | : [ожидание жениха] ↔ / ≠ [невеста]} [Прилож. 1, прим. 304].

Синкретичная номинация *батько-мати* – это еще одно обращение Шевченко к украинской фольклорной традиции – актуализирована в трансформированном виде: общность семантики данной номинации не так однозначна, как в фольклорных текстах. Это находит подтверждение в фактах

частотного в поэтических текстах Шевченко перечисления между композитами *батько* и *мати*. При этом, *батько* и *мати* – самые близкие люди для ребенка, безуспешно делающие все, для того чтобы защитить свое дитя от превратностей судьбы (*молилась і ридала*) [Прилож. 3, прим. 346].

Сценарный мотив семейного конфликта, его психологический драматизм раскрывается у Шевченко в любовных сюжетных линиях, в которых отражено непринятие родителями выбора сына, приводит к отчуждению между ними (*Батько, мати – чужі люди, / Тяжко з ними жити*), что свойственно и народно-песенным контекстам [Прилож. 3, прим. 347]. Противоположное смысловое наполнение представлено в сценарных мотивах уважительности к родителям, связанной с поддержкой выбора сына / дочери (концептуальная цепочка ($\{[дочь] \leftarrow [ЛЮБОВЬ] : [отец-мать] \rightarrow [ОТЧУЖДЕНИЕ] \rightarrow [дочь] \rightarrow [отец-мать]\}$)) [Прилож. 1, прим. 305]. В сценарном мотиве одиночества у Шевченко тоже прослеживаем ассоциативную связь с отсутствием родителей (*Ні батька, ні неньки, / Одна, як та пташка в далекім краю*) [Прилож. 3, прим. 348].

Батько-мати как единая семейная общность и хранители рода стоят на страже судьбы дочери, оберегая ее от несчастной любви ($\{[дочь] \leftarrow [ЛЮБОВЬ] \leftarrow [отец-мать \text{ в саду-раю}]\}$) [Прилож. 1, прим. 306].

Как известно, в народной культуре восточных славян особое место занимает мифопоэтический образ *стола*. Это сакрально-магический, ритуально-обрядовый и морально-этический центр семейно-родового мироздания, воплощение благополучия и духовной крепости семьи, символ ее единства. В художественной речи Шевченко этот мифопоэтический образ, как и многие другие, обрастает ассоциативными связями со словами, воплощающими драматизм пороговой ситуации в жизни семьи – в данном случае ситуации, в которой в семантику единства вторгается семантика разделения, отчуждения (*сидить батько кінець стола, не дивиться на світ Божий, коло його [батька] стара мати сидить на ослоні*) – $\{[отец] \leftrightarrow [Стол] \leftrightarrow [мать]\}$ [Прилож. 1, прим. 307].

В произведениях поэта нет места пространным портретным описаниям. Образ мира у Шевченко создается через описание символически-бытовой ситуации и ее коммуникативных маркеров. Для шевченковской художественной речи характерна внутренняя диалогичность, передающая эмоционально-экспрессивный драматизм жизненной ситуации, состояние взволнованности персонажей, психологического сопротивления обстоятельствам. Так фольклорные типы обретают у поэта индивидуальные черты и включаются в новую парадигму диалогических отношений между фольклорным словом и индивидуально-авторским художественным мышлением (сказывающимся, в частности, в неоднозначности оценки ситуации, в сложных внутренних коллизиях персонажей).

Так, мать, обращаясь к дочери в поэме «Катерина», упрекает ее в несоответствии ее поведения типовому, ритуальному, поскольку за этим несоответствием стоит потеря счастливой, благополучной судьбы, возможного или реализованного счастья семейной жизни ({[мать] → [сочувствие, сопереживание = Любовь] → [дочь]}) [Прилож. 1, прим. 308]. Беременность дочери без замужества, злобные пересуды и всяческое осуждение соседей вызывают у матери полярные чувства: она проклинает рождение дочери («*Проклятий час-годинька, / Що ти народилась!*») и одновременно выражает в уменьшительно-ласкательных номинациях (*доня моя*), народно-поэтических определениях (*рідна дитина*), приложениях (*цвіте мій рожевий*), сравнениях (*ростила, як ягодку, як пташечку*) нежное отношение к дочери она прогоняет ее из дому, лишая семейной поддержки, – фактически отказываясь от нее и обрекая ее и не рожденного еще ребенка на смерть, – и не может душою смириться с собственным решением [Прилож. 3, прим. 349].

Роль отца в ситуации прощания с дочерью, его благословение перед изгнанием из дома в поэме «Катерина» выписана скромнее: преобладают обрядовые клише, ставшие традиционными фольклорные обращения (*мій батечку, мій голубе, мій соколе милий*) [Прилож. 3, прим. 350]. В

изображенном в поэме «Катерина» драматическом моменте изгнания дочери отец предстает как «хранитель чести семьи», хотя вся ответственность за «плохое воспитание» целиком возложена на мать (концептуальная цепочка {отец} → [долг, традиции = ЛЮБОВЬ] → [дочь]).

В поэме дана двойная перспектива оценки ситуации: фольклорная (народно-бытовая), связанная с жестким требованием соответствия ритуальному поведению, образу действия – из нее исходят соседи в их жестоком, злобном осуждении беременной Катерины, и – в своем решении изгнать дочь из дома – ее собственные отец и мать; и христианская, определяемая сочувствием к страдающему, в том числе заблудшему человеку, связанная с доминантной ценностью любви и сострадания над поведенческой или моральной нормой. Развитие образа Катерины, сопряженного с мотивом внутренних страданий и непосильных трудностей, приводят исследователей к общему утверждению: в сюжете поэмы выражен не прямой призыв к христианскому отношению к человеку, к сочувствию, прощению и поддержке молодой матери [Бовсунівська 2017, с. 63].

В образах героинь шевченковских поэм «Катерина» и «Тополя», отражающих тесную и органичную связь с фольклорной традицией, в разной степени проявляются черты мятежности, индивидуализма, с одной стороны, и величия, одиночества личности, противостоящей «толпе», с другой – неподчинения родительской воле в выборе спутника жизни, готовности на решительный поступок во имя любви. ({[мать] → [ДОЛГ] → [замужество дочери] ≠ [дочь] → [неповиновение]}) [Прилож. 3, прим. 351]. Относительно такого синтеза НР *мать / дочь* В.М. Русановский отмечал, что они включены в семантическое поле ограниченной воли, даже насилия [Русановский 2002, с. 225].

Родители – основа материального и духовного благополучия детей; эта идея вербализуется в художественной речи Шевченко в минус-ситуации сиротства. При этом драматизм, столь свойственный шевченковскому творчеству, усилен как сопоставительным параллелизмом в отношении

детей, имеющих полноценную семью, так и пасхальным хронотопом (*на Великдень*), содержащим семантику всеобщей радости (*Проти сонця діти / Грались собі крашанками*) [Прилож. 1, прим. 309]. Эту стереотипную ситуацию отражает концептуальная цепочка {[родители] → [праздник – подарки] → [дети]}.

НР в поэзии Т.Г. Шевченко являются, как уже показано в ряде концептуальных цепочек, вербализаторами оппозиционных концептов «свой – чужой», ср. функции и семантическую актуализацию лексем *род – люди* (СУМ, VIII, с. 554: рід 2. // *збірн. Усі родичі, рідні; родина, рідня*) [Прилож. 1, прим. 310]. Соответственно концептуальная цепочка {[род-семья] ↔ [СВОЙ] :|: [ЧУЖОЙ] ↔ [люди]} актуализует позицию лирического героя внутри круга «своих». В контексте возникновения эротической любви эта позиция меняется: взрослый сын готов поставить любовь к девушке над любовью к роду, семье (*Добре жити з родиною. / А ще лучше <...> / З дружиною молодою*) [Прилож. 3, прим. 352].

Как отмечалось выше, в украинских текстах Т.Г. Шевченко активны и другие НР – например, *свекор, свекрівонька* [Прилож. 3, прим. 353], соответствующие романтически-этнографическому направлению его творчества, опоре на украинский фольклор как на источник речевых образов, стилистических приемов и мифопоэтических парадигм.

Не раз исследователи творчества Шевченко отмечали стилистическую роль интимизирующих местоимений-эпитетов и уменьшительно-ласкательных форм НР в его художественной речи – *мій таточку, мій батечко, моя мати, мій синочку* и под. [Прилож. 3, прим. 354].

Приведенные примеры употребления НР стоит проинтерпретировать с учетом широкого и суженного понимания понятия «интимизация», которому именно на материале творчества Т.Г. Шевченко в свое время особое внимание уделил Л.А. Булаховский. В статье «Языковые средства интимизации в поэзии Тараса Шевченка» (1942 г.) ученый предложил под средствами интимизации понимать «художественные средства, которые

сближают самого поэта с изображаемым», а также «своего рода побуждение читателя – разделить с автором элементы его творчества, ближе войти в круг его чувствований и настроений, сделавшись как бы участником самого живого процесса художественного выбора» [Булаховський 1977, т. 2, с. 573]. Эту лингвостилистическую особенность украинского языка он характеризует как возможность «с помощью местоимений той, та, те (отой, ота), употребленных не в прямом их – указательном значении, создать значение своеобразной условной апперцепции – перекинуть мостик от слушателя или читателя к предмету как таковому, возможно, когда-то знакомому, возможно, касающегося круга впечатлений немного забытых, но сравнительно легко восстанавливаемых, как таковому, что о нем знают сами они оба – тот, кто говорит (пишет), и тот, кто слушает (читает)» [Булаховський 1977, II, с. 573]. В таком контексте речь идет о психологической функции местоимения как средства возбуждения представления, эмоции, средства припоминания.

Образное, переносное употребление НР

Для художественной речи Т.Г. Шевченко характерна трансформация части общеупотребительной лексики в статус понятий, ассоциативно связанных с типичными и важными жизненными событиями. При этом нейтральная разговорно-бытовая лексика приобретает коннотации интимности, ласкательности, наделяется положительной оценкой. Вектор изменений в ассоциативно-образной нагрузке НР Шевченко при этом кардинально отличается от векторов соответствующих трансформаций в художественной речи Пушкина. Основу у образной канвы НР у Шевченко составляют повседневно-бытовые ассоциации, явно указывающие на народно-песенную традицию, к которой следует поэт.

Так, сравнивая мать, пеленающую свое дитя, с природными явлениями (солнце, море, облака) используется прием олицетворения, частотно встречающийся в фольклорных текстах (*покриває рожевую пеленою, мов мати дитину*) Трансформируются при этом фольклорные концептуальные

связи: {[мать]→ /пеленает/ → [дитя] = [тучка]→ /накрывает/ → [солнце]} [Прилож. 1, прим. 311].

Особое место в образном сочетании НР *мать* (*ненька*) занимает в творчестве Кобзаря постоянный эпитет *бідна* (в других контекстах – *сердешна*) *мати*, проецирующее свою экспрессивную семантику и оценку на Украину. НР *бідна мати* наполняет образ Украины особым лиризмом и печалью, говорит о трогательной и чистой любви ребенка к своей матери-родине. Семантика нежной, жертвенной любви поддерживается контекстуальным окружением, включающим указания на реалии казацкой жизни, а также содержит характеристики казацкой народной песни: закреплённость за названием *Украина* семантики страдающей матери (*бідна, стоптана мати-Україна, заплаче серденько, недоля* и под.); ассоциативной связи жертвенной любви казака и защиты казаком матери-родины [Прилож. 3, прим. 355]. Ср.: {[Украина] ↔ [СВОЙ] ↔ [мать]}.

Нежные отношения любви народа к страдающей матери-родине (*мати*) связаны в художественной речи Шевченко и с образом братьев-украинцев (*братья, діточки*), то есть с переносом семантики братства на всех представителей украинского, малороссийского народа. Уходя в подобных контекстах от прямых отсылок к традиции казацкой песни, поэт наследует из нее и воссоздает в качестве центрального образ Родины как страдающей матери. Кроме того, сам поэт, или лирический герой, выступает как один из братьев-детей матери-Украины, максимально тем самым вербализуя ее кровное родство не только с «абстрактным» народом, но с собой как личностью выдающегося поэта и одновременно легендарного певца своего народа [Прилож. 1, прим. 312]. Ср.: {[Украина] ↔ [СВОЙ] ↔ [мать и дети]} [Прилож. 1, прим. 313]. Ср.: {[брат] ↔ [СВОЙ] ↔ [люди]}.

Кровно-родственная близость украинцев и Украины обозначена в поэзии Шевченко функционированием НР *дети* в переносном значении (украинцы – дети Украины (*її [України] діти в кайданах мовчать; сонце*

правди показати сліпим дітям) [СМШ, I, 180] [Прилож. 3, прим. 356]. Ср.: {[дети-потомки] ↔ [Украина-мать]}.

Сопоставляя и синтезируя наблюдения над функционированием слов *мати* и *діти* в переносном значении для обозначения кровно-родственных (максимально близких) отношений между Украиной и ее народом с выводом о «двойной» сакрализации образа матери в поэзии Шевченко, приходим к следующему значимому заключению: подобно тому, как центр и начало Вселенной у Шевченко исходит из Матери (как единого созидającego и питающего начала), так центром и началом социокультурного мира в его поэзии становится Украина-мать. На ней сходятся все чаяния и верования народа (как они изображены Кобзарем), к ней устремлена вся его жертвенная любовь, все его стремление защитить свой мир от враждебных, разрушительных сил. Все остальные религиозные и мифопоэтические представления и чувствования подчинены этой всеохватной концепции священного материнства.

Отмечены факты применения в отдельных шевченковских текстах развернутого сравнения, отождествляющего звуки применения оружия казака, с которым он никогда не разлучается во время службы, с плачем матери. Данный риторический троп сопровождается олицетворением предметного мира [Прилож. 1, прим. 314]. Ср.: {[звук **оружия**] ↔ [СВОЙ] ≈ [мать]}.

Кроме НР *мать*, в функции сравнения (в широком смысле) в художественной речи Шевченко часто встречается название *дитя*, *дитина*, *діточки* [СМШ I, 179, у порівн.]. Оно привносит в текст стилистическую коннотацию интимности, нежности, искренности сопереживания, привязанности: *ждеш, мов матері діти; жили, як діточок двоє; згадає, як своя дитина* [Прилож. 1, прим. 315]. Ср.: {[дети] → [ожидание] ≈ [мать]}, Ср.: {[старые родители] ↔ [ПАМЯТЬ] ← [дети]}.

В поэзии Т.Г. Шевченко переносное значение у слова *дети* формируется и в отношении внутренней жизни поэта (лирического героя):

его мысли, его слова, его творения через сему 'рождение' метафорически осмысляются как дети (в отдельных случаях – как дружина) [СМШ, I, 179, *перен.*] [Прилож. 1, прим. 316]. Ср.: {[дети – произведения] ↔ [творческое «Я»]}.

Наименования *дети, дочь* переносятся на объекты растительного мира – цветы, тополя, тем самым эмоционально, как бы духовно сближая природу с человеком (...*забрав їх [діточок] у покої... Рostуть мої квіти; Дочка уродлива. / Мов тополя, виростає...*) [Прилож. 1, прим. 317]. Аналогичное словоупотребление зафиксировано в творчестве последователей Шевченко – Марко Вовчок («*Діточки мої, квіточки мої! Пов'яли ви у зеленочку*»), Б. Гринченко («*А дитиночка, як квітиночка*») и др. Ср.: {[дети] ↔ [ПЛОД, красота] ← [цветы]}.

Согласно информации, которую дает «Конкорданція..», в поэтическом словаре Т.Г. Шевченко зафиксированы такие индивидуально-авторские метафорические употребления НР: *серце-мамо* (1), *сестри-зорі* (1) [СМШ, II, с. 244], *сестрились* (1) [СМШ, II, с. 244], *сестри-чарівниці* (1) [СМШ, II, с. 400] (КПТШ 4, с. 3128). [Прилож. 1, прим. 318]. Если в композитах компонент НР является актуализатором эмоциональности, сем 'близкий', 'родной', 'дорогой' ({[сестра] ↔ [СВОЙ] ↔ [звезды, тополя...]}, {[сердце] ↔ [СВОЙ] ↔ [мама]}), то глагол *сестриться* 'становиться названной сестрой' – аналог глагола *брататься* – является индивидуально-авторским образованием (не был воссоздан ни в чьей другой писательской практике (СУМ, IX, 151)).

Укажем, что вторичная семантика НР *сестри* (относительно *звезд*), взаимоусилительное употребление в переносном значении составляющих композита *сестри-чарівниці* относительно *тополя*, как и *сердце* относительно *матери*, имеют народно-песенную основу: ср. аналоги *дівчинька-серце, серце-дівчина, дівчина-чарівниченька* [Жайворонок 2018, с. 198].

Афористическими стали слова Шевченко из «Заповіту» [Прилож. 1, прим. 319]. Они приобрели статус идеологемы в советский период развития

русской и украинской культур, став частью текстов и с негативной, и с позитивной оценкой идеологической семьи 'семья народов' . Ср. *сім'я* 2. Перен. Про людей, об'єднаних спільністю інтересів [СМШ, II, 252]. Ср.: { [люди] ↔ [СВОЙ] ↔ [люди] = [семья] }.

Особое внимание привлекает вопрос сочетаемости НР с эпитетами в произведениях Шевченко, поскольку эпитет как таковой всегда имеет оценочную и образную функции. Помимо процитированных контекстов, обратимся к случаям, указанным в лексикографических источниках [Ващенко 1982; Меншиков 2008]. Согласно этим словарям, среди существительных-НР, входящих в украинских поэтических контекстах в атрибутивные конструкции, отмечены *дитина, дитя, дитятко, дитяточко, діти, дітки, діточки* (ПСК, с. 11), *мати, матер, матінка, матір* (ПСК, с. 12), *син, синок* (ПСК, с. 12), *дочка, доненька, доня, доченька, дщеря* (ПСК, с. 16), *батько, батечко* (ПСК, с. 18), *сестра* (ПСК, с. 20), *чоловік* (ПСК, с. 25), *внук, внуча, онучата* (ПСК, с. 27), *баба, бабуся, бабусенька* (ПСК, с. 34), *батьки* (ПСК, с. 34), *прадід* (ПСК, с. 37), *свекруха, свекрівонька* (ПСК, с. 37), *дівчина-дитина* (ПСК, с. 41), *правнук* (ПСК, с. 47), *сестри-зорі* (ПСК, с. 48). А также – *батько* (ЕПМ, с. 8), *батьки* (ЕПМ, с. 8), *брат* (ЕПМ, с. 9), *дід, дідусь* (ЕПМ, с. 14), *зять* (ЕПМ, с. 18), *ненька* (ЕПМ, с. 27), *рід, рідня* (ЕПМ, с. 33), *родина* (ЕПМ, с. 34), *сім'я* (ЕПМ, с. 37).

Также среди наиболее часто употребляемых, определяющих синтаксических доминант названы такие эпитеты к НР, как *святий* (ПСК, с. 64), *старий* (ПСК, с. 65), *молодий* (ПСК, с. 65), *добрий* (ПСК, с. 65), *добрий, веселий* (ПСК, с. 66), *проклятий* (ПСК, с. 67), *убогий* (ПСК, с. 67), *єдиний, чужий, малий* (ПСК, с. 68), *козацький, праведний* (ПСК, с. 69), *праведний* (ПСК, с. 69), *сердешний, тяжкий, лукавий* (ПСК, с. 70), *вольний, тихий, злий, високий* (ПСК, с. 71), *голий, безталанний, багатий, маленький, сивий* (ПСК, с. 72), *людський, скажений, чорнобривий, одинокий, дурний* (ПСК, с. 73), *козачий, синій, чистий, щирий, бідний, любий, найкращий* (ПСК, с. 74), *мудрий, чималий, голодний, босий, милий* (ПСК, с. 75), *хороший, страшний,*

убитий, благий (ПСК, с. 76), *ледачий, пречиста* (ПСК, с. 77), *слов'янський, вродливий* (ПСК, с. 77), *гнучкий, грішний, молоденький, недобрий, пренепорочна, рідний, умитий, щасливий* (ПСК, с. 78), *дрібний, кароока, невеликий, невольнича, неживий, нерозумний, обідраний* (ПСК, с. 78), *однісінький, сизокрилий, скорбний, смілий, чорнявий, батьковий, веселенький* (ПСК, с. 80), *заплакана, княжа, милосердний, навісний, недобитий, нехрещений* (ПСК, с. 81), *радий, старенький, вкрите* (ПСК, с. 82), *голісінька, горбата, зарізана, звичайна, здорова* (ПСК, с. 83), *незрячий, ненагодований, непевні, розхристана, скований, сонний, сповитий* (ПСК, с. 85), *вилита, вірний, вкопаний, всеблагая* (ПСК, с. 86), *злякана, знята, нагодована, гола, несповита* (ПСК, с. 87), *письменний, понура, радесенька* (ПСК, с. 88), *чорніша* (ПСК, с. 89), *благословенна⁴ мати* (ПСК, с. 90), *викохана дитина* (ПСК, с. 91), *гарна дочка, гордіша мати, доглядана дитина, достеменний син* (ПСК, с. 92), *лепська мати* (ПСК, с. 95), *мужикова дочка, невінчана дитина, неголована дитина* (ПСК, с. 96), *не єдина дочка, незлобна дитина, нелюба дитина, не одинокий син, не панський син* (ПСК, с. 97), *неумита дитина, одиноча дочка, однаковий син, одягнена дитина, окаянна дочка* (ПСК, с. 98), *оперений син, опухла дитина, покорна дитина, попова дочка* (ПСК, с. 99), *преправедна мати, прескорбная мати, прикована дитина, прокажена мати* (ПСК, с. 100), *сивенький / сивесенький дід* (ПСК, с. 101), *скупана дитина, старесенька мати* (ПСК, с. 102).

В приведенном списке повторяются лишь три эпитета – *добрий, голий, убогий* (ПСК). Рассматривая вопрос о традиционности и оригинальности эпитета в структурах с НР, В.М. Русановский [Русанівський 2002, с. 50–51]. утверждает, что в художественной речи Шевченко преобладают народно-поэтические определения (*вірна, молода, весела (дружина), брат єдиний*), понятные и близкие тем, для кого прежде всего писал поэт [Прилож. 3, прим. 357].

---

⁴ Тут и дальше по списку указываем сочетаемость, зафиксированную только со словами-НР.

В целом отмечаем, что по семантическим признакам эпитеты сконцентрированы в таких группах: возраст, психологическое, эмоциональное состояние человека, его отношение к другим людям, физическое состояние человека, отношения с членами семьи, национальная принадлежность, религиозность. Некоторые прилагательные в роли эпитетов употреблены в обобщенном значении. В связи с этим привлекает внимание *княжої дитини*. Как известно, *княжий* – принадлежащий князю, свойственный ему. Например: **КНЯЖИЙ**, -ая, -ее и -ья, -ье. *Устар. и трад.-поэт.* Княжеский. «*Все их громко величают / И царевича венчают / Княжеской шапкой, и главой / Возглашают над собой*» (Пушкин А.С. Сказка о царе Салтане). «*На княжьем дворе слушал [русский человек] сказания вещего Бояна*». (А.Н. Толстой. Откуда пошла русская земля) (СРЯ). В действительности эта ассоциация отдаленная, поскольку поэт использует эпитет (*щасливий, веселий, не одинокий (син)*) для создания идеалистического обобщения [Прилож. 3, прим. 357].

В русских произведениях Шевченко среди атрибутированных НР зафиксированы: *брат, дитя, дети* (ПСК, с. 126), *мать* (ПСК, с. 127), *жена* (ПСК, с. 128), *сын* (ПСК, с. 129), *дочь* (ПСК, с. 129), *отец* (ПСК, с. 130). Соответственно – *голодный, живой, забытый, злобный, родной, согбенный – брат; единое, милое, прекрасное, родное, чужое – дитя; избранная, родная, скорбящая, слепая – мать; бесплодная, несчастливая, убогая – жена; грустный, единый, родной – сын; молодая, прекрасная – дочь; злой, усталый – отец*. Среди зафиксированных эпитетов наиболее употребляемые *родной, прекрасный, единый*.

Выводы к главе 4

Лингвомифопоэтический подход в изучении константы Родство / Спорідненість, проводимый на материале языкового творчества А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко, учитывает взаимодействие художественных

текстов как с фольклорной традицией и архаическим и христианским мифом, так с традициями книжно-письменного и художественного (ассоциативно-образного) словоупотребления.

В результате сравнительного исследования был выявлен ряд сходств и расхождений в ассоциативно-образном употреблении НР в творчестве двух авторов; была описана специфика восприятия в их творчестве фольклорной традиции и ее мифопоэтических образно-смысловых элементов; были определены основные расхождения в содержании константы Родство / Спорідненість в их художественной речи как основы для расхождения концептуализации родства в современных русской и украинской лингвокультурах.

Что касается сходств в использовании НР и в концептуализации отношений родства в художественной речи двух поэтов, их можно описать **в следующих общих признаках:**

– значимость фольклорной традиции (особенно в ее народно-песенном варианте) как стилистической, мифопоэтической и образно-сюжетной основы изображения отношений родства;

– активность употребления всех основных номинаций родства в прямом значении в контекстуальном окружении, ассоциированном с фольклорной традицией (с той оговоркой, что у Шевченко и самих НР, и количество их употреблений больше);

– актуальность переносных, метафорических употреблений НР – в том числе по отношению к своему поэтическому слову, к творческому акту (ср: Пушкин ассоциирует творческие порывы с братьями, сестрами-музами, Шевченко – с детьми).

Что же касается **расхождений в использовании НР и в концептуализации отношений родства** в творчестве Пушкина и Шевченко, выделим наиболее существенные:

1. У Пушкина метафорические, перифрастические сочетания с НР обнаруживают переход от риторической иносказательности к

психологическому символизму. У Шевченко же метафорический перенос выполняет функции интимизации, усиления эмоционально-оценочной нагрузки образа, по сути, он продолжает фольклорную традицию совмещения бытового и мифопоэтического содержания.

2. У Пушкина контекстуальное окружение и сочетаемость НР эксплицируют самые разные стилистические коннотации: архаическую (в том числе церковнославянизмы); высокую книжную, восходящую к образцам античности; книжно-поэтическую, воспроизводящую романтические штампы или имеющие индивидуально-авторскую стилистическую нагрузку; разговорную, воспроизводящую особенности бытовой дворянской культуры; народно-бытовую (простонародную); народно-поэтическую (фольклорную). У Шевченко в контекстуальной сочетаемости НР не представлено такого коннотационного разнообразия: здесь преобладают библейско-христианские, книжно-поэтические (отсылающие к романтическим идеалам) и народно-бытовые (простонародных) коннотации.

3. У Пушкина сохраняется мифопоэтическая и библейско-христианская парадигма иерархических отношений между мужским (творящим, руководящим, главенствующим) и женским (поддерживающим, питающим, принимающим) началами. У Шевченко же смещается, подменяется само основание как религиозных христианских, так и фольклорных мифопоэтических представлений. Предельно сакрализуя образ матери, Шевченко в центр и начало картины мироздания ставит именно его как мифопоэтический образ единого созидającego и питающего начала.

4. У Пушкина центральное место в структуре константы Родство занимает сочетание семантики духовного родства (братства, семейственности), связанного с общностью интересов, и семантики рода как духовной, душевной и физической связи поколений, прошлого и настоящего, источника (истока) и его продолжения. У Шевченко же в структуре константы Спорідненість центральное место занимает сочетание семантики жертвенной, самозабвенной любви (матери к ребенку, ребенка к матери,

девушки к любимому, поэта к своему народу; как основы семейных отношений; как основы отношений между народом и родиной) и семантики сакральной связи между матерью и ребенком, в которой библейски-христианское и фольклорно-мифопоэтическое семантическое содержание сливаются в общую семантику «удвоенной» сакральности (сакральности жизненных, плодоносящих сил рода и сакральности Небесных энергий, Божьей благодати). Спроецированный на социокультурный мир, сакральный мифопоэтический образ матери у Шевченко воплощается в облике страдающей матери-Украины. К ней устремлена вся жертвенная любовь украинского народа и его певца Кобзаря, все же остальные религиозные и мифопоэтические представления и чувствования подчинены этой всеохватной концепции священного материнства.

5. Важное место в структуре константы Родство (как в силу масштабности рецепции в русской культуре, так и в силу особой выразительности и неоднозначности разворачивания в художественной ткани пушкинских произведений) занимают словесно-образные и сюжетно-нарративные структуры, связанные с семантикой верности жены мужу (Татьяна Ларина, «Евгений Онегин») и любви и согласия в супружестве (старик и старуха, «Сказка о рыбаке и рыбке»). В поэтической вербализации константы Спорідненість в творчестве Шевченко сходное место отведено образу крепкой крестьянской семьи: он становится чувственно-конкретным воплощением образа Украины («Садок вишневий коло хати»), при этом его центром являются детско-материнские отношения. В то же время в поэме «Катерина» (масштабно воздействовавшей на формирование украинской идентичности) воплощен образ семьи, разрушенной столкновением свободолюбивой дочери с жесткими требованиями семьи, живущей ритуально-бытовыми нормами поведения. Над семантикой семейного родства в поэме встает семантика любви как сострадания.

В целом отмечаем актуальность НР в творчестве основоположников двух литературных языков, проявления общего и специфического, индивидуального, в том числе социально и культурно обусловленного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концептуализация отношений родства входит в число основополагающих факторов формирования и развития национальной культуры. Начальным этапом этой концептуализации – этапом, уходящим вглубь истории народа вплоть до истоков его формирования в период выделения семейного начала из родового – является формирование **мифопоэтического ядра**, включающего в себя имя-миф, мифопоэтический образ и связанные с ними в архаической ритуально-мифологической картине мира представления и сюжеты. Дальнейшее осмысление отношений родства связано с формированием соответствующих образно-чувственных, ритуально-бытовых, разговорно-дискурсивных и сценарно-сюжетных структур в народной культуре – в том, о чем сегодня мы говорим как о фольклоре. **Фольклорные и литературные тексты** играют ключевую роль в масштабных процессах осмысления отношений родства, поскольку именно они способны воспринять целостность ценностно-образного и нарративно-сюжетного потенциала мифа-имени, воспроизвести и (или) интерпретировать его, зафиксировать и транслировать в пространство национальной культуры. Особое место в этом развитии принадлежит тем текстам художественной литературы, которые получают статус «классических», «национальных», масштабно воздействуют на формирование национальной культуры и литературы (ср.: А.С. Пушкин – национальный русский поэт; Т.Г. Шевченко – национальный украинский поэт).

Мы определяем целостность взаимосвязанных оценок, ассоциаций, образов, восходящих к мифопоэтическому ядру как образному-смысловому стержню как **константу** – вид лингвокультурных концептов, для которого характерна временная, образно-смысловая и семиотическая масштабность существования в культуре и который маркирован основополагающей значимостью для национального мира. В константе Родство / Спорідненість, как и в других константах, мифопоэтическая составляющая играет роль

содержательного стержня, обеспечивающего единство всех его слоев (от этимологического до актуального; от понятийного до ассоциативного) и задающего перспективу и векторы его развития; в связи с этим она преимущественно развивается в фольклорном и художественном пространствах, осваивающих и развивающих образно-смысловой потенциал ее мифопоэтического ядра, которое определяется этимологией слова род / рід и целым рядом связанных с ней мифологических представлений о взаимодействии и единении мужского и женского начал в человеческой и природной жизни.

Для сопоставительного анализа содержания константы Родство / Спорідненість в фольклорных и литературных текстах был разработан **лингвомифопоэтический подход**, учитывающий особый признак концепта-константы – интенсивность его реализации в фольклорных и литературных текстах, а также в других художественных текстах национальной культуры. Это позволило описать специфику структуры константы Родство / Спорідненість, состоящую в том, что ее исходным элементом является не чувственно-образное начало, а мифопоэтическое ядро; периферийное поле константы состоит из актуальных образных и эмоционально-экспрессивных значений, а также исторических ценностно-образных ассоциаций и понятийных элементов, контекстуально связанных с определенной эпохой.

Сущность лингвомифопоэтики, или лингвомифопоэтического подхода к исследованию концептов-констант, состоит в сочетании следующих методов работы с языковым, текстовым, семиотическим материалом:

- метода сравнительной лингвоконцептологии, опирающегося на компонентный (семный) анализ и теорию поля и включающего в себя анализ ассоциативных полей и контекстов слов, вербализующих ЛК;
- метода лингвокультурологической поэтики, сфокусированного на выявлении в художественных текстах способов формирования и восприятия культурных смыслов, создающих эстетический эффект, на интерпретации

совокупности языковых и стилистических особенностей в художественной речи в их тесной связи с культурой народа;

– метода мифопоэтики, изучающего способы воплощения древнего мифа в образах, сюжетах, мотивах, аллюзиях и пр. в художественных произведениях и учитывающего как когнитивно-психологическое своеобразие мифологического мышления, так и своеобразие мифологической образности и сюжетики, а также полифункциональность отношений фольклора и литературы с мифом.

Сочетание этих методов при доминировании метода сравнительной концептологии позволило разработать **лингвомифопоэтическую методику компаративного анализа концепта-константы:**

1) построение номинативного поля концепта-константы и описание семантического поля языковых средств, входящих в номинативное поле концепта, основывающихся на семном анализе, анализе лексикографических источников, дистрибутивном анализе сочетаемости доминантного слова; анализе значения производных доминантного слова, определении содержания понятийного ядра концепта;

2) исследование этимологии или «внутренней формы» доминантного слова-мифа, описание мифопоэтического ядра константы;

3) компаративное описание особенностей реализации константы в фольклорных языковых и речевых средствах, одновременно формирующих ближайший ко внутренней форме концепта исторический слой и актуальную для настоящего времени национальную картину мира;

4) компаративное описание особенностей реализации константы в литературных текстах, активно участвующих в формировании национального языка и национальной картины мира и связанных с внутренней формой константы, ее мифологическим содержанием;

5) обобщение данных о содержании констант в национальных лингвокультурах в динамике их формирования и развития.

Компаративный анализ народно-песенного и народно-разговорного дискурсов, а также сравнительно-историческое описание мифопоэтической составляющей литературных текстов, вербализующих константу Родство / Спорідненість, на четвертом и пятом шагах методики предусматривают синтезированный подход, заключающийся в интеграции приемов концептуального и мифопоэтического анализов, а также в моделировании когнитивно-ментальных текстовых структур константы в форме концептуальных цепочек. Методика выстраивания концептуальных цепочек дает представление не только о синтагматическом, парадигматическом и семантическом развитии константы, но и о ее лингвокогнитивной вариантности, связанной с дискурсивным многообразием коммуникации, а также о национально-культурных особенностях реализации того или иного ценностно-смыслового содержания.

Применение лингвомифопоэтического подхода к исследованию константы Родство / Спорідненість в соответствии с разработанной методикой на первом шаге дало следующие результаты:

– было установлено, что ключевой номинацией константы выступает слово *родство / спорідненість* как наиболее частотное, стилистически нейтральное, многозначное, широко употребительное; при этом мотивирующее его и множество других номинаций слово *род / рід* является внутренней формой константы;

– было выявлено, что в целом в толковой академической лексикографии отмечается совпадение семантических признаков, отражающих в русском и украинском языках семантику ‘общность, связь, близость по крови’, ‘общность, связь по браку’ и ‘общность, близость по духу’. Первые два из выделенных значений – ‘близость по крови’ и ‘близость по браку’ – являются прямыми, сформированными в архаическое время и в силу этого наиболее мифопоэтически обремененными. Именно в этих прямых значениях, как в наибольшей степени связанных с образно-смысловым ядром константы и реализующих ее мифопоэтический

потенциал, рассматривается функционирование константы Родство / Спорідненість в фольклорных и литературных текстах;

– в качестве **существенных признаков семантического ядра константы Родство / Спорідненість** были определены: а) совокупность значений ‘родство по крови’, ‘родство по браку’ и ‘родство по духу’, б) мифологически-историческая перспектива значений ‘общего источника’ и ‘общего имени’, в) ценностный компонент содержания, ориентированный на семью / единство / общность / близость как ценностную установку.

Исследование этимологического значения, «внутренней формы» доминантного слова-мифа на втором шаге изучения константы Родство / Спорідненість позволило прийти к следующим значимым выводам. **Мифопоэтическое ядро константы** (действующее впоследствии как образно-смысловой стержень для новых ее слоев) восходит к мифопоэтическим представлениям о боге Роде и связанных с ним женских божествах и в образно-чувственной форме «схватывает» **семантику взаимодействия мужского и женского** как творящего и питающего (поддерживающего) начал, обеспечивающих единство, взаимосвязанность и порядок в космическом, природном и человеческом мире.

Новые христианские представления о небесных силах и отношениях между Богом (Создателем) и тварным миром, с их акцентом на личной ответственности и жертвенной любви, в семантику и символику кровного родства и свойства вливают семантику духовного родства и в то же время втягивают в себя и преобразуют (в рамках русской православной традиции) такие образно-смысловые, мифопоэтические представления, как сопричастность человека и природы небесным силам, возможность преодоления границы между земным и небесным царствами, нерасторжимость духовной связи между предками и потомками рода (шире – народа). Личные отношения между Богом и человеком, личная ответственность за свою жизнь (физическую, социальную, духовную) в православном вероучении встают над коллективной ответственностью рода.

На третьем шаге исследования константы Родство / Спорідненість в различных формах ее вербализации во фразеологизмах и поговорках с доминантными названиями кровного родства (на украинском и русском материале) было обнаружено следующее:

1. В целом русский и украинский фразеопаремийные фонды характеризуются симметрическим семантическим наполнением и функционалом, в котором соотнесенность с культурно-историческим периодом патриархального уклада жизни в селе сочетается с отражением архаических мифопоэтических представлений.

2. Семантический центр содержания константы в ее фразеопаремийном бытовании составляют следующие значения, выделяемые по параметру наиболее широкого охвата фразеопаремийного фонда: 'жизнь', 'порядок', 'согласие', 'общность, единство', 'благополучие', 'защита', 'воспитание', 'дом'.

3. В периферийную зону этого содержания входит большой семантический комплекс, включая следующие (наиболее актуализованные) значения: '(генетическая) наследственность', '(психологическое и физиологическое) сходство', 'опора', 'счастье', '(Божья) правда / воля / помощь', 'сочувствие', 'доброта', 'любовь', 'забота', 'уважение (к родителям)', '(родовая) судьба', '(родовая) ответственность', 'труд, работа', 'ум, разум'.

4. Положительный оценочный компонент содержания константы в ее фразеопаремийном бытовании тесно связан с информационным (понятийным); при этом в константе содержатся и информационно-оценочные значения негативного характера, указывающие на возможность развития неблагоприятных сценариев в отношении рода, родственников, родственных связей: 'смерть' (родителей), 'корыстолюбие', 'зависть', 'обособленность', 'враждебность', 'безответственность', 'глупость', 'брань', 'битье', 'пьянство'.

5. Частотность актуализации во фразеопаремийном фонде растительных образов, восходящих к образу Мирового древа указывает, в первую очередь, на тесную связь константы с архаическими мифопоэтическими представлениями о единстве и взаимосвязи рода и мира, вписанности жизни рода в природную, космическую жизнь.

6. Наблюдаются незначительные расхождения в актуализации фразеопаремийного содержания константы в русской и украинской лингвокультурах. Так, соотнесенность паремийной картины мира с делением на «своих» и «чужих» более часто встречается в украинской лингвокультуре. Если в украинской паремийной картине мира основной акцент в характеристике отношения матери к детям приходится на телесную, кордоцентричную ментальность (сердце), то в русских пословицах это отношение ассоциировано с 'душой' и 'красотой'. Только русские паремии предлагают сценарий уважительного отношения к чужим сестрам. В то же время только в украинской паремийной картине мира выражено безразличие к внешности невестки, а порой и злоутешение ее непривлекательностью.

Отражая иерархию структурно-семантических языковых и ментально-языковых связей через конкретные микроконтексты со связанным лексико-грамматическим значением, фразеопаремии тяготеют к таким глобальным концептуальным оппозициям, как «свой – чужой», «добро – зло», «правда – неправда», «богатство – бедность», «радость – горе», «умный – глупый», «счастье – несчастье», «молодой – старый».

В целом **русский и украинский фразеопаремийные фонды характеризуются симметрическим семантическим наполнением и функционалом**, в котором соотнесенность с культурно-историческим периодом патриархального уклада жизни в селе сочетается с отражением архаических мифопоэтических представлений. Выделенные из фразеопаремийного фонда литературных языков вербализаторы константы Родство / Спорідненість отражают народную концептуализацию родовых и семейных устоев, ценностных установок и сценариев взаимодействия в

семье, а также реализуют мифопоэтическую составляющую, связанную с архаическими представлениями о боге Роде, Судьбе, Древе Жизни. Особое место в ряду паремийных текстов, вербализующих константу Родство / Спорідненість, принадлежит паремиям с центральными номинациями *ded / did* и *баба / баба*. В них широко воплощается ряд архаических мифопоэтических представлений о роде и сакральных силах Рода, о счастье-удаче и жизненной энергии Мирового древа.

Исследование функционирования НР в народно-песенных текстах разных жанров и происхождения привело к следующим значимым выводам:

1. НР включены в ассоциативно-образные связи, метафорические механизмы сопоставления и синтеза, в формируемые на их основе символические структуры. Варианты содержания константы Родство / Спорідненість существенно различаются в народной лирической (и хороводной) песне, в песне обрядовой (календарно-обрядовой) и в социально маркированной народной песне; при этом общей особенностью содержания константы в народно-песенной культуре является выделение в качестве центрального ее компонента значения 'семья'.

2. Можно аргументированно утверждать, что пространство народно-песенной культуры – пространство принципиально семейное, личностно ориентированное, а не родовое. Анализ функционально-стилистической нагрузки НР-фольклором в лирических песенных текстах позволяет утверждать, что в этом дискурсе в содержании константы Родство / Спорідненість **центральное место закреплено за семантикой любви** (как единого основания семейных отношений), при этом деление мира на своих (членов семьи и рода) и чужих (тех, кто вне кровного родства или свойства) часто соотносится с парадигмой отношений любви – нелюбви (отчужденности). Наиболее значимыми в содержании константы Родство / Спорідненість в ее народно-лирическом бытовании является семантический комплекс 'любовь', 'свой, родной', 'семья', 'надежный', 'близкий', 'понятный'. К периферийному содержанию константы в этом песенном

пространстве можно отнести семантические компоненты 'счастье', 'радость', 'судьба', 'чужой', 'чужбина', 'страх', 'печаль', 'страдание', 'боль', 'долг'.

Оценочность, являясь неотъемлемой частью и центральной, и периферийной составляющих константы, усиливается приемами включения мифопоэтических образов. Сопоставление драматической ситуации, в которой оказался лирический герой (героиня) песни, с природным явлением и (или) их противопоставление эмоционально вовлекает слушателя, усиливает выразительность высказывания. В то же время в этом приеме в целом и особенно в образах деревьев (воплощающих, конечно, не столько личный или коллективный опыт, сколько архаическую символику Мирового древа) и соотносимых с ними НР (отец, батько, сестричка и т.п.) продолжает жить и приобретает особые художественные формы мифопоэтический компонент константы Родство / Спорідненість.

Фольклоризмы с растительной символикой, орнитосимволы, слова-символы природных стихий являются средствами интимизации чувств членов семьи. Они, как и прием психологического параллелизма, преобразуют мифопоэтический изоморфизм в эстетический механизм метафорического уподобления.

3. В народно-песенной (календарно-обрядовой и семейно-обрядовой) культуре функциональная нагрузка НР-фольклором (как символов, метафор, олицетворений сравнений, и проч.) отражает тематическую, художественно-образную и жанровую характеристику фольклорной лирики, поскольку именно бытовая лингвокультура является средой сохранения и воспроизведения тех или иных традиций, обычаев и верований народа. В этих же текстах актуализуются вторичные метафорические номинации НР.

В разных видах обрядовой дискурсивной практики роли членов семьи освещаются по-разному, однако общими для всех песенных текстов такого рода являются функции заклинания, пожелания, призывания благополучия. В связи с этим содержание константы Родство / Спорідненість в ее обрядово-

песенном бытовании имеет единую структуру, в центре которой находятся семантический комплекс ‘семья’, ‘полнота’, ‘счастье’, ‘жизнь’, ‘добро’ (материальное, физическое благо), ‘любовь’; в периферийной же области – множество связанных с ними смысловых компонентов разной направленности, включая ‘благословлять’, ‘дом’, ‘сад’, ‘радость’, ‘женитьба / замужество’, ‘порядок’, ‘уважение’, ‘печаль (тоска)’. Существенно отличает наполнение константы в разных видах календарно-обрядовых песен только образная составляющая. Так, песенные тексты зимнего цикла (колядки, щедровки), нацеленные на пожелание (заклинание) благополучия в новом году, опираются на изображение идеальной семейной жизни, состоящей в единстве духовного (семьи ‘единство’, ‘полнота’, ‘(взаимная) поддержка’) и материального (семьи ‘здоровье’, (материальное) ‘счастье’) благополучия. В весеннем песенном цикле глаголы *благословлять*, *звать*, *призывать* связаны с образом матери как источника жизни. Семантическую модель таких микроконтекстов может представить концептуальная цепочка {[жизнь] = [мать] → /благословлять/ → [весна] → [жизнь]}.

Большое разнообразие функций и дискурсивных ситуаций с НР-фольклоремами сохранилось в семейно-обрядовых песнях, связанных со сватаньем, благословением, обручением, свадьбой. В целом они определяют следующие особенности содержания константы Родство / Спорідненість: в центре ее структуры – оппозиция ‘своя, родная (семья) – новая, малознакомая (семья)’. С этой оппозицией связаны все наиболее значимые семантические компоненты, входящие в центральную часть структуры: ‘послушание’, ‘уважение’, ‘родной’ (и ‘неродной’), ‘род-племя’, ‘дом’; соотнесены с ней и значения менее частотные, составляющие периферийное содержание этого варианта константы: ‘поддержка’, ‘радость’, ‘печаль’, ‘слезы’, ‘труд’, ‘верная (жена)’.

4. В социально маркированном народно-песенном пространстве НР-фольклоремы активны направленно: как средства интимизации и эстетизации социальных отношений и социальных явлений – в контексте оценочной и

смысловой концептуализации мира бурлаками, солдатами, чумаками, крепостными крестьянами. В центре содержательной структуры константы Родство / Спорідненість, соответственно, находится **комплекс значений, восходящих к ощущению оторванности от семьи, одиночества, сиротства**: ‘дом’, ‘отец-мать’, ‘одинокий’, ‘без / вне семьи’, ‘без / вне помощи’, ‘чужая (сторона)’, ‘плохая доля’, ‘неволя’, ‘прощанье – встреча’. Преимущественно отрицательная оценочность центрального комплекса значений выражена и в периферийных значениях, хотя их оценочный компонент не однозначно негативен: ‘слезы’, ‘тоска’, ‘печаль’, ‘сила’, ‘помощь’, ‘совет’, ‘жизнь’, ‘смерть’.

Соответствуют специфике функционирования НР-фольклором в социально маркированном песенном дискурсе использование орнитосимволов в качестве знаков социальной свободы (освобождения от непосильного труда, ежедневно истощающей работника трудовой лямки) и духовной связи с родом, семьей.

Подобно характерным для народной лирической песни приемам обработки мифопоэтического компонента константы Родство / Спорідненість, социально маркированной народной песне свойственно преобразование мифопоэтического изоморфизма, отождествляющего человека с природным явлением, в сопоставление, уподобление, соположение человека и природы как родственных, но не тождественных феноменов, привнесение в эту взаимосвязь функции эстетического приема (усиления экспрессии) через механизмы психологического параллелизма, эстетического уподобления (метафоризации), олицетворения, обращения (героя к существам природного мира).

Особое место в украинской социально маркированной песне принадлежит казацким песням. В целом содержание константы в них совпадает в понятийном и оценочном аспектах с семантическим наполнением константы в других видах социально маркированных песен. Основное отличие касается образного наполнения актуального слоя

константы: значимое место в нем занимает конь как образ-символ помощника, посредника между служивым и его родом, а также образ-символ матери (в значении берега, защитных сил семьи, рода). Образ казачьей матери-страдальницы воплощен в ассоциативно-образной связи с матерью-Украиной. В этом уподоблении характерное для народной культуры архаическое мифопоэтическое представление о святом материнстве родной земли по отношению к своему народу приобретает особые очертания: оно встраивается в военно-исторический сценарий вражьих набегов, борьбы с врагами, приносящими страдания матери-земле. При этом мать-земля теряет свойственные ей функции поддержки и защиты, оберегания, питания народа природными силами и предстает страдающей жертвой, которую нужно защищать с оружием в руках.

На четвертом шаге исследования константы Родство / Спорідненість анализировались НР и слова более общего содержания с семантикой родства в их функционировании в художественных произведениях А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко. В результате сравнительного исследования был выявлен ряд сходств и расхождений в ассоциативно-образном употреблении НР в творчестве двух авторов; была описана специфика восприятия в их творчестве фольклорной традиции и ее мифопоэтических образно-смысловых элементов; были определены **основные расхождения в содержании константы Родство / Спорідненість в их художественной речи как основы для расхождения концептуализации родства в современных русской и украинской лингвокультурах.**

Что касается сходств в использовании НР и в концептуализации отношений родства в художественной речи двух поэтов, их можно описать **в следующих общих признаках:**

– значимость фольклорной традиции (особенно в ее народно-песенном варианте) как стилистической, мифопоэтической и образно-сюжетной основы изображения отношений родства;

– активность употребления всех основных НР в прямом значении в контекстуальном окружении, ассоциированном с фольклорной традицией (с той оговоркой, что у Шевченко и самих НР, и количество их употреблений больше);

– актуальность переносных, метафорических употреблений НР – в том числе, по отношению к своему поэтическому слову, к творческому акту (ср: Пушкин ассоциирует творческие порывы с братьями, сестрами-музами, Шевченко – с детьми).

Что же касается **расхождений в использовании НР и в концептуализации отношений родства** в творчестве Пушкина и Шевченко, к наиболее существенным относятся следующие:

1) У Пушкина метафорические, перифрастические сочетания с НР обнаруживают переход от риторической иносказательности к психологическому символизму. У Шевченко же метафорический перенос выполняет функции интимизации, усиления эмоционально-оценочной нагрузки образа, по сути, он продолжает фольклорную традицию совмещения бытового и мифопоэтического содержания;

2) У Пушкина контекстуальное окружение и сочетаемость НР эксплицируют самые разные стилистические коннотации: архаическую (в том числе церковнославянизмы), связанную с риторической культурой XVIII века; высокую книжную, восходящую (через классицистическую литературу и европейскую культуру XVIII века) к античным источникам; книжно-поэтическую, воспроизводящую романтические штампы или имеющие индивидуально-авторскую стилистическую нагрузку; разговорную, воспроизводящую особенности бытовой дворянской культуры; народно-бытовую (простонародную); народно-поэтическую (фольклорную). У Шевченко нет такого разнообразия стилистических коннотаций в контекстуальном окружении и сочетаемости НР: оно ограничивается проявлениями библейско-христианских, книжно-поэтических (отсылающих к романтическим образам и идеалам) и народно-бытовых (простонародных)

коннотаций при абсолютном доминировании коннотаций народно-поэтических;

3) У Пушкина сохраняется мифопоэтическая и библейско-христианская парадигма иерархических отношений между мужским (творящим, руководящим, главенствующим) и женским (поддерживающим, питающим, принимающим) началами. У Шевченко же смещается, подменяется само основание как религиозных христианских, так и фольклорных мифопоэтических представлений. Предельно сакрализуя образ матери, Шевченко в центр и начало картины мироздания ставит именно его как мифопоэтический образ единого созидającego и питающего начала;

4) У Пушкина центральное место в структуре константы Родство занимает сочетание семантики духовного родства (братства, семейственности), связанного с общностью интересов, и семантики рода как духовной, душевной и физической связи поколений, прошлого и настоящего, источника (истока) и его продолжения. У Шевченко же в структуре константы Спорідненість центральное место занимает сочетание семантики жертвенной, самозабвенной любви (матери к ребенку, ребенка к матери, девушки к любимому, поэта к своему народу; как основы семейных отношений; как основы отношений между народом и родиной) и семантики сакральной связи между матерью и ребенком, в которой библейски-христианское и фольклорно-мифопоэтическое семантическое содержание сливаются в общую семантику «удвоенной» сакральности (сакральности жизненных, плодоносящих сил рода и сакральности небесных энергий, Божьей благодати). Спроецированный на социокультурный мир, сакральный мифопоэтический образ матери у Шевченко воплощается в облике страдающей матери-Украины. К ней устремлена вся жертвенная любовь украинского народа и его певца Кобзаря, все же остальные религиозные и мифопоэтические представления и чувства подчинены этой всеохватной концепции священного материнства;

5) Важное место в структуре константы Родство (как в силу масштабности рецепции в русской культуре, так и в силу особой выразительности и неоднозначности разворачивания в художественной ткани пушкинских произведений) занимают словесно-образные и сюжетно-нарративные структуры, связанные с семантикой верности жены мужу (Татьяна Ларина, «Евгений Онегин») и любви и согласия в супружестве (старик и старуха, «Сказка о рыбаке и рыбке»). В поэтической вербализации константы Спорідненість в творчестве Шевченко сходное место отведено образу крепкой крестьянской семьи: он становится чувственно-конкретным воплощением образа Украины («Садок вишневий коло хати»), при этом его центром являются детско-материнские отношения. В то же время в поэме «Катерина» (масштабно воздействовавшей на формирование украинского менталитета) воплощен образ семьи, разрушенной столкновением свободолюбивой дочери с жесткими требованиями семьи, живущей ритуально-бытовыми нормами поведения. Над семантикой семейного родства в поэме встает семантика любви как сострадания.

Таким образом, было установлено, что русская и украинская концептуализация отношений родства в **фольклорной лингвокультуре** – как во фразеопаремийном фонде, так и в народно-песенных текстах – обнаруживает симметричность общего содержания и функций, расходясь при этом в незначительных деталях понятийной, образной или же ценностной структуры. Более близкой к образно-смысловому содержанию мифопоэтического ядра является реализация константы **во фразеологизмах и паремиях**. Семантический центр ее содержания составляют значения ‘жизнь’, ‘порядок’, ‘согласие’, ‘общность, единство’, ‘благополучие’, ‘защита’, ‘воспитание’, ‘дом’. Первые пять из них явственно восходят к семантике мифопоэтического ядра: к значениям единства, взаимосвязанности и порядка как результата взаимодействия мужского и женского начал. В **народно-песенном пространстве** языка развивается **эстетизация мифопоэтических средств**; структура и содержание константы Родство /

Спорідненість здесь имеет выраженную специфику, ориентированную на ценность **любви и семьи** (христианская и одновременно ритуально-бытовая перспектива). И однако «просвечивание» мифопоэтического ядра обнаруживается и здесь – как в системе образно-поэтических средств, так и в ценностном выделении родного (упорядоченного, единого) пространства дома и семьи.

В отличие от фольклорной концептуализации родственных отношений, структура и содержание константы Родство / Спорідненість в **художественном пространстве русского и украинского языков** – а именно: в творчестве создателей их литературных форм (А.С. Пушкина и Т.Г. Шевченко) – обнаруживает **глубокие сущностные различия**. Именно к ним следует возводить расхождение в концептуализации отношений родства в двух лингвокультурах в более позднее время. В качестве самых значимых из этих различий можно выделить следующие:

1) У Пушкина сохраняется **мифопоэтическая и библейско-христианская парадигма** иерархических отношений между мужским (творящим, руководящим, главенствующим) и женским (поддерживающим, питающим, принимающим) началами, тогда как Шевченко в центр и начало мироздания ставит фигуру **матери как единое созидающее и питающее начало Вселенной**;

2) В центре константы Родство у Пушкина – гармоничное сочетание **семантики духовного родства и семантики рода**, актуализирующее духовную и физическую связь поколений, временные пространства, тогда как в шевченковской структуре константы Спорідненість центральное место отведено сочетанию **семантики жертвенной любви и семантики сакральной связи между матерью и ребенком**. Спроецированная на национальный социокультурный мир, эта семантика предельно **сакрализует и образ страдающей матери-Украины, и отношения между нею и народом**.

Как видим, и фольклорное, и художественное бытование константы существенно расширяет комплекс семантических признаков, выделяемых в семантическом ядре константы Родство / Спорідненість на основе лексикографических источников. Более того, в каждом из выделенных пространств бытования национального языка константа приобретает своеобразные очертания как в границах своего семантического центра, так и в облаке периферийных значений. При этом семантика, а отчасти и образно-смысловые (ценностные, нарративные) структуры мифопоэтического ядра сохраняются (при возможности существенной трансформации) в виде стержневых во всех исследованных вариантах единого концепта-константы. Обнаруживаются они и в компонентах ее семантического ядра.

Дальнейшие исследования могут касаться как перспективы сопоставительного изучения константы Родство (и ее аналога в другой лингвокультуре) в ее функционировании в неисследованных в рамках этой работы дискурсах, так и перспективы сопоставительного изучения других констант на основе предложенного лингвомифопоэтического подхода. Особенно актуальной представляется, в частности, задача по исследованию пушкинской и шевченковской традиций в аспекте концептуализации отношений родства в национальных литературах.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП. 1, 2 и т. д.	Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Текст проверен и примеч. сост. Б.В. Томашевским. – 4-е изд. / А.С. Пушкин. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. – Т. 1–4.
АПС	Пушкин, А.С. Сочинения в трех томах. – М. : Худ. лит., 1985. – Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма / А.С. Пушкин. – 735 с.
АУНТ	Закувала зозуленька. Антологія української народної творчості : пісні, прислів'я, загадки, скоромовки [Упоряд. Н.С. Шумада]. – Київ : Веселка, 1989. – 606 с.
БСРП	Мокиенко, В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа групп, 2010. – 1026 с.
БФС	Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н.Телия / И.С. Брилева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко и др. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
БП-УНП 67	Українські народні пісні : Пісні соціально-побутові. – Київ : Музична Україна, 1967. – 735 с.
Д	Даль, В.И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. / В.И. Даль. – М. : Альфа-книга, 2020. – 984 с.
Д 1, 2	Даль, В.И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа / В.И. Даль. – Сборник в 2-х т. – СПб. : Литера, ВИАН, 1997.
ДТСЖВЯ	Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка:

	В 4 т. / В.И. Даль.– М. : Прогресс, 1994 (репринтное издание СД 1903–1909 гг.).
ЖНП	Жемчужины народной мудрости : пословицы, загадки, поговорки, скороговорки, дразнилки, колядки, потешки, считалки / Сост. Г.Н. Тубельская, Е.Н. Новикова, А.Э. Лебедева. – М. : ООО «Фирма «Изд-во АСТ», 2000. – 560 с.
ЗУПШ	Багмет, А. Збірка українських прислів'їв та приказок / А. Багмет. – Київ : Техніка, 2002. – 211 с.
КПТШ	Конкорданція поетичних творів Тараса Шевченка / Ред. і упоряд.: Олег Ільницький, Юрій Гавриш. У 4-х тт. Торонто, 2001.
КП-УНП 67	Українські народні пісні : Пісні соціально-побутові. – Київ : Музична Україна, 1967 – 735 с.
МН–ММ	Жовківський, А.М. Мудрість народна – мудрість міжнародна : Прислів'я, приказки, крилаті вислови та мовні звороти дев'ятьма мовами / А.М. Жовківський, Г.А. Жовківська, Т.Д. Івасютин, Ю.І. Макар та ін. – Чернівці : Рута, 2004. – 256 с.
НЗП-УНП 67	Українські народні пісні : Пісні соціально-побутові. – Київ : Музична Україна, 1967 – 735 с.
НЛП 61	Народные лирические песни. – 2-е изд. – Л. : Советский писатель, 1961 – 610 с.
ОбрП 89	Обрядовая поэзия / Сост. В.И. Желункина, А.Н. Розов. – М. : Современник, 1989. – 735 с.
ПП	Пословицы и поговорки / Сост. В.Д. Сычев. – М. : АСТ :Астрель : ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 191 с.
ПРЖ	Пісні родинного життя / [редкол. : Березовський І.П. (відп. ред.) та ін.]. – Київ : Дніпро, 1988. – 358 с.

ПСК	Меншиков, І.І. Поетичне слово Кобзаря. Словник лексичних компонентів атрибутивних конструкцій / І.І. Меншиков, Н.В. Підмогильна. – Київ, 2008. – 211 с.
ПСП	Меньшиков, И.И. Поэтическое слово Пушкина. Словарь / И.И. Меньшиков, В.И. Мордань, Н.В. Подмогильная. – Дніпропетровськ : Січ, 1999. – 325 с.
РНБП Рыб. 90	Рыбников, П.Н. Русские народные былины, песни / П.Н. Рыбников. – М. : Советская Россия, 1990. – 144 с.
РНПАник	Русские народные песни / Сост. В.И. Аникина. – М. : Детская литература, 1972. – 125 с.
РНП Варганова	Русские народные песни. / Сост. и вводн. тексты В.В. Варгановой. – М. : Правда, 1988. – 576 с.
РНП ОБП 84	Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия: Сборник / Сост. К. Чистова. – Л. : Худож. лит., 1984. – 528 с.
РНП Роз	Русские народные песни: Сборник / Сост. А.Н. Розова. – Л. : Сов. писатель, 1988. – 464 с.
<i>РП Розанов</i>	<i>Русские песни / Сост. проф. Ив.Н. Розанов. – М. : Гослитиздат, 1952. – 434 с.</i>
РНПТ: Хр 84	Русское народное поэтическое творчество : Хрестоматия / Сост. Ю.Г. Круглов. – Л. : Просвещение, 1984. – 559 с.
РНПТ: Хр	Русское народное поэтическое творчество : Хрестоматия / Под ред. А.М. Новиковой. – Изд. третье, испр., дополн. – М. : Высшая шк, 1987. – 512 с.
РСП-УНП 67	Українські народні пісні : Пісні соціально-побутові. – К. : Музична Україна, 1967 – 735 с.
РУТСП	Російсько-український тлумачний словник паремій / Ж.В. Колоїз, З.П. Бакум, Л.А. Білоконенко, Т.І. Вавринюк, Н.М. Малюга, Н.М. Шарманова ; за ред. проф. Ж.В. Колоїз. – Кривий Ріг : ФОП Маринченко С.В., 2016. – 454 с.

СЕУМ	Бибик, С.П. Словник епітетів української мови / С.П. Бибик, С.Я. Єрмоленко, Л.О. Пустовіт. – Київ : Довіра, 1998. – 430 с.
СЛЭ	Зеленецкий, А.Л. Словарь литературных эпитетов / По изд.: Эпитеты литературной русской речи: 1120 статей. – М. : Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1913. – М. : Грамотей, 2005. – 149 с.
СМШ	Словник мови Шевченка: у 2 т. – Київ : Наук. думка, 1974. – Т. 1, 2.
СРПШ	Снегирев, И. Словарь русских пословиц и поговорок: Русские в своих пословицах / И. Снегирев. – Н. Новгород : Русский купец», «Братья славяне», 1996. – 624 с.
СРПШ	Словарь русских произведений Т. Г. Шевченко: в 2 т. – Київ : Наук. думка, 1985–1986.
СРЯ	Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
ССРЛЯ	Словарь современного русского литературного языка. М. ; Л. : Академия наук, 1950–1966.
СУМ	Словник української мови: в 11 т. – Київ : Наук. думка, 1970–1980.
СЭРЛЯ	Горбачевич, К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. – СПб. : Норинт, 2002. – 224 с.
СЯП	Словарь языка Пушкина: в 4-х т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. – 2-е изд., доп. – М. : «Азбуковник», 2000.
ТНП-УНП 67	Українські народні пісні : Пісні соціально-побутові. – Київ : Музична Україна, 1967 – 735 с.
Т.Ш. 1, 2, 3	Шевченко, Т.Г. Повне зібрання творів : У 12 т. – Київ : Наук. думка, 2001 – 2003.– Т. 1–3.

УНП КОЛ	Українські народні пісні: календарно-обрядова лірика [Упоряд., підготовка текстів та приміт. О.І. Дея]. – Київ : Держ. вид. худ. літератури, 1963. – 569 с.
УНПП	Українські народні прислів'я та приказки / Упоряд. В. Бобкова, Ф. Лавров. – Київ : Вид-во АН УРСР, 1955. – 446 с.
УНП-РПЛ	Українські народні пісні: родинно-побутова лірика [Упоряд., підготовка текстів та приміт. Г.К. Сидоренко]. – Київ : Дніпро, 1965. – 528 с.
УПП	Українські прислів'я і приказки / Упоряд. Т.М. Панасенко. – Харків : ТОВ «Бібліоколектор», 2012. – 351 с.
УПП Номис	Українські приказки, прислів'я і таке інше. Уклав М. Номис / Упоряд. М.М. Пазяк. – Київ : Либідь, 2003. – 352 с.
УПП Паз	Прислів'я та приказки: Людина. Родинне життя. Риси характеру / Упоряд. М.М. Пазяк. – Київ : Наук. думка, 1990. – 528 с.
УПТРН: Хр	Устное поэтическое творчество русского народа : Хрестоматия / Сост. С.И. Василенок, В.М. Сидельников. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1954. – 287 с.
ФСУМ 1, 2	Фразеологічний словник української мови : у 2 т. / Уклад. : В.М. Білоноженко та ін. – Київ : Наук. думка, 1993.
ЧП-УНП 67	Українські народні пісні: пісні суспільно-побутові [Упоряд. О. М. Хмілевська]. – Київ : Музична Україна, 1967. – 735 с

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ТРУДЫ ПО ЛИНГВИСТИКЕ

1. Адамова, С.М. Паремии, репрезентирующие межличностные отношения в семье (на материале лакского и английского языков) [Электронный ресурс] / С.М. Адамова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – URL : <http://science-education.ru/ru/article/view?id=13979>.
2. Алефиренко, Н.Ф. Вербализация концепта и смысловая синергетика языкового знака / Н.Ф. Алефиренко // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы междунар. симпозиума, Волгоград, 22–24 мая 2003 г., Ч. 1: Научные статьи. – Волгоград : Перемена, 2003. – С. 3–13.
3. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-семиологические аспекты лингвокультурологии / Н.Ф. Алефиренко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 1(007). – С. 36–44.
4. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка : Учеб. пособие. – М. : Флинта, Наука, 2010. – 288 с.
5. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.
6. Алефиренко, Н.Ф. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых. – М. : ЭЛПИС, 2008. – 472 с.
7. Алефиренко, Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2006. – 228 с.
8. Альбекова, А.Ш. Лексико-семантические особенности терминов родства в русском и казахском языках [Электронный ресурс] / А.Ш. Альбекова. – URL : http://www.rusnauka.com/10_NPE_2010/Philologia/61512.doc.htm.

9. Аносов, Е.А. Гендерные стереотипы в поговорках русского языка в свете методологических подходов к исследованию феномена гендерной стереотипизации / Е.А. Аносов // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – № 25 : Серия «Лингвистика». Вып. 15. – С. 93–96.
10. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – Т. 1. – 472 с.
11. Артыкбаева, Ф.И. Отражение специфики языкового сознания этноса в материалах свободного ассоциативного эксперимента: межкультурные аспекты [Электронный ресурс] / Ф.И. Артыкбаева. – URL : https://docviewer.yandex.ua/view/0/?page=1&*=2liFsGP%2F37.
12. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
13. Ахнина, К.В. Лингвокультурологический анализ лексики семейных отношений в русских пословицах и поговорках / К.В. Ахнина, В.М. Шаклеин // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2014. – № 3. – С. 31–35.
14. Бабина, Е.Ю. Концепт понятия «семья» в английской языковой картине мира [Электронный ресурс] / Е.Ю. Бабина, Р.В. Саттарова // Гуманитарные научные исследования. – 2016. – № 8. – URL : <http://human.snauka.ru/2016/08/16044>.
15. Бабушкин, А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / А.П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001. – С. 52–58.
16. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.
17. Багаутдинова, Г.А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты : автореф. дис. ... д-ра

філол. наук: 10.02.20 / Багаутдинова Гузель Анваровна. – Казань, 2007. – 45 с.

18. Барабуля, А.М. Конотативні компоненти лексичної семантики як параметр міжмовного зіставлення : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.17 / Барабуля Антон Михайлович. – Київ, 2007. – 19 с.

19. Барт, Р. Избранные работы : Семиотика : Поэтика: Пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.

20. Барт, Р. Мифологии / пер. с фр. С. Зенкина / Р. Барт. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – 320 с.

21. Бартминьский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский. – М. : Индрик, 2005. – 512 с.

22. Батырева, Л.П. Термины родства в частной переписке середины XX века / Л.П. Батырева // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2012. – СПб. : Изд-во «Нестор–История», 2012. – С. 63–75.

23. Белякова, И.Ю. Имена родства в поэзии Марины Цветаевой / И.Ю. Белякова // Русский язык в школе. – 2010. – № 7. – С. 58–64.

24. Березович, Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования / Е.Л. Березович. – М. : Индрик, 2007. – 600 с.

25. Белехова, Л.І. [Словесний поетичний образ в історико-типологічній перспективі : лінгвокогнітивний аспект \(на матеріалі американської поезії\)](#) / Л.І. Белехова. – Херсон : Айлант, 2002. – 368 с.

26. Бійчук, Г. Актуалізація архетипів національного підсвідомого засобами художнього слова : [На матеріалі творчості Григора Тютюнника] / Г. Бійчук // Дивослово. – 2005. – № 11. – С. 9–13.

27. Близнюк, О.В. Сопоставительный семантический анализ терминов родства в различных лингвокультурах : автореф. ... канд. філол. наук : 10.02.20 / Близнюк Ольга Викторовна. – Тверь, 2006. – 17 с.

28. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры / [общ. бед. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной]. – М. : Прогресс, 1990. – С. 153–170.
29. Богословская, З.М. Дефиниционный анализ лексикографических толкований имени концепта «семья» / З.М. Богословская, Ч. Ци // Вестник ТПУ. – 2016. – № 7 (172). – С. 65–69.
30. Болдырев, Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка: монография. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2018. – 480 с.
31. Борисова, Л.В. Концептосфера «Семья» в чувашской языковой картине мира / Л.В. Борисова // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 4. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptosfera-semya-v-chuvashskoy-yazykovoy-kartine-mira/viewer>.
32. Булаховський, Л.А. Вибрані праці: у 5 т. (1975–1983). Т. 2. Українська мова / Л.А. Булаховський. – Київ : Наукова думка, 1977. – 631 с.
33. Булаховський, Л.А. Мовні засоби інтимізації в поезії Т.Г. Шевченка. 1. Інтимізуючі займенники / Л.А. Булаховський // Вісті АН УРСР. – 1924. – № 3-4. – С. 75–89.
34. Булаховський, Л.А. Мовні засоби інтимізації в поезії Тараса Шевченка / Л.А. Булаховський // Булаховський Л.А. Вибр. пр. в 5 т. / редкол. : І.К. Білодід (гол.), Ю.Л. Булаховська, Т.Б. Лукінова та ін. – Київ : Наукова думка, 1977. – Т. 2 : Українська мова. – С. 573–593.
35. Бурыкин, А.А. Русские термины родства и свойства: дискурсивный потенциал / А.А. Бурыкин // [Лексикология. Лексикография и корпусная лингвистика](#) : сборник науч. статей; Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. – СПб : Изд-во «Нестор-история», 2013. – С. 3–20.
36. Буряк, Н.Ю. Проблематика концепта как феномена культуры в современном социокультурном пространстве [Электронный ресурс] / Н.Ю. Буряк. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problematika-kontsepta-kak-fenomena-kultury-v-sovremennom-sotsiokulturnom-prostranstve/viewer>.

37. Быкова, Т.Ю. Отцы и дети великой страны: метафора родства в советском политическом медиадискурсе 1945–1954 гг. / Т.Ю. Быкова // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2 (48). – С. 114–118.
38. Васюк, В.В. Концепт «Женщина» в статике и динамике фразеологии английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Васюк Вероника Владимировна. – М., 2002. – 21 с.
39. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1997. – 416 с.
40. Вендина, Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т.И. Вендина. – М. : Индрик, 1998. – 239 с.
41. Верещагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1980. – 320 с.
42. Верещагин, Е.М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : учеб. пособие для студентов филол. спец. / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1973. – 233 с.
43. Верещагин, Е.М. Язык и культура : Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров ; под ред. Ю.С. Степанова ; Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – М. : Индрик, 2005. – 1037 с.
44. Виноградов, В.В. Избранные труды. История русского литературного языка / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1978. – 320 с.
45. Виноградов, В.В. К спорам о слове и образе / В.В. Виноградов // Вопросы литературы. – 1960. – № 5. – С. 92–93.
46. Виноградов, В.В. Русский язык / В.В. Виноградов. – М. : Учпедгиз, 1947. – 784 с.
47. Виноградов, В.В. Язык Пушкина / В.В. Виноградов. – М.–Л. : Academia, 1935. – 458 с.
48. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 280 с.

49. Воркачев, С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С.Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3 : Аспекты метакоммуникативной деятельности : Межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж : Воронежский гос. техн. ун-т, 2002. – С. 79–95.
50. Воркачев, С.Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема (продолжение дискуссии) / С.Г. Воркачев // Политическая лингвистика. – 2014.– № 3 (49). – С. 12–20.
51. Воркачев, С.Г. Лингвокультурный концепт : терминологический статус семиотики / С.Г. Воркачев // Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке: колл. монография : к 80-летнему юбилею профессора В.В. Колесова / отв. соред. М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – М. : Флинта, 2015. – С. 9–25.
52. Воркачев, С.Г. *Studia Selecta*. Избранные работы по теории лингвокультурного концепта : монография / С.Г. Воркачев. – 2-е изд. стереотипное. – М. : Флинта, 2015. – 169 с.
53. Воркачев, С.Г. Родной народ: опыт русской лингвоидеологии : монография / С.Г. Воркачев. – М. : Флинта, 2015. – 443 с.
54. Воробьев, В.В. Сопоставительная лингвокультурология как новое научное направление / В.В. Воробьев, Г.М. Полякова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2012. – № 2. – С. 13–18.
55. Восканянц, Д.Е. Исследования общих лексических элементов тюркских и монгольских языков на примере термина родства «Мать» / Д.Е. Восканянц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Лингвистика. – 2008. – № 4. – С. 24–31.
56. Гаваркевич, Р. Концепт «Мать» в языковой картине мира поляков и русских / Р. Гаваркевич // Славянские языки в свете культуры: Сборник научных статей / отв. ред. М.А. Алексеенко. – М. – Щецин – Грайфсвальд : ООО «А Темп», 2006. – С. 109–115.

57. Гаджиева, Л.А. Сравнительный анализ терминов родства кумыкского и турецкого языков [Электронный ресурс] / Л.А. Гаджиева. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-terminov-rodstva-kumykskogo-i-turetskogo-yazykov/viewer>.
58. Гасанова, М.А. Лингвокультурологический анализ терминов родства в табасаранском и русском языках / М.А. Гасанова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 3 (032). – С. 135–139.
59. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук / Г. Гегель. – М. : Мысль, 1974. – Т. 1. – 452 с.
60. Гинзбург, Н.С. Значение слова и методика компонентного анализа / Н.С. Гинзбург // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 5. – С. 2–26.
61. Глотова, Е.А. Семья в русском национальном сознании / Е.А. Глотова // Гуманитарные исследования. Филология. – 2014. – № 3 (4). – С. 47–50 .
62. Головин, А.С. Лингвокультурный концепт «родство» в английских, немецких и русских пословицах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Головин Александр Сергеевич. – М., 2014. – 23 с.
63. Головкина, С.Х. Термины родства в поэзии Н. Клюева (в лексикографическом аспекте) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Головкина Светлана Христофоровна. – Вологда, 1999. – 20 с.
64. Голубовская, И.А. Этнические особенности языковой картины мира / И.А. Голубовская. – Киев : ИПЦ «Киевский университет», 2002. – 293 с.
65. Голубовська, І.О. Етнічні особливості мовних картин світу / І.О. Голубовська. – Київ : Логос, 2004. – 284 с.
66. Голубовська, І.О. Перспективи розвитку сучасної зіставної лінгвокультурології / І.О. Голубовська // Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова. Серія № 9. Сучасні тенденції розвитку мов. – Вип. 3 : збірник наукових праць / за ред.

А.В. Корольовой. – Київ : Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова, 2009. – С. 98–102.

67. Гофман, О.В. Концепт «семья» в традиционной крестьянской культуре / О.В. Гофман // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Филология. – Кемерово, 2002. – С. 43–48.

68. Григорьев, В.П. Очерки по истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста / В.П. Григорьев, И.И. Ковтунова, О.Г. Ревзина и др. – М. : Наука, 1990. – 364 с.

69. Губарева, Г.А. Феномен поетичної мовної картини світу / Г.А. Губарева // Вісник ХНУ: Серія: Філологія. – 2002. – № 538. – С. 186–190.

70. Гудков, Д.Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики / Д.Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – С. 39–50.

71. Гудков, Д.Б. Телесный код русской культуры / Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2008. – 288 с.

72. Гумбольдт, фон. В. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 452 с.

73. Гуняшова, Г.А. Социальный концепт FAMILIE в немецкой языковой картине мира / Г.А. Гуняшова // Вестник КемГУ. – 2013. – № 1 (53). – С. 153–161.

74. Гусева, А.Е. Основы лингвокогнитивного моделирования лексико-фразеологических полей в немецком и русском языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Гусева Алла Ефимовна. – М., 2008. – 44 с.

75. Даниленко, Л.В. Универсальное и идиоэтническое в культуре (на примере языковой картины мира в сравнении с научной) : дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01 / Даниленко Лариса Владимировна. – Улан-Удэ, 2003. – 141 с.

76. Данич, О.В. Лингвокультурологическая поэтика как вид лингвопоэтики / О.В. Данич, Н.В. Крицкая // Ученые записки. – 2018. – Том 27. – С. 62–67.

77. Демьянков, В.З. Когниция и понимание текста / В.З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – М. : Институт языкознания; Тамбов : Тамбовский гос. университет им. Г.Р. Державина, 2005. – № 3. – С. 5–10.

78. Демьянков, В.З. [Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке](#) / В.З. Демьянков // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 35–47.

79. Дзибель, Г.В. Аннотированная междисциплинарная библиография научной литературы на русском языке по родству, системам родства, системам терминов родства, семейно-родовой организации и браку (с добавлениями литературы на языках бывшего Советского Союза и Болгарии), 1835–2012 / Г.В. Дзибель // Алгебра родства. – 2012. – Вып. 13. – С. 214–283.

80. Дзибель, Г.В. Феномен родства. Прологомены к идентической теории / Г.В. Дзибель – СПб. : Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, 2001. – 470 с.

81. Димитренко, Л.Ю. Макроконцепт «Mouvement» во французской языковой картине мира: структура и лексическая объективация : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Димитренко Лидия Юрьевна. – Воронеж, 2005. – 221 с.

82. Дмитриева, О.А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов : На материале французского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ольга Александровна Дмитриева. – Волгоград, 1997. – 189 с.

83. Дмитровская, М.А. Философия памяти / М.А. Дмитровская // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1991. – С. 78–84.

84. Добровольская, Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Добровольская Елена Валерьевна. – Томск : ТГУ, 2005. – 203 с.
85. Добронравин, Н. Родство как оболочка и поиск скрытых смыслов (от политологии до лингвистики и права) / Н. Добронравин // Антропологический форум. – 2011. – № 14. – С. 328–335.
86. Добрусинець, Д. Назви спорідненості: етнолінгвістичні студії / Д. Добрусинець // Теорія і практика викладання української мови як іноземної. – 2008. – Вип. 3. – С. 120–130.
87. Жаботинская, С.А. Концептуальный анализ: Типы фреймов / С.А. Жаботинская // Вісник Черкаського університету. – 1999. – Вип. 11. – С. 3–20.
88. Жаботинская, С.А. Концептуальный анализ языка: фреймовые сети / С.А. Жаботинская // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. Проблеми прикладної лінгвістики. – 2004. – № 9. – С. 81–92.
89. Жайворонок, В.В. Етнолінгвістика в колі суміжних наук / В.В. Жайворонок // Мовознавство. – 2004. – № 5–6. – С. 23–25.
90. Жайворонок, В.В. Українська етнолінгвістика / В.В. Жайворонок. – Київ : Довіра, 2007. – 262 с.
91. Жалсанова, Ж.Б. Этническая составляющая гендерного стереотипа в языковом сознании русских и бурят : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Жалсанова Жаргалма Баиновна. – М., 2008. – 23 с.
92. Жизневская, О.Н. Стереотип родительских отношений в пословичной картине мира белоруссов / О.Н. Жизневская // Мова і культура / Київ. нац. ун-т, Видав. Дім Д. Бураго. – Київ, 2012. – Вип. 15. Т. 3. – С. 165–171.
93. Жизневская, О.Н. Языковые стереотипы семейных ролей матери, отца, ребенка (на материале русско- и белорусскоязычных текстов средств массовой информации) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02; 10.02.01 / Жизневская Ольга Николаевна. – Минск, 2018. – 28 с.

94. Залевская, А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова / А.А. Залевская // Психолингвистические исследования. Слово. Текст : Избр. труды. – М. : Гнозис, 2005. – С. 86–132.
95. Зализняк, А.А. Многозначность в языке и способы ее представления / А.А. Зализняк. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 672 с.
96. Занегина, Н.Н. Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Занегина Наталия Николаевна. – М., 2011. – 254 с.
97. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология: теория и практика / Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков. – СПб. : МИРС, 2009. – 292 с.
98. Зиновьева, Е.И. Общекультурный код русских паремий (на примере пословичного портрета мужчины) / Е.И. Зиновьева, М.Н. Довгальок // Динамика языковых и культурных процессов в современной России : материалы III Конгресса РОПРЯЛ : в 2 т. (г. Санкт-Петербург, 10–13 октября 2012 г.). – СПб. : Изд. дом «МИРС», 2012. – Т. 1. – С. 341–344.
99. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике : Учебник / Е.И. Зиновьева. – СПб. : СПбГУ; Нестор-История, 2016. – 182 с.
100. Иващенко, В. Компоненти змістової структури концепту як одиниці етнокультури / В. Иващенко // Українська мова. – 2004. – № 4. – С. 18–28.
101. Иващенко, В. Концепт і концептосфера в термінах метапоняттєвого опису / В. Иващенко // Вісник національного університету «Львівська політехніка». – 2004. – № 503 : Проблеми української термінології. – С. 176–180.
102. Иващенко, В.Л. Ментальна структура концепту / В.Л. Иващенко // Мова і культура. Серія «Філологія». – 2003. – Вип. 6. – Т. II : Психологія мови і культури. Мова і засоби масової комунікації. – С. 100–108.
103. Иващенко, В.Л. Семантика ментальності концепту / В.Л. Иващенко // Мовознавство. – 2008. – № 1. – С. 37–43.

104. Іващенко, В.Л. Типологічна диференціація концептуальних структур як одиниць ментального простору / В.Л. Іващенко // Мовознавство. – 2004. – № 1. – С. 58–59.

105. Іващенко, В. Функціональна топологія концептів як одиниць культури / В. Іващенко // Вісник Львівського університету. Серія філологічна. – 2004. – Вип. 34. – Ч. I. – С. 390–397.

106. Ипанова, О. А. Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира : Лингвокультурологический и лексикографический аспекты : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ипанова Ольга Александровна. – СПб., 2005. – 225 с.

107. Калько, В. Вербальна репрезентація концепту «мати» в українських пареміях / В. Калько // Мовознавчий вісник : збірник наукових праць. – 2013. – Вип. 16–17. – С. 221–230.

108. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: сб. научн. трудов. – Волгоград-Архангельск : ВГУ, 1996. – С. 3–16.

109. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 75–80.

110. Карасик, В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей / В.И. Карасик // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков. Человек и его дискурс : сб. науч. тр. – М. : Азбуковник, 2003. – С. 24–45.

111. Карасик, В.И. Субкатегориальный кластер темпоральности (к характеристике языковых концептов) / В.И. Карасик // Концепты. Научные труды Центроконцепта. – Архангельск : Изд-во Поморск. гос. ун-та, 1997. – С. 154–171.

112. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М. : ГНОЗИС, 2004. – 389 с.

113. Карасик, В.И. Языковая матрица культуры [Текст] : монография / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2013. – 318 с.
114. Карасик, В.И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Антология концептов : [словарь] / [науч. ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин]. – Иваново : Гнозис, 2007. – 511 с. – С. 12–13.
115. Караулов, Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1981. – 328 с.
116. Караулов, Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования : монография. – М. : Азбуковник, 2009. – 334 с.
117. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 368 с.
118. Караулов, Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи / Ю.Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира. – М. : Ин-т языкознан. РАН, 2000. – С. 191–206.
119. Качинская, И.Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Качинская Ирина Борисовна. – М., 2011. – 325 с.
120. Качинская, И.Б. Термины родства и языковая картина мира: сопряжение «семейного» и «телесного регистров» (по материалам архангельских говоров) [Электронный ресурс] / И.Б. Качинская. – URL: <http://www.philol.msu.ru/~ruslang/pdfs/kachinskaya.i.b/kaczinska-dis.pdf>.
121. Ковшова, М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры / М.Л. Ковшова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2008. – № 2. – Т. 67. – С. 60–65.
122. Когнитивные исследования: Концепция образовательной программы / сост. И. Протопопова [Электронный ресурс]. – М. : РГГУ, 2003. – URL: <http://kogni.narod.ru/concept.htm>.

123. Кожевникова, Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века / Н.А. Кожевникова. – М. : Наука. 1986. – 253 с.
124. Колесник, О.С. Міфологічний простір крізь призму мови та культури / О.С. Колесник. – Чернігів : РВВ ЧНПУ імені Т.Г.Шевченка, 2011. – 312 с.
125. Колесникова, С.М. Смыслообразующие начала понятия *семья* в русской лингвокультуре / С.М. Колесникова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. – 2018. – № 5. – С. 53–59.
126. Колесов, В.В. Классификация ментальных исследований языка с позиции философского реализма / В.В. Колесов // Концептуальные исследования в современной лингвистике: сб. статей / отв. ред. М.В. Пименова. – СПб.– Горловка : ГГПИИИЯ, 2010. – С. 5–19.
127. Колесов, В.В. Философия русского слова / В.В. Колесов. – СПб. : ЮНА, 2002. – 448 с.
128. Колесов, В.В. Язык и ментальность / В.В. Колесов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004. – 237 с.
129. Колесов, В.В. Словарь русской ментальности: в 2 т. / В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов. – СПб.: Златоуст, 2014.
130. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М. : Наука, 1990. – 103 с.
131. Кононенко, В.І. Концепти українського дискурсу / В.І. Кононенко. – Київ; Івано-Франківськ : Плай, 2004. – 247 с.
132. Кононенко, В.І. Мова у контексті культури / В.І. Кононенко. – Київ; Івано-Франківськ : Плай, 2008. – 389 с.
133. Кононенко, В.І. Українська лінгвокультурологія / В.І. Кононенко. – Київ : Вища школа, 2008. – 327 с.
134. Кононова, И.В. Структура лингвокультурного концепта: методы выявления и механизмы семантизации / И.В. Кононова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2012. – Т. 7. – № 1. – С. 49–60.

135. Константы русской народной культуры: языковые воплощения / Т.Б. Банкова, М.М. Угрюмова, Н.А. Агапова. – Томск : Издательский дом Томского гос. ун-та, 2019. – 199 с.
136. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов : дис. ... д-ра культурологических наук : 24.00.04 / Корнилов Олег Александрович. – М., 2000. – 460 с.
137. Космеда, Т. Комуникативний кодекс українців у пареміях: тлумачний словник нового типу / Т. Космеда, Т. Осіпова. – Дрогобич : КОЛО, 2010. – 272 с.
138. Кострубина, Е.А. Типы концептов: гиперконцепт СЕМЬЯ-ДОМ / Е.А. Кострубина // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 6 (12). – С. 51–57.
139. Коць, Т.А. Тарас Шевченко і становлення літературної норми / Т.А. Коць // Культура слова.– 2014. – Вип. 80. – С. 20–32.
140. Коцюба, З.Г. Рефлексія побутової свідомості в різномовному проverbs'яльному просторі (від універсального до національного) / З.Г. Коцюба. – Львів : ДП «Видавничий дім «Укрпол», 2010. – 472 с.
141. Коч, Н.В. Генезис восточнославянской концептосферы в языковом и культурном отражении: монография / Н.В. Коч. – Николаев : Илион, 2010. – 440 с.
142. Кочерган, М.П. Про системність у лексиці та семантиці / М.Н. Кочерган // Укр. мова і літ-ра в шк. – 1976. – № 4. – С. 38–45.
143. Кошарная, С.А. Фразеология как архив и средство трансляции мифологических представлений народа / С.А. Кошарная // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы международной научной конференции. – Тула : Тульское производственное полиграфическое объединение, 2018. – С. 376–380.
144. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.

145. Красных, В.В. Свой среди чужих: миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
146. Крушевская, А.С. Концепт семья в русской лингвокультуре [Электронный ресурс] / А.С. Крушевская. – URL: <http://docplayer.ru/48383054-Koncept-semya-v-russkoy-lingvokulture.html>.
147. Кубрякова, Е.С. Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования / Е.С. Кубрякова // Известия РАН. – 2002. – № 1. – Т. 61. – С. 13–24.
148. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Серебренников Б.А. и др. Роль человеческого фактора в языке : Язык и картины мира. – М. : Наука, 1988. – С. 141–172.
149. Кузьмина, Е.Б. Апеллятивы – термины родства в лексикографическом аспекте (об отражении прагматического компонента семантики слов в толковых словарях русского языка) / Е.Б. Кузьмина // Вестник СПбГУ. Сер. 9. – 2011. – Вып. 2. – С. 147–151.
150. Кульсарина, Г.Г. Репрезентация концепта «семья (Ғаилә)» в башкирской языковой картине мира (на материале фольклорных текстов) / Г.Г. Кульсарина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 16 (345). – С. 52–58.
151. Кучуб, Н.А. Семья как ценность развивающегося социума и личности / Н.А. Кучуб // Вестник ОГУ. – 2008. – № 11. – С. 42–49.
152. Кушнир, О.Н. Макроконцепты «Право / Закон» и «Мораль / Нравственность»: «фигуры конфликта» в поле взаимодействия / О.Н. Кушнир // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 1(12). – С. 98–101.
153. Лавриненко, С.Т. Мовні знаки концептуалізації правової культури у фольклорному тексті (лінгвокультурологічний аналіз різних жанрів українського фольклору) / С.Т. Лавриненко. – Київ : Видав. дім Дмитра Бураго, 2014. – 468 с.

154. Лавровский, П. Коренное значение в названиях родства у славян [Электронный ресурс] / П. Лавровский. – СПб., 1867. – URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=1&*=Cm02QioJ2NozCBNEVpH65giycRd7InVybcI6InlhLWRpc2stcH VibGljOi8vU2czZW9ONUZHL1cvTzJycmUIT2hOMGNaMkxUnNvV2FaWDIVSkh6d1R4MXJBYWFRVGxv MIJuSmE3QkNxRFJDe3EvSjZicG1SeU9Kb25UM1ZvWG5EYWc9PSIsInRpdGxlljoiTGF2cm92e2tpeV9QX0tvc mVubm9lX3puYWN0ZW5pZV92X25henZhbmlha2hfcm9kc3R2YV91X3NsYXZ5YW5fMTg2Ny5wZGYiLCJub2 lmcmFtZSI6ZmFsc2UsInVpZCI6IjAiLCJ0cyI6MTU4NDM4NTQ4NDYyNywicXUiOiI5ODY3MTk3NDYxNTY1 MTczMTEyIn0%3D.

155. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

156. Лапшина, М.Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте (на материале англ. языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 ; 10.02.04 / Лапшина Марина Николаевна. – СПб, 1996. – 32 с.

157. Лассан, Э. «Надежда»: семантический и концептуальный анализ [Электронный ресурс] / Э. Лассан // Respectus Philologicus. – 2002 – Т. 2 (7). – Vilnius. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/lassan-02.htm>.

158. Левин, Ю.И. Алгебра родства / Ю.И. Левин // Наука и жизнь. – 1982. – № 8. – С. 92–96.

159. Леви-Стросс, К. Мифологии: в 4-х т. – Т. 1 : Сырое и приготовленное / [пер. с франц. З.А. Сокулер, К.З. Акопян] / К. Леви-Стросс. – М.; СПб. : Культурная инициатива : Университетская книга, 2000. – 406 с.

160. Левченко, О.П. Фразеологічна символіка: лінгвокультурологічний аспект / О.П. Левченко. – Львів : ЛРІДУ НАДУ, 2005. – 352 с.

161. Леонтьев, А.А. Языковое сознание и образ мира / А.А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М. : Институт языкознания РАН, 1993. – С. 16–21.

162. Леонтьева, Л.В. Сравнительно-сопоставительная характеристика терминов родства в разноструктурных языках / Л.В. Леонтьева,

А.Г. Абрамова // Вестник Чувашского государственного университета. – 2016. – №2. – С. 214–220.

163. Леонтьева, Т.В. Интеллект человека в зеркале русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Леонтьева Татьяна Валерьевна. – Екатеринбург, 2003. – 282 с.

164. Ли, Е.В. Термины родства в системе языка и в сознании разноязычных носителей (на примере русского и корейского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ли Екатерина Владимировна. – Кемерово, 2013. – 24 с.

165. Лисиченко, Л.А. Бесіди про рідне слово (слово і його значення) / Л.А. Лисиченко. – Харків : ХДПУ, 1993. – 138 с.

166. Лисиченко, Л.А. Лексико-семантичний вимір мовної картини світу / Л.А. Лисиченко. – Харків : Видавн. група «Основа», 2009. – 191 с.

167. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Известия РАН. Сер. лит. и яз. –1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.

168. Ломакина, О.В. Паремия в текстах Л.Н. Толстого : лингвокультурологический комментарий / О.В. Ломакина // Вестник Орловского гос. ун-та. – 2010. – № 6. – С. 217–221.

169. Мазай, Н.И. Семантическое поле «род» в русском фольклоре: былины, лирические песни, паремии: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Мазай Нина Игоревна. – Красноярск, 2008. – 20 с.

170. Макарець, Ю.С. Концепти *рід*, *родина*, *сім'я* в мовній картині світу українців / Ю.С. Макарець, О.М. Сліпчук // Наукові записки [Ніжинського державного університету ім. Миколи Гоголя]. Філологічні науки. Кн. 1 / Відп. ред. Г.В. Самойленко. – Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2013. – С. 75–78.

171. Маковский, М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образы мира и миры образов / М.М. Маковский. – М. : Владос, 1996. – 416 с.

172. Мамонтов, А.С. Лингвокультурология в аспекте обучения русскому языку как средству межкультурной коммуникации / А.С. Мамонтов // Русистика. – 2019. – Т. 17. – № 2. – С. 143–156.

173. Манакин, В.М. Сопоставительная лексикология / В.М. Манакин. – Київ : Знання, 2004. – 326 с.

174. Марфина, Ж.В. Микроконцепт «мать» в поэтическом субпространстве Т. Шевченко / Ж.В. Марфина // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных трудов. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – Т. 26. – С. 194–199.

175. Марфіна, Ж.В. Архетип «спорідненість» в асоціативно-образній структурі поетичної мови / Ж.В. Марфіна // Лінгвістика. – 2013. – № 3 (30). – С. 145–152.

176. Марфіна, Ж.В. Етнолінгвокультурний зміст українських паремій з компонентом 'спорідненість' / Ж. В. Марфіна // Українська мова. – 2014. – № 2 (50). – С. 51–61.

177. Марфіна, Ж.В. Міфопоетика номінації «мати» в поетичній картині світу / Ж.В. Марфіна // Наукові записки: Філол. науки. – Ніжин, 2013. – Кн. 1. – С. 85–89.

178. Марфіна, Ж. Лексема *мати* в поетичних контекстах Андрія Малишка / Ж. Марфіна // Культура слова. – Київ : Вид. дім Дмитра Бураго, 2001. – Вип. 57. – С.49–55.

179. Марфіна, Ж. «Мати моя, мати, порадице в хаті...» (архетип *мати* в уснійнародній творчості) / Ж. Марфіна // Культура слова. – Київ : Вид. дім Дмитра Бураго, 2011. – Вип. 75. – С.101–106.

180. Марфіна, Ж.В. Назви спорідненості як основа міфотворення в мові української поезії ХХ століття / Жанна В. Марфіна // Stylistyka. – 2014. – ХХІІІ. – С. 299–309.

181. Марфина, Ж. В. Семантика и стилистика названий родства в русском поэтическом субпространстве ХІХ века (на материале произведений А. С. Пушкина) / Ж.В. Марфина // Восточнославянская филология. –

Языкознание. Вып. 8(34). – Горловка: Издательство ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2019. – С. 79–90.

182. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В.А. Маслова. – Минск. : ТетраСистемс, 2008. – 256 с.

183. Маслова, В.А. Коммуникативный и когнитивный аспекты художественного текста : монография / В.А. Маслова. – Витебск : Витебский гос. университет им. П.М. Машерова, 2014. – 104 с.

184. Маслова, В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

185. Мелерович, А.М. Формирование и функционирование фразеологизмов с культурно маркированной семантикой в системе русской речи / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко // Фразеология в контексте культуры. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – С. 63–69.

186. Мечковская, Н.Б. Язык и религия: учебное пособие для студентов гуманитарных вузов. – М. : Агентство «ФАИР», 1998. – 349 с.

187. Мурясов, Р.З. Термины родства в контрастивно-типологическом видении / Р.З. Мурясов // Вестник Башкирского университета. – 2017. – Т. 22. – № 1. – С. 98–107.

188. Назарова, Л.Г. Концепт родства дед в поэтическом сборнике Н.В. Оболонского «Светится в сумерках родина» / Л.Г. Назарова // Актуальные вопросы современной науки и образования : материалы XVII международной научно-практической конференции (Киров, 17–20 апреля 2018 г.) / Кировский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА. – Киров : МФЮА, 2018. – С. 68–73.

189. Нерознак, В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В.П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск : ОГУ, 1998. – С. 80–85.

190. Николенко, О. Ю. Термины родства в терминосистемах общественных наук / О.Ю. Николенко // Вестник Челябинского

государственного университета. – 2011. – № 24 (239). – Вып. 57. Филология. Искусствоведение. – С. 99–101.

191. Николенко, О.Ю. Лексико-семантическая группа наименований родства: функционирование, эволюция, словообразовательные потенции: на материале речи жителей г. Омска : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Николенко Ольга Юрьевна. – Омск, 2006. – 22 с.

192. Николенко, О.Ю. Лингвистическое изучение названий родства / О.Ю. Николенко // Уральский филологический вестник. – 2012. – № 3. – С. 215–220.

193. Николич, М. Национально-культурный компонент семантики родства-свойства в русской и сербской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Николич Милина. – М., 2016. – 16 с.

194. Николаева, Л.Б. Типологія термінів спорідненості / Л.Б. Николаева // Проблеми зіставної семантики : збірник наукових статей. – Київ : КДЛУ, 2005. – Вип. 7. – С. 174–182.

195. Николайчук, Х. Структура і склад мікрополя «дитинство» (на матеріалі польської фразеології) / Х. Николайчук // Філологічні студії. – 2013. – Вип. 9. Ч. 2. – С. 121–135.

196. Німчук, В.В. Давньоруська спадщина в лексиці української мови. – Київ : Наук. думка, 1992. – 414 с.

197. Новиков, Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. – М.: Высшая шк., 1982. – 272 с.

198. Новоспасская, Н.В. Особенности номинации родства-свойства в современном сербском языке / Н.В. Новоспасская, О.В. Лазарева, М. Николич // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2018. – № 2 (80). – Ч. 2. – С. 350–355.

199. Орлова, Н.В. Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка) / Н.В. Орлова. – Омск : «Вариант-Омск», 2005. – 266 с.

200. Осовская, И.Н. Прототипные роли в немецком семейном дискурсе / И.Н. Осовская // Проблемы современной науки и образования. Филологические науки. – 2014. – № 3 (21) – С. 47–53.
201. Осовська, І. [Стереотипи сімейних стосунків у паремійному фонді німецької мови](#) / І. Осовська // Науковий вісник Волинського НУ. Серія: Філологічні науки (мовознавство). – Луцьк : ВНУ ім. Лесі Українки, 2010. – Вип. 7. – С. 141–145.
202. Пазяк, М.М. Українські прислів'я та приказки: Проблеми пареміології та пареміографії / М.М. Пазяк. – Київ : Наук. думка, 1984. – 201 с.
203. Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. – М. : Наука, 1998. – 236 с.
204. Петрухин, В.Я. Мировое дерево / [В.Я. Петрухин](#) // [Славянские древности: Этнолингвистический словарь](#) : в 5 т. / под общ. ред. [Н.И.Толстого](#). – М. : [Межд. отношения](#), 2004. – Т. 3. – С. 253–254.
205. Пименова, М.В. Душа и дух: особенности концептуализации / М.В. Пименова. – Кемерово : Графика, 2004. – 386 с.
206. Пименова, М.В. К вопросу о лингвистическом понимании концепта и методах его изучения [Электронный ресурс] / М.В. Пименова. – URL: <https://docplayer.ru/56791921-K-voprosu-o-lingvisticheskom-ponimanii-koncepta-i-metodah-ego-izucheniya.html>.
207. Пименова, М.В. Методология концептуальных исследований / М.В. Пименова // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 15–19.
208. Пименова, М.В. Символический макроконцепт «вселенная» в аспекте первопризнака в русской лингвокультуре / М.В. Пименова, А.А. Бакирова // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16. – № 1. – С. 92–101.
209. Пименова, М.В. Структурные изменения макроконцепта «Род» в русской лингвокультуре / М.В. Пименова // Педагогика: история, перспективы. – 2022. – Т. 5. – № 5. – С. 113–127.

210. Пименова, М.В. Типология структур концептов / М.В. Пименова // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты : Материалы IV Международной научно-практической конференции (16-17 октября 2008 г.) / Бийский пед. гос. ун-т им. В.М. Шукшина. – Бийск : БПГУ им. В.М. Шукшина, 2008. – С. 235–241.
211. Пинтин, Г. Репрезентация традиций семейного воспитания детей в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка) / Го Пинтин // Вестник Башкирского университета. – 2017. – № 3. – Т. 22. – С. 790–797.
212. Пихновский, П.В. Лингвофилософские основания риторики и герменевтики : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Пихновский Петр Владимирович. – Тверь, 2004. – 136 с.
213. Плотников, Б.А. Основы семасиологии / Б.А. Плотников. – Минск : Высшая школа, 1984. – 223 с.
214. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика : Учебное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ : «Восток – Запад», 2007. – 226 с.
215. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : ВГУ, 1999. – 30 с.
216. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 191 с.
217. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика : Учеб. издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 314 с.
218. Попова, Н.С. Мифопоэтический концепт как вид когнитивной метафоры / Н.С. Попова // Филология и культура: Материалы III-й Международной научной конференции: В 3ч. – Тамбов, 2001. – С. 36 – 37.
219. Постовалова, В.И. Существует ли языковая картина мира? / В.И. Постовалова // Язык как коммуникативная деятельность человека : сб. науч. трудов МГПИИЯ. – М., 1987. – Вып. 284. – С. 65–72.
220. Приходько, А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А.М. Приходько. – Запоріжжя : Прем'єр, 2008. – 331 с.

221. Приходько, А.Н. Концепты и концептосферы / А.Н. Приходько. – Днепропетровск : Издатель Белая Е.А., 2013. – 307 с.
222. Пьянкова, Т.В. Лексическое представление художественного концепта «семья» в повести Л. Улицкой «Сонечка» [Электронный ресурс] / Т.В. Пьянкова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskoe-predstavlenie-hudozhestvennogo-kontsepta-semya-v-povesti-l-ulitskoy-sonetchka>.
223. Радбиль, Т.Б. Основы изучения языкового менталитета / Т.Б. Радбиль. – М. : Наука, 2010. – 328 с.
224. Рэнчин, Б. Отображение универсальных и этноспецифических черт языковой картины мира в фразеологических фондах английского, русского и монгольского языков : на материале фразеологизмов-соматизмов и зоонимов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Рэнчин Батсурэн. – Саратов, 2010. – 26 с.
225. Русанівський, В. М. Мовна картина світу в етнокультурній парадигмі / В. М. Русанівський // Мовознавство. – 2004. – № 4. – С. 3–7.
226. Русанівський, В.М. Структура лексичної і граматичної семантики / В.М. Русанівський. – Київ : Наук. думка, 1988. – 240 с.
227. Русанівський, В.М. У слові – вічність: (Мова творів Т.Г. Шевченка) / В.М. Русанівський. – Київ : Наук. думка, 2002. – 239 с.
228. Савельева, Е.С. Когнитивно-семантический потенциал номинативных знаков родства и дружбы и его реализация в разных типах русского дискурса и языковом сознании носителей русского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Савельева Елена Сергеевна. – Барнаул, 2007. – 22 с.
229. Савельева, Е.С. Концепт родства в русской ментальности (на примере политического дискурса) / Е.С. Савельева, В.А. Миллер // [Инновационные технологии в науке и образовании](#). – 2015. – № 3. – С. 250–252.
230. Савенкова, Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б. Савенкова. – Ростов н/Д., 2002. – 239 с.

231. Савченко, Л.В. Феномен етнокодів духовної культури у фразеології української мови : етимологічний та. етнолінгвістичний аспекти / Л.В. Савченко. – Сімферополь : Доля, 2013. – 600 с.
232. Самситова, Л.Х. Культурный концепт как лингвокультурный феномен [Электронный ресурс] / Л.Х. Самситова. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kontsept-kak-lingvokulturnyy-fenomen/viewer>.
233. Селезнева, И.А. Объективация представлений о семье в русском, английском и китайском языках / И.А. Селезнева, Л.В. Бабина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2019. – Т.12. – Вып. 2. – С. 139–144.
234. Селиванова, Е.А. Когнитивная ономазиология / Е.А. Селиванова. – Киев : Фитосоциоцентр, 2000. – 247 с.
235. Селіванова, О.О. Міфологемна мотивація номінативних одиниць (на матеріалі української мови) / О.О. Селіванова // Мовознавство. – 2006. – № 6. – С.41–51.
236. Сергиева, Н.С. «Человек» как единица ядра языкового сознания / Н.С. Сергиева // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 6. – С. 73–81.
237. Слышкин, Г.Г. От текста к символу : лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М. : Академия, 2000. – 128 с.
238. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография / Г.Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 339 с.
239. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 825 с.
240. Степанова, Н.И. Коды культуры: семиотический и культурологический аспекты [Электронный ресурс] / Н.И. Степанова. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/kody-kultury-semioticheskiy-i-kulturologicheskiy-aspekty/viewer>.

241. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж : МИОН, ВГУ, 2001. – С. 58–65.
242. Сэпир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сэпир. – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.
243. Телия, В.Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка / В.Н. Телия // Культурные слова во фразеологизмах и дискурсивных практиках : сб. ст. / отв. ред. В.Н.Телия. – М. : Языки русской культуры, 2004. – С. 19–30.
244. Телия, В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 19–21.
245. Телия, В.Н. Предисловие / В.Н. Телия // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – С. 6–14.
246. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
247. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
248. Токарев, Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке) / Г.В. Токарев. – Волгоград : Перемена, 2003. – 213 с.
249. Толстая, С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе / С.М. Толстая // Категория родства в языке и культуре. – М. : ИНДРИК, 2009. – С. 7–22.

250. Толстая, С.М. К понятию культурных кодов / С.М. Толстая // Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. – С.23–31.
251. Толстая, С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе / С.М. Толстая. – М. : ИНДРИК, 2008. – 528 с.
252. Толстая, С.М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике / С.М. Толстая. – М. : Либроком, 2010. – 368 с.
253. Трубачев, О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О.Н. Трубачев. – М. : КомКнига, 2006. – 240 с.
254. Туровский, В.В. Память в наивной картине мира: забыть, вспомнить, помнить / В.В. Туровский // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М. : Наука, 1991. – С. 91–95.
255. Ужченко, В.Д. Когнітивні аспекти вивчення фразеології в Україні / В.Д. Ужченко // Лінгвістика. – 2008. – № 2 (14). – С. 46–59.
256. Ужченко, В.Д. Східноукраїнська фразеологія / В.Д. Ужченко. – Луганськ: Альма-матер, 2003. – 362 с.
257. Унжаков, А.Н. Лекция 6. Духовные основы пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке» (26.03.2020) // Унжаков А.Н. Духовные основы русской литературы. [Электронный ресурс]. – URL : <https://pravoslavie.ru/129665.html?ysclid=lu9aeho68v970201726>.
258. Успенский, Б.А. Избранные труды / Б.А. Успенский. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. – 608 с.
259. Уфимцева, А.А. Лексическое значение / А.А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 240 с.
260. Уфимцева, А.А. Лингвистическая сущность и аспекты номинации / А.А. Уфимцева, Э.С. Азнаурова, Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия // Языковая номинация (Общие вопросы). – М. : Наука, 1977. – С. 24–25.

261. Уфимцева, Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания [Электронный ресурс] / Н.В. Уфимцева. – URL: <https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1996/Part3-1.htm>.
262. Филиппов, Ю.В. Лингвокультурология как культурологическая дисциплина // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2018. – №8 (41). – С. 8–24.
263. Фирсова, И.М. «Шуринов племянник, какая зятю родня?» / И.М. Фирсова // Русская речь. – 2011. – № 6. – С. 72–75.
264. Халилова, А.Н. Паремические единицы с компонентом «женщина / жена» на материале французского и итальянского языков / А.Н. Халилова, Л.Х. Хараева // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке : сб. ст. по материалам XVI междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2018. – №7 (16). – С. 60–65.
265. Харитонова, О.В. Репрезентация концепта «семья» в русском языковом сознании / О.В. Харитонова, Л.В. Панова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2018. – №1. – Т. 9. – URL : <https://sfk-mn.ru/PDF/15FISK118.pdf>
266. Хроленко, А.Т. Основы лингвокультурологии : Учеб. пособие / А.Т. Хроленко . – М. : Флинта, 2005. – 184 с.
267. Худаш, М. Походження імен та релігійно-міфологічні функції давньоруських і спільнослов'янських язичницьких божеств / М. Худаш. – Львів : Інститут народознавства НАНУ, 2012. – 1064 с.
268. Цивьян, Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т.В. Цивьян. – 2-е изд., доп. – М. : КомКнига, 2005. – 279 с.
269. Черниговская, Т.В. Эволюция языковых и когнитивных функций: физиологические и нейролингвистические аспекты : автореф. дис. ... д-ра биол.наук : 03.00.13, 10.02.19 / Черниговская Татьяна Владимировна. – СПб, 1993. – 51 с.

270. Чернейко, Л.О. Концепты жизнь и смерть как фрагменты русской языковой картины мира / Л.О. Чернейко, Хо Сон Тэ // Филологические науки. – 2001. – № 5. – С. 50–60.

271. Чернова, А.В. Концепти “батько”, “мати” в українській лексико-фразеологічній системі світу : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / Чернова Аліна Володимирівна. – Дніпропетровськ, 2010. – 20 с.

272. Чернова, А.Е. Этнокультурные константы в лирике Николая Рубцова: автореф. дис. ... канд. филол.н. : 10.01.09 / Чернова Анастасия Евгеньевна. – М., 2014. – 26 с.

273. Чжан, Цинхань. Семантическое наполнение концепта «семья» в русской языковой картине мира и его языковая объективация в современной русской речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Цинхань Чжан. – Н. Новгород : ННГУ, 2022. – 182 с.

274. Чудинов, А.П. Метафора в политическом интердискурсе / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – 215 с.

275. Шайхуллин, Т.А. Русские и арабские паремии с компонентом-наименованием родственных отношений: концептуально-семантический и этнокультурный аспекты: автореф. дис. ... докт. филол. наук : спец. 10.02.01; 10.02.20 / Шайхуллин Тимур Акзамович. – Казань, 2012. – 48 с.

276. Шмелев, А.Д. Русская языковая картина модель мира: Материалы к словарю / А.Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

277. Шпілько, І.М. Терміни кровної спорідненості в українській і словацькій мовах / І.М. Шпілько // Вісник Дніпропетровського університету. Серія : Мовознавство. – 2012. – Т. 20, вип. 18. – С. 252–258.

278. Шуба-Зимянина, Т.П. Номинации родства в русском, белорусском польском языках (на материале фемининативов) [Электронный ресурс] / Т.П. Шуба-Зимянина // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П. П. Шубы) : сб. материалов V Между- нар. науч. конф., 11–12 окт. 2011 г., Минск. – Минск : Изд. центр

БГУ, 2011. – URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/17319/1/Шуба-Зимянина%20Г.%20П.%20Номинации%20родства%20в%20русском%20и%20белорусском%20и%20польском%20языках.pdf>.

279. Щербакова, Н.В. Фразеологізми з назвами людей у лексичному наповненні : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 / Щербакова Наталя Володимирівна. – Харків, 2002. – 18 с.

280. Эгамназаров, Х.Х. Термины родства и их функционально-семантические микросистемы в узбекском и английском языках : дисс. ... канд.филол. наук : 10.02.20 / Х.Х. Эгамназаров. – Душанбе, 2010. –148 с.

281. Юдина, Н.Ю. Система терминов родства как часть русской ментальности (прошлое и настоящее) / Н.Ю. Юдина // Русский язык: исторические судьбы и современность / Н.Ю. Юдина. – М. : Изд-во Московского университета, 2001. – С. 80–81.

282. Яковлева, О.В. Обрядовий дискурс у системі національної лінгвоментальності / О.В. Яковлева. – Одеса : ОНУ, 2014. – 394 с.

283. Ярмач, В.І. Семантико-експресивний потенціал концепту «СИН» у сербських, російських і українських фразеологізмах і пареміях / В.І. Ярмач // Мовознавство. – 2012. – Вип. 12. – С. 175–184.

284. Ясіновська, О. Концепт любов у текстах Нового Завіту / О. Ясіновська // Вісник ЛНУ: Сер. Філологічна. – Львів, 2000. – Вип. 29. – С. 152-165.

285. Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury 12. / Pod red. Jerzego Bartmickiego. – Lublin : Wydaw. UMCS, 2000. – 324 s.

286. Hallig, R. Begriffssystemals Grundlageferdie Lexikographie / R. Hallig, W. Wartburg. – Berlin, 1963. – 291 p.

**ТРУДЫ ПО КУЛЬТУРОЛОГИИ, ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ,
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЮ И СМЕЖНЫМ ДИСЦИПЛИНАМ**

287. Аверинцев, С.С. Символ художественный / С.С. Аверинцев // София–Логос: Словарь / С.С. Аверинцев / [2-е изд., испр.]; [сост., авт. послесл. К. Сигов]. – Київ : Дух і Літера, 2001. – С. 155–161.
288. Аверинцев, С.С. Символ / С.С. Аверинцев // Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 839 с. – С. 385–386.
289. Алехина, С. Проблема идентичности в русской философии XIX – начала XX вв. / С. Алехина // Власть. – 2010. – № 3. – С. 39–43.
290. Амброз, А.К. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа / А.К. Амброз // Советская археология. – 1966. – № 1. – С. 61–76.
291. Антонов, А.И. Социология семьи / А.И. Антонов, В.М. Медков. – М. : Изд-во МГУ, Изд-во Международного университета бизнеса и управления «Братья Карич», 1996. – 304 с.
292. Аристотель. Риторика. Поэтика; Пер. О.П. Цыбенко (Риторика) и В.Г. Аппельрота (Поэтика) / Аристотель. – М. : Лабиринт, 2000. – 224 с.
293. Архетипи української ментальності [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.filosof.com.ua/Mentaltheorie/P12.pdf>.
294. Асмус М., диакон. Житейское море // Православие. Ru. (03.12.2008). [Электронный ресурс]. – URL : <https://pravoslavie.ru/37156.html?ysclid=lu9gyh6wyt276899563>.
295. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3-х т. Репринт 1865 года / А.Н. Афанасьев. – М. : Индрик, 1994. – Т. 1. – 801 с.
296. Афанасьев, А.Н. Мифология Древней Руси. Поэтические воззрения славян на природу. – М. : Эксмо, 2007. – 608 с.
297. Банковская, Н.П. Типология романтического мышления : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.08 / Банковская Нина Павловна. – Київ, 1981. – 32 с.

298. Бовсунівська, Т.В. Поетика Тараса Шевченка. Вибрані статті / Т.В. Бовсунівська. – Київ : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2017. – 224 с.
299. Богданова, Л. Амбівалентність перцепції материнства у творчості Тараса Шевченка / Л. Богданова // Література, фольклор, проблеми поетики : зб. наук. праць. – Київ : Твім-інтер, 2009. – Вип. 33. – Ч. 2. – С. 434–448.
300. Бондаренко, О. І назвав Адам ім'я своїй жінці: Єва : ЧОЛОВІК і ЖІНКА у дзеркалі мовних культур / О.І. Бондаренко. – Кіровоград : Імекс-ЛТД, 2008.–160 с.
301. Бурвикова, Н.Д. Жизнь в мимолетных мелочах / Н.Д. Бурвикова, В.Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 2006. – 68 с.
302. Вернадский, Г.В. Киевская Русь / Г.В. Вернадский / пер. с англ. Е.П. Беренштейна и др. – Тверь, М. : ЛЕАН, АГРАФ, 1999. – 448 с.
303. Войтович, В. Українська міфологія / В. Войтович. – Київ : Либідь, 2002. – 664 с.
304. Голосовкер, Я.Э. Логика античного мифа / Я.Э. Голосовкер // Голосовкер Я.Э. Избранное. Логика мифа. – М, СПб : Центр гуманитарных инициатив, 2010. – 496 с.
305. Гончар, Ю. Сердечний рай (Гендерні аспекти художнього світу Тараса Шевченка) / Ю. Гончар. – Черкаси : Брама-Україна, 2010. –188 с.
306. Грабович, Г. Поет як міфотворець. Семантика символів у творчості Тараса Шевченка / Г. Грабович. – Київ : Часопис «Критика», 1998. – 206 с.
307. Грицай, Л.А. Идеалы родительского воспитания в русской традиционной культуре (на материале изучения устного народного творчества) / Л.А. Грицай // Общество: социология, психология, педагогика. – 2012. – № 2. – С. 53–62.
308. Грицай, Л.А. Сопоставление мифологем «мать» и «отец» в русской и карельской фольклорной традиции [Электронный ресурс] / Л.А. Грицай // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани

познання». – 2013. – № 6 (26). Септєбрь. – URL:
<http://grani.vspu.ru/files/publics/1381298999.pdf>

309. Гуржій, О.І. Бурлаки [Електронний ресурс] / О.І. Гуржій // Енциклопедія історії України: Т. 1: А-В / редкол. : В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. – Київ : Наук. думка, 2003. – 688 с. – URL: <http://www.history.org.ua/?termin=Burlaky>.

310. Данилюк, Н.О. Поетичне слово в українській народній пісні / Н.О. Данилюк. – Луцьк : РВВ Волин. нац. ун-ту ім. Лесі Українки, 2010. – 511 с.

311. Демчук, О. Архетип матері – єднальна ланка ранніх збірок Павла Тичини : [урок-літературознавче дослідження : 11 клас] / О. Демчук // Українська мова й література в середніх школах, гімназіях, ліцеях та колегіумах. – 2001. – № 3. – С. 94–100.

312. Дзюба, І.М. Тарас Шевченко. Життя і творчість / І.М. Дзюба. – Київ : Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – 718 с.

313. Дмитриев, М.В. Парадоксы «Святой Руси» : «Святая Русь» и «русское» в культуре Московского государства 16–17 вв. и фольклоре 18–19 вв. // *Sahiers du Monde Russe*. – 2012. No 53/2–3. – P. 319–331.

314. Домников, С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. – М. : Алетейя, 2002. – 672 с.

315. Достоевский, Ф.М. Пушкин (очерк) // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Ленинград: Наука, Ленинградское отд., 1988-. – Т. 14. – СПб. : Наука, 1995. – 783 с.

316. Дьяченко, Г. Полный церковно-славянский словарь [Электронное издание] / Г. Дьяченко. – М., 1900. – URL : <http://www.slavdict.ru>.

317. Єрмоленко, С.Я. Мовно-естетичні знаки української культури / С.Я. Єрмоленко ; відп. ред. Г.П. Півторак. – Київ : Ін-т української мови НАН України, 2009. – 352 с.

318. Єрмоленко, С. «Садок вишневий коло хати» – символ української ідентичності / С. Єрмоленко // *Культура слова*. – 2014. – Вип. 80. – С. 50–59.

319. Єрмоленко, С.Я. Фольклор і літературна мова / С.Я. Єрмоленко. – Київ : Наукова думка, 1987. – 245 с.
320. Закирова, Т.В. Трансформація інститута сім'ї в контексті цінностей лібералізму / Т.В. Закирова, З.Ю. Переселкова // Вестник Удмуртського університету. Серія «Філософія. Психологія. Педагогіка». – 2022. – № 4. – С. 359–366.
321. Засухина, В.Н. Ідеал «всеобщого родства» в філософії общего дела Н.Ф. Федорова як інтерпретація п'ятої заповіді Декалога / В.Н. Засухина // Гуманітарний вектор. Сер. Філософія. Культурологія. – 2016. – Т. 11. – № 1. – С. 92–97.
322. Зеньковський, В.В. Історія російської філософії / В.В. Зеньковський. – М. : Академічний Проект, Раритет, 2001. – 880 с. [Електронний ресурс]: Азбука вери. – URL : https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Zenkovskij/istorija-russkoj-filosofii/1.
323. Зусман, В.Г. Діалог і концепт в літературі / В.Г. Зусман. – Н. Новгород : Деком, 2001. – 168 с.
324. Іларіон, митрополит (Огієнко І.І.) Дохристиянські вірування українського народу / І. Огієнко. – Київ : Обереги, 1992. – 424 с.
325. Історія Росії : Учебник / А.С. Орлов, В.А. Георгієв і др. – М. : Проспект, 1997. – 544 с.
326. Как читать молитвы на очищение рода? // Фома (Рубрика: Вопросы священнику). Вопрос от 20.06.2023. [Электронный ресурс]. – URL: <https://foma.ru/kak-chitat-molitvu-na-ochishhenija-roda.html?ysclid=ltobhkm90588591678>
327. Кармин, А. Філософія культури в інформаційному суспільстві: проблеми і перспективи / А. Кармин // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 52–60.
328. Кассирер, Э. Філософія символічних форм : Мифологічне мислення / Э. Кассирер. – Т. 2 : Мифологічне мислення. – М. ; СПб. : Университетська книга, 2002. – 280 с.

329. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси // Полицук, Е.С. Пресвятая Богородица в России. – М. : Издательство МП РПЦ, 2012. – С. 6.
330. Коваль, В.И. Мифологические верования восточных славян: Пособие по курсу «Славянская мифология» / В.И. Коваль. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – 270 с.
331. Кондаков, И.В. Пушкин как феномен русской культуры / И.В. Кондаков // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6. – С. 160–170.
332. Королева, С.Б. Дискурс о Святой Руси в русской поэзии XIX века (1825–1854) / С.Б. Королева // Религиозные коды русской литературы XIX–XX веков: Коллективная монография. – М. : ЛЕНАНД, 2023. – 304 с. – С. 5–32.
333. Кравець, Л.В. Динаміка метафори в українській поезії ХХ ст. / Л.В. Кравець. – Київ : «Академія», 2012. – 416 с.
334. Кривоший, О.П. Материзна. Жінка в правовій культурі українського народу (X – перша половина XVII ст.) / О.П. Кривоший. – Запоріжжя : «Поліграф», 2001. – 92 с.
335. Кримський, С.Б. Наука як феномен цивілізації / С.Б. Кримський // Кримський С.Б. Запити філософських смислів. – Київ : ПАРАПАН, 2003. – С. 148–168.
336. Кримський, С. Перспектива нового тисячоліття та зміна стратегій соціального інтелекту / Сергій Кримський // Магістеріум. – 1998. – Вип. 1 : Історико-філософські студії. – С. 63–70.
337. Кронштадтский, Иоанн (свт. прав.). Христианская философия. – М. : Моск. Патриархат, 1992. – 212 с.
338. Лебединцева, Н.М. Українська поетична свідомість кінця ХХ ст. : трансформація архетипу Великої Матері : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Лебединцева Наталія Михайлівна. – Київ : Інститут літератури ім. Т. Шевченка НАН України, 2003. – 22 с.

339. Лихачев, Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение / Д.С. Лихачев. – СПб. : Алетейя, 1997. – 582 с.
340. Лихачев, Д.С. Об особенностях русского православия / Д.С. Лихачев // Звезда. – 2006. – № 11. [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2006/11/ob-osobennostyah-russkogo-pravoslaviya.html>
341. Личковах, В. Універсалізм і регіоніка в сучасній етнокультурології / В. Личковах // Культурологічна думка. – 2010. – № 1 (2). – С. 48–54.
342. Лозко, Г. Велесова Книга – воловник / Г. Лозко // Українська Духовна академія Рідновірів. – Вінниця : Континент-Прим, 2004. – С. 339–345.
343. Лозко, Г.С. Символіка жінки-птаха в українській культурі / Г.С. Лозко // Україна в етнокультурному вимірі століть. – Вип. 5: Міфи і символіка в етнокультурі українців : збірник наукових праць / Відп. ред. П.М. Чернега. – Київ : НПУ імені М. П. Драгоманова, 2015. – С. 33–41.
344. Лозко, Г.В. Історія розвитку Рідної Віри українського народу [Електронний ресурс] / Г.В. Лозко. – URL : <http://kolovolhviv.top/рідна-віра-україни-русі/історія-розвитку-рідної-віри-україн/>.
345. Лопатто, М.О. Повести Пушкина. Опыт введения в теорию прозы / М.О. Лопатто // Пушкинист. Историко-литературный сборник ; под ред. С.А. Венгерова. – Вып. III. – Пг., 1918. – С. 3–50.
346. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев // Лосев, А.Ф. Из ранних произведений. – М. : Правда, 1990. – С. 363–600.
347. Лосев, А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1995. – 320 с.
348. Лосев, А.Ф. Символ // Философская энциклопедия. – М. : Советская энциклопедия, 1970. – Т. 5. – С. 10–11.
349. Лосев, А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев. – М. : МГУ, 1990. – 269 с.

350. Лотман, Ю.М. Семиосфера: культура и взрыв. Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман. – СПб : «Искусство – СПб», 2001. – 704 с.
351. Лотман, Ю.М. Миф – имя – культура / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Лотман Ю. Семиосфера. – СПб. : Искусство-СПб, 2000. – 703 с.
352. Лотман, Ю.М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 414. – Тарту : Изд-во ТГУ, 1977. – С. 3–36.
353. Лотман, Ю.М. Текст в тексте / Ю.М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. Текст в тексте: Труды по знаковым системам XIV. – Тарту, 1981. – Вып. 567. – С. 3–18.
354. Межуев В.М., Культура [Электронный ресурс] / В.М. Межуев, А.В. Константинов // Большая российская (онлайн) энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/kul-tura-26efdd?ysclid=lslnwuw3bk392424311>.
355. Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. – М. : Библиотека им. М. Горького, 1976. – 407 с.
356. Миролубов, Ю.П. Сакральное Руси. Собрание сочинений : в 2 т. / Ю.П. Миролубов. – М. : АДЕ «Золотой Век», 1996.
357. Непомнящий, В.С. Пушкин. Размышления в лицейский день. [Электронный ресурс] / В.С. Непомнящий. – URL: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?section_id=143&id=181.
358. Нефедов, прот. Геннадий. Основы христианской нравственности. – М.: Паломник, 2006. – 287 с. Глава 4. [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Gennadij_Nefedov/osnovy-hristianskoj-nravstvennosti/4
359. Никитина, Ф.А. Древнейшие идеологемы и их влияние на европейскую культуру / Ф.А. Никитина // Мова і культура. – 2004. – Вып. 7. – Т. VIII: Теорія і практика перекладу. – С. 5–18.
360. Ницше, Ф. Сочинения: в 2 т. / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – 830 с.

361. Нойманн, Э. Леонардо да Винчи и архетип матери / Э. Нойманн; [пер. с англ.] // Психоанализ и искусство : сб. / К.Г. Юнг, Э. Нойманн. – М., К. : Refl-book; Ваклер, 1996. – С. 95–152.
362. Орлов, А.С. История России с древнейших времен до наших дней / А.С. Орлов, В.А. Георгиев и др. – М. : Проспект, 2006. – 528 с.
363. Павиленис, Р.И. Проблемы смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.
364. Павленко, Ю.В. Ценностно-смысловой универсум как основа познавательной деятельности / Ю.В. Павленко // Collegium. – 2011. – Вып. 10. – С. 156–168.
365. Панченко, А.М. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и поэзии начала XX века / А.М. Панченко, И.П. Смиронов // Труды отдела древнерусской литературы. Древнерусская литература и культура XIX–XX веков. – Л. : Наука Ленингр. отд-е, 1971. – Вып. 26: Древнерус лит. и культура XVIII–XX вв. – С. 33–49.
366. Пелипенко, А.А. Культура как система / А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 396 с.
367. Полищук, Е.С. Пресвятая Богородица в России / Е.С. Полищук. – М. : Издательство МП РПЦ, 2012. – 253 с.
368. Попов, В. Геометрия родства, алгебра родства и абракадабра родства, или Как из систем родства и фольклора соорудить кубик Рубика (заметки на полях статьи П.Л. Белкова «Об использовании геометрического кода в исследованиях по классификационным системам родства») / В. Попов // Антропологический форум. – 2011. – №14. – С. 352–364.
369. Потebня, А.А. Из лекций по теории словесности Басня. Пословица. Поговорка / А.А. Потebня // Теоретическая поэтика. – М. : Высш. шк., 1990. – С. 90–97.
370. Потebня, А.А. Слово и миф / А.А. Потebня // Из истории отечественной философской мысли / сост. А.Л. Топоркова. – М. : Правда, 1989. – 624 с.

371. Потебня, А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. – М. : Искусство, 1976. – 613 с.
372. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – М. : Лабиринт, 2000. – 336 с.
373. Процик, І.В. Архетип і символ: проблеми визначення та взаємодії / І.В. Процик // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: Лінгвістика і літературознавство : Міжвуз. зб. наук. ст. – 2011. – Вип. XXIV, ч. 2. – С. 368-377.
374. Процик, І.В. Поняття архетипу в науковій літературі: генетико-теоретичний аспект / І.В. Процик // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. – 2009. – № 9. – С. 56–67.
375. Психологизм и искусство / [отв. ред. С.Л. Удовик ; пер. с англ. Г. Бутузов (К.-Г. Юнг), О. Чистяков (Э. Нойманн)]. – М. : REFL-book ; Киев : Ваклер, 1996. – 304 с.
376. Пуларія, Т. Архетип, міф, символ: до співвідношення понять / Т. Пуларія // АРКАДІЯ. Мистецтвознавчий та культурологічний журнал. – 2015. – №1(42). – С. 19–25.
377. Пустовіт, Л.О. Символ / Л.О. Пустовіт // Українська мова. Енциклопедія. – Київ : «Укр. енциклопедія ім. М. Бажана», 2000. – С. 536.
378. Райкен Л. (ред.). Море // Словарь библейских образов : [Справочник] / Под общ. ред. Л. Райкена и др. (пер. с англ.). – СПб.: Библия для всех, 2005. – 1423 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov/463#source>.
379. Руткевич, А. М. Жизнь и воззрения Юнга / А.М. Руткевич // Юнг К.Г. Архетип и символ. – М. : Ренессанс, 1991. – С. 5–22.
380. Рыбаков, Б.А. Язычество Древней Руси / Б.А. Рыбаков. – М. : Наука, 1987. – 783 с.
381. Свириин, Н. «Подражание Корану» Пушкина / Н. Свириин // Звезда. – 1936. – № 8 – С. 221–242.

382. Серебрякова, А.А. Традиционные семейные ценности в современном российском обществе / А.А. Серебрякова // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 9 (177). – С. 57–59.

383. Сидельников, В.М. Поэтика русской народной лирики. Пособие для вузов / Под ред. Л.И. Тимофеева / В.М. Сидельников. – М. : Держ-е уч.-пед. вид-во мін-ва освіти РСФСР, 1959. – 128 с.

384. Соловьев, С.М. Сочинения: в 18 кн. – М. : Мысль, 1988. – Кн. 1. История России с древнейших времен. Тома 1–2. – 798 с.

385. Соловьева, Л.А. Исследование семейных образов в изобразительном искусстве (контент-анализ материалов русского и советского искусства XIX-XX вв.) [Электронный ресурс] / Л.А. Соловьева // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. – 2012. – № 8 (127). Выпуск 20. – С. 313–320. URL : https://artchive.ru/artists/28390~Taras_Grigorevich_Shevchenko/works/383048~Krestjanskaja_semja.

386. Соціологія : навч. посіб. / [С. О. Макеєв, В. П. Чорноволенко, В. Л. Оссовський та ін.] ; за ред. С. О. Макеєва. – [2-ге вид., виправ. і доп.]. – Київ : Т-во «Знання», КОО, 2003. – 455 с.

387. Ставнича, О. Література – міф – суспільство: концептуалізація соціального міфу у прозі 1990 – 2000-х років / О. Ставнича. – Київ : Наук. думка, 2017. – 358 с.

388. Степанова, Т.М. Типология фольклоризма литературных текстов / Т.М. Степанова, Л.П. Бессонова [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2007. – № 2. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-folklorizma-literaturnyh-tekstov>.

389. Сюта, Г. Самоповтори в поетичній мові Тараса Шевченка / Г. Сюта // Культура слова. – Київ : Вид. дім Дмитра Бураго, 2014. – Вип. 80. – С. 79–89.

390. Сюта, Г.М. Цитатний тезаурус української поетичної мови ХХ століття / Г.М. Сюта. – Київ : ТОВ «КММ», 2017. – 384 с.

391. Телегин, С.М. Философия мифа. Введение в метод мифореставрации / С.М. Телегин. – М. : Община, 1994. – 144 с.
392. Токарева, Г.А. Мифопоэтический аспект художественного текста: проблема интерпретации / Г.А. Токарева // Вопросы современной филологии : Сборник научно-методических статей. – Петропавловск-Камчатский: Издательство КГПУ, 2004. – С. 26–35.
393. Толстой, Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М. : Издательство «Индрик», 1995. – 509 с.
394. Топорков, А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века / А.Л. Топорков. – М. : Изд-во «Индрик», 1997. – 456 с.
395. Топоров, В.Н. Древо жизни; Древо познания; [Древо Мировое](#) / В.Н. Топоров // [Мифы народов мира](#) : Энцикл. в 2 т. / гл. ред. [С. А. Токарев](#). – 2-е изд. – М. : [Советская энциклопедия](#), 1987. – Т. 1. – С. 396–406.
396. Топоров, В.Н. Род / В.Н. Топоров // [Мифы народов мира](#) : Энцикл. в 2 т. / гл. ред. [С. А. Токарев](#). – 2-е изд. – М. : [Советская энциклопедия](#), 1987. – Т. 2. – С. 384–385.
397. Топоров, В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре в 2 т. / В.Н. Топоров. – М. : Языки русской культуры, 1995. – Т. 1. – 875 с.
398. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области славянской мифологии и этнолингвистике / В.Н. Топоров. – М. : [б.и.], 1995. – 621 с.
399. Уваров, М.С. Идеи антиномизма в истории европейской философии и культуры / М.С. Уваров. – СПб : Изд-во Балтийского гос. техн. ун-та, 1996. – 214 с.
400. Фаминцын, А.С. Божества древних славян / А.С. Фаминцын. – М. : Гаудеамус, Академический проект, 2012. – 315 с.
401. Федотов, Г.П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / Г.П. Федотов. – М. : Прогресс, Гнозис, 1991. – 192 с.

402. Франко, І. «Наймичка» Т. Шевченка / І. Франко // Твори: в 20 т. – Київ: Держлітвидав України, 1955. – Т. 17. – С. 115–116.
403. Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер // Новая технократическая волна на Западе. – М. : Прогресс, 1986. – С. 93–119.
404. Хафизова, Н.А. Архетипы Великой Матери и Вечной Женственности как способы производства женской идентичности / Н.А. Хафизова // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2014. – № 1. – С. 100–110.
405. Хоружий, С.С. Антропологические следствия энергийной онтологии православия // X Рождественские чтения (материалы). 2002. [Электронный ресурс]. – URL : https://www.fapsyrou.ru/science/stati_conference/antropologicheskie_sledstviya_energiynoy_590/?ysclid=lnoarqjjdp297227864.
406. Черкас, О.О. Образ батька та модель родинних стосунків у поезії Тараса Шевченка [Електронний ресурс] / О.О. Черкас, О.В. Шаф // Таїни художнього тексту. – 2014. – С. 144–149. – URL : file:///E:/Скачанное/Tkht_2014_17_20.pdf.
407. Шаф, О. Мотив руйнації родинних стосунків у поезії Тараса Шевченка в гендерному ракурсі / О. Шаф // Шевченкознавчі студії. – Київ : Вид. поліграф. центр «Київський університет», 2013. – Вип. 16. – С. 103–109.
408. Шевчук, В. Родина / В. Шевчук // Теми і мотиви поезії Тараса Шевченка / Ю. Барабаш, О. Боронь, І. Дзюба та ін. – Київ : Наук. думка, 2008. – С. 213–232.
409. Широкова, М.А. Творчество А.С. Пушкина как выражение синтеза языковых и культурных систем России и Европы / М.А. Широкова // Филология и человек. – 2018. – № 4. – С. 23–36.
410. Элиаде, М. Аспекты мифа / пер. с фр. В. Большакова / М. Элиаде. – М. : Инвест-ППП, Gallimard, 1995. – 237 с.
411. Юнг, К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 300 с.

412. Assagioli, R. Psychosynthesis: A Collection of Basic Writings / R. Assagioli. – Amherst : Published by Synthesis Center Inc. (in cooperation with Berkshire Center for Psychosynthesis), 2000. – 287 p.

413. D'Andrade, R.G. Cultural meaning systems / R.G. D'Andrade // Cultural theory: Essays in mind, self and emotion. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – P. 88–119.

414. Cassirer, E. The Philosophy of Symbolic Forms [Электронный ресурс] / E.Cassirer. – Vol I: Language, trans. R Manheim. –New Haven : Yale University Press, 1953. – URL: <https://www.jstor.org/stable/41477398?seq=1>.

415. Dworkin R. Taking Rights Seriously / R. Dworkin. – Cambridge : Harvard University Press, 1978. – 392 p.

416. Slochower, H. Mythopoesis: Mythic Patterns in the Literary Classics / H. Slochower. – Detroit: Wayne State University press, 1970. – 362 p.

417. Janes, J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicamiral Mind / J.Janes. – Boston: Houghtov Mifflin Co, 1976. – 467 p.

418. Tynan, C. A Review of the marriage analogy in relationship marketing / C. Tynan // J. Mark Manag. – 1997. – № 13. – P. 695–703.

419. White, L.A. The concept of cultural systems: A key to understanding tribes and nations / L.A. White. – N.Y., 1976. – 192 p.

СЛОВАРИ, ЭНЦИКЛОПЕДИИ

420. Большая российская (онлайн) энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/>

421. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. – М. : Аст-пресс книга, 2006.– 784 с.

422. Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д.И. Валентей. – М. : Сов. энцикл., 1985. – 608 с.

423. Енциклопедія історії України: Т. 1: А-В / редкол. : В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. – Київ : Наук. думка, 2003. – 688 с.
424. Жайворонок, В.В. Знаки української етнокультури : словник-довідник / В. В. Жайворонок. – Київ : Довіра, 2006. – 703 с.
425. Жайворонок, В.В. Антологія знаків української культури: Словник-довідник / В.В. Жайворонок. – Київ : Наукова думка, 2018. – 759 с.
426. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М. : Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
427. Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В.В. Давыдов. – М. : Большая рос. энцикл, 1993. – Т. 2. – 1160 с. [Электронный ресурс]. – URL : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/russpenc/17.php.
428. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М. : Астрель; АСТ, 2002.
429. Селіванова, О.О. Лінгвістична енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава : Довкілля – К., 2010. – 844 с.
430. [Славянские древности](#): Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. [Н.И. Толстого](#). – М. : [Межд. отношения](#), 2004.
431. Словарь библейских образов : [Справочник] / Под общ. ред. Л. Райкена и др. (пер. с англ.). – СПб. : Библия для всех, 2005. – 1423 с.
432. Українська мова. Енциклопедія. – Київ : «Укр. енциклопедія ім. М. Бажана», 2000. – 824 с.
433. Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 839 с.
434. Философский энциклопедический словарь / ред. кол.: С.С. Аверинцев и др. – 2-е изд. – М. : Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
435. Шевченко, В.М. Словник-довідник з релігієзнавства / В.М. Шевченко. – К. : Наукова думка, 2004. – 560 с.

436. Шейнина, Е.Я. Энциклопедия символов [Электронный ресурс] / Е.Я. Шейнина. – М., 2001. – URL : <http://www.rulit.me/books/simvoly-znaki-emblemy-enciklopediya-read-228708-120.html>.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Словари, энциклопедии, источники дополнительного материала

437. Афанасьев, А.Н. Народные русские сказки: в 3 т. / А.Н. Афанасьев. – М. : Наука, 1984–1985. – Т. 2. – С. 30–31 (Петух и жерновки).

438. Бибик, С.П. Словник епітетів української мови / С.П. Бибик, С.Я. Єрмоленко, Л.О. Пустовіт. – Київ : Довіра, 1998. – 430 с.

439. Ващенко, В.С. Епітети поетичної мови Т.Г. Шевченка / В.С. Ващенко. – Дніпропетровськ, 1982. – 84 с.

440. Горбачевич, К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка / К.С. Горбачевич. – СПб. : Норинт, 2002. – 224 с.

441. Етимологічний словник української мови: в 7 т. / Ред. кол.: О.С. Мельничук (гол. ред.), І.К. Білодід, В.Т. Коломієць, О.Б. Ткаченко. АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні. – К. : Наукова думка, 1982–2012.

442. Зеленецкий, А.Л. Словарь литературных эпитетов / По изд.: Эпитеты литературной русской речи: 1120 статей. – М. : Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1913. – М. : Грамотей, 2005. – 149 с.

443. Конкорданція поетичних творів Тараса Шевченка / ред.-упоряд. О.С. Ільницький. – Торонто, 2001. – 779 с.

444. Львов, М.Р. Словарь антонимов русского языка: более 2 000 антонимических пар / Под ред. Л.А. Новикова. –2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1984. –384 с.

445. Меньшиков, И.И. Поэтическое слово Пушкина. Словарь / И.И. Меньшиков, В.И. Мордань, Н.В. Подмогильная. – Дніпропетровськ : Січ, 1999.– 325 с.

446. Меньшиков, І.І. Поетичне слово Кобзаря. Словник лексичних компонентів атрибутивних конструкцій / І.І. Меньшиков Н.В. Підмогильна. – Київ : Дирекція ФВД, 2008. – 211 с.

447. [Мифы народов мира](#) : Энциклопедия в 2 т. / гл. ред. [С. А. Токарев](#). – 2-е изд. – М. : [Советская энциклопедия](#), 1987.

448. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1984. – 797 с.

449. Селіванова, О.О. Лінгвістична енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава : Довкілля. – 2010. – 844 с.

450. Славянская мифология: энциклопедический словарь. – М. : Эллис Лак, 1995. – 416 с.

451. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого: в 3 т. – М. : Международные отношения, 1995–2004.

452. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1999.

453. Словарь современного русского литературного языка : в 17-ти томах. – М.; Л. : Изд-во «Наука», 1950 – 1965.

454. Словарь языка русских произведений Шевченко. – Киев : Наукова думка, 1985–1986. – 754 с.

455. Словарь современного русского литературного языка. – М.; Л. : Академия наук, 1950–1966.

456. Словарь языка Пушкина: в 4 т. – М. : ГИС, 1956–1961.

457. Словник мови Шевченка: в 2 т. – Київ : Наукова думка, 1964.

458. Толковый словарь русского языка: в 4-х томах / Под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Астрель, АСТ, 2000.

Украинский песенный фольклор

459. Закувала зозуленька. Антологія української народної творчості : пісні, прислів'я, загадки, скоромовки / Упоряд. Н.С. Шумада. – Київ : Веселка, 1989. – 606 с.

460. Пісні родинного життя / [редкол. : Березовський І.П. (відп. ред.) та ін.]. – Київ : Дніпро, 1988. – 358 с.

461. Українські народні пісні: календарно-обрядова лірика / Упоряд., підготовка текстів та приміт. О.І. Дея. – Київ : Держ. вид. худ. літератури, 1963. – 569 с.

462. Українські народні пісні: пісні суспільно-побутові / Упоряд. О.М. Хмілевська. – Київ : Музична Україна, 1967. – 735 с.

463. Українські народні пісні: родинно-побутова лірика / Упоряд., підготовка текстів та приміт. Г.К. Сидоренко. – Київ : Вид-во худ літ-ри «Дніпро», 1965. – 528 с.

464. Українські народні пісні / Упоряд. В. Єсипка. – Київ : Техніка, 2003. – 207 с.

Украинские паремии

465. Багмет, А. Збірка українських прислів'їв та приказок / А. Багмет. – Київ : Техніка, 2002. – 211 с.

466. Жовківський, А.М. Мудрість народна – мудрість міжнародна : Прислів'я, приказки, крилаті вислови та мовні звороти дев'ятьма мовами / А.М. Жовківський, Г.А. Жовківська, Т.Д. Івасютин, Ю.І. Макар та ін.. – Чернівці : Рута, 2004. – 256 с.

467. Українські народні прислів'я та приказки / Упоряд. В. Бобкова, Ф. Лавров. – Київ : Вид-во АН УРСР, 1955. – 446 с.

468. Прислів'я та приказки: Людина. Родинне життя. Риси характеру / Упоряд. М.М. Пазяк. – Київ : Наук. думка, 1990. – 528 с.

469. Українські прислів'я і приказки / Упоряд. Т.М. Панасенко. – Харків : ТОВ «Бібліоколектор», 2012. – 351 с.

470. Українські приказки, прислів'я і таке інше. Уклав М. Номис / Упоряд. М.М. Пазяк. – Київ : Либідь, 2003. – 352 с. (Серія «Пам'ятки історичної думки України»).

471. Російсько-український тлумачний словник паремій / Ж.В. Колоїз, З.П. Бакум, Л.А. Білоконенко, Т.І. Вавринюк, Н.М. Малюга, Н.М. Шарманова

; за ред. проф. Ж.В. Колоїз. – Кривий Ріг : ФОП Маринченко С.В., 2016. – 454 с.

Русский песенный фольклор

472. Лазутин, С.Г. Русские народные песни / С.Г. Лазутин. – М. : Просвещение, 1965. – 302 с.

473. Народные лирические песни. – 2-е изд. – Л. : Советский писатель, 1961 – 610 с.

474. Обрядовая поэзия / Сост. В.И. Желункина, А.Н. Розов. – М. : Современник, 1989. – 735 с. – (Классическая библиотека «Современник»).

475. Русское народное поэтическое творчество : Хрестоматия / Сост. Ю.Г. Круглов. – Л. : Просвещение, 1984. – 559 с.

476. Русское народное поэтическое творчество : Хрестоматия / Под ред. А.М. Новиковой. – Изд. третье, испр., дополн. – М. : Высшая шк., 1987. – 512 с.

477. Устное поэтическое творчество русского народа : Хрестоматия / Сост. С.И. Василенок, В.М. Сидельников. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1954. – 287 с.

478. Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия: Сборник / Сост. К. Чистова. – Л. : Худож. лит., 1984. – 528 с.

479. Русские народные песни / Сост. В.И. Аникина. – М. : Детская литература, 1972. – 125 с.

480. Русские народные песни : Сборник / Сост. А.Н. Розова. – Л. : Сов. писатель, 1988. – 464 с.

481. Рыбников, П.Н. Русские народные былины, песни / П.Н. Рыбников. – М. : Советская Россия, 1990. – 144с.

482. Русские песни / Сост. проф. Ив.Н. Розанов. М. : Гослитиздат, 1952. – 403 с.

483. Русские народные песни / Сост. и вводн. тексты В.В. Варгановой. – М. : Правда, 1988. – 574 с.

484. Исторические песни. Баллады / Сост., подг. текстов, вступ. статья и примеч. С.Н. Азбелева. М. : Современник, 1986. – 622 с.

Русские паремии

485. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия / И.С. Брилева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко и др. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

486. Даль, В. Месяцеслов. Суеверия. Приметы. Причуды. Стихии. Пословицы русского народа / В. Даль. – СПб. : Лениздат, 1992. – 96 с.

487. Даль, В.И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. / В.И. Даль. – М. : Альфа-книга, 2020. – 984 с.

488. Жемчужины народной мудрости : пословицы, загадки, поговорки, скороговорки, дразнилки, колядки, потешки, считалки / Сост. Г.Н. Тубельская, Е.Н. Новикова, А.Э. Лебедева. – М. : ООО «Фирма «Изд-во АСТ», 2000. – 560 с.

489. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа групп, 2010. – 1026 с.

490. Пословицы и поговорки / Сост. В.Д. Сычев. – М. : АСТ : Астрель : ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 191 с.

491. Снегирев, И. Словарь русских пословиц и поговорок: Русские в своих пословицах / И. Снегирев. – Н. Новгород : Русский купец», «Братья славяне», 1996. – 624 с.

Художественно-литературные источники

492. Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Текст проверен и примеч. сост. Б.В. Томашевским. – 4-е изд. / А.С. Пушкин. – Л. : Наука. Ленингр. отделение, 1977–1979. – Т. 1–4.

493. Пушкин, А.С. Сочинения в трех томах. – М. : Худ. лит., 1985. – Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма / А.С. Пушкин. – 735 с.

494. Шевченко, Т.Г. Повне зібрання творів : у 12 т. – Київ : Наук. думка, 2001 – 2003.– Т. 1–3.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Материалы, иллюстрирующие концептуальные цепочки константы Родство / Спорідненість

1. Що кому написано на роду, то й конем не об'їдеш (того не об'їдеш і на льоду (УПП Паз).
2. Человек без семьи, что дерево без плодов» (БФС); «Дерево держится корнями, а человек семьей (БФС); Ані роду, ані плоду, ані зав'язі – ні за що й зачепитися (ФСУМ).
3. Великий рід – пісний обід (УПП).
4. Який рід, такий лад (ФСУМ 2).
5. Немов верета на шляху: без роду, без племені, без захисту (ФСУМ), где верета ('рядно').
6. Як мені пшениця родила, так мене й родина любила (МН–ММ).
7. Согласие в семье – богатство (БФС); Согласие да лад – в семье клад (БФС); На что и клад, коли в семье лад (ПП).
8. Семья крепка ладом (БСРП); Сім'я міцна – горе плаче! (УПП Паз).
9. Согласную семью и горе не берет (БСРП); В семью, где лад, счастье дорогу не забывает (БСРП); В семье, где нет согласия, добра не бывает (БСРП).
10. Семейей дорожить – счастливым быть (ЖНП)).
11. Без роду, без племені, без привіту, без совіту (УПП Паз); Нема що їсти, нема пити, нема роду, щоб поговорити (УПП Номис).
12. Аби добра година, то знайдеться родина (ФСУМ 2); Як добра година, то є й родина (ФСУМ 2); При добрій годині – брати й побратими, а при лихій годині – нема й родини (АУНТ).
13. Жили деды так, и мы проживем; как отцы и деды, так и мы (Д); Так жили деды да прадеды, так и нам жить велели (Д); Деды не знали беды, да внуки набрались муки (Д); Наши деды живали, да мед пивали, а мы живем – ни едим, ни пьем (Д); Прадеды ели просто, да жили лет до сту (Д); Деды

наши ели просто, да лет со сто, а мы пятьдесят, да и то на собачью статью (Д);
Як діди і батьки наші робили, так і ми будемо (УПП Паз).

14. Сім'я без батька – як хата без даху (УПП Паз); Сім'я без глави – не сім'я (УПП Паз).

15. Семья без детей, что цветок без запаха (СРПП); В хорошей семье хорошие дети растут (РНПТ: Хр).

16. Гляди семью, откуда берешь жену (БСРП); Не та родина, що мене родила, а та родина, що жінку родила (УПП Паз).

17. Шануй батька та Бога – буде тобі всюди дорога (УПП Паз); Отець – як Бог (УПП Номис).

18. Отца похоронил, будто с поля убрался (ЖНП); У кого нема вітця, у того нема лица (ЗУПП).

19. Батько – не мати, не поцілує, не приголубить (УПП Номис); Що тато, то не мама (УПП Номис).

20. Своя хата – своя стріха, свій батько – своя втіха (УПП Паз); Таткова хата усім багата (УПП Паз); І в тата не своя хата» / І вродного батька не своя хата (РУТСП); Хоч у рідного тата, не моя хата (УПП Паз); Добре тому, хто має батька, бо в батька найтепліша хатка (ЗУПП).

21. По татку й дитятко; Який батько, таке й дитятко (УПП Паз); І мій батько таки мався, і я в його вдався (ЗУПП).

22. Буває від гарного вітця родиться не раз дурна вівця (УПП Номис); І від доброго вітця народиться скажене вівця (УПП).

23. Яка вода, такий млин [Яка гребля, такий млин (АУНТ); Яка хата, такий тин (АУНТ); Яка колода, такий клин (АУНТ); Який явір, такий клин (АУНТ).

24. Не той батько, що зродив [хто вином скропив; що родить; що сплотив], а той, що ума навчив [до ума довів, розуму доводить; виховав; вигодував] (УПП Паз).

25. Отец наказывает, отец и хвалит (БСРП); Ненаказанный сын – бесчестье отцу (БСРП).

26. Гіркий світ: тато осліп, а діти навпомацьки ходят (УПП Паз); Як батька покинеш, то й сам загинеш (УПП).

27. Батько тисячі синів має, кожному мисочку справляє (УПП); Скоріше батько вигодує десять дітей, аніж десятеро дітей одного батька (УПП Паз); Батько пазуху дере, а діточкам дає (УПП).

28. Мій батько не брехав і мені не велів (УПП Паз); І на рідного батька можна правду казати (УПП).

29. З батьком суд коротенький (УПП)); Не роби з тата вар'ята (УПП Паз).

30. Чого не стане, батько достане (ЗУПП); Хліба не стане – батько дістане (ЗУПП); Бий, ще батько купить (УПП Паз); Як хліб уродить та батько заробить, то й заміж підеш (УПП Номис).

31. Батько нехай їде орати – його коні знають, а я піду гуляти – мене гості чекають (ФСУМ); Батькова кобила худа у двір везе, а сина борзая з двора мчить (УПП); Батько складав, а син роздавав (УПП Паз); Отець збирає – син розкидає (УПП Паз); Дав мені батько гроші на підошву та на дратву, а я попав у тіятру (УПП Номис).

32. Всяка мати за своє дитя молиться (БСРП); Матерь (матэрь) почитайтэ як на цэркви главу (БСРП); Покоюй матерь свою, волю Божию творит (БСРП).

33. Пускай будет по-старому, как мати поставила (Д); [Тільки в світі] Нема в світі правди – тільки рідна мати (мама) (УПП Паз).

34. Одна мати рожає, да не один обичай дає (УПП Паз); Одна мати родить, та не один розум дає (УПП Паз); Козака мати родила, а мужика – жінка, а чернця – паніматка (УПП Номис).

35. Не та мати, що родила [Не та мати, що на світ пустила], а та, що вигодувала (УПП Паз). Не та мати, что родила, а то, что воспитала (БСРП); Цить, не плач! Дасть мати калач (ФСУМ 1); Мати годує дітей, як земля людей (ФСУМ 1).

36. Не та мать, что родит, а та, что ходит (БСРП); Не та мать, что родила, а та, что до ума довела (БСРП); Аще кто матери не послушает, в беду впадает (БСРП); Кто матери не послушает, тот век мучиться будет (БСРП) // Не та мати, що вродить, а та, що до розуму доводить (ФСУМ 1); Мама – вірна порадиця (УПП Паз); Одна мати – вірна порада (УПП Паз); Тільки мати рідна – порада (РУТСП); Чого мама не дала, того не купиш у пана (УПП Номис); Дякую тобі, мамо, за твою науку, колисала ти мене, колишеш й онуку (УПП).

37. Мать высоко замахивается, да не больно бьет, мачеха низко замахивается (БСРП); Мать и бия не бьет (БСРП); Мать и бьет, так гладит, а чужая и гладит, так бьет (БСРП); Мать и высоко подымет, да не больно опустит руку (БСРП); Мама дрочит (дрочить), жизнь (жысь) учит (вучить) (БСРП).

38. Мать праведна – ограда каменна (БСРП); Мать приветная – обрада каменная (БСРП); Мати праведна — опіка й охорона камінна (УПП Паз).

39. Мама вірна порадиця (РУТСП).

40. Мене мати цілий вік дурила: казала “битиму”, та не била (УНПП); Рідна мати — брехуха, то мачуха справедлива: як скаже: “Я тобі дам”, то вже дасть; а мати “І щоб тебе, і бодай тебе”, а сама “Ох коли б, Господи, не сталося чогось дитині з моєї дурної речі (УПП).

41. Лучше матери друга не сыщешь (БСРП); Нет такого дружка, как родная матуши (БСРП) // Нема такого дружка, як рідна матушка (УНПП).

42. Мать кормит детей как земля людей (БСРП); Мать кормит детей – сохнет, а они по ней и не охнут (БСРП); Мать – кормилица, а кормилица – не мат (БСРП); На что и мать, когда нечего дать (БСРП); На что и мать, коли не кормит (БСРП); Мати сама не з’їсть, а дітей нагодує (УПП).

43. Хорошо тому гулять, у кого родная мать: она встренет, да проводит, и в окошко поглядит (ПП).

44. Як мати рідненька, то й сорочка біленька (УПП Паз); Сорочка біленька – є мати рідненька (УПП).

45. У нашей матушки все печево (печено), а есть нечего (БСРП); Умила мати готуваты, та нэ умила подаваты (БСРП); Выдно, що маты хліб пыкла, бо и ворота в тисти (БСРП); Пішла мати по масло, а у печі погасло (ФСУМ 1); Знать мою матір, що хліб пекла, бо на воротах тісто (ЗУПП).

46. Що мати – то не мачуха (УПП).

47. Сыр калача белее, а мать мачехи милее (БСРП).

48. Мать гладит по шерсти (по шерстке), мачеха – супротив (против) (БСРП); Тепло, тепло, да не лето: добро, добра, да не как мать [мать родна] (РНПТ:Хр); Мати дітей пушить, а мачуха сушить (ЗУПП); Матка головку мыит – приглажиит, а мачеха мыит – прискубаает, кошулю дает – проклинаает (БСРП) // Мати голівку миє – пригладжує, а мачуха – прискубує (УПП).

49. Рідна мати – брехуха, то мачуха справедлива: як скаже: «Я тобі дам», то вже дасть; а мати: «І щоб тебе, бодай тебе», а сама: «Ох коли б, Господи, не сталося чогось дитині моєї дурної речі!» (УПП).

50. Достаток – мать, убожество – мачуха (СРПП).

51. Родная сторона – мать, чужая – мачуха (Д2); Мы у матушки России детки, она наша матка – ее и сосем (БСРП); Матушка Москва белокаменная, златоглавая, хлебосольная, православная, словоохотливая (Д2), У матери-Родины долга рука на ласку (БСРП);

52. Волга-матушка – глубокая, раздольная, разгульная (Д2); Матушка-Волга спину гнет, зато денежки дает (БСРП); Играй пока, матушка Ока, апрель на дворе (БСРП).

53. Матушка-весна всем красна (БСРП).

54. Матушка-рожь кормит всех дураков (сплошь), а пшеничка по выбору (БСРП).

55. Мать-печка хохочет, караваю хочет, а припичек усмехається, караваю дожидается (БСРП).

56. Что мать в голову вобьет, того и отец не выбьет (БСРП) // Що мати навчить, то й батько не перевчить (ФСУМ 1); Не тот отец, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил, да добру научил (БСРП); Не слухав батька-матері, нехай люди учат (ФСУМ 1); Тільки батько й мати знають, як їх діти виростають (ЗУПП); Коли батько каже «так», а мати – «сяк» – росте дитина як будяк (ЗУПП).

57. Як не стане, то батько дістане, як не буде, то мати добуде (УПП).

58. Дети крадут, отец прячет (БСРП); Дети воруют, мать горюет (БСРП).

59. Живы родители – почитай, померли – поминай (БСРП); Кто родителей почитает, тот (вовечи) не погибает» [«тот век счастливым живет» / , «тому Бог помогает»] (БСРП); Отца с матерью не почитаешь, никого не уважаешь (СРПП).

60. Хто батька-матір зневажає, той добра незнає (УПП); Не слухав батька-матері, нехай люди учат (УПП); Не послухаєш батька-матері, то навчить тебе лиха година (ФСУМ 1); Шануй отця-матір, то буде тобі добре і будеш довго жити на землі (ЗУПП); Шануй батька й неньку, то буде тобі скрізь гладенько (ФСУМ 1); За науку цілуй батька й матір в руку (УПП Паз).

61. Батько і мати виховують дванадцять дітей, а дванадцять дітей не можуть прогудувати на старість двох батькі (УПП).

62. Не оставляйте отца и матери на старости лет, и Бог тебя не оставит (БСРП); Родителей чти – не собьешься с истинного пути (СРПП); Не проживут дней своих, иже прогневят отца да мать (БСРП); Живи умом и благословеньем родителей своих (ПП); Детям не жить, коли не умом да благословением родителей (ПП); Батькова і материна молитва із моря витягає, а прокльони в калюжі топлять (УПП).

63. Батьком-матір'ю не хвались, а хвались своєю честю (УПП).

64. Все Адамовы детки (БСРП); Все Адамовы детки, все на грехи падки (БСРП); Мы все – Евины дети (БСРП).

65. Свое дитя завжди жалко (БСРП); Каждый своего дитенка жалкует (БСРП); Моя дитина кому, як постіл, а мені, як сокіл (УПП); Хто не хоче свої діти пестити, той буде сучині любити (УПП).

66. У кошки котя – тоже дитя (БСРП); У княгини княжа, у кошки котя – тоже дитя (БСРП); Не умела родить ребенка, корми серого котенка (СРПП); Ласкай и ката, коли не родила дитя (БСРП); У матери дитя, а у кошки – котя: всякому мило свое дитя (БСРП) // У матері – дитя, у кішки – котя: всякому миле своє дитя (ФСУМ 1); І задрипана ворона своїм дітям оборона (МН–ММ).

67. Чужие детки шалят – нам смех, а свои – горе (БСРП); Чужие дети невидко растут (БСРП); Чужа дитина не своя (УПП); У людей діти – любо поглядіти (УПП); З чужого чортеняти не зробиш свого дитяти (ЗУПП); Чужо дите – волчонок: как ни ласти – все в лес глядит (БСРП); Свої діти бодай святилися, а чужі бодай запалися (УПП Номис); Сусідські діти найпустіші (УПП); Як чужі діти пустують, то на сміх, а як наші – то горе (УПП); Чужі діти скоро ростуть, а свої помалу (УПП Паз); Чужі діти череваті й головаті і багато їдять, а вже мої – як паненята (ЗУПП).

68. Дети – благодать божья (БСРП); Дети – благословение Божие (БСРП); Не мы на детей находим (походим), а они на нас (БФС); Дай, боже, дитину, а корова буде (ФСУМ 1).

69. На деток Господь подаст (БСРП).

70. Изба детьми весела (БСРП); Журись хатою, за дітей не журись – будуть (УНПП).

71. Детей воспитать – не курочек пересчитать (БСРП); Не устанешь детей рожаючи, устанешь на место сажаючи (БСРП); Детей учить – не лясы точить (БСРП); Детей растить – не мед хлебать (БСРП); Детей (деточек) носить – не ветки ломить (тяжелехонько) (БСРП).

72. Детей растить – осинку глотать (БСРП); Детей учить – не лясы точить (БСРП); Детки родить – не ветки сломить / .. не веток ломить (БСРП);

Легко дитя нажити, нелегко виростити (БСРП); Не строй семь церковей, пристрой семь детей (БСРП);

73. Дети – связя (– обуза (БСРП); Детки – кручина родительская (БСРП); Детки – радость, дети – горе (БСРП) / Діти – радість, діти і горе (УПП Паз); Діти такий народ, що вдень мовчить, а вночі кричить (УПП); Діти – чужа користь (УПП Паз); Діти – найбільша радість в світі (УПП);

74. Ребенок, что поросенок (БСРП); Ребенок, что жеребенок (БСРП); Ребенок – что воск: что хочешь, то и сольешь (БСРП) / Дитятка – что тесто: как замесил, так и выросло (БСРП); Дитина, як година: і добра, і погана (ЗУПП); Дитина, як дзеркало: все відбиває (УПП); Дитина, мов порожня посудина, що в неї влиєш, те й держить (ФСУМ 1).

75. Кто отца и матери не слушает, тот послушает телячьей кожи (БСРП) // Не вмів слухати [Не хотів слухати] батька, слухай собачої шкури (УПП Номис); Дитину серцем люби, да в руках держи (УПП) // Дитину серцем люби, а руками гнети (БСРП); Наказуй детей в юности, упокоят тя на старости (БСРП); Наказуй детей в юности – упокоят тебя в старости (БСРП); Розгой в могилу ребенка не вгонишь, а калачом не выманишь (БСРП); Добре дитя не потребує биття (УПП Паз); Дитина без прута не виросте (УНПП); Хто не слухає вітця-матері, нехай слухає песької [баранячої] шкіри (УНПП).

76. Детки годувать – век коротать (БСРП); Кому діти родити, тому їх і кормити (УНПП); Дітей годувати, як камінь глитати [свій вік коротати /, а сам торби готуй] (УНПП); Дітей годувати – то не меду лизати (УПП).

77. Малые дети тяжелы на коленях, а большие – на сердце (БСРП); Малые (Малыя) дети – малая печаль, большие (большия) дети – большая печаль (БСРП); Детки маленьки – поесть не дадут, детки велики – пожить не дадут (БСРП); Детки маленьки спать не дадут, детки велики – сам не уснешь (БСРП); Малые дети съесть, а большие зносить не дадут (БСРП); Малые дети не дают спать, а большие дышать (жить) (БСРП) // Малыми были діти, то спати матері не давали, а вирости, то й дихать не дають (ФСУМ 1); Малые

детки – малые бедки, а большие детки – большие бедки (БСРП); Маленькие детки – маленькие бедки, а вырастут велики – будут большие (БСРП); Малые детки – мало хлопот, а возмужают, так отца испужают (БСРП) // Малі діти – малий клопіт, а підростуть буде великий (УПП Паз); С малыми детками горе, с большими вдвое (БСРП) // Малі діти – мала жура, великі діти – велика жура (УНПП); Мала дитина – не виспишся, більша дитина – не наїсися, велика дитина – не уберешся (УПП); Мала дитина відбирає родичам сон, більша – хліб від рота, а велика і сорочку з тіла здере (УНПП); Мала дитина – мала болячка; Більшають діти – більшають і клопоти (РУТСП).

78. Всякому свое дитя милее (БСРП); Цілуй, чоловіче, дитину дома, бо на ярмарку не дотовпишся (ФСУМ 1); Рад би до дітей небо прихилити та зорями вкрити (МН–ММ). Нелюбимое дитя больше ест (БСРП); Нелюбимое дитя – хлыстом, любимое – дубьем (БСРП); На нелюбое детище и смерти нет (БСРП).

79. Те счастливы дети, от коих отец и мать радость может иметь (МНБСРП).

80. Мед сладок, ребенок еще слаще (БСРП).

81. Свое дитя и сопливо мило (БФС); Свое дитя и горбато, да мило (БСРП); Дитя хоть и криво (хило), а (да) отцу-матери (отцу, матери, отцу с матерью) мило (БСРП) // Дитина хоч кривенька, та батькові-матері миленьке (УНП Паз); Хоть дитя худое, а отцу да матери родное (СРПП) // Хоч дитя худеньке, та батькові й матері рідненьке (УНПП); Дитя худенько, а отцу, матери (отцу-матери) миленько (УНПП)).

82. На рать сена не накосишься, на смерть детей не нарожаешься (ФСУМ 1) // Легше камінь глодами [Ліпше терня збирати], як дітей ховати (ЗУПП); Коли умре дитина, то мала долина, а як умре мама, то велика яма [, то мала щербина, а як тато або мама, то велика яма] (УПП Паз).

83. Були колись чорти, та бідного чоловіка діти з'їли (ФСУМ 1); Батько і мати виховують дванадцять дітей, а дванадцять дітей не можуть прогодувати на старість двох батьків (УНПП); Їжте, діти, ситу – на дні патока

буде (УПП); Детки подросли – батьку растрясли (БСРП); Детки подросли – отця растрясли; оттого растрясли, что умел отец родить, а не умел разуму научить (БСРП); Одно взять – или детки водить или деньги копить (БФС); Одно взять: либо дети водить (водит), либо деньги копить (копит) (БСРП).

84. Коли син виганя з хати, на ніч укладайся, коли ж зять стане гарчати, то за двері хапайся (УПП); Із сином сварись, та й за стіл берись, а з зятем сварись, за поріг берись (УПП Паз); Лучче в сина під полом, ніж у зятя за столом (УПП Паз).

85. Як син родиться, то й стіни радіють (УНПП); Як син вродиться, то і хата радується (УПП).

86. Учи сина, як годуєш, бо тоді вже не навчиш, як тебе годуватиме [, як коло лавки ходить, бо як виросте, то тебе навчить] (ФСУМ 2); Вчи на добре сина, то не буде псина (МН–ММ); Як дуба не нахилиш, так великого сина на добре не навчиш (УПП).

87. (Чи батьків синочок. Чи мамин мазун (УПП Паз)): Синові воля – батькові торба (УПП); Так виховав синка, що сам тепер його боїться (УПП Паз).

88. Матушкин сынок, да батюшкин горбок (БФС); Не учила сына, когда кормила, а тебя кормить станет, уже не научишь! (БФС); Ой, мамо, мамо, не пести так сина, бо бідная на світі пещена дитина (УНПП).

89. Ненаказанный сын – бесчестье отцу (БСРП); Любимого сына жезлом (БСРП); Дал Бог синочка, дал и дубочка (БСРП); Кулаком да в спину – то и приголубье сыну (РНПТ: Хр).

90. Сын отца бьет – не на худо учит (БСРП); Син хотя й не хлібом, то кулаками, а все-таки нагодує (УПП Паз).

91. Каков ни будь сын, а все своих черев урывочек (БСРП).

92. Всегда отец будет веселиться, когда хороший сын родится (БСРП); Слава сына – отцу отрада (БСРП); Добрый сын всему свету завидюще (БСРП); Послушному сыну родительський наказ не тягостен (БСРП).

93. Умный сын слова боится, а глупый и побоев не страшится (БСРП); Умный сын отцу замена, глупый – не помощь (БСРП); Умному сыну не забирай – сам наживе, а дурному не оставляй – усе проживе (УНПП); Сын мой, а ум у него свой (БСРП) / Син мій, а розум у нього свій (УПП); Сын отца глупее – жалость (БСРП); Сын отца умнее – радость; брат брата умнее – зависть (БСРП); Не забирай, сыну худоби, а заberi йому розум (ФСУМ 2); Не бажай синові багатства, а бажай розуму (УПП).

94. Ні світ, ні тьма – сидить доня біля вінка (УПП).

95. Маєш дочку, держи варенуху в горшку (УНПП); Дочку тримай вдома, ще й заплати кому, щоб взяв біду з дому (УПП); З дочками таке: до десяти чешеш, до п'ятнадцяти доглядаєш, а після двадцяти дякуєш тому, хто забирає (УПП); Дочка – як ластівка: пощобече, пощобече, та й полетить (УПП Паз).

96. Дочь отцу с матерью не корысть: пои-корми, да и в люди отдай (БСРП).

97. Первую дочь бери по матери, а вторую – по сестре (БСРП); Первую дочь бери по отцу, по матери, а вторую – по сестре (БСРП).

98. Як дочки підросли, то й хату розтрясли (УПП Паз); Дочка – обдери хата, все забирає, бо хоче бути багата (УПП Паз).

99. Материна дочь – отцова падчерица (т. е. мать любит, так отец не любит) (БСРП); Матка по дочке плачет, а дочка по доске (по Демке (Диомке)) скачет (БСРП); Дочь – матери помощница (БСРП); Хороша дочь, если мать любит (БСРП).

100. Дочь матери в сводни не годится (БСРП).

101. Какова матка, таковы и детки (БСРП) // Яка мати, такі й дітки (УПП Паз); Как матка, так и дитяtko (БСРП) // Яка матка, таке й дитяtko (УНПП); Какая мама, такая и гага (кага) (БСРП); Что мамки едят, того и детки хотят (БСРП); Куда мать (матушка), туда и дитя (дитяtko) (БСРП); Який талан матці, такий і дитяtkці (УПП Номис); Яка мама, така й сама[така й

ляля (лялька) / така й катка] (УПП Номис; УНПП); Дурна мати – дурні діти (УПП).

102. По матери и дочь (БСРП); Какова мать, такова (таковы) и дочь (дочери) (БСРП) // Яка няня, така доня (УПП Паз); Яка мамуня, така донюня (ЗУПП); Нема чого дивувати, така була й її мати (УПП Паз); Яка клепка, така й бочка, яка мати, така й дочка (БСРП); Вилилась у матір, як з воску (УПП); Чого мама научить, те й дочка знає (УПП); За горами мала хмаронька, яка мати, така донька (УНПП); Фія-фіялочка, яка мати, така й дочка (УПП Номис).

103. Яка вода, такий млин, яка мати, такий син (УПП Паз); Мать при сыне не наследница (СРПП).

104. Одна матка, да не одни детки (БСРП); От одной матки, да не одни ребятки (БСРП) // Одної матки, та не одні дітки (УПП Паз); В одної матки, та не одні дітки (УПП Паз); От одной матки не одинаковы детки (БСРП) // Одної матки неоднакові дітки (УПП Паз); От одной матки, да разны детки (БСРП); От одной матки не равны детки (БСРП); Одна мати рожає, да не один обичай дає (УПП); Одна мати родила, та не однакове щастя дала (УПП).

105. Где мать плачет, там колодец (БСРП); Мать плачет не над горсточкой, а над пригоршней (БФС); Молода жена плачет до росы утренней, сестрица до золота кольца, мать до веку (БСРП); Матери все дети равны – одинаково сердцу больны (БСРП) // Матері кожної дитини жаль: бо котрого пальця не вріж, то болить, і цей вріже – болить, і цього вріж – болить, всі однаково болять: так і в матір діти – усіх однаково жалко (ФСУМ 1); Мать плачет, что река льется, жена плачет, что ручей течет, невеста плачет, как роса падает: взойдет солнце – росу высушит (БСРП) // Де мати плаче, та ріки течуть, де сестра плаче, струмки біжать, де жінка плаче – роси нема (ФСУМ 1); У дитини заболить пальчик, а в мамі – серце (УПП Паз); Дітки плачуть, а в матері серце болить (УПП Паз); Сльози матері дармо ніколи не пропадуть (УНПП); Матері своїх дітей жаль, хоч найменшого, хоч найбільшого (УПП Паз).

106. Любая матка за дитятко глаза выдерет (БСРП); Мати дітей пушить, а мачуха сушить (ФСУМ 1); Мати з малятами, як ластівка з ластів'ятами (УПП).

107. Не годится водиться: матушка бить грозитя (БСРП); Мать и бия не бьет (БСРП); Мене мати цілий вік дурила: казала «битиму», та не била (УНПП); Материні побої не болять (УНПП); Мене мати в голову не била (УПП) ('недурний').

108. Напряталась матка от батьки – напрячутся и детки от матки (БСРП).

109. Прийшла мати до сина – гірка її година, прийшла до доньки – надалась бідоньки (ФСУМ 1); Прийшла до сина – кепська часина, прийдеши до доньки – наберешся бідоньки, прийдеши до зятя – не твоя хата (УНПП).

110. Сына кормил – себе пригодится, дочь кормил – людям пригодится (БСРП); Сын – домашний гость, а дочь в люди пойдет (СРПП).

111. Дочь выдать – с суседами, сына выдать – с сусеками (БСРП); Син дивиться в хату, а дочка кричить: «Пусти, тату!» (УНПП); Сини принесуть, а дочки угли рознесуть (УПП); Син – полатайхата, а дочка – обдерихата (УПП).

112. Старший брат как второй отец (ПП); Брати – що коти: погризуться й помиряться (УПП); (Брат за брата станет (БСРП); Як брат брату не поможе, то що вже чужі люди (УПП); Брат брата не выдаст (БСРП); У пяти братов одна логика (БСРП); Чотири брати в одну дірку стріляють (УПП); Один брат, один свет милый (БСРП); Добре тому, у кого брат або сестра добрі, а ще добріше – як і сам не лихий (УНПП)); От хорошего братца можно ума набратся (БСРП).

113. Пращатый родного брата за копейку продаст (БСРП); И брат на брата доносит (БСРП); Брат по брату тужит, а желает хуже (БСРП); Не верю брату родному, а верю своему глазу худому (БСРП); Не верь брату родному, верь своему глазу кривому (БСРП); Сын отца глупе – жалость, сын отца умнее – радость, а брат брата умнее – зависть (БСРП) // Син від батька

розумніший – радість, а брат брата мудріший – зависть (УПП Паз); Не рад брату, а його» (БСРП); «Брат любить сестру багатую, а муж жену здоровую (БСРП) // Брат любить сестру багату, а чоловік жінку здорову (УПП Паз); Брат сестру любить багатую, а тещу тороватую (БСРП); Кто багат, тот мене брат (БСРП); Коли бідний, то забуде й брат рідний (УПП); Брат сестру багату стріча з калачами, а бідну коло порога з сухарями (УНПП)); Брат он мой, а ум (т. е. воля) у него свій (БСРП) / Брат мій, а розум у нього свій (УПП Паз); Брата рідного знаєш, а ума его не знаєш (Д2); Нынче брат брату – сосед (БСРП); Два брати через гору живуть і ніколи один до одного в гості не ходять (ЗУПП); Близький сусід кращий від далекого брата (УПП)); Брат мой, а хлеб ешь свой (БСРП); Братец [ты] мой, а ешь хлебец свой (БСРП); Брат родной, а карман не одной (БСРП) // Хоч ми й брати, але кишені не сестри (УПП Паз); Брат мій, а кури табак свій (УПП Паз); Брат братом, а бриндзя за гроші (УНПП); Хоч і в брата, та не своя хата (УПП)); Брат на брата – пуща супостата (БСРП).

114. Два брата на медведя, два свата – кисель (БСРП); Брат за брата – жити (УПП); Два брата на медведя пойдуть, а двоє чужих и киселя не одолеют (БСРП); Брат с братом на медведя ходят (БСРП); Брат брату – головою в уплату (БСРП); Брат брату сосед (БСРП).

115. Лучше сосед вблизи, чем брат вдали (ПП) // Краще сусід поблизу, ніж брат подалеку (УПП); Брат на брата – пуща супостата (БСРП); Хотя мне брат, только я ему не рад (БСРП); Поки брати малі, доти й рідні (РУТСП).

116. Дім брата – не своя хата (УПП); Хоч і в брата, та не своя хата (УПП Паз).

117. Сестра с сестрою, как река с водою (ПП) // Сестра з сестрою, як риба з водою (УПП)); Сестра сестрі заздрить в красі (УПП); Сестра то була мала, а то від братового добра аж землю вросла (ФСУМ 2); Кожний то знає, що сестра тільки за себе дбає (УПП); Сестри рідні тоді, як усі вийдуть заміж (УПП Номис); Кожний то знає, що сестра тільки за себе дбає (УПП).

118. Живут, как брат с сестрой (БСРП); ({[брат] → /вместе, единство/← [сестра]}: Куда брат, туда и сестра (БСРП).

119. Каков брат, такова и сестра (БСРП).

120. Брат – то не батько, сестра – то не мати (УНПП).

121. Сестра при брате не вотчиница (БСРП); Муж любит жену здоровую, а брат сестру богатую (БСРП); Брат любить сестру багату, а чоловік жінку здорову (РУТСП); Брат сестру багату стріча з калачами, а бідну коло порога з сухарями (РУТСП); Брат собі драп, а сестра собі несла (УПП); Сестра любить, коли брат багатий (РУТСП); Сестра-то була мала, а то від братового добра аж в землю вросла (УНПП); Брат все собі рад, а сестра собі несла (УПП); Хоч ми собі брати, але наші кишені не сестри (УПП).

122. Не стучи: дед сидит на печи (БСРП); Дед на печи сушит кирпичи (БСРП); Подсади деда на печь – тебя внуки подсадят (БСРП).

123. Была б моя бабуся, никого не боюся, бабушка – щиток, кулак – молоток (БСРП) // Поки жива бабуся, я нікого не боюся (ЗУПП); Баба, бабушка, золотая сударушка! Бога молишь, хлебцем кормишь, дом бережешь, добро стережешь (БСРП).

124. Баба всіх жаліла, а бабу ніхто не пожаліє (УПП Паз); Всіх бабуся обдарувала, тільки бабусі ніякий чорт (УПП). В-третьих, бабушка – кормилица; – Где вы были? – У бабки. – Что ели? – Оладки (БСРП); Где бабка ни бери, а внука корми! (БСРП).

125. Съела бабушка зубы, а остались язык да губы (УПТРН:Хр).

126. Рассыпался б дедушка, кабы его не подпоясывала бабушка (ПП).

127. Подрались дедушка с бабушкой, и семеро внуков не разберут по что (БСРП); Твоя бабушка моего дедушку из Крайнего Села за нос вела (БСРП); Дедушка с бабушкой разодрались: печку на зиму делят (БСРП); Плохо тому жить, у кого дед ворожит, а у нас и баба не знала (БСРП).

128. Бабі тільки один дід не онук (ЗУПП) / Бабушке один только дедушка не внук – Болит дед о бабке, а бабка о внуке, а внук – о сучке (БСРП).

129. Резал дед лозу, давал бабе грозу (РНПТ: Хр).
130. У кого есть бабушка и дед, тот не ведает бед (БСРП); Поки діда, поти й хліба, поки баби, поти й ради (УПП);
131. Для внука дедушка – ум, а бабушка – душа (РНПТ: Хр).
132. Про то дедушка не ведаєт, где внучек обедаєт (БСРП); Дедушка не знаєт, что внучек корову украв: дедушка спав, а внук и кожу сняв (БСРП); Поки бабуся спече книші, в дідуся не буде души (УПП); Ждала баба онукового книша, аж вилізла її голодна душа (УНПП) // Пока у бабушки поспеют кныши, у дедушки не стане души (БСРП); Скажите нашим: на дедушке пашем. А бабушку бережем: ее завтра запряжем (БСРП).
133. Что гусь без воды, что мужик без жены (Д); Муж без жены, что конь без узды (Д); Без жены, что без кошки, а без мужа, что без собаки (Д2).
134. Жену с мужем Бог разбираєт (БСРП); Жену с мужем некому судить, кроме Бога (БСРП); Муж – глава жены (БСРП); Муж в дому, что глава (что крест) на церкви (БСРП); Муж жене закон (БСРП); Искони так ведєтєя, что жена мужу поддаєтєя (БСРП); Чоловік усьому голова (УПП Паз); Без чоловіка – то так, як без голови (УПП Паз); Чоловік – усьому порядок (УПП Паз); Муж – дому строитель, нищете отгонитель (БСРП).
135. Честному мужу честен и поклон (БСРП); У милостивого мужа всегда жена досужа (БСРП); У доброгу мужа злая жена на добро єсть (БСРП); У доброго мужа и худая жена досуха (БСРП); У доброго мужа и жена просужа (БСРП); У доброго мужа жінка, як ружа (УПП); Кожний добре знаєт, що за добрим мужем і жінка красна, як рожа, буваєт (УПП); За добрим мужем і свинка господинька (УПП Паз); За добрим чоловіком й чулинда жінка (УПП Паз); Добрий чоловік надійніше кам'яного мосту (УПП Паз); Плачте очі хоч до віку по доброму чоловіку (УПП); Добрий чоловік: на печі сухий, у воді мокрий (УПП); Добрий чоловік жінці ліпший від рідної матері (УНПП); Все мужья добры, покупили жонам бобры, а мой муж неуклюж: невидаль, корову купил (УПТРН:Хр); За хорошим мужем и худая жена хороша (БСРП) // Гарний чоловік і погану жінку красить (УПП Паз); У

хорошего мужа и жена досужа (БСРП); У хорошего мужа и дура просужа (БСРП); Нащо і гроші, коли чоловік хороший (ФСУМ 1); С милым мужем и зимой не стужа (БСРП); У умного мужа жена выхолена, у глупого – по будням затаскана (БСРП); У умного мужа и глупая жена досужа (БСРП); У умного мужа и дура умней выгядит (БСРП); У умного мужа и жена умна (БСРП); За разумним мужем і дурна жінка розумна (УПП); Праведна мужа не одолеет мужа (БСРП); У праведна мужа душа – красавица (БСРП); Правдивому мужу лукавство не под нужу (БСРП); Праведному мужу лукавство не в нужу (БСРП).

136. Під добрим кушем трава зеленіє, за хорошим чоловіком жінка молодіє (УПП Паз).

137. За добрым мужем как за городом, за худым [мужем] и огородбища нет (БСРП); За добрим мужем і воронка жонка, а за дурним і княгиня гине (УПП); За доброго мужа жона, як ружа, а за лихого драба – за рік, за два – баба (УПП); У доброго мужа жінка, як ружа а у проклятого, як у чорта рогатого [а у злого баба, як жаба] (ФСУМ 1).

138. На красивого чоловіка дивитись гарно, а з розумним жити легко (УПП Паз); Ой, я свого чоловіка нарядила паном: і сорочечка по коліна, підв'язана валом (УНПП).

139. За ревнивым мужем быть – не в корысте свою молодость износит (БСРП); Ревнивий чоловік, що полохливий злодій; Не дай Бог коня лінивого, а чоловіка ревнивого (УПП Паз); З малою дитиною до церкви, а з лихим чоловіком на весілля не йди (УПТРН:Хр); Бешеному мужу и море за лужу (РНПТ:Хр); Злобный муж совсем не дюж (БСРП); Ленъ мужа не кормит, только портит (БСРП); За ледачим чоловіком жінка марніє, а за хорошим молодіє (УПП Паз); Робкий муж и лестовок боится ('ременные четки') (БСРП); Глупому мужу красная жена дороже красного яйца (Д).

140. Хоть плох муженек, да затулье мое, завалюсь за него – не боюсь никого (БСРП); За мужа завалюсь, всем насмиюсь, никого не боюсь (БСРП); Муженек хоть и весь с кулачок, да за мужней спиной не сижусь сиротой

(БСРП); Худ муж, да затульище (БСРП); За мужем жена – всегда госпожа (БСРП); При муже володарь, а без мужа голодай (БСРП); За мужем жена – в доме госпожа, без мужа жена – гольна сирота (БСРП); Я за мужа затулюсь, та нікого не боюсь (УПП); Чоловік, як ворона, а все жінці оборона (УПП Паз).

141. Жена – как на хате труба, а муж – на церкви глава (БСРП); Мужчина без жінки – то дім без даху (УПП Паз); В хаті жінка три кути держить, муж четвертий (УПП Паз); Жінка за три кути хату держить, а чоловік за четвертий (УПП Паз); Жінка тримає хати в три роги, а чоловік-у четвертий (УПП Паз).

142. Хороша жінка-то камінна стінка, а зла-то горе й біда (УПНП); Добра жінка-то камінна стінка (УПТРН:Хр); Жінка й кам'яну гору пересіче (УПТРН:Хр).

143. Нема щастя родинного без жінки (УПП Паз).

144. Жена красавица – безочному (слепому) радость (БСРП); Жена красовита – безумному радость (БСРП); Хорошая (пригожая) жена – лишняя сухота (БСРП); Гарна жінка – готова смерть (ФСУМ 1); Гроші, молода жінка і бистрі коні – то смерть (ФСУМ 1); Красна жінка і бистрий кінь – то смерть (УПП); Жінка ладна – завше зрадна (УПП); Жінка ладна – завжди (всюди) збавна (УНПП).

145. Вольно дурить – чужих жен любить (БСРП); Чужи жены – безголовье, большой сон – к нездоровью (БСРП); На чужих жен не заглядывайся, а за своею пригляди; Чужую жену полюбить – свою погубить (БСРП); Чужемужнину жену любить, с нею и плакаться (БСРП) // Лучче женись, а на чужу жінку не дивись (УПП); В чужую жену черт ложку меду кладет (БСРП) // У чужу жінку чорт ложку меду кладе (УНПП); Чужая жена всегда лучше своей (БСРП); Чужая жена всегда своей милее (БСРП) // Чужа жінка все ліпша, як своя (УПП Паз); На чужую женку не заглядывайся – к своей ближе подваливайся (БСРП); Чужа жінка медом намазана, а своя – смолою (УПТРН:Хр); У сусіди ані коня не купуй, ані жінки не бери, бо будуть утікати (УПП); Як проти сонця води не напиться, так з чужою жоною

або з чужим мужем нажитися (УПП); Не клади біля чужої жінки кілок, бо ним тоді й печінки відіб'ють (УПП); То не біда, що з чужою жінкою жартував, аби дома ночував (УНПП); Чужі жінки, як маківки, моя, як опуда (УПП); Чужая жена – то здоров'я чиєсь (УНПП); Своя жінка – віршовка на шию, а чужа – на втіху молоденьку (УПТРН:Хр); Не заглядайся на чужих жінок, бо свою загубиш (УПТРН:Хр); Той сам себе губить, що чужую жону любить (УПП);

146. Всякому мужу своя жена милее; Своя жена – своя и краса (БСРП); Свою жену береги, на чужую не заглядывайся (БСРП).

147. Умная жена – благодать Божья (БСРП); Чем умнее жена, тем сильнее семья (БСРП); Умная жена как нищему сума: все сбережет (БСРП); Умная жена, как нищему сума (БСРП); У разумной жены и неудельный муж в хозяйстве работник и даром хлеба не ест (БСРП); Розумна жінка як має міх гороху, то буде носити потроху (УПТРН:Хр); То й не жінка, як сім раз на день не обманить чоловіка (УПТРН:Хр); Добра жінка двадцять раз на день обдурить, а як яка, то й без числа (УПП); Не одна жінка мужа змудрувала (УПП); Мудра жона, як є три міхи муки, а четвертий пшона (УПП).

148. С умной женой пир пировать, а с глупой век горевать (БСРП); Розумна жінка – клад, а дурна – два (УПП Паз); Розумна жінка чоловіка із біди вирятує, а дурна ще втокмачить (УПП); Нащо мені казна, коли жінка без ума (УПП Паз); У жінка волос довгий, та ум короткий (УПП); Жінки довге волосся мають, а розум короткий (УНПП); Ліпше залізо у вогні варити, ніж дурну жінку вчити (УПП Паз).

149. Добрая женушка – как яичко всмятку (в смятку) (БСРП); У хорошей жены и плохой муж будет молодцом (БСРП); С доброй женою горе – полгоря, а радость вдвойне (БСРП); Добрая жена да жирные щи – другого не ищи (БСРП); Добрую жену взять – горя не видать (БСРП); Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать (Д); С доброй женой с полгоря и горе (Д); Добрая жена та добрые щи – другого добра не ищи (БСРП); Доброй жене соседство не мука (БСРП); Добра жона, як є ступа пшона: одну виїдає, а на

другу поглядає (УПТРН:Хр); Доброю женою и муж честе (БСРП); Жена добра веселит мужа своего (БСРП); Добра жінка в мужа краде і перед нього кладе (УПП Паз); Добра жінка і лихого чоловіка направить (УПП); Добра жінка найгіршого чоловіка переможе і лихого чоловіка направить (УПП Паз); Добра жінка і здоров'я, то найбільший скарб (УПП Паз); Добра жена, то мужу корона (УПП Паз); Если Бог допоможе, то добра жінка і найгіршого мужа переможе (УПП Номис); Добру жінку взяти – не будеш смутку й горя знати (УПП); З добров женов і на камені доробишся хліба (УНПП); Хто добру жінку має, той горя не знає (УПП Паз).

150. Добрая жена веселая, а худая – злое зелье // Добра жінка, то весілля, а зла – то погане зілля (РУТСП); Добра жена – венец мужу своему и безпечалие; а зла жена – лютая печаль, истощение дому (БСРП) // Добра жінка мужеві своєму вінець, а зла – кінець (УПП Паз); Добрая жена дом бережет, а плохая (худая) своим рукавом разнесет (растресет) (БСРП) // Добра жінка дом збереже, а погана своїм рукавом рознесе (УПП Паз); Жену хорошую взять – много станут знать, а худую – нельзя в люди показать (БСРП); Добрая жена к дому приучает, а худая – от дома отлучает (БСРП); Добрая жена – лопата, а худая жена – метла: одна в дом, а другая из дома загребают (БСРП); Добрая жена рада за мужа умереть, а злая – [рада] избыть (БСРП); Добрая жена – так в дом метет, а худая жена из дома метет (БСРП); От плохой жены состареешься, от хорошей помолодеешь (БСРП); Худая женушка будет дом домить, хорошая милушка дом зорить (БСРП); Добра жінка на ноги поставит, а зла із ніг звалить [а злая, то ще й звалить] (УПП); З лихою жінкою сварка та розлад, а з доброю і без грошей лад (РУТСП); Від сердитої жінки постарієш, а від доброї помолодієш (БСРП); Хороша жінка – мужеві слава, а лиха – згуба (УПП Паз).

151. Жінка більше викине ложкою, як чоловік принесе лопатою (УПП Паз); Як сорочка біла, то й жінка мила (УПП Паз); Пусти жінку до неба, то вона з собою й корову спровадить (УПП); Пусти жінку в рай, то вона з собою і корову поведе (УПП); Жінка ледащо в хаті нінащо (УПП); Негаразд, як

жінка ледащо: не зварить, не спече, коли нема що (УПТРН:Хр); Лучче чорта тримать, ніж ледачу жінку мать (УПТРН:Хр).

152. Як чоловік жінку любить, то й лиха жінка доброю буде (УПТРН:Хр); Як чоловік жінку не любить, то й добра лихою буде (УПТРН:Хр); Як чоловік жінку любить, то все її голубить (УПП).

153. Жена богатая гордится и с мужем часто бранится (БСРП).

154. И жена да боится своего мужа (БСРП); Жена Богом дана, а с пасестрой – свой сатана (БСРП).

155. К мужу пришла, так свое нашла (ПП).

156. Без мужа жона – кругом сирота (ЖНП).

157. Где муж, там и жена (СРПП); Какова жена, таков и муж (БСРП) // Де чоловік, там і жінка (ФСУМ 2).

158. Мужа чтут за разум, жену по уму (БСРП); У плохого мужа жена всегда дура (БСРП); Якщо муж без ума, то і жінка дурна (УПТРН:Хр).

159. Нет жены – нет [и] заботы (БСРП).

160. Муж возом не навозит, что жена горшком не наносит (БСРП); Выбирай жену не в хороводе, а в огороде (БСРП); Не ищи жену модницу, а ищи заботницу (БСРП); Жінка-голубочка пече млинці з полубочка, а мужик, щоб здоров, більше муки намолов (УНПП). В то же время осуждалась расточительность: Муж возом не навезет, что жена рукавом растрясет (БСРП) // Чоловік возом не навозить, що жінка рукавом розтрясе (УНПП).

161. Муж в поле пахать, а жена руками махать (РУТСП) // Чоловік у поле орать, а жінка руками махать (РУТСП); Муж пашет, а жена пляшет (РУТСП); Муж за бороною, жена за меледою ('забавляется') (РУТСП); Муж за хлеб да скатерть, а жена за избу да пляшет (БСРП); Муж – как бы хлеба нажить, а жена – как бы мужа избить (БСРП); Муж в двери ногой, а жена в окно и с головой (БСРП); Муж по дрова, а жена со двора (БСРП); Муж в бане, а жена в амбаре – уговориться не могут (СРПП); Муж – с огнем, жена – с водой (ПП); Муж в шансах, а жена в танцах (БСРП); Жена поет, а муж волком воет (СРПП); Муж – за гудок, жена – за песенки (СРПП); Муж в

бедах, а жена в гостях (БСРП); Муж за волками, а жена за молодцами (ПП); Муж крамар, а жона крамарка, він із двора, а у жінки ярмарка (ЗУПП); Чоловік за литку, а жінка за калитку (УПП); Оженися, не журися – піде тобі рукою: жінка піде за борщем, а ти за мукою (РУТСП); Коли чоловік у корчмі скаче, а жінка дома плаче (РУТСП).

162. Воля и добрую жену портит (БСРП); Дал муж жене волю – не быть добру (БСРП); Люби жену вволю, да не давай ей воли (БСРП); Отбилась от рук жена, так что твой сатана (СРПП); Кто жене волю дает, тот сам себя обкрадывает (ПП); Хто жінці волю дає, той сам себе продає (УПП); Жінці раз волю дати – назад трудно відобрати (УНПП); Дай жінці волю, сам попадеш в неволю (УПП Паз).

163. Жена по муже честна (БСРП); Жена шаловлива, так мужа бей (БСРП); Чоловік винен, що жінка ледаща (УПП Паз); Чоловік рядить світом, а жінка – чоловіком (УПП Паз).

164. Смерть да жена – Богом суждена (Д2) // Смерть і жена від Бога призначена (УПП); Смерть жены – беда для мужа: Видел ли ты беду? Терял ли ты жену? (СРПП); Горькие проводы – жена мужа (муж жену) хоронит (ПП); Батько глядит доньку до вінця, а чоловік до кінця (УПП Паз).

165. У нее муж по ниточке ходит (БСРП); От мужа поволька жена самоволка (БСРП); Утро вечера мудре, жена мужа удалее (БСРП).

166. Усе гаразд, усе добре, що жінка маленька: він поб'є і полає – вона веселенька (УПТРН:Хр); Велика ми хвала, що жінка мала (УПП Номис).

167. У мене жона, як стоїть один міх муки, другий – пшона, бодня сала на горі, стоги хліба на дворі (УПТРН:Хр).

168. Легше сто зайців пасти, як одної жінки допильнувати (УПП); У всіх жони, як соколи, та пригнали по два воли, а моє бідовище не принало й телище (УПТРН:Хр).

169. Варвара мне тетка, а правда – сестра (БСРП); Ближча сорочка до тіла, як рідна тітка (УНПП); Дядько – не батько, а тітка – не мати (УПП Паз).

170. Дядюшка сыт, так и племянник кости гложет (БСРП); Тетка Варвара – широкие карманы (БСРП); Пішов до дядини – наївся гов'ядини, пішов до тітки – вмотався в намітки (УПП Паз).

171. Якби тітка мала вуса, то дядьком була (УПП).

172. У тетки баловень племянник, у дяди – племянница (БСРП).

173. Добрий дядька придаст ума дитятке (БСРП), Дядька дитятке ума придаєт (БСРП);

174. У кого есть дядька, у того цел и дитятка (БСРП); У кого есть дядька, у того цело дитятко (БСРП).

175. Где тетка, там и сваха (БСРП).

176. Наша тетка и сама лебедка (БСРП).

177. Невестка (Нывистка) – чужа кистка (БСРП) // Невістка – чужа кістка (УПП); Про мене, синку, хоч і свинку, аби мене матір'ю звала (УПП);

178. Хоч невістка збреше, то личко не збреше (УПП Паз); Як нема невістки, то нема на селі звістки, а як стала невістка, о стане на селі звістка (УПП); Ані в селі, ані в місті не вір невістці (УПП).

179. Сина побивають, а невістці докоряють (ФСУМ 2); Кішку б'ють, а невістці докоряють (УНПП); Хто ж винен, як не невістка (ФСУМ 2); І плахта невістчина шкоду робить, бо невістки нема дома (УПП Номис).

180. Пусть бы невестка [и] дура, только б (бы) пораньше огонь (огонь пораньше) дула (БСРП); Все семь спят, а невестке молоть велят (БСРП); Рано невестка встала, да мало напяла (БСРП) // Всі в сім'ї сплять, а невістці молоти велять (УПТРН:Хр); Невестушка, полно молоть, отдохни – потолки (БСРП); Невістка в хаті замість помела (УПП); Радуйся мати, йде невістка до хати добра робуха, а не цокотуха (УПТРН:Хр); «Хто води принесе?» – «Невістка» – «Хто обід зварить?» «Невістка» – «Хто піде у жнива?» – «Невістка». «Кого б'ють?» – «Невістку» – «А за що?» – «За те, що вона невістка» (УПТРН:Хр).

181. Не хвали невістку через сім днів, а хвали через сім год (УПП Паз); Не хвали невістки третього дня, а хвали третього року (УПП Паз).

182. Бери собі, синку, й свинку, аби тобі мила була (УПП Паз); Наша невістка – що не дай, то тріска (УПП Паз); Як була я у батенька, то була чубатенька, а як стала у свекрухи, то й мій чуб обсіли мухи (УПП).

183. – «Хто усравсь?» – «невестка (Нывистка)». – «Так вона ж в поли.» – «Так виттиля витер несе!» (БСРП).

184. Зять мил по дочери, а сын постыл по невестке (БСРП) // По дочці і зять милий, по невістці і син чужий (УНПП); Лучче у сина під полом, ніж у зятя за столом (УПП Паз); Сестра до гробу, а зять із роду (УПП).

185. Зять мил по дочери, а сын постыл по невестке (БСРП); С сыном бранись, на печь ложись; а с зятем бранись, за скобу берись (БСРП) (т. е. уходи); Білий сніг – то не сир, добрий зять, то не син (ФСУМ 1); Зять, невістка – не дитина (УПП Паз).

186. Нет черта в доме – прими зятя! (БСРП); Не для зятя-собаки, для милого дитя (БСРП); Не зять бы был – не собакою (не чертом) бы слыл (БСРП); Бедному зятю и тесть не рад (БСРП); Нема ворога, як зять (УПП); Ні втять, ні взять, лучче собака, ніж зять (УПП); Ні з пса солонини, ні з зятя дитини (УНПП); Яка з собаки солонина, така і з зятя дитина (УНПП).

187. Для зятя (затюшки) – света всегда приспето (БСРП); Зять на двор – пирог на стол; Зять да сват у тещи – первые гости (БСРП).

188. Ныне зять подмаз съел, а завтра и всю сковороду (БСРП); Зять все хоче взять (да не любит отдать) (БСРП); Думала теща, пятерым не съестъ, а зять-то сел, да за присест и съел (БСРП); Ныне зять подмаз съел, а завтра и всю сковороду (БСРП); На зятьев не напасешься, что на яму (БСРП); Не зять бы был, кабы на сырной тещу не навестил (БСРП).

189. Зять да шурин – Бог их судит (БСРП); Зять да шурин – черт их судит (БСРП).

190. Свекор гроза, а свекровь ест глаза (РНПТ:Хр); Свекровь на печи, что сука на цепи (БСРП) / Свекруха на печі – то те, що собака на ланцюгу (УПП); Свекруха – уїдлива муха (УПП Паз); Свекруха – псяюха (УПП).

191. У лихой свекрови и сзади глаза (РНПТ:Хр) / У лихої свекрухи ззаду очі (УПП Паз).

192. Свекруха лихая і на піч лізе – бурчить і з печі гарчить (УПП Паз); В лихом свекре правды нет (БСРП); Брехливая свекруха невістці не вірить (УНПП); Брюзжит, как свекровь на невестку (БСРП). Свекруха – воркотуха (БСРП); (Журлива, что свекровь (БСРП).

193. Свекор – не рідний батько (УНПП).

194. Рідна мати і б'є, та не болит, а свекруха словами б'є гірше, ніж кулаками (УПП Паз).

195. Свекор драчлив, свекровь ворчлива, деверья журливы, невістки мутливы (БСРП); Син б'є жінку, а свекор дубця дає (МН–ММ).

196. Свекор і свекруха одного духа (УПП).

197. Аби позбутися жінки, не один оддав би й тещу (УПП Номис).

198. Багатий тесть – зятю честь (БСРП); Бойся тестя богатого, как черта рогатого (РНПТ:Хр) / Бійся тестя богатого, як чорта рогатого (РУТСП).

199. Мені батько не рідня, мені мати не рідня, мені теща родина – мені жінку родила (УПТРН:Хр).

200. Тесть не повинен втрачати честь (УПП); Тесть любить честь, зять любить взять, а теща любит дать (УПП Паз); У тестя в руках не приданое (ПП).

201. И добрый сват – собаке брат (БСРП).

202. Не всяк тому рад, что приехал в гости сват (БСРП) или осторожное: Сват, не сват, был бы добрый человек (Д2); И сват свату друг, да не вдруг (БСРП); Поколе пьем вместе, так и сваты, а упились – и разошлись (Д2); Хоть и сват, да горбат (Д 2).

203. Нема роду-родиночки, / Ні до кого притулитися (ЛП, с. 223–224).

204. Десь за мною, сиротою, / Родина тужить. / Тужи, тужи,
родинонько, / А я й не буду (ЛП, с. 222); Красна девица воду черпала <...> /
Призадумалась, заплакала, / А заплакавши, слово молвила: / Хорошо тому
жить на сем свете, / У кого как есть отец и мать, / И отец, и мать, и брат-
сестра, / Ах брат-сестра, что и род-племя! / У меня ль, у красной девицы, / Ни
отца нету, ни матери, / Как ни брата, ни родной сестры, / Ни сестры, ни роду
племени, / Ни того ли мила друга, / Мила друга любовника! (НЛП 61, с.
162).

205. Ой есть в мене родинонька / Ще й рідненький брат; /
З'їжджайтеся, сходжайтеся / Всі в вишневий сад» (ЛП, с. 222); Тільки мені
тяжко: як була я у батька – / По саду гуляла, кісоньку чесала, / Вишеньки
щипала, в платочок в'язала (УНП-РПЛ, с. 259).

206. Ой піду я в ліс по підпеньки; / Там стоїть дуб зелененький. /
Сюди-туди коло того дуба, – / Все ж моя родинонька люба (УНП-РПЛ,
с.112); Ой стану я під дубочка, / А дубочок та й не батечко, / Вітер віє, гілля
ломить, / Та й до мене не заговорить. <...> / Ой стану я під липочку, / А
липочка не матіночка, / Вітер віє, гілля ломить, / Та й до мене не заговорить.
<...> / Ой стану я під кленочка, / А кленочок та й не братичок, / Вітер віє,
гілля ломить, / Та й до мене не заговорить. <...> / Ой стану я під калину, / А
калина та й не сестричка, / Вітер віє, гілля ломить, / Та й до мене не
заговорить (ЛП, с. 223–224); Не порадив отець-мати, / Ніяка родина, / Хіба
мене той порадить, / Кому люба-мила (УНП-РПЛ, с. 258); В кого батько, в
кого мати, / Є з ким розмовляти (УНП-РПЛ, с. 261); Над озером верба, / Над
вербою камень, / На камушке девка / Горчехонько плачет: / Отдал меня
батька / В турецкую землю, / В немецкую веру / А я, молоденька, / Ничего не
умею – / Ни прясть, ни ткати, / А только умею / Раненько вставати / Косу
заплетати (НЛП 61, с. 177).

207. Пливи, пливи, з рожі квіте, / А до мого роду (ЛП, с. 225); Накажу
до родини / Сизим голубочком (ЛП, с. 225); Летел сокол високо да високо, /
Ронял перье золотое, золотое. / Я перышко подниму и подниму, / Грамоточку

напишу и напишу, / Ко батюшке отошлю и отошлю. / Велит ли мне батюшка / Скакать, плясать, тешиться? / «Скачи, пляши, дитятко, / Скачи, пляши, милое...» (НЛП 61, с. 191–192); А другая стежечка-доріженька – / Аж до роду мого (ЛП, с. 254).

208. Уж взять ли не взятии Вам по любви, / По батюшкиному Хлебу-соли, / По матушкиному Благословенью, / По сестрицыному Повеленью, / По братилкиному Приказанью» (НЛП 61, с. 182). Сторона ль моя, сторонушка, / Незнакомая здешняя! / Не тебе, моя сторонушка / Нетуть милого дружка, <...> / Нету друга, нет подружки, / Нетуть матушки родной (НЛП 61, с. 146–147).

209. Сторона ль моя, сторонушка, / Незнакомая здешняя! / Не тебе, моя сторонушка / Нетуть милого дружка, <...> / Нету друга, нет подружки, / Нетуть матушки родной (НЛП 61, с. 146–147).

210. Рости, барвіночку, / Широко стелися, / Ай гуляй ми, синочку, / Восени женися (ЛП, с. 247).

211. Он бел лицом, кудреватый / Ему матушка говорила: / «Василий-свет, ты женися! / Возьми себе хозяйошку. / Тебе с нею веселее, / А мне перемена». / – «На что, матушка, жениться? И так меня девки любят, / Молодушки похваляют... (НЛП 61, с. 124); Оженися, мій синочку, / Возьми собі любку, / Цілуй її, милуй її / Як голуб голубку (ЛП, с. 250).

212. Вдоль было по травоньке, вдоль по муравке, / Лели-лели-лелюшки, вдоль по муравке, / Тут ходит-гуляет тут удаленький молодчик, / Ходит выбирает красавицу девочку <...> Меня красна девица не взлюбила». / – А я тебя, миленький, не узнала». / <...> «Пресчастливая матушка зародила, / Пресчастливой долюшкой наделила, / Меня красна девица возлюбила (НЛП 61, с. 208).

213. Ой вдарилась бідна вдова об поли руками: / Сини ж мої коханії, пропала я з вами! / Сама-сь, мати, винна, сама провинила, / Що нас молодими та не поженила! (УНП-РПЛ, с. 175).

214. Невелика пtiчка-пташечка / Много знала, много ведала, / На синє море летала. / Говорила пtiчка-пташечка / Человеческим голосом, / Говорила любезному своєму: / Не женися, мой любезный друг! / Когда женишься – спокаєшься, / С молодой женой намаєшься! (НЛП 61, с. 174).

215. Сини мої, соколи мої, / Дочки-голубочки! / Як я буду та й умирати, / Сходітеся та й докупочки. / Сини ходять, радоньку радять – / Як би матір сховати; / А зяті ходять, другу радять – / Як би нам що взяти? (УНП-РПЛ, с. 108); Ой зятю мій, зятю хороший! / Закопала-м під вишнею гроші. / Як хто буде дочку любити, / Той буде гроші лічити (УНП-РПЛ, с. 108); Піла теща із зятями, / Із сивими соколами, / Піла вона, ой упилася / Дай на бочку схилилася. / Єден каже: «Возьмім маму! / Другий каже: Ще й помалу! / Третій каже: Над водою / Вкиньте тещу с головою, / Нех не стоє за дочкою! (УНП-РПЛ, с. 108).

216. Мати з сином стояла, / Сина правди питала (ПРЖ, с. 71).

217. Ой, бий, синку, та свою жінку, / Бий, научай, / Та під свій обичай (ПРЖ, с. 62).

218. Вітер повіває, / Лози розхиляє, / Мати дочку має / Та гулять посилає: / Гуляй, гуляй, доню, / Поки й молодою, / Бо як стара будеш, / Й гуляти забудеш». / Та зсушила, зв'ялила / Чужая країна. / Чужая країна / А мала дитина. / Мала дитина / Й невірна дружина (УНП-РПЛ, с. 128–129).

219. За реченькой за быстрою чєтыре двора, / Во этих ли во двориках чєтыре кумы. / Вы кумушки, голубушки, подружки мои! / Пойдете вы в зелен сад, возьмите меня; / Вы станете цветочки рвать, нарвите и мне; / Вы станете венки плести, сплетите и мне, / Пойдете вы на реченьку, возьмите и меня; / Вы будете венки бросать, вы бросьте и мой! (НЛП 61, с. 148).

220. Не поглянется тебе худа жена – / Ни продать-то ее, ни променять; / Ни товарища-братца подарить! / Тебе век с нею мыкаться! (НЛП 61, с. 172–173); Ты гуляй, гуляй, душа милый друг, / Ты потуль гуляй, как не женишься; / Ах ты женишься – переменишься, / Переменишься, друг, вспокаєшься! / Ты возьмешь себе молодую жену, / Молодую жену, змею

лютую: / Из норы выползет – озирается, / По песку ползет – извивается, / По траве ползет – мураву сушит (НЛП 61, с. 173); В кого вірная дружина, – / А у мене, сиротини, / Немає родини (УНП-РПЛ, с. 261–262); – Возьми ж, возьми, дитятко, / У соседушки девушку. / – Сударыня матушка! / Та мне женой будет, / А тебе невестушкой, / Во поле работница, / Во дому кукобница<...> (НЛП 61, с. 217–218).

221. Жалко жонушек будить: / Усни, жонка, усни, душка! / Вот те в голову подушка. / Усни, радость, дорогая, – / Вот те в голову другая! (НЛП 61, с. 188).

222. Прийшла мати до донечки за штири години, / Не пізнала з-під оконця своєї дитини. / Сідай, нене, коло мене, далеко ід мене! / В мене тіло побитеє, не поразить мене! (УНП-РПЛ, с. 154); Горе ж мені, моя рідна мати, / Жити із п'яницею. / Ой п'яниця – не робітниця, / День і ніч він п'є, / Як прийде він з корчми додому, / Мене, молодую, б'є (УНП-РПЛ, с. 156); Йду додому та й боюся, / Бо лихого мужа маю, / Буде бити, – добре знаю (УНП-РПЛ, с. 159); Не бий мене, мужу, не карай, / Бо покину діти, / Бо покину дрібні, / А сама піду / За Дунай! (УНП-РПЛ, с. 164).

223. Чужії жони з церкви ідуть, / Моє чудо з корчми ведуть (УНП-РПЛе, с. 155); Ой ти, мужу мой, / Отворяй двор свій; / Іде твоя миленька / Із корчмоньки п'яненька (УНП-РПЛ, с. 160).

224. Как ходила каледа окануне рожества. <...> / А вокруг его двора железный тын. / На каждой тычинке по жемчужинке. / Посреди его двора три теремы стоят. / В первом терему – красно солнышко, / А в другом терему – месяц-батюшко, / А в третьем терему – часты звездочки. / Светел месяц – то хозяин во дому, / Красно солнышко – то хозяйюшка его, / Часты звездочки – малы детушки (ОбрП 89, с. 53–54); Светел месяц – То хозяин во дому, / Красно солнышко – То хозяйюшка, / Часты звездочки – Малы деточки (НЛП 61, с. 74).

225. В татковім домі три сторожи: Перва сторожа – татко за столом, / Друга сторожа – матка у порога, / Третя сторожа – братко у воротах. / Татко

за столом з медом і вином, / Мамка у порога з рушниками, / Братко у воротах за калачами. / Ми ж тебе, Петре, не зневажаєм, / З святом вечером поздоровляєм (КЩ, с. 458).

226. Теща зятя питаєт: /Что зять ты, зятчек, / Дорогой сын гостечек, / Скажи мне всю правду, / Что на свете милее: / Али тесть, али теща, / Али жена молодая, / Али матушка родная? /Теща милая – для привета, / Жена молодая – для совета, / А маменька родная / Милей всего свету (РНП ОБП 84, с. 95); Теща про зятя пирог пекла. / В этом пироге три осьмины муки, / Соли да крупы на четыре рубли, / Лучку да мачку на семь рублей, / Маслица с яичком на восемь рублей; / Этот ли пирог с рублем двадцать стал. / Зять-то сел, у присеста съел (ОбрП 89, с. 170–171);

227. Приходи-ка, теща, об масленой, / Я ж тебя, теща, употчуваю: / Четыре дубины березовых, / А пятый кнут по заказу бьют, / Ох, пятый кнут по заказу бьют (РНП ОБП 84, с. 96).

228. Благослови, мати, / Весну закликати! / Весну закликати, / Зиму проводжати! / Зимонька в возочку, / Літечко в човночку (УНП 63, с. 86).

229. Зароди, весна, жито густое, / Ай, люли-люли, жито густое. / Жито густое, колосистое, / Ай, люли люли, колосистое. / Чтоб было с чего пиво варити, / Ай, люли-люли, пиво варити. / Чтоб было с чего пирогов напечь, / Ай, люли-люли, пирогов напечь. / Пирогов напечь, сынов поженить! / Ай, люли-люли, сынов поженить (ОбрП 89, с. 187–188).

230. Благослови, Троица, / Богородица! / Ай дидо, ой ладо! / Нам в лес пойти, / Нам венки завивать! /<...> Мы цветов нарвем, / И венки сошьем, / Свекру-батюшке, / Свекрови-матушке. / Свекру батюшке / Малиновый, / Свекрови-матушке / Калиновый... (РНП ОБП 84, с. 129).

231. Петрочкова женка / На свою нивку / Раненько выходила, / Дочек-лебедок, / Невесток-перепелок / С собой выводила (НЛП 61, с. 99).

232. Ой з-за гори дим та дим, / Там соловейко гніздо звив / Ще й гарнесенько щибетав – / До себе галочку прикликав... / Іди, галочко, зо

мною, / Будеш ти мені жоною, / А моїм діткам матір'ю, / Бо в мене дітки маленькі, / Ще й до матері раденькі (УНП КОЛ, с. 90).

233. – Дівчинонько, голубонько, / Напій коня вороненького! / – Ой не буду напувати, / Буде мене мати ждати, / Буде мене бить, сварить (УНП 63, с. 154); Молодець коня пасе / <...> – Дала б тобівідра, / Так боюся батька. <...> – Дала б тобівідра, / Да боюся матки. / – Не бійсяти матки: / А маткина гроза, / Як літняя роса (УНП 63, с. 148); Ой піду я по-над річенькою – / млин меле, млин меле. / Ой не гнівався, мій батеньку, / На мене, на мене. / Ой поставлю я бочку медочку, / Вина дві, вина дві. / Перепрошу я свого батенькана вині, на вині» (УНП КОЛ, с. 170); Да вирвати в саду василечки, / Слід позамітати! / Ой у менененька / Раніше мене встала / Та вирвала в саду василечки, / Слід позамітала (УНП 63, с. 166). Такие поступки со стороны матери или отца социокультурно табуированы, поскольку они выступают хранителями целомудрия дочери: Мене мати не пускає (УНП 63, с. 144).

234. (Ой пий, мати, тую воду, / Що я наносила, / Шануй, мати, того зятя, / Що я полюбила. / Буду пити, буду лити, / Буду розливати, – / Нелюбого полюбила, / Буду розлучати (УНП 63, с. 208).

235. Іди, Марисю, зо мною: / Будеш мою жоною; / Будеш же ти мені жіночка, / Моїй матінці вірnochка; / Будеш же ти вірити, / Моїй матінці служити (УНП 63, с. 204); Оддай мене, моя мати, / З ким вірно люблюся, / Хоч худоби не доб'юся – / Вірно наживуся. / З великою худобою / Носиться, возиться, / А з вірною дружиною / У світі нажитья (УНП 63, с. 205).

236. – Підеш замуж, донько, / Підеш замуж, любко, / Підеш замуж, чорнушенько, / Сивенька голубко. / –Та за кого, мамко (УНП 63, с. 67); Хоче мене мати / За милого дати (УНП 63, с. 198); А Леня дочкой набивається, / Ай, люли-люли, набивається, / Ты возьми, Витенька, мою доченьку, / Ай, люли-люли, мою доченьку (ОбрП 89, с. 188); «Как увидела да узрела [прилетевшего «ясна сокола»] / Свет княгинина матушка: / Ты дитя мое, дитятко, / Ты дитя, чадо милое! / Приголубьты ясна сокола, / Ясна сокола залетного, / Доброго молодца заезжего! (ОбП 89, с. 380); Матушка, со стены образ снимают, /

Матушка, меня благославляют. – / Дитяtko, господь бог с тобою, / Свет милое, господь бог с тобою (ОбП 89, с. 418–419); Вьюн на воде извивается, / Азять у ворот убивается: / Ах тесть, ты мой тесть ласковой! / Отдай мой дар, мое суженое (ОбП 89, с. 424).

237. Вари, мати, вечеряти / Вари, мати, вечеряти, / А я ляжу спати; / Кому мила, кому люба, / То прииде до хати. / Вари, мати, вечеряти / Гречані галушки; / Кому мила, кому люба, / Прииде на подушки (УНП 63, с. 164).

238. Спoносила меня маменька, / Спoносила государыня / Во утробе ровно сорок недель (РНП ОбП 84, с. 212–213); Ты кормилице государь батюшко! / Обострочь меня, девушку, / Хоть на летышко красное (НЛП 61, с. 234–235).

239. Бо лиxого мужа маю, / Буде бити добре знаю, / І щіtkoю, круживкoю, / Веретенoм, гребінкoю (УНП 63, с. 75); Поняв старий / Молодую жінку. / Іще ж не поняв, / Та хвалиться бити, / Та похваляється з товаришем / Нагайку купити (УНП 63, с. 76); И хочет батюшко ведь замуж выдавать, / И родна матушка ведь с волей разлучать, / И выдать девушку ли, меня, не за ровню, / Не за ровнюшку ли замуж – за старого, / И за старым я, девка, в любви жить не буду, / И за старым мужем я да погуливать стану, / И себе ровнюшку я буду прибирать (РНП ОбП 84, с. 190); Хотит батюшко девку замуж отдавати, / <...> А старого мужа стану проклинати, / Себе ровнюшку стану выбирать, / Далеко ровню буду провожати (РНБП Рыб 90, с. 115).

240. Да ты не слушай хоть, Анна, у Петровича, / Да что Василья-то гусельцы звончатые, / Они звончаты гусли, перебарчатные, / Да они скоро-то перезовут на чужу сторону. / Да на чужу сторону к чужу батюшку, / Да на чужу сторону к чужой матушке (РНП ОбП 84, с. 189); Уж теперь отдает меня маменька / На чужую дальнюю сторонущу, / На чужую, дальнюю, незнакомую, / Ко чужому свекру-батюшке / Ко чужой свекровке-матушке, / Ко чужим деверьям-брателкам, / Ко чужим золовкам-сестрицам (РНП ОбП 84, с. 212–213); Как чужого отца-мать буду как называть? / Как чужого отца-

мать буду как называть? / Назову ль я свекра батюшкой, свекровь матушкой /
А чужого дитя назову ли я по имени и по отчеству? (РНП ОБП 84, с. 230).

241. Я спрошу тебя, родной батюшка, / и родимая моя матушка, / Кто
у вас были: гости торговые? / Аль синя моря корабельщики? / Торговал мне
родимой батюшка / На мои-то да могучи плеча <...> Торговал мне да родной
братец миленькой / <...> Торговала мне родна сестрица / на мою же да буйну
голову (ОБП 89, с. 399–400); ...Не пропускай, брат родименький, / Ты ни
конного, ни пешего; / Останови моего суженого (РНП ОБП 84, с. 206–207);
Уж ты, родимой батюшко, / Ты какие думы думаешь, / Ты какие мысли
мыслишь, / Не меня ли замуж выдаешь (РНП ОБП 84, с. 220); Тяжело да
расставатися / Со родимым-то батюшкой, / Со родимою-то матушкой, / Со
своим родом-племенем (НЛП 61, с. 246–248).

242. Тужит ли, тужит ли / По мне свекор-батюшка? / Не тонет, не
тонет / Мой золотой веночек, / Не тужит, не тужит / По мне свекор-батюшка
(РНП ОБП 84, с. 135); А мой свекорка стоит, / На меня косо глядит. / Люли-
люляшеньки, / На меня косо глядит (РНП ОБП 84, с. 146); Ты немного богу
молися, / Ты не низко тестю кланяйся, / Ты пониже – теще матушке, / По
поклону – красным девушкам (ОбрП 89, с. 406).

243. Неужели я тебе, кормилец батюшка, / Не работница была, не
заботница, / Твоему дому не рачительница? (ОбрП 89, с. 324); Алыми
ленточкам убиралася; / Уж ты пела веселы песенки, / А теперь ты, моя мила
сестра, / Отпоешь веселы песенки; / Ты пойдешь на тяжку работушку, /
Обливаться будешь горячим слезами (ОбрП 89, с. 327–328).

244. Я пойду с горя в темны леса, – / Я хожу в лесах, аукаюсь. / Никто
в лесе не отукнется, / Что ни батюшка, ни матушка, / Ни соколы-братцы
милые, / Ни голубушки белы сестры. /.. Ты родимая моя матушка! /
Заблудилась я в чужих людях, / Заплелась я в горе-кручинушке (ОбрП 89,
с. 348–349); Перекатно красно солнышко / Закатилось за облачко, /
Закатившись, затуманилось. / Перехожа красна девица <...> / Во слезах да
слово молвила: / Государь ты мой, тятенька, / государыня ты, маменька, /

нельзя ль думушку отдумати, / Мою свадебку остановити / До иного года
нового, / Хоть до летечка до красного? (ОбрП 89, с. 366–367); Встань,
вставай, мой батюшко, раненько, / Поливай мои съветы частенько / Свежою
ключевой водой, / Сверх того горючими слезами (ОбрП 89, с. 386).

245. Не бела лебедь вскрикнула – / Мать по дочери всплакнула: /
Воротись, мое дитятко, / Воротись, мое милое! / Позабыла ты, дитятко, / от
терема золоты ключи / Со шелковым со поясом / И с кольцом со серебряным
(ОбП 89, с. 436–437); Она [матушка] где трубу услышала, / Слезно жалобно
тут всплакала: / От меня ли дитя везут, / Что дитя – дочь милую! (ОбрП 89,
с. 457–458); А станешь ли, мой батюшка, цветки поливать? / Цветики
поливать утреней, вечернею порою? <...> /– Стану я, мое дитятко, твои
цветки поливать, / Утреней, вечерней зарею – / Своею горючею слезою (НЛП
61, с. 235).

246. Зеленейся, зеленейся, / Мой зелен сад в огороде <...> / Ко мне
будут, ко мне будут, / Ко мне гости дорогие. / Сударь батюшка родимый /
Будет по саду ходити, / Изюм-ягоду щипати, / Меня, младу, похваляти (НЛП
61, с. 315).

247. Положу этот веночек на головку, / Ай да наголовку! / Я на
душечку прекрасну красну девицу, / Ай да на девицу! / На родиму на
сестрицу, / Ай да сестрицу! (НЛП 61, с. 96); Да тебя завтра будет, косынька, /
Тебя завтра будет, русая, / Да расплетать будут подруженьки, / Да чесать
будет милая сестра, / Чесать будет и то – милая сестра. / Примочи, родима
матушка, / Примочи, родима матушка, / Что своим то горючим слезам, / Что
своим-то горючим слезам (ОбрП 89, с. 381–382); Танец сводила, / Венок
сронила. / Матушка, поди, / Венок подыми! / Матушка идет, / Венок не
несет... (РНП ОбП 84, с. 149–150); Погляди, моя матушка, / На мою на русу
косу! / Уж не долго мне, матушка, / Во косе красоватися, / Во русой
величатися! (ОбрП 89, с. 378).

248. Ах, как на дворе у нас да две радости: / Отец сына женит, дочку
замуж дает. / Еще коробьи с двора, сундуки на двор. / Да кому мы спели,

тому добро (ОбрП 89, с. 104); Ой, вставай, сестра, не лежи, / Ой, раним-раним, не лежи. / А тебе, сестра, много надо. / Ой, раним-раним, много надо: / Сорок сороков рушников, / Свекра с свекровью дарити, / Красных золовок, ох, золовок, / Молодцов, деревьев, / Ой, раним-раним, деверьев (РНП ОБП 84, с. 239); Свекрочек, мой батюшка, прими мои дары, / Э во й лели, лели, лели, прими мои дары. / Дары дорогие-ковры вышивные (РНП ОБП 84, с. 240); Как батюшку-свекру / Рубашку, порточи, / Жилетку, платочек; / Матушке-свекрове / Рубашку, повойник; / Деверьям-сокольям / Всем по платочку; / Золовкам-сестрицам / По алой косынке! (РНП ОБП 84, с. 241).

249. Продаймо, браті, продаймо, браті, та й воли, та й корову, / Викупмо ми, браті, та й воли, та й телицю, / Ой викупимо, ой викупимо та й сестру-молодицю (ПРЖ, с. 240).

250. Тим у сім світі добра нема, / Що брат сестри за род не ма. / Тим у світі теряється, / Що брат сестри цурається (ПРЖ, с. 243).

251. Бо нас одна ненька народила, / Та не одну долю вділила. / Тобі воли та корови, / Мені дала личко, чорні брови. / Тобі дала весь двір на помості, / Мені дала коника в повозці (ПРЖ, с. 244).

252. Ой тужу я, тужу, / Бо в лихого пана служу <...> / Я гадаю мандрувати, / – Жаль ми роду покидати; / Не так роду, як мамочки: Годувала з дитиночки; / Годувала, леліяла, / Потіхи ся надіяла (КП-УНП 67, с. 244); Та сидить бурлак у неволі, та рубашку латає, / Та поглядає крізь решотку, де родину має? / Та нема в мене родиноньки, но на Україні дядько: / Він мене приголубить, як рідненький батько! (БП-УНП 67, с. 273); Сидить хлопець у неволі, / Сорочку латає, / Ніхто ж його не питає, / Бо роду немає. / Прибудь, прибудь, родинонько, / Буде мені свято, / Бо то ж мене, родинонько, / Безневинно взято (БП-УНП 67, с. 275); Соловейку маленький, / В тебе голос тоненький! / Защобечи ти мені, / Бо я в чужій стороні: / Нема роду, родини, / Ні вірної дружини (БП-УНП 67, с. 280); Ой сад саджу, ой сад саджу, / Вином поливаю, / На чужині пропадаю, / Бо роду не маю. / Бодай тая річка / Риби не

сплодила, / Що котра мене з родом розлучила. / Горе ж мені, молодому, на
цім світі жити: / На чужині чужі люди, нігде ся подіти (БП-УНП 67, с. 283).

253. Да лежить син неділю, да лежить син другу; / Да на третю
неділю вилетіли три зозулі. / Да що й одна біленька – то й то моя ненька. / Да
й а друга біліша – то сестра рідніша (БП-УНП 67, с. 282).

254. Розлилися води / На чотири броди, / Виряджала мати дочку / На
чотири годи (НЗП-УНП 67, с. 629); Розлилися ріки і бистрії води: / Не
очитай мене, ненько моя, і в чотири годи! / Розлилися води і бистрії ріки, /
Помер отець і матуся – сирота навіки! (НЗП-УНП 67, с. 632); Будуть бити,
катувати, / Нікому ся жаловати, / Що ні отця, ні матусі, / Нікому ся жаловати
(РСП-УНП 67, с. 307).

255. Здоров, здоров, сивий орле, / Що там в нас чувати? / Чи ще живий
батько сивий, / Старесенька мати? / А вже давно старесеньку / В садку
поховали, / А твій батько сивесенький / В корчмі п'є-гуляє» (БП-УНП 67,
с. 276); Чи тим браття розійшлося, / Що батька немає? / Нема батька, нема
батька, / Немає й поради! / Беруть сиріт у солдати / За чужі громади! (БП-
УНП 67, с. 278); Батько рідний, мати рідна, / Де ж ви долю заподіли? / Да гей,
гей, доле моя! / Десь ти водою запливла! (БП-УНП 67, с. 294); Наймитонька
на панщину рано виправляють, / А вже сонце під полудне, обіду не дають. / А
всі люде по обіді, я стану, думаю: / Ой мав же я рідну матір, а тепер не маю! /
Що ся гляну перед себе, сльозами ся змию, / Де ж тепер нещасливий на світі
ся дію?! (НЗП-УНП 67, с. 601).

256. Крутий берег, крутий, річенька бистренька; / Далеко від мене
рідна сторононька. / Ой повій же, вітре, з рідної країни, / Принеси вістоньку
любої дружини! / Ой повій же, вітре, з мої сторононьки / Та скажи, що
роблять дрібнії дітоньки! / Віють, віють вітри, та все з холодами: / Твоя
дружинонька скована панами! / Віють, віють вітри, та хто знає звідки<...> /
Дожидають батька дрібненькії дітки (БП-УНП 67, с. 276).

257. А на третє літо сокіл прилітає, / Сокіл прилітає і орла питає: / Ой
брате, мій брате, сизокрилий орле, / Де ж подівав ти всі розкоші мої, / Де ж

подівав ти мої малі діти? / Твої розкоші у огні згоріли, / Твої малі діти у гай полетіли: / Сіли твої діти на високім дереві, / На якому дереві – на колькому терні. / І їхали пани із чужої країни, / Дерево ізрубали, соколят забрали, / Невірному царю гостинця подали (КП-УНП 67, с. 203).

258. В середині новобранців ведуть, / А по боках тарабанчики б'ють, / Ой а ззаду отець, мати іде, / Біленької сороченьки несе (РСП-УНП 67, с. 392); Чому в тебе, бурлаченьку, сорочка не біла? / Якби я мав сестру рідну та неньку стареньку, / То дала б мені щонеділі сорочку біленьку (БП-УНП 67, с. 273); Чому в тебе, чумаченьку, сорочка не біла? / Не випере сестра моя, не випере мати; / А далеко од дівчини, щоб сорочку прати (ЧП-УНП 67, с. 518); Десь у тебе, рекруточку, / Та й мати не рідна, / А що в тебе, рекруточку, / Сорочка не біла? / Якби в мене була мати / Або сестра рідна, / То була б мені щонеділі / Сороченька біла (РСП-УНП 67, с. 358).

259. Ты не плачь, ты не плачь, родимая матушка! / Не плачь, не печаль доброго молодца, / Ты не жди, ты не жди молодца через три года; / На четвертый год сам письмо пришлю, / Во письме пропишу строку черную, / Строку черную, печальную; / Поминай ты меня тогда, родимая матушка, хлебом-солью (РСП-РНП Роз, с. 172); Я в тюрьме-то сижу, да все письмо я пишу. / Я письмо-то пишу да отцу, матери. / Что отец-от и мать да догадались, / Догадались да взволновались (РНП Роз, с. 222).

260. Чому мене, моя мати, / Рано не збудила, / А як тая чумачина / З села виїздила? / Тим я тебе, моя дочко, / Рано не збудила, / Попереду твій миленький – / Щоб ти не тужила (ЧП-УНП 67, с. 490); Сватай мене, чумаченьку, / Рано й у неділю: / Буду просить у матінки – / Нічого не вдію <...>» / Ой піду я, моя мати, / Та за його заміж; / Як ти мене та й не ддаси – / Дак я й умру зараз. / Легше ж мені тебе, доню, / Дома поховати, / Аніж мені т за його / Заміж тебе дати (ЧП-УНП 67, с. 502–503).

261. Ой у степу річка, через річку кладка: / Не покидай, козаченьку, рідненького батька! / Як батька покинеш, сам марно загинеш, / Річенькою бистренькою за Дунай заплинеш (УНП-РПЛ, с. 306).

262. Ой хто сини має, то хлібом годуйте / Да до війська готуйте, / А хто їх не має, то тії наймайте / Да громаду заступайте! (КП-УНП 67, с. 55); Мати сина в дороженьку / Слізно проводить: / Прощай, милий мій синочку, / Да не забавляйся! / Через чотири неділеньки / Додому вертайся! (КП-УНП 67, с. 72).

263. Зажурилась Україна, бо нічим прожити, / Витоптала орда кіньми маленькії діти, / Котрі молодії, у полон забрато; / Як заняли, то й погнали до пана до хана. / Годі тобі, пане-брате, гринджоли малювати, / Бери шаблю гостру, довгу та йди воювати (КП-УНП 67, с. 96).

264. Отамане, батьку наш, / Як ти поражаєш: / Чи тут будем селитися, / Чи втікати додому? (БП-УНП 67, с. 267); Ох та він [чумак] собі перед смертю отамана бажає. / Ох отамане-батьку, да пиши листи та дрібненькі, да давай отцю знати, / Ой нехай їде та у Молдову свого сина ховати (ЧП-УНП 67, с. 538); Отамане, батьку наш! / Порадь же ти тепер нас: / Що ми будемо робити, / – Чим нам коней кормити? (КП-УНП 67, с. 98); Ой не сам я піду слободою – / Ведуть мене громадою, / Називають бурлакою, / Мого брата – розбишакою (БП-УНП 67, с. 265); Та оглянеться та чумак Назарій, / Аж волів немає! / Тепер же ми, милі браття, / Навіки пропали (ЧП-УНП 67, с. 509); Гей, зібралася голота, / Стали говорити: / Ой як би узятись нам, / Рідненькії брати, / Вражих панів за кордон / Та й по виганяти! (НЗП-УНП 67, с. 667); Туди ніхто не проходить, тільки пройшло два солдати, / Холостії й нежонаті, вони собі рідні брати. / Вони плачуть і ридають, до сирії землі припадають... (РСП-УНП 67, с. 350); Ой тепер наші славні запорожці / Усі раді стали, / Що поїхав кошовий на Москву, щоб нам, братці, землю дали (КП-УНП 67, с. 192).

265. Земле наша сиресенька! / Мати наша ріднесенька! / Нащо ти нас породила, / висотою поростила, / Висотою поростила, / красотою покрасила?!.. (РСП-УНП 67, с. 350); Моя ненька була – / То сирая земля, / А дружина моя – / Гробовая дошка (РСП-УНП 67, с. 474).

266. Ой матінко-зірко, / Як у строку гірко: / Куди хиллять, то й хилюся, / Бо я всіх боюся. / Ой матінко-зоре, / Яке в строку горе: / Ні доїсти, ні допити, / Ні сісти спочити! / Ой матінко-вишня, / Чи я у вас лишня, / Що ви мене туди дали, / Де я не привишна? / Ой матінко-пава, / Тепер я пропала, / Що ви мене туди дали, / Де я не бувала (РСП-РНП Роз, с. 187).

267. Или во матушку каменну Москву? / Ты возьми меня, возьми меня с собой (НЛП 61, с. 134); Волга-матушка родимая течет, / Друга милого, канатика несет (НЛП 61, с. 134); Как во городе во Санкт-Петербурге, / Что на матушке на Неве-реке, / На Васильевском славном острове, / Как на пристани корабельные / Молодой матрос корабли снастил... (НЛП 61, с. 148–149); Наші бурлаченьки догадались, / – Через Дунай-річку перебравались. / Та Дунай-річка мати, / Та не дай погибати / Нам, безщасним сіромахам! (БП-УНП 67, с. 264); Ти, зелена Буковино, / Мати наша рідна, / Ох, яка ж ти, Буковино, / Тепер дуже бідна <...> / Ти, зелена Буковино, / Мати наша мила, / Ох, яка ж ти. Буковино, / Тепер нещаслива. / Ти, зелена Буковино, / Мати возлюбленна, / Ах, яка ж ти, Буковино, / Тепер замучена (НЗП-УНП 67, с. 647).

268. Понад Дністром Дойно ходить, / Дев'ятеро коней водить; / На десятім поїжджає, / Дністра братом називає: / Дністре-брате, побратаймося! / Скажи річці Савранській / І прикметі козацькій (БП-УНП 67, с. 264–265); Сам я молод понад Дніпром ходжу, / Дев'ятеро коней воджу, / На десятому, вороному, роз'їжджаю, / Дніпра братом називаю: / Скажи, Дніпре, скажи, брате, / Скажи усю правду: / Скажи броди бурлацькій, / Ще й перевози козацькій! (БП-УНП 67, с. 265); Одна річка Синявочка Дніпра правди все питала, / Рідним батьком називала (БП-УНП 67, с. 265).

269. Десна Дніпру рідна сестра, / Десна Дніпра пережала, / Гори, кряжі становила, / Дніпра-брата не спинила, / Ще й ворона посилала / А в Києві в Дніпр упала... (КП-УНП 67, с. 129).

270. Здрастуй, некруте жонатий! / Чи є в тебе отець-мати? / Ой є у мене отець-мати, / Одна сестра, нас два брати, / Да й ті ідем у солдати». /

Дайте йому в руку гармати – / Оце тобі батько-мати. / Дали йому московське плаття – / Оце тобі вірні браття; / Дали йому в руки рушниці – / Оце тобі вірні сестриці; / Дали йому в руки ружину – / Оце тобі вірна дружина (РСП-УНП 67, с. 306); Бідна моя головонька, / Що чужа сторононька – / Не рідная родинонька. / Лучче було з грабельками, / Ніж тепер з шабельками; / Лучче б було з сестрицями, / Ніж тепер з рушницями (РСП-УНП 67, с. 322).

271. Тільки в світі правди, що рідная мати <...> / Де б ми її могли в світі одиськати? / Ой орлице-мати! Де ж нам тебе взяти? / Тебе не купити, ані заслужити! / Коли б тебе, правдо, в світі увидіти, / Орловими крильми раді б ми летіти. / Ой як же тим діткам без матері бути? / Да щодня заплачуть, не можуть забути! (КП-УНП 67, с. 240).

272. Ой царице, наша мати, / Змилуйся над нами, / Верни назад степи й луки / З темними лугами! (КП-УНП 67, с. 190); Мати наша, Катерино, Недобре зробила, / Що степ добрий, край веселий / Та й занастила (КП-УНП 67, с. 190–191).

273. Сын бегом в пещеру воротился; / Его мать вышла ему навстречу. <...> / Догадалась она, завопила: / Будь же богом проклят ты, черный, / Коль убил ты отца родного! (А.П. 1, с. 210 – «Песня о Георгии Черном»).

274. В сиянье, в радостном покое, / У трона вечного творца, / С улыбкой он глядит в изгнание земное, / Благословляет мать и молит за отца (А.П. 2, с. 437 – «Эпитафия младенцу»).

275. Недорослем меня бедного женили; / Новая семья не полюбила; / Сударыня жена не приласкала (А.П. 9, с. 440).

276. Наконец он на родину воротился / И вошел в церковь святого Спаса. / Там день целый он молился богу, / Горько плача и жалостно рыдая. / Ночью он пришел к себе на дом / И отужинал со своею семьею, / Потом лег и жене своей молвил: / Посмотри, жена, ты в окошко. / Видишь и церковь Спаса отселе? <...> Помолившись, он опять ей молвил: / Посмотри, что ты видишь в окошко? / И жена, поглядев, отвечала: / Вижу, вон, малый огонечек / Чуть-чуть брезжит в темноте за рекою. <...> И жена, поглядев,

отвечала: / Вижу я на реке сиянье, / Близится оно к нашему дому. / Бей
вдохнул и с постели свалился. / Тут и смерть ему приключилась (А.П. 2,
с. 535–537).

277. Опора милая стареющих отцов, / Младые сыновья, товарищи
трудов, / Из хижины родной идут собой умножить / Дворовые толпы
измученных рабов (А.П. 1, с. 351 – «Деревня»).

278. В славной в Муромской земле, / В Карачарове селе / Жил-был
дьяк с своей дьячихой. / Под конец их тихой / Бог отраду им послал – / Сына
им он даровал (А.П. 3, с. 528 – (отрывок, 1833).

279. Два дубочка выросли рядом, / Между ними тонковерхая елка. /
Не два дуба рядом выросли, / Жили вместе два братца родные: / Один
Павел, а другой Радула (А.П. 2, с. 550–552 – «Янко Марнавич»).

280. И горд и наг пришел Разврат, / И перед ним сердца застыли, / За
власть Отечество забыли, / За злато продал брата брат (А.П. 2, с. 308).

281. Богиня, дочь божеств, науки основавших / И приращенье их
тебе в наследство давших, / Ты шествуешь по их божественным стопам, /
Распростираючи щедроты светлость нам (М. Ломоносов).

282. Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье! <...> / Мы вняли
клятве сей; и гордые сердца / В восторге пламенном летели вслед отца / И
мстью роковой горели и дрожали; / И россы пред врагом твердыней грозной
стали! (А.П. 1, с. 145 – «На возвращение государя императора из Парижа в
1815 году»).

283. <...> Таков был: сумрачный, ужасный до конца. / Но ты,
прекрасная, ты бурный век отца / Смирненной жизнью пред небом искупила
(А.П. 2, с. 227 – «Дочери Карагеоргия»).

284. Прости, счастливый сын пиров, / Балованный дитя свободы! /
Итак, от наших берегов, / От мертвой области рабов, / Капральства, прихотей
и моды / Ты скачешь в мирную Москву, / Где наслажденьям знают цену <...>
(А.П. 2, с. 206 – «Всеволожскому»).

285. Беспечный сын природы, / Пока златые годы / В забвенье трачу
я, / Со мною неразлучно / Живи благополучно, / Наперсница моя
[чернильница] (А.П. 2, с. 42 – «К моей чернильнице»); Слов несколько на
языке родном, / Что некогда нашел привет унылый / Сын севера, бродя в
краю чужом (А.П. 3, с. 354 – «19 октября»); И ныне ты к сынам, о царь наш,
возвратился, / И край полуночи восторгом озарился! / <...> Суда летучие,
торговлей окриленные, / Кормами рассекут свободный океан, / И юные сыны
воинственных славян / Спокойной праздности с досадой предадутся... (А.П.
2, с. 98 – «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году»).

286. Увы! мне не судил таинственный предел / Сражаться за тебя под
градом вражьих стрел! / Сыны Бородина, о кульмские герои! / Я видел, как
на брань летели наши строи; / Душой восторженной за братьями спешил
(А.П. 1, с. 98 – «На возвращение государя императора из Парижа в 1815
году»).

287. На скифских берегах переселенец новый, / Сын юга, виноград
блистает пурпуровый (А.П. 2, с. 255); Блеща среди полей широких, / Вон он
льется!.. Здравствуй, Дон! / От сынов твоих далеких / Я привез тебе поклон
(А.П. 2, с. 450 – «К Овидию»).

288. Помнишь ли, мой брат по чаше, / Как в отрадной тишине / Мы
топили горе наше в чистом, пенистом вине? (А.П. 3, с. 380 – «Воспоминание.
К Пушкину»); В последний раз, в сени уединенья, / Моим стихам внимает наш
пенат, / Лицейской жизни милый брат, / Делю с тобой последние мгновенья
(А.П. 3, с. 163 – «Разлука»); Друг Дельвиг, мой парнасский брат, / Твоей я
прозой был утешен, / Но признаюсь, барон, я грешен: / Стихам я больше был
бы рад (А.П. 2, с. 369 – «Дельвигу»); Мой брат, в опасный день разлуки / Все
думы сердца – о тебе. / В последний раз сожмем же руки / И покоримся мы
судьбе (А.П. 3, с. 135 – «Разлука»); О милый брат, какие звуки! / В слезах
восторга внемлю им: / Небесным пением своим / Он усыпил земные муки
(А.П. 3, с. 242 – «Козлову»). В одном из контекстов субстантиват «милый»

вытесняет брат во втором значении: Но, милый,— музы наши сестры, / Итак, ты все же братец мой (А.П. 3, с. 37 – из письма к Вяземскому).

289. Как прославленного брата, / Реки знают тихий Дон; / От Аракса и Евфрата / Я привез тебе поклон (А.П. 2, с. 450 – «Дон»).

290. Резвая дева росла в хоре богинь-аонид, / Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой, / Музам мила; на земле Рифмой зовется она (А.П. 1, с. 478 – «Рифма»).

291. Он верил, что душа родная / Соединиться с ним должна, / <...> / Что есть избранные судьбами, / Людей священные друзья; / Что их бессмертная семья Неотразимыми лучами, / Когда-нибудь, нас озарит / И мир блаженством одарит (А.П. 2, с. 267 – «Евгений Онегин», глава II, стр. VIII (характеристика Ленского)); Под вечер иногда сходилась / Соседей добрая семья, / Нецеремонные друзья, / И потужить и позлословить / И посмеяться кой о чем (А.П. 2, с. 345 – «Евгений Онегин», глава II, строфа XXXIV); И, признаюсь, мне во сто крат милее / Младых повес счастливая семья, / Где ум кипит, где в мыслях волен я, / Где спорю вслух, где чувствую живее, / И где мы все – прекрасного друга (А.П. 2, с. 189 – «Послание Горчакову»).

292. <...> Нередко / Он говорил о временах грядущих, / Когда народы, распри позабыв, / В великую семью соединятся (А.П. 1, с. 229 – «Он между нами жил...»).

293. Співають, ідучи, дівчата, / А матері вечерять ждуть. / <...> Сем'я вечера коло хати, / Вечірня зіронька встає. / Дочка вечерять подає, / А мати хоче научати, / Так соловейко не дає. / <...> Поклала мати коло хати / Маленьких діточок своїх, / Сама заснула коло їх. / Затихло все, тільки дівчата / Та соловейко не затих (Т.Ш. 2, с. 17 – «Садок вишневий коло хати...»).

294. Біленька хаточка. Сидить / Неначе й досі сивий дід / Коло хатиночки і бавить / Хорошее та кучеряве / Своє маленькеє внуца. / І досі сниться, вийшла з хати / Веселая, сміючись, мати, / Цілує діда і дитя... (Т.Ш. 2, с. 233 – «І досі сниться: під горою...»).

295. Обізвався старий батько:/ Чого ждеш, небого? (Т.Ш. 1, с. 97 – «Катерина»); З дружиною Ярина гуляє / По садочку. Старий батько / Сидить коло хати / Та вчить внука – пузанчика / Чолом оддавати (Т.Ш. 2, с. 302 – «Невольник»); Веде коня за поводи / Та плаче Ярина; / Старий батько іде рядом, / Научає сина, / Як у війську пробувати, / Старшин шанувати, / Товариство поважати, / В табор не ховатись (Т.Ш. 2, с. 294 – «Невольник»); А шануйте, чтіте, / Поважайте його, діти, / Бо то батько сивий! / Батько мудрий! / Добре отим / Сиротам щасливим, / Отих батьків, / То й не согрішають (Т.Ш. 2, с. 178-179 – «Сотник»).

296. Тебе тільки не покине / Лиха година, / Княжно моя безталання, / Знівечений цвіте. / Ти ще будеш покутовать / Гріхи на сім світі, / Гріхи батькові (Т.Ш. 2, с. 33 – «Княжна»); Ой не п'ються пива-меди / Ой полетить, гайворони / Мої сизокрилі, / До батечка та скажіте, / Щоб службу служили / Та за мою грішну душу / Псалтир прочитали, / А дівчині молоденькій / Скажіть, щоб не ждала (Т.Ш. 2, с. 135 «Ой не п'ються пива-меди»).

297. Ніби в хаті, / На холоді сердешна мати / Під тинном знай собі сидить. / Стара неначе одуріла (Т.Ш. 2, с. 105 «Марина»); Дивлюсь – твоя, мій брате, мати, / Чорніше чорної землі, / Іде, з хреста неначе знята (Т.Ш. 2, с.17 «В казематі» VII); Мені приснилось: ти вже мати, / Не в аксамиті, не в палатах / Твоє голоднее дитя... / А ти осталась на землі / Одна-однісінька; з тобою / Єдинеє добро було – / Твоє дитя, <...> Оперилось, і ти осталась / Стара і немощна (Т.Ш. 2, с. 228 «І станом гнучим, і красою...»).

298. Не одцуравсь того слова, / Що мати співала, / Як малого повивала, / З малим розмовляла; / Не одцуравсь того слова, / Що про Україну / Сліпий старець, сумуючи, / Співає під тинном. / Любить її, думу правди, / Козацькую славу, Любить її! (Т.Ш. 1, с. 133 «Гайдамаки»).

299. І у хаті, і надворі, / І коло скотини, / Увечері і вдосвіта; / А коло дитини / Так і пада, ніби мати; / В будень і в неділю / Головоньку йому змиє, / Й білу / Що Божий надіває (Т.Ш. 1, с. 334 – «Наймичка», III).

300. – Так, мамо, так. – І знов ходила, / А мати плакала, ждучи (Т.Ш. 2, с. 14 – «В казематі» V); І розкажу я людям горе, / Як тая мати ріки, море / Сльози кровавої лила, / Так, як і Ти (Т.Ш. 2, с. 245 – «Неофіти»).

301. То не вітер, то не буйний, / Що дуба ламає; / То не лихо, то не тяжке, / Що мати вмирає; Не сироти малі діти, / Що ньеньку сховали: / Їм зосталась добра слава, / Могила зосталась. <...> А тому, тому на світі, що йому зосталось, / Кого батько не бачив, / Мати одцуралась? (Т.Ш. 1, с. 108 – «Катерина»).

302. І коли-то воно буде / Гратись і промовить / Слово мамо. Великеє, / Найкращеє слово! (Т.Ш. 2, с. 194 – «У нашім раї на землі»).

303. Сину мій, сину, не клени тата, / Не пом'яни (Т.Ш. 2, с. 142 – «Ой, люлі, люлі, моя дитино...») –

304. Плаче мати одна в хаті, / А дівчина в гаї. / Поплакала чорнобрива / Та й стала співати; / Поплакала стара мати / Та й стала ридати (Т.Ш. 2, с. 261 – «Сова»).

305. Не щебече соловейко / В луці над водою, / Не співає чорнобрива, / Стоя під вербою, / Не співає – сиротою, / Білим світом нудить: / Без милого батько, мати – / Як чужії люди, / Без милого сонце світить – / Як ворог сміється (Т.Ш. 1, с. 115 «Тополя»).

306. Полюбилась би я, / Одружилась би я / З черобривим сиротою, та не воля моя! / Батько, мати не сплять, / На сторожі стоять, / Не пускають саму мене / У садочок гулять (Т.Ш. 2, с. 125 – «І багата я...»); Тече вода край города. / Вода ставом стала. / Прийшло дівча воду брати, / Брало, заспівало. / Вийшли з хати батько й мати / В садок погуляти, / Порадились, кого б то їм / Своім зятем звати? (Т.Ш. 2, с. 366 – «Тече вода з-під явора»).

307. Сидить батько кінець стола, / На руки схилився, / Не дивиться на світ Божий: / Тяжко зажурився. / Коло його стара мати / Сидить на ослоні, / За сльозами ледве-ледве / Вимовляє (Т.Ш. 1, с. 96 – «Катерина», II).

308. Коло його стара мати / Сидить на ослоні, / За сльозами ледве-
ледве / Вимовляє доні: / «Що весілля, доню моя? / А де ж твоя пара? / Де
світилки з друженьками, / Старости, бояре? (Т.Ш. 1, с. 96 – «Катерина», II).

309. На Великдень, на соломі, / Проти сонця діти / Грались собі
крашанками, /<...> Одна тільки / Сидить без обнови / Сиріточка, рученята /
Сховавши в рукава. / – Мені мати купувала. / – Мені батько справив. / – А
мені хрещена мати / Лиштву вишивала. / – А я в попа обідала. – / Сирітка
сказала (Т.Ш. 2, с. 196 – «На Великдень, на соломі...»).

310. Бо немає в мене роду / На всій Україні, / Та все-таки не ті люди, /
Що на цій чужині! (Т.Ш. 2, с. 209 – «Лічу в неволі дні і ночі...»).

311. За сонцем хмаронька пливе, / Червоні поли розстилає / І сонце
спатоньки зове / У синє море: покриває / Рожевою пеленою, / Мов мати
дитину (Т.Ш. 2, с. 116 – «За сонцем хмаронька пливе...»).

312. Обніміте ж, брати мої, / Найменшого брата – / Нехай мати
усміхнеться, / Заплакана мати. / Благословить дітей своїх / Твердими руками /
І діточок поцілує / Вольними устами (Т.Ш. 1, с. 353–354 – «І мертвим, і
живим...»).

313. І ті люде, і село те, / Де колись, мов брата, / Привітали мене (Т.Ш.
2, с. 212– «Немає гірше, як в неволі...»).

314. Нащо мені женитися?...» / Як положать отамана / В новій хаті
спати, / Заголосить, як та мати, / Голосна гармата (Т.Ш. 2, с. 185–186 –
«Нащо мені женитися?»).

315. І ждеш його, того світу, / Мов матері діти (Т.Ш. 2, с. 116 – «За
сонцем хмаронька пливе...»), Був собі дід та баба. / З давнього-давня у гаї
над ставом / Удвох собі на хуторі жили, / Як діточок двоє, – / Усюди обое
(Т.Ш. 1, с. 330 – «Наймичка»), Хто ж їх старість привітає, / За дитину стане?
<...> І згадає дякуючи, / Як своя дитина? (Т.Ш. 1, с. 330331 – «Наймичка»).

316. Привітаю вас, як діток, / І заплачу з вами» (про думи) (Т.Ш. 2, с.
118 – «Думи мої, думи мої...»); Думи мої! літа мої, / Тяжкії три літа, / До
кого ви прихилитесь, / Мої злії діти? (Т.Ш. 1, с. 370 – «Три літа»); «О думи

мої! О слава злая! <...> Люблю як щиру, вірную дружину (Т.Ш. 2, с. 47 – «О думи мої! О славо злая!»).

317. Привітав мене, лущипер, / Благословив діток, / Та й забрав їх у покої... / Ростуть мої квіти! (Т.Ш. 2, с. 274 – «Відьма»); Що день Божий / Радості приносить / Своїй матері щасливій / Дочка уродлива. / Мов тополя, виростає / Світові на диво (Т.Ш. 2, с. 2829 – «Княжна»).

318. Умру, серце-мамо, / За сотником Іваном; Спочинемо, а тим часом / Твої сестри-зорі / Безвічнії попід небом; Мов борються в полі. / Ото сестри-чарівниці – / Отії тополі; Колись божились та клялись. / Братались, сестрились зо мною. / Поки, мов хмара, розійшлись (Т.Ш. 1. с. 195– «Чи не покинуть нам, небого...»).

319. І мене в сем'ї великій, / В сім'ї вольній, новій / Не забудьте пом'янути / Незлим, тихим словом (Т.Ш. 1, с. 371 – «Як умру, то поховайте...»).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Материалы, иллюстрирующие сценарные мотивы константы Родство / Спорідненість

1. Артелью (артелем, гуртом) хорошо (легче) и недруга (батьку, батька) бить (СРПП) // Гуртом добре і батька бити (РУТСП); В дороге и ворога назовешь родным отцом (СРПП); В дороге и родной отец (сыну) товарищ (БСРП).

2. Без матери младенца не утетишь, без мастера азимит не уложишь (БСРП); Без матери младенца не утетишь, без мастера аксамита не уложишь (БСРП).

3. Годував ведмідь діти, а голови не мав де діти (УНПП) / Годувала сова діти – і нема на що глядіти (ФСУМ 1).

4. Детки поспели – батьки (батки) без веку доспели (БСРП); Детки поспели – отца, мать до веку доспели (БСРП); Детки поспеют – и родителей доспеют (БСРП).

5. Напряталась матка от деток – напрячутся и детки от матки (БСРП).

6. Наливай, мамаша, щов, – я привел товарищов! (БСРП); Разбуди меня, мама, завтра пораньше! – Почему? – Да вот ломоть хлеба доесть, сейчас не могу; Разбуди меня, мама, завтра пораньше! – Что так? – Да вот хлебушка-то ломоть доесть: теперя уж не смогу (БСРП); Пекла б мати і млинці, та не сходяться кінці; Дай, мамо, масла! – У печі погасло! Дай, мамо, вечеряти! – Підожди, долото вкипить!; Мамо, недобрий борщ! – Ет, прийде, де тато з панщини, то й недоброго з'їсть! (ФСУМ 1); Сьорбай, Андрушко, добра юшка: мала мати свиням дати (УПП).

7. Не куй меня, мати, к каменной палате, прикуй меня, мати, к девичьей кровати! (БСРП); Хорошо тебе, матушка, было идти за батюшку, а мне каково идти за чужого (БСРП); Хорошо тебе, матушка, за батюшкой жить; пожила бы за чужим мужиком (БСРП); Віддайте мене, мамуню, хоч за вола, щоб я вдома не була (ФСУМ 1).

8. Умеешь ли ткать и прясть? – У нас матушка ткала и пряла, да не по две рубахи нашивала, а в городе не орут, не пашут, да калачи едят (БСРП).
9. Мати моя Василихо, зростила мене на лихо (ФСУМ 1).
10. Учи жену без детей, а детей без людей» (БСРП) // Учи жінку до дітей, а дітей – без людей (РУТСП).
11. Хвали день увечері, а жінку рано (РУТСП); Не хвали жінку тілом, а хвали її ділом (УПП Паз).
12. Жалей жену, да жалуй (БСРП).
13. Выбирай жену не в хороводе, а в огороде (БСРП); Жену выбирай не глазами (очами), а ушами (Д); Жену выбирай и глазами, и ушами (БСРП); Жену выбирай не глазами, а умом (БСРП); Жену бери не дородную, а природную (БСРП); Выбирай корову по рогу, а жінку по роду (УПП Номис); Выбирай собі жінку радше ушима, ніж очима (УПП); Выбирай жінку оком старця, але коня оком молодця (УПП Номис).
14. Держи жену в ласке, дочку в сохраннысти – ссоры не будет (БСРП).
15. Не хвали жену по делу, а по телу (БСРП).
16. З конем не грай, а жінці з кроку не уступай (УПП).
17. Жінки та коня нікому не давай (УПП).
18. Жінку не пускай в придане, а коня не давай в бояри (УПП).
19. Люльки й жінки не позичай нікому (УПП Паз).
20. І в лиху годину не кидай дружину (УПП Паз).
21. Жена на мужа не доказчица (БСРП); За мужнену жену есть кому вступиться (БСРП) // Жінка на чоловіка не доказчица (УПП Паз).
22. Мое дело – сторона, а муж мой прав (СРПП).
23. Женушка душка любит мягкую подушку (Д1); Нет жены – нет заботы (БСРП); Продай, муж, лошадь за корову, купи жене обнову (БСРП); Продай, муж, корову с лошадушкой: купи, муж, ожерелье жемчужный борок! (РНПТ:Хр).
24. Сім пар ходаків стоптав, а жінці своїй не догодив (УПП Номис).

25. Жены стыдятся – детей не видать / стыдятся жены, так и детей не видать (Д) // Як будеш жінки соромиться, то дітей не буде (УПП); Аби дружинка, дасть Бог, і буде дитинка (УПП Паз); Була б жінка, а діти будуть (УПП); Як квочка з курчатами, так жінка з дитятами (УПП Паз).

26. Рости, рости та й укронися, / Ти, матінко, не плач, не журися. / Кохай дочку, як ту панночку, / Та оддай людям та за наймичку, / Людям поміч ще й невісточка, / А до неньки тільки звісточка (ЛП, с. 250); Як оддала мене мати заміж, / Здивувався рід увесь (ЛП, с. 256).

27. Не пуцу я доню, / Щоб не заблудила – / Нема тобі долі, / Бо не заслужила (ЛП, с. 255–256); Що породила ненька єдную, / Уділила долю нещасливаю. / В кого дочок сім, то є доля всім, / Я в батька єдна, та й долі нема (ЛП, с. 256); Породила мене мати / На святу неділю, / Дала мені щастя-долю, / Нічого не вдію (УНП-РПЛ, с. 263).

28. Пусти ж мене, мати, у сад погуляти, / Я не буду, мати, нічого займати, / Тільки буду, мати, калину ламати (УНП-РПЛ, с. 258); Ненько моя, ненько моя мила. / Не дай мене за нелюба, бо я чорнобрива (УНП-РПЛ, с. 263).

29. Во лузях, во лузях, / Еще во лузях, зеленых, / Выросла, выросла, / Вырастала трава шелковая, <...> Я с той травы выкормлю коня, / Выкормлю, выкормлю, / И я выкормлю, выглажу его, / Поведу, поведу, / Поведу коня я к батюшке. / Батюшка, батюшка, / Ах ты батюшка родной мой! / Ты прими, ты прими, / Ты прими слово ласковое, / Полюби слово приветливое: / Не отдай, не отдай, / Не отдай меня за старого замуж! / <...> Ты отдай меня за ровню замуж! (НЛП 61, с. 213–214);

30. Кабы мне волюшка от батюшки была дана, / Кабы нега мне от родной матушки была, / Не сидела б у окошка я одна, / Не лежала б белой грудью на окне, / <...> Не ждала бы друга милого мово (НЛП 61, с. 145); Родимая мамонька, / Дай понежиться, поспать, / Дай поспать, понежиться, приотважиться, / Покуда в красных девушках. / Во чужие люди отдадут – / Поспать мне не дадут. / Еще свекор да свекровушка / Все журят да бранят; /

Еще деверья да золовушки / Работать велят (НЛП 61, с. 175–176); – Нет, сударь, не твоя, не твоя! / Воля, воля, воля – батюшки, / Нега, нега, нега – матушки! (НЛП 61, с. 177); – Мне не надо, мне не надо твоего ничего, / Только надо: поди замуж за меня! / – В этом воля не моя, воля батюшкина, / Воля батюшки, воля матушки моей (НЛП 61, с. 180).

31. Как пойду я, молоденька, / Как пойду я, веселенька, / Вдоль долиною, / Вширь шириною (встречает там зайца) Не заглядывай, зайнька, / Не заглядывай, серенький: / У меня мать грозна, / Не пускает гулять поздно; / И врозь распроститься, / Велит разойтись (НЛП 61, с. 192); Выпускала сокола из правого рукава: / Полети ты, мой сокол, высоко и далеко, / И высоко, и далеко, на родиму сторону! / На родимой стороне грозен батюшка живет; / Он грозен, сударь, грозен да немилостивый: / Не велит поздно гулять, с холостыми мне играть! (НЛП 61, с. 193).

32. Завивши кудри, сама задумалась: / Как бы я знала, млада, ведала / Про свое горе, про несчастье, / Про замужье про бездельное, / Я бы сидела век во девушках / У родимого своего батюшки, / У родимой своей матушки (РНП Роз, с. 133); Знать, меня матушка в горе носила. / В горе носила, несчастну родила. / Отдала матушка не за милого, / Не за милого, за постылого (РНП Роз, с. 142).

33. Чом не вчиш мене, ненько, не навчаєш, / як свекрусі догодити (ПРЖ, с. 90).

34. Ах ты матушка, не бей, / Сударыня, не жури! / Я за эту за вину / Всю покорность принесу / И всю тайность объявлю: / Я молодчика люблю (НЛП 61, с. 114–115); Шила моя Катюшенька / Тонки белы рукава; / Вышивши рукавчики, / В терем к батюшке пошла: / Родимый мой батюшка, / Ты подумай обо мне! / <...> Сыта ль не сыта / – Всегда буду весела / <...> Честь мне будет, похвала, / Музыкантова жена! (НЛП 61, с. 131); Вздумаю про милого – не мил белый свет, / Не мил, только не милешенек, ни мать, ни отец, / Ни мать, ни мать, ни отец (РНПТ:Хр 84, с. 145); Как прошла про девицу небылица, / Будто бы я батюшку обессудила, /

Родную матушку обесчестила, / Что сама-то я ко милу другу приходила. / Ах, за то на меня батюшка осердился, / Родимая матушка прогневалась. / <...> И я стану моего батюшку просити: / проруби ты мне, сударь батюшка, три окошка [чтоб увидеть милого. – Ж. М.] (НЛП 61, с. 136–137); Ах ты друг ли мой, дружок, / Сердце-радость, животочек! / <...> Ты зачем в гости не ходишь, / И не жалуешь, и не гуляешь? / Али батюшка запрещает? / Али матушка не пускает? / Али я тебе не по мысли? (НЛП 61, с. 156–157).

35. <...> Ты куда, мой свет, снаряжаешься, / Во которую дальну сторону, / Во которую незнакомую / – Во Казань-город, или в Астрахань, / Или в Новгород, или в Петербург, / Или во матушку каменну Москву? / Ты возьми меня, возьми меня с собой, / Назови меня родной сестрой / Или душечкой молодой женой! / – Ах ты глупая краса девица, / Неразумная твоя головушка! / И рад бы тебя взять с собой: / Про меня там люди ведают, / Да что нет у меня родной сестры, / Нет ни душечки молодой жены; / Лишь одна у меня матушка, / Да и та уже старшенька (НЛП 61, с. 134).

36. Туманно красно солнышко, туманно, / Что в тумане красного солнышка не видно. / Кручинна красна девица, печальна; / Никто ее кручинушки не знает: / Ни батюшка, ни матушка родные, / Ни белая голубушка сестрица (печальна, т. к. не может забыть любимого. – Ж. М.) (НЛП 61, с. 135); Ах, матушка, тошно мне, голова болит, / Сударыня, грустно мне, сердечко ноет. / Болит моя головешка – не знаю, как быть [девушку бросил милый. – Ж. М.] (НЛП 61, с. 157); – Не надо мне, мамонька, не надо, государыня, / Да мне духовного отца! / Приведи-ка ко мне, мамонька, / Да приведи, государыня, / Кого прежде любила! (НЛП 61, с. 157–158).

37. Не смейся, мой милый, / В глаза надо мной, / Бог тебя накажет / Несчастною судьбой – / Немилой женой (НЛП 61, с. 160).

38. Ой ви, коні, не гайтеся, / В три дорозі збирайтеся: / Єдина дорога до батечка, / Друга дорога до матінки, / Третя дорога до сестриці; / До

батечка по шапочку, / До матінки по сорочку, / До сестриці по хусточку. / Щедрий вечор, святий вечор! / Добрим людям на весь вечор (КЩ, с. 448).

39. Питають його, чи є в його батенько. / – Не був я дома, гуляв я в пана, / В гетьмана. / В мене батенько – вороний кониченько. / Соколю ясний, паниче красний, / Павлечко! / В мене матінка – гостра шабелька. <...> В мене братичок – золотий лучок / Соколу ясний, паниче красний, / Павлечко! / Зустріли його сімсот козаків. / В мене сестриця – ясна зірниця (КЩ, с. 449–450).

40. Згадай мене, ненько, / В суботу пізенько, / Як дівчата помиються / Й плетуть дрібненько. / Згадай мене, ненько, / В неділеньку вранці, / А я тебе ізгадаю / В сороченці-дранці. / Згадай мене, ненько, до церковці йдучи, / А я тебе ізгадаю, / В строку горюючи. / Згадай мене, ненько, / На хатнім порозі, / А я тебе ізгадаю / В степу, при дорозі (НЗП-УНП 67, с. 626–627).

41. Білий сніжок випадає; / Бурлак ноги підгинає, / Отця й неньку споминає: / Мати ж моя старенькая! / Нащо мене породила, / На біленький світ пустила, / Щастя-долі не вділила! (БП-УНП 67, с. 290); Гей, гей, дробен дощик покrapляє, / Бурлак ніжки підношає, / Гей, гей, свою матір споминає: / Мати ж моя чорнобрива, / Гей, гей, нащо-с мене породила? (БП-УНП 67, с. 292).

42. Маю жінку, маю діти, а я їх не бачу; / Як згадаю про їх долю, та й гірко заплачу (БП-УНП 67, с. 279); Ой піду я лугом, / Лугом-долиною, / А чи не зустрінусь / З родом, з родиною. / Ой там моя сестра / Пшениченьку жала, / Сказав я їй «здрастуй», / «Здоров» не сказала. / Ой чого ти, сестро, / Така горда стала: / Сказав тобі «здрастуй», / «Здоров» не сказала? / Тим я тобі, брате, / «Здоров» не сказала: / За дрібними слізьми / Тебе не пізнала. / На чужій роботі / Тяжко нароблюся, / Як прийду додому, / Сяду й зажурюся (НЗП-УНП 67, с. 622); Ой у гаю-гаю / Там вітру немає, / Тільки брат сестриці / Про життя питає: / Сестро ж моя, сестро, / Сестро дорогая, / Ой чого ж ти, сестро, / Така стара стала? / Синів не женила, / Дочок не давала, /

Ой чого ж ти, сестро, / Ти стара стала? / Постарили, брате, / Нужди та клопоти, / Нужди та клопоти, / Людській роботи! (НЗП-УНП 67, с. 624).

43. Во третьем-то было садичке – / Родная матушка сидит-плачет. / Она плакала, рыдала / И во солдатушки сына снаряжала (РСП-РНП Роз, с. 179); Ой зродила мати сина – / У солдати нарекла, / Гей, та взяла ж його за рученьку, / До прийому одвела (РСП-УНП 67, с. 373); Виряджала мати в військо свого рідного сина (РСП-УНП 67, с. 376); Летіли орли з далекого краю, / Сіли спочивати на вдовиній хаті. / Сіли спочивати на вдовиній хаті... / Виряджала мати сина у солдати (РСП-УНП 67, с. 377); Ой не бій, сину, коня в головойку, / Не буде ся спотикав; / Ой не здрадь, здрадь людської дитини, / Не буде тя бог карав (РСП-УНП 67, с. 379); Ой у лузі да калина весь луг іскрасила: / Породила стара мати жовніронька-сина (РСП-УНП 67, с. 380); Дуб на дуба похилився, / Син матері поклонився: / Бувай мені, мамо, здорова! / Щаслива ті, сину, дорога! (РСП-УНП 67, с. 391); Рости, рости барвіночку, / Рости, не хилися; / Служи, служи, мій синочку, / Служи не журися (РСП-УНП 67, с. 438);

44. За обозами солдатів женуть, / За солдатами матусі ідуть! / Вони плачуть, убиваються... / Що брат з сестрою прощаються!.. / Прощай, отець і матуся стара, / І ти, жона молодьохенькая! / Прощай, отець і сестриця родна, / І ви, брати все родньохенькі! (РСП-УНП 67, с. 386).

45. С родной той ли маменькой я разоставался – / Мать сыра ли земля да простонала; / С родными ли братьями я да разоставался – / Ясны те соколы нарозь да разлетались, / Добры те ли молодцы нарозь да разъзжались; / Со родными ли сестрами я да разоставался – / Беды те лебедушки нарозь да разлетались; / С молодой женой я да разоставался – / Те да слезяны ручьи да протекали; / С малыми деточками я разоставался – / Во поле червочки да извивались; / С красными да с девушками я разоставался – / Ретиво ли сердце, эх да сердце встрепенулось; / Со родом да с племенем я разоставался – / Весь ведь мир-от да взволновался (РНП Роз, с. 182); Став со батюшком прощаться – / Небо, земля простонало, / Став со матушкой

прощатся – / Свет-от стал переменяться. / С молодой женой-прощатся – / Тело с душой расставаться, / Став с детушкам прощатся / Солнце, месяц опускаются (РНП Роз, с. 182).

46. Ой у лісі на дубочку зозуля кувала, / Там у саду у вишневім мати заплакала. / Не така вона заплакала, як заговорила, / Виправляла на війноньку рідненького сина (РСП-УНП 67, с. 379); Закувала сива зозуленька / В лісі над водою; / Плаче, тужить, жовняр молоденький / На конику вороному. / Сіла мати, сіла старенькая в сінюх на порозі, / Як си погадала, що сина оддала, оболляли ю дрібні сльози (РСП-УНП 67, с. 375); Годі, дубе, на горі стояти, / Ой час-пора листу опадати, – / Ой час-пора листу опадати, – / Велять мене у солдати взяти, / Велять мене у солдати взяти, / А за мною плаче отець-мати, / А за мною плаче отець-мати, / Жена молодая, дитина малая (РСП-УНП 67, с. 385); Шумить, шумить дубровонька, / Шумить, шумить зеленая, / Куди ішли новобранці, / Молодії хлопці, / А за ними отець, мати плаче гірко, ридає, / Слізьми моря доповняє (РСП-УНП 67, с. 390); Виправила мати сина горюв, гребельками, / Не виділа дороженьки перед сльозоньками; / Виправила мати сина на війну раненько, / Сіла собі під віконце, плаче жалібненько (РСП-УНП 67, с. 391); Провожаєт его, разудалого, / Его молода жена, провожают его, разудалого, / Его все – отец и мать; / Провожают еще его, разудалого, / Его весь и род и племень. / Позади идет его горюшенька – / Его молода жена... (РНП Роз, с. 175); А матушка ходит по новым сеням, / Невестушек-ластушек побуживает: / Невестушки-ластушки, встаньте скорей! / Что у нас во саду пташечка поет? <...> / Поди же ты, горькая, в наш высокий терем, / Про свое горе Расскажи, про наше спроси: / Как батюшку с матушкой за Волгу везут, / Большого-то брата в солдаты куют, / А среднего-то брата в лакеи стригут, / А меньшого-то брата – в приказчики (НЛП 61, с. 104–105).

47. Ой як став же той чумаченько у дорозі помирати, / Ой і став же він свого товариша вірненько прохати: / «<...> Ой як будете, вірне

товариство, на Подолі становитись, / То не забувайте, вірне товариство, отцю й неньці поклонитись! (ЧП-УНП 67, с. 539).

48. (Коли тебе, мій синочку, в гості дождати? / Тоді мене, моя мати, будеш дождати, / Як поросте зелена трава в хаті на помості! / Росла, росла зелена трава, стала посихати; / Ждала, ждала мати сина, стала забувати (ЧП-УНП 67, с. 539).

49. Прилетіла зозуленька та й сказала: Ку-ку! / Подай, сину, подай, орле, хоч правую руку! / Ой рад би я, моя мати, обидві подати, / Та налягла сира земля – не можна підняти! (ЧП-УНП 67, с. 540); Поховали чумаченька в чужій стороні. / Ой приїхав батько, та вже не застав, / Скинув з себе опанчину, до землі припав (ЧП-УНП 67, с. 558); Викопали дві ями, / Там чумака сховали, / Притрусили комишем, / Поминали кулішем. / Як зацвіте бур'янець, / Як заплаче мій отець, / Що синова голова / В чужім полі полягла. / Як зацвіте маківка, / Як заплаче матінка, / Що синова голова / В чужім краї полягла. / Як зацвітуть будячки, / Як заплачуть братички, / Що братова голова / В чужім краї полягла. / Як зацвітуть суніці, / Як заплачуть сестриці, / Що братова голова / В чужім краю полягла. <...> / Як зацвіте увесь цвіт, / Як заплаче увесь рід, / Що родичева голова / В чужім краї полягла (ЧП-УНП 67, с. 561–562)); Плаче гірко родинонька: / Де синочки наш лежать, / Порубані, почорніли / І кров'ю обкипіли, / А нікому приглянути!... (ЧП-УНП 67, с. 532); З Криму вітер прилітає, / Матці сльози утирає: / Були сини талюбезні, / Пішли гроші заробляти, / Слави добувати / Та голови покладати! (ЧП-УНП 67, с. 532); Ах вы братцы вы мои, вы друзья-товарищи, Товарищи! / Не покиньте вы, братцы, моих вороных коней, / Вороных коней. / А свезите вы, братцы, батюшке низкой поклон, / Низкой поклон, / Родной матушке челобитьеце, / Да челобитьеце (НЛП 61, с. 338).

50. (Ой мати сина спородила / І вірненько кохала, / Вона ж його в дороженьку / Сильно не пускала (ЧП-УНП 67, с. 543).

51. (Гей, дома жінка молодая, / Ще й дитиночка малая, / Іще й ненька старенькая. / Гей, іще й ненька старенькая, / Вона ж мені рідненькая. / Ой

вони ж мене дожидають / Та чумачку проклинають (ЧП-УНП 67, с. 574);
Вернися, чумаче, додому! / Отець, мати лає / Й тяжко проклинає, / Таки тобі
фортуна не служить! / Та вернися, милий, додому! / Та плачуть діти за
тобою, / Малі діти плачуть, / Та отець і мати лає, / Тим нам талану немає!
(ЧП-УНП 67, с. 575).

52. (Наливай, наливай, шинкарочко, / А я буду пить! / Ой є в мене
отець-мати, / Викуплять мене! (ЧП-УНП 67, с. 575);

53. А мій милий коня веде, / На ратище підпирається, / За ним, за
ним стара мати / Слізочками умивається: / Годі ж тобі, мій синочку, / На
ратище підпиратися, / Ачей же я перестану / Слізочками умиватися... / Не
веліла мені мати: / Не йди, сину, та на Запоріжжя, / Не дасть, сину, бог
долечки, / Щасливої та доріжечки (КП-УНП 67, с. 59); Та не жур мене, моя
nene, / Бо я журбу і сам знаю, / Ой бо я журбу і сам знаю: / Шле мене гетьман
до Дунаю (КП-УНП 67, с. 63).

54. Став козак до коня розмовляти: / Бийся ти, коню, вибивайся, / До
отця, до неньки поклоняйся. / До моєї жінки-удівоньки, / До моїх діточок-
сиріточок, / До моїх братиків-порадників, / До моїх сестричок-жалібничок, /
До моїх вороженьків-розлучників (УНП-РПЛ, с. 307).

55. Як піду я яром та долиною, / Та найду я рожу з калиною, / Та й
стану я калину ламати, / Та й стала мені зозуля кувати. / Як кину я калину
ламати, / Та й почну я зозулі питати: / Скажи мені, сива зозуленько, / Куди ся
доріженька впала, – / Чи в ліс, чи в луг, чи в чистеє поле?» / В чистім полі
висока могила, / а на могилі – червона калина, – / Мати сина в службу
спорядила (КП-УНП 67, с. 62).

56. Нещаслива годининька була, <...> / Ой не жалкуй, мій сину, на
мене: / Не дай боже пригоди на тебе; / Як ти будеш пострілян, порубан, / Ой
хто ж тобі раноньки промиє? / В полі, мати, дрібен дощик іде, / Ой той мені
раноньки промиє! (КП-УНП 67, с. 65).

57. По світлиці походжає, / Як пава, як пані, / Та з тобою розмовляє. /
В хаті, як у раї!! / А я сиджу на покуті, / Тільки поглядаю (Т.Ш. 1, с. 258 –
«Сова»).

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Материалы, иллюстрирующие иные способы вербализации константы Родство / Спорідненість

1. Без сім'ї й без роду – хоч з мосту та в воду (ФСУМ 2).
2. Семья – опора счастья (БСРП); Когда нет семьи, так и дома нет (ЖНП).
3. Семья сильна, когда над ней крыша одна (БСРП); Семья в куче, не страшна и туча (БСРП).
4. Семейей и горох молотят (ПП); В семье и каша гуще (БСРП).
5. В дружной семье и в холод тепло (ЖНП).
6. Дружная семья не знает печали (СРПП); В семье разлад, так и дому не рад (Д); Вся семья вместе, так и душа на месте (БСРП); Семья поет, а одинокий горюет (Д).
7. В недружной семье добра не бывает (Д); Рідня – серед дня, а як сонце сховається, то й не родичається (АУНТ); Близька рідня – на одному сонці онучі сушили (АУНТ).
8. Рід великий, а пообідать ніде (АУНТ); Роду без переводу, а пообідать ніде (ЗУПП); Великий рід, та ніде голови прихилити (УПП Паз).
9. Дурному (поганому) роду нема переводу; Поганому роду нема встиду (УПП Паз); Не трать ходу до поганого роду (МН–ММ); Нещаслива година, як лиха родина (АУНТ).
10. У нашого Омелька невелика сімейка: тільки він та вона, та старий та стара, тільки Сидір та Нестерко, та діток шестерко, та батько, та мати, та їхні три брати (УПП Паз) // Только и родни, что лапти одни (РНПТ: Хр.).
11. Свого доправляйся, роду не чужайся (МН–ММ); Нашому роду нема переводу (ФСУМ).
12. До свого роду хоч через воду (АУНТ); Хоч по горло (по шию, по коліна) в воду, та до свого роду (УПП Паз).
13. Своя сім'я не важка (УПП).

14. У роду (в сім'ї) не без урода (РУТСП); // В семье не без урода (РУТСП); Великого роду, а псячого ходу (УПП Номис).
15. У батька високі пороги, а у мене коли б ще вищі (УПП Номис).
16. В любленького татка любленька й кроватка (ФСУМ 1); Своя хата – своя стріха, свій батько – своя втіха (УПП Паз); У свого батька і рай, і мука (УПП Паз).
17. Як батька чужими пирогами поминать, то лучше без поминок (УПП Номис); Не слухав батька малий, не послухає й великий (ЗУПП); На что отец, коли сам молодец (БФС).
18. Руді батьки – руді в них діти (УПП Паз).
19. У доброго батька добрі й діти, у лихого – лихі (ЗУПП).
20. Батько рибалка, то й діти у воду дивляться (УПП Паз).
21. Який куц, така й хворостина, який батько, така й дитина (УПП Паз).
22. Який отець, такий і хлопець (ЗУПП).
23. Стар батька – убил бы его, а умер батька – купил бы его (РНПТ: Хр); Хорошо как при старости отец (БСРП) / Из чорною головою у батька добре, а з сивою не так (ЗУПП).
24. Отец сына не на худо учит (СРПП); Хто не слухає тата, той послухає ката (ФСУМ 1); Діти батька не учат (УПП Паз).
25. Оттого парень с лошади свалился, что отец криво посадил (БФС).
26. Батьків хліб не навчить, як треба жить (УПП).
27. Не купив батько шапки, нехай вуха мерзнуть [..., а яку дав, то бережи, бо погано і без неї] (РУТСП).
28. Дети возмужают – батьку испугают (СРПП); Валяй, дети: отец в ответе (Д); За что отец, за то и дети (Д); Батько нашкодів, а діти в одвіті (УПП Паз); Прокльон батька не на ліс сухий іде, а на голову паде (УПП).
29. Мій татуньо між двома хлібами вмер: старого не було, а нового не дочекався (МН–ММ); Мій батько нікому не винний: у одного позичає, а другому повертає (ФСУМ 1); Батько мій жив не так, як треба: хліб є – солі

нема, сіль є – хліба нема. А я живу краще: ні хліба, ні солі (ФСУМ 1); Батько був середній хазяїн: торби по боках, а сам посередині (УПП Паз).

30. Рідний батько, та не своїм дітям (УПП Паз); Поки батько народився, а син по світі находився (УПП Паз).

31. Сам отец п'ян, а дети голодны (СРПП); Збувся тато клопоту: жито змолотив, а гроші пропив (УПП).

32. Ах, мій батько що мав, то витрусив (УПП); Збувся батько лиха: збувся грошей з міха (ФСУМ 1).

33. Не плач дитя, не плач! Принесе батько калач, медом помаже, тобі покаже, а сам і з'їсть (ФСУМ 1); Каша наша, батьків борщ (МН–ММ).

34. На батька надійся, а сам не плошай (УПП Паз); Як Бог дасть, батько хату продасть та собаку купить, то й до хати ніхто не приступить (УПП).

35. Викрутився батько, без чуприни прийшов додому (ЗУПП).

36. Не лезь поперек батьки в пекло (БСРП) // Не лізь [не перебігай; не сунься; не спіши; не хапайся; не хватайся] поперед батька в пекло (РУТСП); Рідний батько, та не своїм дітям (УПП Паз); Поки батько народився, а син по світі находився (УПП Паз).

37. Держись, как за родного отца (БСРП); Запросив, як за рідного батька (ФСУМ 1).

38. Другой матери не будет (БСРП); Що то мати! (УПП Паз).

39. Хто матір забуває, того Бог карає (ФСУМ 1).

40. Нема тих яток (ярмарок), де продають рідних маток (УПП Номис); Нема того краму, щоб пошити рідну маму [щоб купити маму] (УПП Паз); Матері ні купити, не заслужити (УПП Паз); Нема такого дружка, як рідна матушка (УПП Паз)).

41. Родила мама, что не принимает и яма (БСРП) // Породила мама (ненька), що не приймає і яма (свята земелька) (РУТСП).

42. Мать всякому делу голова; с акциональной семантикой: Без отца – полсироты, а без матери и вся сирота (БСРП) // Нема батька – півсироти,

нема матері – повна сирота (УНПП); Як помре мати, розбігаються діти з хати, батько їх не вдержить (УНПП); Живої матері можна діждатись, а мертвої – ніколи (УНПП); Раз родила мати, раз треба вмирати (УПП)).

43. Пчелки без матки – пропащие детки (БСРП); При солнышке тепло, при матери добро (БСРП); Птица радуется весне, а младенец матери (БСРП) // Пташка радіє весні, а дитя – матері (УПП); Тяжко саду без зозулі, тяжко дочці без матулі (ФСУМ 1); Без матері і сонце не гріє (ЗУПП); Тоті цвіти красні, котрі зацвітають, тоді діти щасні, коли матір мають (УПП Номис); Нема у світі цвіту цвітнішого над маківочки, нема ж і роду ріднішого над матіночки (АУНТ).

44. Рідної мати слівце єсть як літнє сонце, бо хотя й єсть не раз на світі хмарненько, а все-таки від нього тепленько (ЗУПП).

45. До людей – по розум, до матері – по серце (ФСУМ 1).

46. Любящая мать – душа семьи и украшение жизни (СРПП).

47. Молитва матері з дна моря врятує (УПП); Любов матері й на віддалі гріє (ФСУМ 1).

48. Без матушки родной и цветы не цветно цветут (БСРП)); На свете все найдешь, кроме родной матери (БСРП) // На світі знайдеш усе, крім рідної матер (ФСУМ 1); Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матери (БСРП) // Жінка для совіту, теща для привіту, а матінка рідна лучче всього світу! (МН–ММ); Біля рідної матки добре дитятку (УПП Паз).

49. Кто обидит мать, тому счастья никогда не видат (БСРП).

50. У кого єсть матка, у того голова гладка (УПП Номис) // Як у мене була матка, була у мене голова гладка (УПП); [В кого є ненька] Поки є ненька, в того й головка (головонька) гладенька (УПП).

51. Найдорожча пісня, з якою мама колисала (МН–ММ).

52. Мала щербина, як умре дитина, а дуже знати, як умре мати (УПП); Мати з хати – горе в хату (УПП Паз); Як помре мати, розбігаються діти з хати, батько їх не вдержить (УПП); Живої матері можна діждатись, а мертвої – ніколи (УПП).

53. Нема такого краму, аби купив тата й маму (УПП Паз); Все купиш, лише тата й мами ні (УПП Паз); Три вірні друзи: батько, мати та вірна дружина (УПП).

54. Молчок: разбил отец горшок, а мать два, так никто и не знает (БСРП) // Мовчок: розбив тато горшок, а мати два, та ніхто не зна (УПП); Не сказываает батька матке, сколько в кубышке денег, да matka знае (СРПП); Змолов тато невіяне, спекла мама несіяне (ФСУМ 1).

55. Отец про походы, мать про расходы; Мать у корзины накормит, отец у сусека заморит (БСРП); Що тато, то не мати (ФСУМ 1).

56. Без отца – полсироты, а без матери и вся сирота (БСРП) / Батько вмере – то півсирота, а мати – то вже ціла сиротина (УПП Паз); Отцов много, а мать – одна (БСРП) / Батьків багато, а мати одна (УПП Паз); Лягай, дитя, спати: десять батьків, а одна мати (ЗУПП).

57. Все купишь, а отца-матери не купишь (БСРП) / Все купиш, лише тата й мами – ні (УПП Паз); Птичьего молока хоть в сказке найдешь, а другого отца-матери и в сказке не найдешь (БСРП); На свете все найдешь, кроме отца и матери (БСРП); Нема такого краму, аби купив тата й маму (УПП Паз).

58. У отца-матери за пазушко (БСРП); Коли есть отец и мать, так ребенку благодать (БСРП).

59. Отца с матерью Господь прибирает, а к детям пристателя приставляет (БСРП).

60. Жалко матки с батькой, а везешь на погост (БСРП); Як умре тато і мама, то велика яма (УПП); Як умре дитина, то мала щербина, а як тато або мама, то велика яма (УПП Паз).

61. Як помре батько, мама осліпне (ЗУПП).

62. Яке дерево, такі його квіти, які батьки, такі їх діти (УПП Паз); У добрих батьків добрі й діти (УПП Паз); Руді батьки – руді в них діти (УПП Паз).

63. У кого девка хороша! – У матки. У кого сын хорош? – У батьки (БСРП); Кто девку хвалит – отец да мать (БСРП).

64. Пока не родится сын – не оценишь отца, пока не станешь матерью – не оценишь мать (СРПП).

65. Хліб – батько, вода – мати (УПП Паз).

66. Чужими детьми не торгуй (БСРП); Чужими детками не загадывай [распоряжаться] (БСРП); Не пекися (Не плачь, Не тужи), мати, о чужом дитяти (БСРП); Не сохни, мати, по чужом дитяти (БСРП).

67. Як дитина падає, то Бог подушку підстилає, а як наш брат упаде, то або на драбину, або на граблі (УПП Номис); Дитина паде – ангел подушку кладе, старий паде – дідько камінь кладе (УПП); Дай, Бог, кому дітей родить, тому их и вскормить! (БСРП).

68. Бог до людей, а отец до детей (БСРП); Как Бог до людей, так отец до детей (БСРП).

69. У кого дети, у того счастье (БСРП // Без дітей тихо, та на старості лихо (ФСУМ 1); Хата з дітьми – базар, без дітей – пустка (ФСУМ 1); У кого детей нет – во грехе живут (БСРП).

70. Кто детей не имеет, тот и горестей не знает (БСРП) // Хто дітей не має, той горя не знає [той біди не знає / той лиха не знає / той клопоту не знає] (ФСУМ 1); Без детей гребты не знаешь (БСРП); У кого нет детей, нет и заботы (БСРП); У кого детки, у того и заботы; У кого детки, у того [и] бедки (БСРП); Детки – родителям кручина (БСРП).

71. С детьми дом – содом, без детей – могила (БСРП); Без детей сухота, с детьми грохота (перхота) (БСРП); Без детей тоскливо, с детьми водливо (вередливо) (БСРП); Без детей – горе, а с детьми – вдвое (БСРП); Горе з дітьми, горе й без дітей (УПП Паз); Біда з дітьми, а ще гірше без них (УПП Паз); Без дітей скучно, а з дітьми душно (УПП Паз); Без дітей тихо, та на старості лихо (УПП).

72. Якби усі діти спали, то не були б батьки старі, а якби дітки не мерли, то вони б і небо підперли (УНПП).

73. Какая мати, такие и дети (БСРП); Не мы на детей походим, а они на нас (БСРП); Дети походят почитай всегда на родителей (БСРП); Дети удаются (бывают) в родителей (БСРП); Одна матка, да не одни детки (БСРП); Дети от одной матери и те разные бывают (БСРП) / Однієї матері діти, та не однакі (УПП Паз); Одного тата діти, а не одної натури (УНПП); Який талан мамці, такий і дитятці (УНПП).

74. Умел дитя родить, умей и научить (БСРП); Учи дитя, пока поперек лавочки лежит, а как вдоль лавочки ляжет, тогда поздно учить (БСРП); Детей учи без людей! (БСРП); Люби дитину, як душу, а тряси її як грушу (УНПП); Діти, як квіти: поливай – рости будуть (УНПП); Вчи жінку без дітей, а дітей без людей (УНПП); Учи дітей не страшкою, а ласкою (УПП Паз); Гни дерево, поки молоде, учи дітей, поки малі (УПП Паз); Ой, мамо, мамо, не пести так сина, бо бідна на світі пещена дитина (ФСУМ 1); Діти – не поле засіяне, їх треба доглядати (ФСУМ 1); Від доброго дерева добрий і пагінець, од доброго батька піде і добра дитина (УПП).

75. Детки хороши – отцу, матери венец, худы (плохи) – отцу, матери конец (БСРП); Дети наши, а воля у них своя; сердце само скажет, кто кого полюбит (БСРП) // Добрі діти – батькам вінець, а злі діти – кінець (УПП Паз); Добрі діти доброго слова послухають, а лихі й дрючка не бояться (УНПП); Добрі діти – потіха, злії – гризота (УНПП); Добрі діти їдять кашу, злії – серце й душу нашу (УПП Паз); Добре дитя боїться й кива, а ледаче не боїться й кия (УНПП).

76. Работные дети отцу хлеб (хлеба) (БСРП); Родители трудолюбивы, и дети не ленивы (БСРП); Счастье родителей – честность и трудолюбие детей (БСРП); Трудящі діти, як комахи: скоро все рознесуть (МН–ММ); Ледача та дитина, котрої батько не вчив (УПП Номис).

77. Доброе дитя скорее пролжеться (БСРП); Дитина і п'яний усе правду скажуть (ЗУПП); Діти і дурні говорять правду (УНПП); Діти мають великі вуха і довгий язик (УНПП); Дитина до семи літ правду каже (УНПП).

78. Покорному дитяти все кстати (Д1); Добра – то дитина: коли спить, то не плаче (УПП).
79. Діти – як роса, тут є, тут нема (ФСУМ 1).
80. Що вчать дома діти, то не знають і сусіди).
81. Хто б'є дитину, той не виховує добру людину (ЗУПП); Дитина не втікає від калача, але від бича (УПП).
82. Дай дитині волю, а собі неволю (УПП Паз) – Дитині волю не давай (УПП Паз).
83. Гарна мазана паляниця, а не дитина (УПП) / Мазані пироги добрі, а діти не дуже (УНПП).
84. Не вчи дитину штурханцями, хорошими слівцями (УПП Паз); Боги й діти живуть там, де їх хвалять (УНПП).
85. Детям не порча игрушка, а порча худая при служка (БСРП); Не доспи, не доїж, а дитину потіш (УНПП); Чим би дитина не бавилася, аби не плакала (УПП Паз).
86. Ой мамо, мамо, не пести так сина, бо бідна на світі пещена дитина (УПП Паз).
87. Детей наказывай стыдом, а не грозою и бичом (РНПТ: Хр).
88. У семи нянек дитя урод (калека) (БСРП) У семи мамок (мамак) дитя без глаза (без глазу) (БСРП) // У семи няньок дитина без носа (УПП Паз); Когда нянек много, дитя безного (БСРП); Где нянек много, там дитя безного (БСРП); Где много мамушек, так там дитя без глаза (БСРП) // Багато няньок – дитина без носа (УПП Паз); У семи нянек дитя (дите) без глаза (глазу) (БСРП) // Де багацько няньок, там дитя каліка [там дитя без ляльок | там дитя без голови] (УНПП); Доглядай дитину, як перлину (УПП Паз); Двадцять няньок – дитина бита (УНПП); Де багацько няньок, там дитя – каліка (УПП Паз); Де багато баб, там дитя безносе (безпупе); Сім баб – сім рад, а дитя безпупе (РУТСП).
89. Кто детям потекает, сам слезу утирает (БСРП).

90. У кого детки, у того бедки (БСРП); Соловей співа, поки дітей нема (УПП); До зубів наїсися, а до дітей наспися (УПП).

91. Малы деточки в дому как пряженики в меду (БСРП).

92. Малое дитя грудь сосет, а большое – сердце (БСРП); Одно дитя – руки нет, два дитя – двух нет (БСРП); Свое детище – вар у сердца (БСРП); Малые дети едят хлеб, а большие – сердце (БСРП) // Малі діти деруть запаску, а великі – серце (УПП Паз); Маленькие дети – руки болят, большие дети – сердце (БСРП); Детки – на руках железо / мозоль / сети (БСРП); Малі діти їдять хліб, а великі – серце (УПП Паз); Від малих дітей болить голова, а від великих – серце (УНПП).

93. Дети – цветы жизни (БСРП); У кого детки – у того и ягодки (БСРП) // У кого дітки, у того і ягідки (УПП Паз); Малые детишки – что часты звездочки: и светят, и радуют в темную ноченьку (БСРП) // Малі діточки – то ясні зірочки: і світять, і радують у темну нічку (УПП); Нащо ліпший клад, коли в дітках лад (УПП Паз).

94. Дитя плачет, а у матери сердце болит (БСРП) / Дитина плаче, а в матері серце болить (УПП Паз); Коли дитя не плачет, мать не слышит (БСРП); Дитя не заплачет – мать не услышит (БСРП) / Дитина не плаче, мати не чує (УНПП); Дитя не плачет – мать не понимает (не слышит) (БСРП); Дитина плаче, а матері боляче (УНПП); Дитина плаче – мама мусить співати (УПП).

95. Обложився дітьми, як дід онучами (ФСУМ 1).

96. У кого детей много, тот не забыт от Бога (БСРП); Одна дитина – не дитина, а много дітей – радість (УНПП); Діток повен куток (УПП); Подумай жениться, то й діток копиця (УПП); Діток як бобу, а хліба ні дробу (ЗУПП).

97. Одно дитя – не дитя (УПП Паз)); А як росте одна дитина, то на старість трудна година (УПП Паз); Як двое дітей у батька, то так як одно: а як одно, то як ні одного (УПП Паз); Двое діточок – як два ока в лобі (УПП).

98. Вони збилися з пуття: як кутя, то й дитя (УНПП); Що жнива, то й дитина нова (УНП Номис).

99. Діти, діти, да куда ж мне вас діти? // Діти, діти, де вас подіти? На піч покидати та їсти не дати? [Чи на піч заганяти, чи горщик каші дати? / В трубу сховати, кілком заткати?] Поставимо вас в коробочку, мете шкряботіти; Діти, діти, добре з вами вліті, а зимою хоч об комин (камінь) головою (ФСУМ 1) / Небожата-діти, добре було вліті: хоч хліба не мали, та тепло знали (ФСУМ 1).

100. Чужий син дурний – сміх, а свій син дурний – плач (УНПП).

101. Родился сын, как белый сыр (БФС) – Не смійся з Макара, що він син злидаря (ЗУПП).

102. Из-за плохого сына бранят и отца (БСРП); Блудный сын – ранняя могила отцу (БСРП); Від поганого сина батько сивіє (УПП); Поганому сину батьківщина не в модю (ЗУПП).

103. Первый сын Богу, второй царю, третий себе на пропитание (БСРП).

104. Один сын – не сын, два – не кормильцы (БСРП); Один сын не сын, два сини – півсина, три сини – ото тільки син (УНПП) / Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын (БСРП); Сім синів годують, всім і щастя готую! (ФСУМ 2).

105. Син-одинак – як не злодій, то пияк (УПП); Батька горбом (нажил), а сынок горлом (прожил) (БСРП); (Пропав батько з дурними синами (УПП Паз); Дурному синові і батькове багатство не в поміч (УПП Паз); Від дурного сина каяття не бачити (ЗУПП); Глупому [дурному] синові батько розуму не купить (УПП) // Глупому сину и рожном отец ума не пришьет (ЖНП); В глупом сыне и отец не волен (БСРП); От сына дурака не хлеба колоба (БСРП); Глупому сину не в помощь наследство [не впрок богатство] (БСРП).

106. Ледащо син – батькові гріх (УПП Паз); Доброму синові не забирай, а ледачому не оставляй [а ледачому не покидай] (УПП Паз);

Ледачому сину худоба не поможе (УПП Паз)), (Татові на воли грошей не вистачає, а син скрипки забажав (УПП Паз); Син ходить в жупані, а матір водить в лахмітті (УПП Паз).

107. Рости, сину, хоч дурний, аби великий! (щоб люди боялись (УПП Паз).

108. (Плачет сын по отцу, что мало денег оставил (БСРП) Засиджене яйце завжди бовтун, заняччений син завжди швендяло (УПП Паз)).

109. Десята дочка – не болотна кочка: ногой не пхнешь (БСРП); Де донька одна, там доля гірка, а де дівок сім, там доля усім (УПП Паз); У сусіда дочок сім, та і доля всім (УПП Паз); Як дочка одна, то їй нема талана (УПП Паз); Сім дочок – свій таночок (УПП Паз); Сім (шість) дочок – свої вечорниці (УПП Паз); У кого дочок сім, то і щастя всім, а у мене одна і то щастя нема (ЗУПП); Много доньок – много клопоту (УПП Паз).

110. Дочь – чужое сукровище. Холь да корми, учи да стереги, да в люди отдай (БСРП); Доньки – чужа потіха (УПП Паз); Доньки – чужа користь (УПП Паз); Діти – чужа користь, а найбільше того – дочки (ФСУМ 1).

111. Пропитая дочь – не своя, чужая (БСРП); Выданная дочь – отрезанный ломоть (БСРП).

112. Дочка [дочку] в колыбельку, а придано в коробейку (Д1).

113. Годуй дочки, та будеш ходити без сорочки (УНПП); У кого суть дочки, у того латані сорочки (УНПП); Дочки залишають без сорочки (УПП Паз); Дочки забрали всі сорочки (УПП); Хто має дочки, той ходить без сорочки, а хто має синки, той гаптує торбинки (УПП Паз).

114. Спи, доню, тоненько у рідної неньки (ФСУМ 1); Співай собі і грай, доню, я ти не бороню (УПП); Співай, доню, вдома, бо в людях наплачешся (УПП); Гуляй, доню, я ти не бороню [бо хто зна, що буде, як підеш у люди] (УНПП); Гуляй, доню, піймавши долю (ЗУПП).

115. Коли хочеш з доні молодиці, то держи у твердих рукавицях (УПП Паз); Не на те, козаченьку, дочку годувала, щоби з пройдисвітом гуляти пускала (ЗУПП).

116. (Хороша дочка, коли мать хвалит (БСРП) // Хороша дочка, як мати хвалить (УПП); Хороша дочь, если мать любит (БСРП); Дочку мати хвалила, поки з рук звалила (УНПП)).

117. У лінивої дочки брудні сорочки (УПП Паз); Роби, дочко, так не будем ликом кожуха шити» (УНПП).

118. Не та родна дочь, что бежит от дела прочь, а та дочь родна, что на всякой работе видна (БСРП).

119. Хороша дочь Аннушка [дочанушка], коли хвалит мать да бабушка (ЖНП): Який Хомка, така його донька (ФСУМ 1).

120. Всяке дитя матері миле // Всякой матери свое дитя мило (БСРП); Дитя хоть и криво (хило), а (да) отцу-матери (отцу, матери, отцу с матерью) мило (БСРП) // Дитина хоч кривенька, та батькові-матері миленьке (УПП Паз); Матери все дети равны – одинаково сердцу больны (БСРП) // Матері своїх дітей жаль, хоч найменшого, хоч найбільшого (УПП Паз); Яка б дитина не була, а для матері вона найкраща (УПП Паз); Людям, як болото, а матері, як золото (УПП).

121. Яка мати, така дочка[їли кашу з черепочка] (УПП).

122. Мати з сином лається – за піч береться, з зятем – за клямку (ЗУПП).

123. Матері доля витає з її дітьми (УНПП);

124. Мать дочку била, невестке намитки давала (БСРП).

125. Своя мать бьет на крыше, да никто не слышит, а мачеха ударит – все соседи гуторят (БСРП); Мать высоко замахивается, да не больно бьет; мачеха низко замахивается, да больно бьет (БСРП); Своя matka бья, не пробьет, а чужая глядя прогладит (БСРП); Мать и бьет, так гладит, а чужая и гладит, так бьет (БСРП) // Рідна мати, високо розмахує, а помалу б'є (РУТСП).

126. Наш Антон не тужит о том: мать умирает, а он со смеху помирает (ПП); Мать, прятаяв детям, пазуху прорвала, а дети, прятаяв от матери, по две прорвали (БСРП); Матка, на детей крадучи, прорвала пазуху, а детки, у матери крадучи, прорвали три (две) (БСРП) // Мати подере пазуху, дітям ховаючи, а діти від матері (УПП Паз); Мати рве пазуху, збираючи, а діти, відбираючи (УПП); Больше одна мать заботится о семерых детях, чем семь детей об одной матери (БСРП) // Одна мати вигодує семеро дітей, а семеро дітей одної матері не можуть (УПП Паз); Молодому мать вредна, а старому непотребна (ЖНП).

127. Сини й дочки – з одного дерева листочки (УПП Паз).

128. Сын да дочь – день да ночь (БСРП); Дочки дороже сынка (БСРП); Дочь питаю – за окно кидаю, сына кормлю – в долг даю, отца-мать кормлю – долг плачу (БСРП).

129. Дочерьми красуются, сыновьями в почете живут (БСРП).

130. Кто красен дочерьми да сынами в почете, тот в благодати (БСРП).

131. І у доні зазнаєш лихої долі (УНПП); Мовчїть, кишечки, не в сина, а в дочки були в гостях (УНПП).

132. Сын да дочь – ясно солнце, светел месяц (БСРП); Сын да дочь – красные детки (БСРП).

133. Сын да дочь – домашние гости (ПП).

134. Счастливая дочь – в отца, а сын – в мать (ПП); Син – утіха батька, а дочка – матері (УПП Паз).

135. Один брат сыт и крепок, другой брат жидок и редок (БСРП); Брат, що хоче брать (УНПП); Брат мій, а кури табак свій [а хліб їж свій / а бриндзя за гроші] (УНПП); Коли бідний, то забуде й брат рідний (УПП); Брат – брата, сват – свата, а денежки не родня (БСРП) / Брат братом, сват, сватом, а гроші не рідня (УПП Паз); Брат брату не плательщик: брат за брата не плательщик (БСРП).

136. Лучше сосед вблизи, чем брат вдали (ПП) // Краще сусід поблизу, ніж брат подалеку (УПП); Брат на брата – пуще супостата (БСРП); Хотя мне брат, только я ему не рад (БСРП); Поки брати малі, доти й рідні (РУТСП).

137. Один брат сыт и крепок, другой брат жидок и редок (БСРП); Брат, що хоче брать (УНПП); Брат мій, а кури табак свій [а хліб їж свій / а бриндзя за гроші] (УНПП); Коли бідний, то забуде й брат рідний (УПП); Брат – брата, сват – свата, а денежки не родня (БСРП) / Брат братом, сват, сватом, а гроші не рідня (УПП Паз); Брат брату не плательщик: брат за брата не плательщик (БСРП).

138. Брати мої небагаті – нема штанів, самі лати (УПП).

139. Пьяный та дурный – ридни браты (БСРП); Схожая братья, кузнецы, карманные тяглецы (УПТРН:Хр); Сонливый да ленивый – (два) родные братья (братца) (ЖНП).

140. Друзья прямые, что братья родные (УПТРН:Хр).

141. Что у брата в руках, вижу; что у него на уме, не вижу (ЖНП); Не верь брату родному, верь глазу своему кривому (Д).

142. Василь бабі сестра у перших (УПП); Сестра! Вона мені така сестра, як чорт козі дядько (УНПП).

143. Человек без братьев и сестер – одинокое дерево (СРПП).

144. Хорош брат – сестру продал, хороша и сестра – от брата ушла (БСРП).

145. Не смейся, братец, чужим сестрицам: свои в девицах (БСРП); Не смейся, братец, чужой сестрице: своя в девицах! (БСРП).

146. Який дід, такий його плід (УПП Паз)), (Кого дедушка любит, тому и косточки в руки (ЖНП), т. е. кость на удачу), (У кого есть дед, у того и обед (БСРП); Есть дед – есть и обед (БСРП)); Доки [поки] діда, доти й хліба (УНПП); Не стане діда – не буде хліба (УНПП); Нема діда, нема хліба, нема й отче нашу (УПП); Біда мені без діда – хлищу борщик без хліба (ФСУМ 1); Коли є дід, то є й обід, нема діда, нема й обіда (УПП); Добре було при діду: щодня рибки к обіду (УПП).

147. Корми деда на печи: и сам там будешь (БСРП) / Годуй діда на печі, бо й сам там будеш (УПП); Подсади деда на печь – тебя внуки подсадят (БСРП); Постій, діду, не вмирай, киселику дожидай (УПП); Постій, діду, не вмирай, киселику дожидай (УПП).

148. Дедко бучит – не на худо учит (БСРП); Не съел дед отца, не съест отец и тебя, молодца (БСРП).

149. Дед (Дид) твий був казак (козак), батько – сын козачий, а ты – хвист собачий (БСРП); Дед жил свиньей, зажил внук поросенком (Д).

150. Добро тому жить, у кого бабушка ворожит (БСРП); Тогда бабушка ворожить стала, когда у нее хлеба не стало (БСРП); Хорошо тому, у кого бабушка ворожит [а хоть и не ворожит, так шепчет] (БСРП).

151. Молчи: дедушка с бабушкой на зиму **печь** межуют (УПТРН:Хр); Бабушка у бражки, дед на **печи** (БСРП). Бабушка на **печь**, а дед по дрова (БСРП).

152. Жінка без мужа і жити не дужа (УПП Паз).

153. Без мужа, что без головы, без жены, что без ума (БСРП); Без мужа голова не покрыта, без жены дом не крыт (БСРП).

154. Жена без мужа всего хуже (БСРП).

155. Без мужа жена – всегда (кругом, гольна) сирота (БСРП); С мужем жена – княгиня (госпожа), [а] без мужа [жена] – сирота (БСРП); Жена без мужа вдовы хуже (БСРП).

156. На жену, на лошадь да на лодку не надейся (БСРП); На конину в полі, на жінку в домі не сподівайся ніколи (УПП).

157. Карай, Боже, віком, карай добрим чоловіком (ЗУПП).

158. У старого мужа молодая жена – чужая корысть (БСРП) // У старого чоловіка жінка молода – користь чужа (УПП); У старого жена молода – беда не мала (БСРП); Муж молод, жена стара – беда не мала (Д); Видимо беда, что у старого жена молода (Д); По старом муже молода жена не тужит (Д); Де муж старий, а жінка молода, там рідко згода (ФСУМ 2).

159. Без жены как без шапки / головы (БСРП); Без жены, что без ума (БСРП); Чоловік без жінки – як без розуму (УПП Паз); Без жінки так, як без ума (УПП Паз); ценится в народной культуре мудрость жены: Не сказывает муж жене сколько у него денег в сундуке, да сама знает (БСРП); Жінка чоловіка не б'є, а під свій норов веде (УПП Паз).

160. Худо мужу тому у которого жена больная в дому (БСРП); Больная жена мужу не мила (БСРП); Муж любит жену здоровую, а жених невесту богатую (РУТСП); Жінка хоч корова, аби здорова (УПП); На что корова – была бы жена здорова (БСРП); Одежа добра нова, а жінка здорова (УПП); Жінка здорова, а теща багата, то не треба мати й рідного тата (УПП);

161. І без жінки зле, а з жінкою недобре (УНПП).

162. Без жены – [что] без кошки, а без мужа, [что] без собаки (БСРП) // Без жінки дім, як без кішки, а без чоловіка – як без собаки (УПП Паз); Без жінки – як без кішки (УПП Паз); Без жінки – що без кішки, а без мужа, що без собаки (УПП Паз).

163. Без жінки мужчина – як без хвоста скотина (УПП).

164. Без жінки, як без рук (УПП Паз).

165. Жена при муже хороша (БСРП); Мужем жена хороша (БСРП); Красна пава перьем, а жена мужем (БСРП) // Красна пава пір'ям, а жінка – чоловіком (ФСУМ 2); Не муж женой красен, а жена мужем (БСРП); Птица крыльями сильна, жена мужем красна (БСРП); Красна жінка для людей, погана для чоловіка (УНПП); Як з красною жінкою оженився, то є на кого подивитися (УНПП); Гарна жінка, гарні діти-тільки жити та радіти (УПП); Ой біда, біда, в кого жінка бліда, в кого рум'яна, в того кохана (УПП).

166. Твоя жінка, як повітка, а моя, як квітка (УПП Паз).

167. Всего милее, у кого жена всех белее (БСРП); Жена, что лебедь-птица, вывела детей станицу (вереницу) (БСРП); Женочка – Божья пчелочка, а matka – какой шершень (БСРП) и под..

168. Красна пава пером, а жена норовом; Не ищи жену модницу, а ищи заботницу (БСРП) // Гарна пава пером, а жінка норовом (УПП Паз); На красивую жену глядеть хорошо, а с умной – жить хорошо (БСРП).

169. Кто имеет жену красную и лошадь хорошую, всегда не без мысли бывает (БСРП).

170. Не наряд жену красит – домостройство (БСРП).

171. Красную жену не в стенку врезать (БСРП).

172. Як жінка умре, то жінку до гробу, як глину, а другу беру, **як калину**, бо есть цвіту, по всенькому світу (УПТРН:Хр).

173. Первую жену жених сам выбирает, вторую – Бог дает, а третью – черт посылает (БСРП) // Перша жінка сужена, друга – раджена, а перша – від чорта принесена (УПП Паз); Первая жена – как утренняя заря, а вторая жена – как красное солнышко (БСРП); Друга жінка вже не те, що перша; Друга жінка-то так, як ключ дереблений до колодки (УПТРН:Хр); Друга жона – другий світ (УПП).

174. Чужая жена лебедушка, а своя – полынь горькая (БСРП); Своя жена – змеюшка, чужа жена – любушка (БСРП); В чужую жену черт мед кладет, в свою уксусу подливает (БСРП).

175. Тогда жінка глупа, як дітей купа, а в мішку одна крупа. В народной повседневно-бытовой культуре высоко ценился ум, сообразительность, мудрость жены: На красиву жінку гарно дивитись, а з розумною гарно жити (УПП Паз).

176. Треба сто пар волів віддати, аби добру жінку мати (УПП Паз); Ліпше мати гарну жінку, ніж сто фалеч поля (УПП Номис); Не той багатий, у кого багато маєтку, а той, у кого жінка добра (УПП Паз).

177. І жінка любенька, як діток жменька, а як дітей купа, то й сама, як злюка.

178. Того добра годинка, в кого жінка Маринка (УПП); Щастя, в кого жінка – Настя, а в кого Горпина, то лиха година (УПТРН:Хр).

179. Не тот счастлив (щаслив), кто женится на прекрасной и богатой; а тот, чья жена любезна и добронравна (БСРП); Смиренна жена велико добро (Д); Не ищи жену модницу, а ищи заботницу (БСРП); Жена добра и страдолюбива и молчалива – венец есть мужеви своему (БСРП).

180. Жена хороша не телом, а делом (БСРП); Выбирай жену не в хороводе, а в огороде (БСРП).

181. Честна жена для супруга душа, а с хорошим умом и для всех хороша (БСРП); Первая жена не початая, другая стеклянная, третья хрустальная (БСРП); Не бери жену богатую, а бери непочатую (Д); Жену с почину берут (БСРП); Дом купи крытый, кафтан шитый, а жену непочатую (Д).

182. Ніхто так не доглядає, як вірна дружина (УПП Паз); Три друга: батько, мати та вірна жінка (УПП Паз); Нема кращого друга, як вірна супруга (УПП Паз); Нема вірнішого приятеля, як добра жінка (УПП); Все тільки до часу, а жінка до смерті (УПТРН:Хр).

183. Бери жінку в одній льолі, аби не без долі [аби була до любові] (УПТРН:Хр); Як жінка не люба, то чоловікові дома й борщ смердить (УПП).

184. Нема цвіту білішого над ожиноньку, нема роду милішого над дружиноньку.

185. В том то и сила, чтобы жена мужа любила (ПП).

186. З корови телячої і з жінки дитячої роботи нема (УНПП).

187. Не біда, в кого жінка молода (УПП Паз); Не лишай молоді жінки дома, як ідеш в далеку дорогу (УПП).

188. Пісня гарна складами, а жінка – годами (УПТРН:Хр).

189. Виділа біда, що у старого дружина молода (УПП Паз); У старого жінка молода – готова біда (УПП).

190. Жена бранлива – мужу позор (БСРП); Сварливая жена – в доме пожар (БСРП); Сварлива жінка гірш, ніж коню хомут (УНПП); Сварлива жінка для чоловіка горе (УНПП); Краще жінка сварлива, ніж дурна (ЗУПП).

191. Жена ублажает – лихое замышляет (БСРП); Лукавая жена льстива; Жена льстит – лихо мыслит (норовит) (БСРП); Одна жена плачет от жалости, другая от лести (БСРП).

192. Не всякая жена мужу правду сказывает (БСРП); У жінки правди не питай (УПП Паз); Не кажи, сестро, чоловікові усієї правди – кажи тільки по коліна (УПП); И дура жена мужу правды не скажет (ЖНП); Муж того не знает, что жена гуляет (БСРП).

193. Не верь жене в подворье, а коню в дороге (БСРП); Не верь жене в воле, а коню в поле / не верь коню в поле, а жене в доме (БСРП); Не всяку правду жене сказывай (СРПП); Жінці не вір у домі, а кобили – в дорозі (УПП Паз); Не вір жінці, як тій коняці: її щодня гнuzдай (УПП); Не вір ніколи жінці, коняці і собаці (УПП); Не вір жінці, як чужому собаці (ЗУПП); Ніколи жінці правди не кажи (ЗУПП); Лаптя ликом не в'яжи, жінці правди не кажи, у попа грошей не позичай (УПТРН:Хр); Жінці правди некажи, чужою дитини за свою не бери, з панами не братайся (УПП Номис); Жінці та попу правди не кажи (УПП); Жінці всієї правди не odkривай (УПП); Заздрісна жінка цілу хату держить у вогні (УНПП).

194. (Жінка – як та кішка: чим більше гладь, тим більше хвоста (УПП Паз).

195. Жена не коза, травой кормить не будешь (БСРП); Жена не коза, дети не пчелы (БСРП).

196. Жінка, як жилка: коли схочеш, потягнеш (УПП Паз); Жінка, як лоза: куди схочеш, похилиш (УПП Паз); Жінка, як торба: що покладеш, те й несе (УПП Паз).

197. Жена не седло – со спины не сымешь (БСРП); Жена – не сапог [не валенок, не лапоть, не башмак] – с ноги не скинешь [не снимешь, не разуешь, не сбросишь] (БСРП) // Жінка не черевик [не башмак, не лапоть] – з ноги не скинеш (РУТСП); Жена – не рукавица, с руки [с белой ручки] не сбросишь [не стряхнешь] [за пояс не заткнешь] // Жінка – не рукавица, з руки

не скинеш [мінять жінку не годиться] (РУТСП); Жена не шапка – не сбросишь (БСРП).

198. Жена – не гусли: поиграв на стенку не повесишь (БСРП) // Жінка – не гуслі, погравши на стінку не повісиш; Жена не балалайка: поиграв, на стену не повесишь (БСРП); Жінка – не скрипка, погравши на стінку не повісиш (РУТСП,); Жена не горшок – не расшибешь [а расшибешь – берестой не перевьешь] (БСРП).

199. Вікно при річці псує: сірник, сіль і гарну жінку; Вікно три речі псує: атрамент, сіль і молоду жінку.

200. Будь жена хоть коза, лишь бы золотые рога (БСРП) // Хоч жінка свинка, так гроше скринька (РУТСП).

201. Давно то было баяно, что жена не барыня (БСРП).

202. Муж с женой, что вода с мукой, а теща дрожжи (РУТСП) // Чоловік із жінкою, як вода з борошном, а теща – дріжджі (РУТСП).

203. Муж с женой, что лошадей с телегой: везут, когда они исправны (БСРП).

204. Муж голова, а жена – душа (БСРП) // Чоловік голова, жінка душа (УПП Паз).

205. Между мужем и женой всегда посредник дьявол (БСРП).

206. Мужу – полтину, а жена – холстину, все в одно место кладут, так и хорошо живут (ПП); Муж и жена – одна душа (БСРП); Муж и жена из одного кремня искры (ПП); У мужа и жены мысли одни (БСРП); Муж да жена – одна сатана (РУТСП); Муж і жінка – то одне болото (УПП Паз); Чоловік та жінка – одне діло, одне тіло, один дух (УПП Паз) // Муж и жена – одно дело, одно тело, один дух (РУТСП); Чоловік та жінка – одна жінка (РУТСП).

207. Муж і жінка – то пара волів: куди один, туди і другий (УПП Номис); Чоловік та жінка – найліпша спілка (УПП Паз); Найліпша спілка, то чоловік і жінка (УПП Паз); Муж жене закон (БСРП) // Муж жені закон (УПП); Между мужем и женой нитки не протацишь (БСРП); Куди голка,

туди й нитка, куди чоловік, туди й жінка (УПП Паз); Жена да муж – змея да уж (одна порода) (БСРП); Муж от жень на пядень, а жена от мужа на сажень (БСРП); Жена от мужа на ноготок, а муж от жены от кокоток (БСРП); У мужа полтина, и у жены половина (БСРП); Муж вези гуж, а жена – шей рубашки (БСРП); Жона пряди, а муж тягни гуж (БСРП); Жена прядет, а муж пашет (БСРП).

208. Жена мужа почитай, как крест на голове, муж жену береги, как трубу на бане (БСРП); Жена мужу паства (БСРП); Жена мужу пастырь (БСРП); Жена мужу пластир, муж жене пастырь (БСРП); уж жене отец, жена мужу – венец (БСРП); Вот худо, как муж дякон, а жена попадья (владеет им) (БСРП); Муж говорит: Я – глава. А жена: А я шея, куда хочу, туда головушку верчу (БСРП); Муж – голова, жена – шея: куда шея повернет, туда и голова за ней (БСРП); Муж голова, жена – шея: куда захочет, туда и повернет (БСРП) // Чоловік голова, жінка шия: куди захоче, туди й поверне (УПП); Чоловік голова в хаті, жінка капелюх на голові (УНПП).

209. Жена верховодит, [так] муж по соседям бродит (ходит) (БСРП); Худо тому, у кого жена хозяйкой в дому (БСРП).

210. Муж да жена больше, чем брат и сестра (СРПП); Добра жінка чоловікові ліпша від рідного брата (УПП).

211. Родители берегут дочь до венца, а муж жену до конца (БСРП); Муж жену любит здорову (здоровую), а брат сестру богату (богатую) (БСРП) // Чоловік любить жінку здорову, а брат сестру багату (УПП); Брат любить сестру багату, а чоловік – жінку здорову (УПП Паз); Чоловік любить жінку здорову, а тещу багату (УПП Паз); Жінка чоловікові подруга, а не прислуга (УПП Паз).

212. З чоловіком горе, а без нього ще вдвоє (УПП Паз) // С мужем нужда, без мужа – и того хуже, а вдовой да сиротой – хоть волком вой (РНПТ: Хр) – З жінкою клопіт, а без жінки ще більший (УНПП); Біда з жінкою, а без жінки ще гірше (УПП); Доки чоловік не має жінки, доти не є чоловіком (УПП).

213. Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад / на что и клад, когда у мужа с женой лад // Не потрібен і клад, коли у чоловіка з жінкою лад (РНПТ: ХР); Мир в семье женой держится (БСРП).

214. Чоловікові мішок, а бабі – горшок (УНПП); Чоловікові мішок, а бабі – черепок (УНПП), а также Бабі кросна, мужу – соха (ЗУПП).

215. Чоловік за поріг, а жінка за пиріг (РУТСП).

216. Чоловік жінку хвалить, що їсти добре варить (ФСУМ 2).

217. В семье и каша гуще (БСРП).

218. Ти, жінко, їж борщ, а я м'ясо, скоріше діло буде (УПП).

219. Як жінка співає, то голодний чоловік вовком виє, або, як пес гавкає (УПТРН:Хр).

220. Жены не послушаешь – в сухомятку покушаешь (ПП).

221. Муж пьет, а жена горшки бьет (Д); Муж за чарку, а жена за палку (Д); Муж в голях, жена в бусовых сергах (Д); Муж в долгу, а жена в шелку (БФС); Муж по деревням, а жена в ожерелье (БФС); Жена верховодит, так муж по соседям бродит (БСРП); Жена говорлива мужу не мила (БСРП); Не б'є жінку мужик, а б'є жіночий язык (УПП).

222. Муж с женой ругайся, а третий не мешайся (БСРП); Муж с женой бранятся, чужой не вяжись (БСРП); Жену с мужем некому судить кроме Бога (БСРП) // Між чоловіком і жінкою один Бог суддя (РУТСП).

223. Муж с женой бранится, да в одну шубу ложится (БСРП); Вдень жінку гудить, а вночі любить (МН–ММ); Муж з жінкою сваряться і б'ються, а перина їх мирить [а під одною ковдрою лягають] (УНПП).

224. Іще сорочка не побіліла, щоб жінка чоловіка біла (УНПП); Біла жінка чоловіка, пішла позивати: присудили чоловікові ще жінку прохати (УНПП); Жінка доти люба, доки не візьме за чуба (УПП Паз); Не є то жінка люба, що веде мужа за чуба (УПП).

225. В стары годы бывало, муж жену бивал, а теперь жена мужа бьет (ПП); Доселева бывало жена мужа бивала, а ныне ведется – и она мужа блюдется (ПП).

226. Діж не перемісити, а жінки не перебити (УПП Номис); Шафрану не перетреш, а жінки не перетнеш (УНПП).

227. Жінку треба два рази слухати: раз – як кличе їсти, другий раз – як спати (УПТРН:Хр); Млин, корабель і жінку треба часто заправляти (УПТРН:Хр); Жінку і стодолу все треба покривати (ЗУПП); Хату і жінку все треба покривати (УПП).

228. Люба жена, люба и родня (БСРП); Як люба дружина, то люба й в ряднині (УПП); Де жінки тільки горшки пильнують, там в хаті неладі непорядки панують (УПП).

229. За городом левада, де мужа продала за три копи без шага (УПТРН:Хр).

230. Горе-горе, что муж Григорий: хоть бы болван, да Иван (Д), Был у меня муж Иван – не приведи Бог и вам; Флор плачет, а жена скачет (БСРП).

231. Смалчивай, невестка: сарафан куплю (БСРП).

232. Де багато невісток, там дуже борщ солоний (УПП).

233. Дві невістки в хаті – два коти в мішку (УНПП).

234. Свекровь злится, что невестка веселится (БСРП); Свекор говорит: нам медведицу ведут; свекровь говорит: людоядицу ведут; деверья говорят: нам неткалу ведут; заловки говорят: нам непряху ведут (Д); Садится (села) невестка прясть, берегите, деверья, глаз (БСРП); Невістка сорочку полатає, а зять штани здере (УПП); Невістка свекрусі догодити не годна (УПП Паз); Кожна невістка для свекрухи зла кістка (УПП Паз); Свекруха любить невістку, як собака діда (УПП); Пам'ятає свекруха свою молодість, через те й невістці не вірить (УПП Паз); Свекрусі невістка не вгодила, бо свекруха невістки не полюбила (УПП Паз).

235. Наша невестка все трекает: мед и тот прет (жрет) (БСРП); Наша невестка все трескает (стрескает) (БСРП); Наша невестка ничем не брезгает: хоть мед, и то сожрет (БСРП).

236. Три невестки – беги из избы (БСРП).

237. Бери зятя в дом, неси Бога вон!; Зять с тещей говорит до вечера, а слухать нечего (СРПП); Зять за порог – теща за кочергу (БСРП); С зятем бранися да за печь держися (БСРП).

238. Хочеш зятечка придбати – мусиш з хати утікати (УПП Паз); Хто в зяті пристає, у того шкіра відстає (УПТРН:Хр); На тихому зятеві теща воду возить (УПП Паз).

239. Хата чужая, як свекруха лихая (УПП Паз).

240. Нічна зозуля денну перекує, свекруха невістку перекричить (УПТРН:Хр).

241. Свекор батьюшка – застоюшка, свекровь матушка – заборонушка (БСРП); Кому свекровь и свекровушка, а кому и свекровище (БСРП).

242. (Языка тещі аршином не зміряєш (УПП)), (Як зять за поріг, так теща на пиріг (УНПП)).

243. Что мне тесть, коли нечего есть (БСРП); У тещи карманы тощи (БСРП); Не жени сына на теще, не отдавай дочери за свекра (РНПТ:Хр.).

244. Ой роду мій, ой роду мій, ой роду мій милий, / Розійшовся по всім світі, як той туман сивий (ЛП, с. 222–223); Горе мені, сиротині, / Без рідного роду (УНП-РПЛ, с. 261); Сюди-туди коло того граба, – / Все ж моя родинонька мені рада (УНП-РПЛ, с. 112).

245. Ой туман яром та налягає, / Та батько сина лає, проганяє, / Ой а матінка лає, проклинає: / Та й іди, сину, ступай пріч від мене: / Не возлюблена та жінка у тебе! (УНП-РПЛ, с. 179); Засвітила мати свічку, / Щоб ясно горіла, / Най погляне родина, / Чи мила дружина (УНП-РПЛ, с. 259–260).

246. Породила мати сина сокола, / Та не знала, де його діти, та в військо дала. <...> Я до тебе, моя мати, орлом прилечу, / – Побачиш, моя мати, якого я тобі жалю нароблю» (УНП-РПЛ, с. 173); Ой мала вдова сина сокола, / Вигодувала, в військо отдала (УНП-РПЛ, с. 174)).

247. В Одарочки був, / В Одарочки напився, / Ой прийшов я додомоньку, / З батьком я додомоньку, / Мати лає, батько лає, / Дуже й розмахався, / Ой два бог – ялось хутко / Нагай увірвався (УНП-РПЛ, с. 327).

248. – Ах как мне, девушке, веселенькой быть? / Мой батюшка хочет замуж меня отдать, / А мачеха хочет в черницы постричь. <...> «Пусти меня, матушка, на Дон погулять, / Белильца, румянца с лица посмывать!» / – Смоешь мое дитячко, горячей слезой, / Сотрешь, мое милое, пельчатый рукавом (НЛП 61, с. 175).

249. Уж я батюшку не слушала, / Я, старый идет, – прихоронюсь, / Молодой идет – поклонюсь! (НЛП 61, с. 212); Не подумаю: / У Степана три стакана, / Завсегда я буду пьяна <...> / Нейду, нейду, маменька, нейду, / Не подумаю: / У Филиппа в саду липа, / Завсегда я буду бита (НЛП 61, с. 216).

250. Що чужії жіночки конопельки сіють, / Моя чепурушка ще й не думає. / Вона треться та мнеться, / Вона думає – минеться (УНП-РПЛ, с. 161).

251. Ух ты ж мать моя, матушка, / Мать, бела лебедушка! / Ты на что меня хорошую родила, / Черноброву, приглядчивую? / Мне нельзя к обедне сходить, / Нельзя богу молиться, / Добрым людям поклониться (НЛП 61, с. 222).

252. Как у батюшки сынок / Был такой затейник: / Продал соху на нужду, / А купил себе кофейник (НЛП 61, с. 188).

253. У бабушки у нашей / Супрядка была, / Супрядка была, бабушка, / Что ты, бабушка, прясти даси? (НЛП 61, с. 223).

254. Куманечек, побывай у меня, / Душа-радость, побывай у меня, / Побывай-бывай-бывай у меня, / Душа-радость, побывай у меня! / – Я бы рад побывать у тебя, / Побывать-бывать-бывать у тебя, – / У тебя, кума, ведь улица грязна, / Что грязна-грязна-грязна-таки, грязна! (НЛП 61, с. 199).

255. Прилетіли д нему три зозуленьки, / Єдна му сіла коло головоньки, / Там на траві, на отаві. / Третя му сіла край серденька, / Тая в головоньках – то его батенько, / Тая що в ноженьках – то матінка, / Тая край серденька – то миленька, / А за тим словом бувай ми здоров! (КЩ, с. 446).

256. – А зладимо, браття, золотий човничок, / Золотий човничок, срібнеє весельце. / Та пустимо, браття, на Дунай глибокий. / Посадимо, браття, гречнеє дитятко, / Гречнеє дитятко, пана Івана, / Та й пустимо, браття, на Дунай глибокий, / На Дунай глибокий стрілок рубати (КЩ, с. 453).

257. Сам з собою, з вітцем, з маткою, / З вітцем, з маткою, дім з челядкою. / Здоровля в той дім на челядоньку, / Щастенька на двір, на худобоньку (КЩ, с. 462).

258. Весна красная, / Долгожданная! / Где ж ты долго / Так бродила? / Зимой лютою / Повстречалася, / Растопила ее сердце хладное, / Напоила землю-матушку! (ОбрП 89, с. 186).

259. Ой ненько ж моя, матінко / Ой ненько ж моя, матінко, / Ой снівся ж мені дивний сон: / Що є на небі місяць, / З правого боку зірочка. / – Я ж тобі сей сон розкажу (УНП 63, с. 142).

260. Ой на горі під вербою / Стояв колодязь з водою, / Там дівчинонька воду брала, / До місяця промовляла: / Мій місяченьку, мій батеньку! / Скажи ж мені всю правдоньку / Чи я пойду за нелюба, / Чи я пойду за милого? (УНП 63, с. 194).

261. Як там мати свого сина / Вечеряти просить. / Ой вечеряй, моя мати, / Коли наварила, / А я піду на той куток, / Де дівчина мила (УНП 63, с. 164).

262. Всі курочки докупочки / <...> Насіяна пшениченька, / Та нікому жати; / Питається син матері, / Которую брати: / – Ой чи тую багатую, / Що мати веліла, / Ой чи тую сиротину, / Що серце боліло (УНП 63, с. 175); Ой піду я у сад спати, / А ти мене не буди, мати, / Нехай мене той збудить, / Ой хто мене вірно любить. / Ой млин меле, вода реве, / А колесо перестать хоче. / За гидкого, за бридкого / Мене мати да й оддать хоче (УНП 63, с. 196).

263. Ой добрий вечір, ласкава теще. / Ой рано, рано, ой рано еще! / – Ой здоров, здоров, мій рудий зятю! / Чого ж тихо чеш, мій рудий зятю? / – Я в тебе хочу котору дочку. / – На тобі цюю, хоч найменшую. / – Ой нащо мені така малая, / Така малая, неспособная? / – Ти, зятю, ще не брав, а вже

гордуеш. / – Я не гордую, тільки шлюбую (УНП 63, с. 71); Вы подружки мои, все голубушки, / Вы придумайте мне, пригадайте мне: / Уж я как же буду звати люта свекра? / Уж я как называть люту свекровь? / Уж я как звеличать да деверьцев? / Уж я как назову да золовущек? / Приубавлю я спеси-гордости, / Я прибавлю смиренства и кроткости, / Назову ли я люта свекра батюшком, / Назову ли я люту свекровь матушкой, / Назову ли я деверьцев братцами, / Назову ли я золовущек сестрицами, / Назову ли я Григория душечкой, / Назову ли я Васильевича ягодкой (РНП ОБП 84, с. 227); Сестрицы мои, подруженьки! / Придумайте мне, пригадайте, / как-то мне прийти к свекру, / Как-то мне назвать свекра-та? / Мне свекром назвать – осердится, / Мне батюшкой назвать – не хочется: / Убавлю я спеси и гордости, / Прибавлю ума-разума, / Назову свекра батюшкой, / Лютую свекровь – матушкой (ОБП 89, с. 380).

264. Я в веночке, я в зеленочке, / Хожу ль я, хожу вокруг городочка, / Ищу ль я, ищу ласкова тестя. <...> Ищу ль я, ищу ласкову тещу. / <...> Ищу ль я, ищу ласковых шурьев. <...> Ищу ль я, ищу ласковых своячен (ОбрП 89, с. 244–245).

265. А мой батька – ясен месяц, / Моя матка – красное солнце, / Мои браты – соловьи в лесе, / Мои сестры – в жите перепелки (РНП ОБП 84, с. 174–175).

266. А сегодня вот, матушка, / Прилетал млад ясен сокол, / Что садился млад ясен сокол / На переднее окошечко; / Говорил млад ясен сокол / Человеческим голосом: / Ты не плачь, красна девица, / Веселись, дочь отецкая! / На чужой дальней стороне / Три поля пшена насеяны, / Весельем да обгорожены, / Радостью да исполиваны. / Течет реченька медовая, / По ей жилочка золотая (РНП ОБП 84, с. 189–190); Да тут не паванька плавала, / Да не пава перья ронила, / Да тут сестра брату жалилась, / Брату милому, любимому (РНП ОБП 84, с. 193–194); Залетала вольна пташечка, / Да залетала кинареечка / Ко соловушке во клеточку, / Да за серебряну решеточку <...> Залетевши, стосковалася, / Стосковавшись, сгоревалася: / Да

охти, охти мне тошнешенько, / Да охти, охти мне грустешенько / Да жить без батюшки, без матушки, / Да без любимых подруженек. / Да ты не плачь, душа Маринушка, / Да ты не плачь, душа Егоровна: / У нас есть батюшка и матушка, / Да молодые есть молодухи, / Да будут все твои подруженьки, / Да будут все твои задушевные (ОбрП 89, с. 364); Ой ты, матушка-голубушка, / ой да ты родный батюшка, / Не гоните вы лебедушку, / Не гоните вы лебедушку, / Из родимого из гнездышка. / Там во небе сизый селезень, / Он сгубит сизую лебедушку, / Он сгубит вашу лебедушку – / Ваше дитячко родимое (ОбрП 89, с. 396–397); Дитя ль мое, дитячко, / То не селезень – разлука твоя: / Разлучить тебя хотят с отцом-матерью. / С отцом-матерью, с родом-племенем. / Ой баусень! (ОбрП 89, с. 81); Ой вербо, вербо зелена, / Спусти гіллячко додолу, / Де соловейко гніздце в'є, / А сивая зозуля воркує. / То не соловейко – свекорко, / Не сива зозуля – свекруха. / Та свекорко Ганночку чарує, / Золотий перстеньок дарує, / А свекруха Ганночку чарує / Хрести-дукати дарує (УНП 63, с. 207) и под. Народная песня сравнивает девушку в подвенечном платье с красотой лебедя: «Выглянь, матка, / Во стекольчато окошко, / Как сын-сокол едет, / Соколушку везет, / Небывалого гостя, / Что век не бывала, / Двора не знавала. / Посади лебедку / Под святые на лавку; / Начнет же лебедка, / Начнет гурковати, к дому привыкати (ОбрП 89, с. 458–459); Поимал лебедушку, / Лебедушку белую, / Марью да Степановну. / Привел к своему двору, / К высокому терему. / Спросил у батюшки, / У родимой матушки: / Родимый мой батюшка, / Государыня матушка! / Люба ль вам невестушка, / Невестушка-ластушка? (ОбрП 89, с. 459).

267. Ты заедешь, сын, на красно крыльцо – / Воздавай свашеньке поклон (РНП ОбП 84, с. 192); Среди пола дубового, / Среди напротив матицы. / Он крест по писаному кладет, / Он поклон по ученому ведет / На все стороны кланяется: / Как на перву-то сторону – / Княгининому батюшке, Карпу Ивановичу, / На вторую-то сторону – / Княгининой матушке, Доманы Даниловне, / На третью сторону – / Ко княгининым братицам, / На

четвертую сторону – / Ко княгининим сестрицам, / На пятую сторону – / Ко княгине за завесу, / Анне Карповне (РНП ОБП 84, с. 193–195).

268. Сына женить. – / На что сына женить? – / Чтобы пашеньку пахати, / Хлеба промышляти (ОбрП 89, с. 64).

269. Да покличу сестру в гості багатую, / А вбогая, безщасная, сама прийде (ПРЖ, с. 254).

270. Соловейко маленький, / В тебе голос тоненький! / Защебечи ти мені, / Бо я в чужій стороні. / Бо я в чужій стороні, / – Нема роду при мені. / Я одбилася од роду, / Як той камінь у воду! (НЗП-УНП 67, с. 634); Гиля, гиля, лебедята, / На тихую воду, / Перекажіть, лебедята, / Аж до мого роду! (НЗП-УНП 67, с. 636).

271. Ой летить ворон вже понад Дунай та й жалібненько краче: / Ой не єден отець, не єдна мати за своїм сином плаче. / Ой ступай, коню, ти під мною на кривавії ріки. / Бувай здорова, родина моя, пропав же я навіки! / Ой ступай, коню, ти під мною на розбитую грудю. / Бувай здорова, родино моя, вже я у тебе не буду! (РСП-УНП 67, с. 346).

272. А у вдови один син, та й той пішов під аршин. / Його пани любили та й лоб йому забрили (РСП-УНП 67, с. 361); На ряду-то живет вдова грешная с сиротою, / У нее есть один сыночек-сиротина, – / Отдадим-то мы его во солдаты! (РНП Роз, с. 170).

273. Во строю солдат тяжело вздыхал: / Мне не жаль, не жаль самого себя, / Только жалко мне зелена сада:... / Кипарис-дерево – родной батюшка; / Сладка яблонька – родна матушка; / Зелена груша – молода жена (РНП Роз, с. 185).

274. Прилечу я соколочком / И закружусь над теремочком. / Закружусь на теремочком, / Да над родительским домочком. / Мать от радости рыдает, / Да только сына не узнает. / Повстречает мать сынка, / Ой, расседого старика (РНП Роз, с. 193); Ой, буду, буду, маменька, через двадцать лет, / Буду, буду к тебе, маменька, через двадцать лет, / Э... прилечу к тебе, сударыня, ясным соколом. / Я кокованьем-гореваньем зелен садик

обсушу, / Ой, я горячими слезами твою рассаду оболью. / <...> Меня, добра молодца, во солдаты меня берут. / Во солдаты, во солдатушки; ворона коня дают... (РНП Роз, с. 178); У него стоял его добрый конь, / Он копытом бил мать сыру землю. / Он не землю бил – молодца будил: / Ты вставай, вставай, добрый молодец, / Есть ли мочь у тебя, есть ли силушка? / Ты седлай скорей своего коня, / Седлай лучше ты своего коня и садись на меня. / Отвезу тебя в родную сторону, / К отцу, к матери, к молодой жене, / К молодой жене и родным детонькам (РНП Роз, с. 198).

275. Прилетели к доброму молодцу три ласточки, / Из них первая садилась на буйной главе, / А другая-то садилась на белой груди, / Ах, как третья садилась на скорых ногах. / Что как первая-топташка – родная матушка, / А другая-то пташка – то мила сестра, / Ах, как третья-то пташка – молодая жена. / Они взяли мертвое тело за белые руки, / Понесли они то тело во высокий терем. / Его матушка плачет – что река льется, / А родная сестра плачет – как ручьи текут, / Молодая жена плачет – как роса падет: / Когда солнышко взойдет, росу высушит, / Как замуж она пойдет, то забудет его... (РНП Роз, с. 203).

276. Ах ты птушка, птушка вольная! / Ты лети, лети в мою сторонушку, / Ко батюшке во зеленый сад, / А к матушке во нов терем. / Ты неси, неси, соловушка, / Ах батюшке да низкий поклон, / А матушке челобитьеце: / Что пропали наши головы / За боярами за ворами! / Гонят старого, гонят малого / На работушку раненько, / А с работушки позднешенько (НЛП 61, с. 103–104).

277. Не стій, коню, надо мною, / Бо ти видиш біду мою. / Іди, коню, дорогою / До матінки з новиною. / Та як прийдеш під ворота, / Та там вийде отець, мати. / Отець вийде, утішить сі, / Мати вийде, засмутить сі: / Коню ж ти мій вороненький, / Де мій синок молоденький? / Ой цит, мати, не жири сі, / Вже твій синок оженив сі. / Взеvси за жінку мураву, / Під головоньку купину, / А очу накрив хустинов» (РСП-УНП 67, с. 470); Червона калина / Біленько зацвіла; / Породила бідна вдова / Жовнярика-сина. <...> / Кряче

ворон, кряче, / Матусенька плаче: / Поховали її сина в полі край дорожки (РСП- УНП 67, с. 478–479).

278. : Зацвіла калина у лузі да попустила квіти, / Не один чумака кида жінку і дрібненькі діти (ЧП-УНП 67, с. 492); В темнім лузі червона калина / Ісхилила віти: / Не один чумака кида свою жінку / І маленькі діти (ЧП-УНП 67, с. 505); Ой калина зацвіла та пустила квітки, / Мусить чумака кидать жінку і маленькі дітки (ЧП-УНП 67, с. 506).

279. Козаченьку молоденький, / Барвіночку зелененький! / Ой не пийти горілок, / Не люби чужих жінок – / Будеш як барвінок! (УНП-РПЛ, с. 331); Та зжурився соколенько <...> Та по долинах води стоять, / По городах маки цвітуть; / Та тож не маки, то й козаки, / <...> Та то козаки у Крим ідуть, / Битим шляхом той пил зоб'ють (КП-УНП 67, с. 62).

280. Ставлю коня в вишневому саду, А сам піду к батьку на пораду. / <...> Моя ненька по кімнаті ходить, / На рученьках сороченьку носить: / <...> А мій братик по сінечках ходить, / На рученьках сіделечко носить <...> А моя сестра по двірочку ходить, / На рученьках хустиночку носить: / На, братику, хусточку, не гайся, / Щоб ти з свого війська не zostався! (КП-УНП 67, с. 610); Сестри брата виряджають: / Старша сестра коня веде, / Середульша зброю несе (КП-УНП 67, с. 66).

281. Не вари, мати, вечеряти: / На сторожу загадали. / Кажу, сину, коня нема. / Казав, мамцю, не раз, не два, / Що в козака коня нема (КП-УНП 67, с. 82).

282. Ой а у полі, гей, терен, теренок, / Попід тереном та доріженька йде. / По доріженці, гей запорожець йде, / А коника отець-мати веде. / <...> Тобі, мати, гей, та і не питать, / Тобі, мати, та й додому рушать.. (КП-УНП 67, с. 65).

283. Ой мала вдова сина-сокола, / Вигодовала, в військо віддала. <...> За восьмим полком голову схилив? / Зозуля літала, над ним куючи, / А коники ржали, його везучи (КП-УНП 67, с. 133).

284. Козак покидає, на коня сідає, / Мати його рідненькая з жалю умліває (КП-УНП 67, с. 55); Мати ж моя рідная, / Порадонько вірная! / Исправ мені три труби, / Да й усі три мідяні; / А четвертю трубу / Исправ мені золоту! / <...> Якби, мати, я сокіл, я б до тебе полетів! / Рости, сину, в забаву, козачеству на славу, / Вороженькам на розправу! (КП-УНП 67, с. 56).

285. Приблудився він [молодий козак] до гаю, / До дрібненького ручаю / І став коня напувати, / Стала зозуля кувати, / Став він зозулі питати: / Зозуленько, моя ненько, / Скажи мені доріженьку, / Скажи мені слід-дорогу / До мого рідного роду! (КП-УНП 67, с. 77).

286. То ж не синяя хмарочка наступає, / Дрібний дощик накрапає, / Чорне море вітер-буря колихає, / Там турецький корабель розбиває, / Сорок тисяч козаченьків потопає <...> Як прилетів батенько соловейко: / Діти ж мої, діти солов'ята! / А хто ж буде у садочку щебетати, / Мене, старенького, розважати! / Як прилетіла матінка солов'їха: / А хто ж буде у садочку щебетати, / Мене, стареньку, розважати! (КП-УНП 67, с. 92).

287. Сади мої, сади процвітали, / Та сади процвітали, рано опадали, / А сива зозуля з садів вилітала, / Та синєє море вона поглядала <...> / А за сиву гривку козак ухопився. / Бийся, коню, бийся, вибивайся! / На крут бережечок ой вигрібайся, / До отця, до неньки ой поспішайся! / Та не так же до неньки, як до дружиньки, / Не так до дружини, як до дитини (КП-УНП 67, с. 141).

288. Ой дуб на березу / Гіллям похилився, / А син своїй неньці / Низенько вклонився: / Нене ж моя, нене, / Чом не жениш мене? / Нащо ж тебе, синку, / Молодим женити: / Хіба тобі, синку, / Ні з ким говорити? / <...> Куплю тобі, синку, / Коня вороного... / <...> Прийде темна нічка, – Говори до нього (КП-УНП 67, с. 124–125).

289. Що узяти козаченька / В велику неволю; / Як узяти в неволеньку, / Забили в кайдани <...> / Ударились вражі пани / Об поли руками: / Десь у тебе, козаченьку, / Отець-мати жива, / А щоб тобі, молодому, / Фортуна служила... / Ой хоч жива, хоч не жива, / У бога

просила: / Ой тим мені молодому / Фортуна служила (КП-УНП 67, с. 100–101).

290. Стоїть явір над водою, на воду схилився; / Сидить козак у неволі, тяжко зажурився. / <...> Ой з-за гори з-за крутої чорний ворон криче, / На Україні далекої дівчинонька плаче. / Плаче вона та й журиться, ще й тяжко голосить, / Свого батька старесенького слізюньками просить: / Продай, тату, продай, тату, та сірії воли / Та викупи козаченька з тяжкої неволі! (КП-УНП 67, с. 189).

291. Лиш питай, ненько, високої могили, / Високої могили, глибокої долини. / Ой там будуть орли стояти, / Орли стояти, правду казати. <...> / Твій син на могилі всі розкоші знає, / Йому сивий голуб в головочці іськає (КП-УНП 67, с. 132–133); Ой на горі огонь горить, / Під горою козак лежить, / Порубаний, постріляний, / Китайкою покриваний <...> / А в головах ворон криче, / А в ніженьках коник плаче <...> / Ой коню мій вороненький, / Товаришу мій вірненький! <...> / Як прибіжиш ти в батьків дві, / Заржи, коню на весь двір! / Вийде сестра – розгнуздає, / Вийде мати – розпитає: / Ой коню мій вороненький! / А де ж мій син молоденький? / Не плач, мати, не журися: / Та вже ж твій син оженився, / Узяв собі паняночку – / В чистім полі земляночку (КП-УНП 67, с. 145–146); За городом сніжок припав... / Їхав козак, з коня упав. / Накрив личко китайкою, / Білі ручки нагайкою <...> Мати вчула – сама вийшла. / Ой ти, коню вороненький, / Де ж мій синок молоденький? (КП-УНП 67, с. 147); А може ж ти, коню, / Та й у край у слободку, / Ой там ти побачиш Батька мого й матір, / Меншу сестричку. / А ще як побачиш, / Та мою дівчин, / То дівчині скажеш, / Хай йде вона заміж, / Бо нам не видатся: / Та сира земля – / Ото моя теща, / Я в неї за зятя (КП-УНП 67, с. 148–149); За татарами обіз іде, / За обозом кінь турецький, / На тім коню син козацький <...> / Летить ворон, сумно криче, / Іде мати, ревно плаче, / Своім життям проклинає, / Свого сина не пізнає (КП-УНП 67, с. 158–159).

292. Зашуміли луги, ще й бистрії ріки... / Помер отець-мати – сирота навіки! (КП-УНП 67, с. 170).

293. Чи є в тебе, козаченьку, отець, рідна мати? / Ой є в мене родина – уся Україна, – / Доведеться сіромасі без виручки згинуть! / Ой Великий Луг – батько, а Січ – моя мати, – / Та доведеться сіромасі у неволі погибати! (КП-УНП 67, с. 99).

294. Та полетів соловейко у чистеє поле, / Та зострів соловейко перепілку. / А здорова, сестрице перепілко, здорова! / А здоров, здоров, брате соловейку! / А чи я тобі, брате, н казала: / Не бгай же гніздечка у діброві (ЧП-УНП 67, с. 522).

295. Гроза луны, свободы воин, / Покрытый кровию святой, / Чудесный твой отец, преступник и герой, / И ужаса людей, и славы был достоин (А.П. 1, с. 227 – «Дочери Карагеоргия»); Не два волка в овраге грызутся, / Отец с сыном в пещере бранятся (А.П. 1, с. 209 – «Песня о Георгии Черном»).

296. Короля незапный обнял холод: / Тут же видит он отца и брата. / Пред султаном старик бедный справа, / Униженно стоя на коленах, / Подает ему свою корону (А.П. 3, с. 38 – «Видение короля»).

297. Прибежали в избу дети, / В торопях зовут отца: «Тятя, тятя! Наши сети / Притащили мертвеца» (А.П. 2, с. 77 – «Утопленник»).

298. И неотвязчивый лорнет / Он обращает поминутно / На ту, чей вид напомнил смутно / Ему забытые черты. / Скажи мне, князь, не знаешь ты, / Кто там в малиновом берете / С послем испанским говорит? / Князь на Онегина глядит. / <...> / «Да кто ж она? – / Жена моя».

299. А мне, Онегин, пышность эта, / Постылой жизни мишура, / <...> / Что в них? Сейчас отдать я рада / Всю эту ветошь маскарада, / Весь этот блеск, и шум, и чад / За полку книг, за дикий сад, / За наше бедное жилище, / <...> / Да за смиренное кладбище, / Где нынче крест и тень ветвей / Над бедной нянею моей...).

300. К неверной славе я хладею; / И по привычке лишь одной / Лениво
волочусь за нею, / Как муж за гордою женой (А.П. 4, с. 236 – «Дельвигу»);
Что может быть на свете хуже / Семьи, где бедная жена / Грустит о
недостойном муже / И днем и вечером одна («Евгений Онегин», гл. IV, XV);
Хандра ждала его на страже, / И бегала за ним она, / Как тень иль верная
жена («Евгений Онегин», гл. I, LIV).

301. (К неверной славе я хладею; / И по привычке лишь одной /
Лениво волочусь за нею, / Как муж за гордою женой (А.П. 1, с. 236 –
«Дельвигу»);

302. Мы знаем: вечная любовь / Живет едва ли три недели, / Сначала
были мы друзья, / Но скука, случай, муж ревнивый и т. д. (А.П. 1, с. 258–259
– «Кокетке»).

303. Заступник кнута и плети, / О знаменитые князья, / За них жена
моя и дети / Вам благодарны, как и я (А.П. 8, с. 372 – «Заступники кнута и
плети...»).

304. Ты спишь, дитя, мое мученье, / Не знаешь горестей моих – /
Откроешь очи и тоскуя / Ко груди не прильнешь моей, / Не встретишь завтра
поцелуя / Несчастной матери твоей (А.П. 1, с. 81 – «Романс»).

305. Заступник кнута и плети, / О знаменитые князья, / За них жена
моя и дети / Вам благодарны, как и я (А.П. 2, с. 372 – «Заступники кнута и
плети...»).

306. Ну, дети, поцелуйтесь и будьте счастливы (А.П. 10, с. 108 –
«Дубровский»); Просим оба разрешенья, / Твоего благословенья: / Ты детей
благослови / Жить в совете и любви (А.П. 3, с. 55 – «Сказка о царе Салтане»);
Вставай, Земфира: солнце всходит, Проснись, мой гость! пора, пора!..
Оставьте, дети, ложе неги!.. (А.П. 3, с. 117 – «Цыганы»).

307. В пятый день старший сын обезумел, / Стал глядеть он на
мертвую мать / Будто волк на спящую козу (А.П. 3, с. 541–542 – «Гайдук
Хризич»).

308. Где иногда, в своей пустыне / Забыв войну, потомство, трон, /
Один, один о милом сыне / В унынье горьком думал он (А.П. 1, с. 254 –
«Наполеон»); Раевский, молоденец прежний, / А там уже отважный сын, / И
Пушкин, школьник неприлежный / Парнасских девственниц-богинь, / К тебе,
Жуковский, заезжали (А.П. 1, с. 210).

309. Сей свиток драгоценный, / Веками сбереженный, / От члена
русских сил, / Двоюродного брата, / Драгунского солдата / Я даром получил
(А.П. 1, с. 75 – «Городок»); Ни блеск ума, ни стройность платья / Не могут
вас обворожить; / Одни двоюродные братья / Узнали тайну вас пленить!
(А.П. 2, с. 300 – «М.Е. Эйхфельдт»); Закричал он старшему брату: / Милый
брат! не губи свою душу; / Ты напейся горячей моей крови, / А умрем мы
голодную смертью, / Станем мы выходить из могилы / Кровь сосать наших
недругов спящих! (А.П. 3, с. 541–542 – «Гайдук Хризич»); Вы старшей
дочери своей, / Я своему меньшому брату: / Им можно с жизнью шалить / И
слезы впредь себе готовить; / Еще пристало им любить. / А нам пора уже
злословить (А.П. 2, с. 258–259 – «Кокетке»).

310. И меня братья мои любили, / И мне всякую оказывали милость
(А.П. 3, с. 113 – «Сестра и братья»).

311. Но где же он, твой милый брат, / Недавний рекрут Гименя?
(А.П. 2, с. 232 – «В кругу семей, в пирах счастливых»); Брат милый, отроком
расстался ты со мной – / В разлуке протекли медлительные годы (А.П. 2, с.
299 – «Л. Пушкин»); Отменя отцу, брат милый, / Поклониться не забудь!
(А.П. 3, с. 541–542 – «Похоронная песня Иакинфа Маглановича»).

312. Я жду тебя. / Тебя со мною / Обнимет в сельском шалаше / Мой
брат по крови, по душе, / Шалун, замеченный тобою (А.П. 2, с. 310 – «К
Языкову»); Жили вместе два братца родные: / Один Павел, а другой Радула
(А.П. 3, с. 550–552 – «Сестра и братья»); В церкви Спаса они братовались / И
были по Богу братья; / Но Кирила несчастливый умер / От руки им
избранного брата (А.П. 3, с. 535-537 – «Янко Марнавич»).

313. Но дважды ангел вострубит; / На землю гром небесный грянет: / И брат от брата побежит, / И сын от матери отпрянет (А.П. 1, с. 322 – «Подражание Корану»).

314. Оставим юный пыл страстей – / Вы старшей дочери своей, / Я своему меньшому брату (А.П. 1, с. 258–259 – «Кокетке»).

315. Нимфа плод понесла влюбленного бога; / Меж говорливых наяд, мучась, она родила / Милую дочь. Ее прияла сама Мнемозина (А.П. 2, с. 478 – «Рифма»).

316. Цветы, луга, ручей живой, / Счастливый грот, прохладны тени, / Приют любви, забав и лени. / Где с Анджеликой молодой, / С прелестной дочерью Галафрона, / Любимой многими – порой / Я знал утехи Купидона (А.П. 2, с. 256 – «Из Ариостова “Orlando Furioso”»).

317. Клянет ревнивого супруга / Или докучливую мать (А.П. 1, с. 261 – «Алексееву»); Не встретишь завтра поцелуя / Несчастной матери твоей; Но что сказала я?.. быть может, / Виновную ты встретишь мать, / Твой скорбный взор меня встревожит! / Возможно ль сына не узнать? (А.П. 1, с. 75 – «Романс»).

318. Хвалю, мой друг, ее охоту, / Поотдохнув, рожать детей, / Подобных матери своей; / И счастлив, кто разделит с ней / Сию приятную заботу (А.П. 2, с. 239 – «К Родзянке»).

319. Отвечает Радулова любя: По богу сестра моя, невестка, / Я не знаю зелия такого; / Хоть бы знала, тебе б не сказала (А.П. 3, с. 551).

320. Они [тени], бессмертие вкушая, / В Элизий поджидают их, / Как в праздник ждет семья родная / Замедливших гостей своих... (А.П. 2, с. 276 – «Таврида»); Они, бессмертие вкушая, / Их поджидают в Элизей, / Как ждет на пир семья родная / Своих замедливших гостей... (А.П. 2, с. 364 – «Люблю ваш сумрак неизвестный...»); Везде его [злодея] найдет удар нежданный твой: / На суше, на морях, во храме, под шатрами, / За потаенными замками, / На ложе сна, в семье родной (А.П. 3, с. 238 – «Кинжал»).

321. Ночью он пришел к себе на дом / И отужинал со своею семьею (А.П. 2 с. 234 – «Видение короля»).

322. В начале жизни школу помню я; / Там нас, детей беспечных, было много; / Неровная и резвая семья (А.П. 2, с. 488 – «В начале жизни школу помню я...»).

323. Я грозно в нем изображу, / Но просто вам перескажу / Преданья русского семейства, / Любви пленительные сны / Да нравы нашей старины (А.П. 4, с. 24 – «Евгений Онегин»).

324. Родов дряхлеющих обломков / <...> / Бояр старинных я потомок; / <...> / Мой предок Рача мышцей бранной / Святому Невскому служил; / <...> / Водились Пушкины с царями; / Из них был славен не один, / Под гербовой моей печатью // Я кипу грамот схоронил // И не якшаюсь с новой знатью, // И крови спесь угомонил.

325. День и ночь так долго жданный, / Из далеча наконец / Воротился царь-отец; «Кабы я была царица, / – Третья молвила сестрица, / – Я б для батюшки-царя / Родила богатыря; В сени вышел царь-отец. / Все пустились во дворе («Сказка о царе Салтане»); Вот однажды царь Дадон / Страшным шумом пробужден: «Царь ты наш! отец народа!» – Возглашает воевода («Сказка о золотом петушке»).

326. Презренья хладного не снес он от жены / И гордо выступил, суровый сын войны, / На вызов роковых последних наслаждений, / Как прежде выступал на славный крик сражений (А.П. 2, с. 332 – «Клеопатра»).

327. Бегут за днями дни / Без дружеских собраний; / Веселых пирований Веселые сыны / С тобой разлучены; / И шумные беседы / И долгие обеды / Не столь оживлены. <...> Содрога счастья сын, и брошенный судьбою, / Он землю русскую не взвидел пред собою. / Бежит... и мести гром слетел ему вослед; / И с трона гордый пал... и вновь восстал... и нет! (А.П. 1, с. 245 – «Послание к Галичу»); Под бурейю главой поник я томной / И ждал тебя, вешун пермесских дев, / И ты пришел, сын лени вдохновенный, / О

Дельвиг мой: твой голос пробудил / Сердечный жар, так долго усыпленный, / И бодро я судьбу благословил (А.П. 3, с. 356 – «Дельвигу»).

328. Туманные сокрылись дни разлуки: / И брату вновь простерлись ваши руки, / Ваш резвый круг увидел снова я (А.П. 2, с. 151 – «Элегия»).

329. Мы рождены, мой брат названный, / Под одинаковой звездой. / Киприда, Феб и Вакх румяный / Играли нашею судьбой (А.П. 2, с. 369 – «Дельвигу»).

330. И все умрет со мной: надежды юных дней, / Священный сердца жар, к высокому стремление, / Воспоминание и брата, и друзей, / И мыслей творческих напрасное волнение, / И ты, и ты, любовь? (А.П. 4, с. 235 – «Война»).

331. Как промолвит грозен Стенька Разин: / Ой ты гой еси, Волга, мать родная! / С глупых лет меня ты воспоила, / В долгу ночь баюкала, качала, / в волновую погоду выносила, / За меня ли молодца не дремала, / Казаков моих добром наделила (А.П. 4, с. 282 – «Песни о Стеньке Разине»).

332. Но дружбою одною / Я ныне вдохновен. / Мой друг, я счастлив ею. / Почто ж ее сестрой, / Любовию младой / Напрасно пламенею? (А.П. 1, с. 288 – «Городок» (К***)).

333. Несчастью верная сестра, / Надежда в мрачном подземелье / Разбудит бодрость и веселье, / Придет желанная пора (А.П. 3, с. 195 – «Во глубине сибирских руд...»).

334. Перебирая все, как новый Ювенал, / Ты о Поэзии со мною толковал; / А сам, поссорившись с Парнасскими сестрами, / Мне проповедовать пришел сюда стихами? (А.П. 1, с. 65 – «К другу стихотворцу»); Далече той станицы, / Где Фебовы сестрицы / Мне с негой вьют досуг, / Скажи – среди столицы / Чем занят ты, мой друг? (А.П. 1, с. 48 – «Послание к Галичу»).

335. І не пом'яне батько з сином, / Не скаже синові. – Молись, / Молися, сину, за Україну. Його замучили колись. – / Мені однаково, чи буде / Той син молитися, чи ні... (Т.Ш. 2, с. 13 – «В казематі», III); Наїхали

старости / Й молодих за ними: / Вони собі пішли в хату / З батьком розмовляти; / А я в його, молодого, / В того чорнобривця, / Беру коня, та й нічого – / Везу до криниці (Т.Ш. 2, с. 336 «Подражаніє Сербському»).

336. Плаче стара мати, / Плаче жінка з діточками / В нетопленій хаті. / Сестра плаче, йде шукати / Братів на чужину (Т.Ш. 2, с. 16 «В казематі», VI); Пішов козак світ за очі; Грає синє море, / Грає серце козацькеє, / А думка говорить: / Куди ти йдеш, не спитавшись? / На кого покинув / Батька, неньку старенькую, / Молоду дівчину? / На чужині не ті люди – / Тяжко з ними жить / Ні з ким буде поплакати, ні поговорити! (Т.Ш. 1, с. 79 – «Думка»).

337. У те, де мати повивала / Мене малого і вночі / На свічку Богу заробляла; / Поклони тяжкії б'ючи, / Пречистій ставила, молила, / Щоб доля добрая любила / Її дитину (Т.Ш. 2, с. 119 «І виріс я на чужині...»); Подибала стара мати / Доню в полі доганяти... / І догнала, привела; / Нарікала, говорила (Т.Ш. 2, с. 18 – «Рано-вранці новобранці...»); Не покличе стара мати / Вечеряти в хату (Т.Ш. 2, с. 18 «В казематі», IX).

338. Стовп високий муровали, / Щоб про неї люде знали, / Дітей своїх научали, / Щоб навчалися дівчата, / Коли не вчить, мати (Т.Ш. 2, с. 93 – «Титарівна»); На улиці невесело, / В хаті батько лає, / А до вдови на досвітки / Мати не пускає. / Що ж мені робити, / Де мені подітись? <...> Скажи йому: сватай мене / Або одчепися!... / Бо як мені у матері... / То лучше топиться (Т.Ш. 2, с. 136 – «На улиці невесело»).

339. Ох, діти! Діти! Діти! / Велика Божа благодать! (Т.Ш. 2, с. 27 – «Княжна»); У нашім раї на землі / Нічого кращого немає, / Як тая мати молодая / З своїм дитяточком малим (Т.Ш. 2, с. 193 – «У нашім раї на землі»); Мов яблучко у садочку, / Кохалась дитина (Т.Ш. 2, с. 28 – «Княжна»).

340. Посадила стара мати. / Три ясені в полі. / А невістка посадила / Високу тополю. / Три явори посадила Сестра при долині... / А дівчина заручена – / Червону калину (Т.Ш. 2, с. 16 – «В казематі», VI).

341. : Бо хто матір забуває, / Того Бог карає, / Того діти цураються, / В хату не пускають (Т.Ш. 1, с. 353 – «І мертвим, і живим...»), Не кидай матері»,– казали, / А ти покинула, втекла, / Шукала мати – не найшла, / Та вже й шукати перестала, / Умерла, плачучи (Т.Ш. 2, с. 13 – «В казематі», IV).

342. Породила мати сина / В зеленій діброві, / Дала йому карі очі / І чорнії брови (Т.Ш. 1, с. 257 – «Сова»); Пишалася синами мати, / Синами вольними... Росли, / Росли сини і веселили / Старії скорбнії літа... (Т.Ш. 2, с. 48 – «Полякам»).

343. А буде син, і буде мати, / І будуть люде на землі (Т.Ш. 2, с. 353 – «І Архімед, і Галілей...»).

344. Там матір добрую мою / Ще молодую – у могилу / Нужда та праця положила. / Там батько, плачучи з дітьми / (А ми малібули і голі), / Не витерпів лихої долі, / Умер напанщині! (Т.Ш. 2, с. 222 – «Якби ви знали паничі»).

345. Понад ставом увечері / Хитається очерет. / Дожидає сина мати / До досвіта вечерять. / Понад ставом увечері / Шепочеться осока. / Дожидає в темнім гаї / Дівчинонька козака (Т.Ш. 2, с. 261 – «Сова»).

346. І молилась, і ридала, / Кляла все на світі. / Ох, тяжкі ви, безталанні / У матері діти! / Не слухала Катерина / Ні батька, ні неньки, / Полюбила москалика, / Як знало серденько (Т.Ш. 1, с.261 – «Сова»).

347. Хто спитає, привітає / Без милого в світі? / Батько, мати – чужі люди, / Тяжко з ними жити! (Т.Ш. 1, с. 94 – «Катерина»).

348. Така її доля... О Боже мій милий! / За що же ти караєш її, молоду? / За те, що как щиро вона полюбила / Козацькі очі?.. Прости сироту! / Кого ж її любити? / Ні батька, ні неньки, / Одна, як та пташка в далекім краю (Т.Ш. 1, с. 74 – «Причинна»).

349. Доню моя, доню моя, / Цвіте мій рожевий! / Як ягодку, як пташечку, / Кохала, ростила / На лишенько... Доню моя, / Що ти наробила?<...>/ Доню моя, доню моя, / Дитя моє любе!; А хто ж мою головоньку / Без тебе сховає? / Хто заплаче надо мною, / Як рідна дитина? /

Хто посадить на могилі / Червону калину? / Хто без тебе грішну душу / Поминати буде? (Т.Ш. 1, с. 9697 – «Катерина», II).

350. Обізвався старий батько: / «Чого ждеш, небого?» / Заридала Катерина / Та бух йому в ноги: / «Прости мені, мій батечку, / Що я наробила! / Прости мені, мій голубе, / Мій соколе милий!» / «Нехай тебе бог прощає / Та добрії люде; / Молись богу та йди собі – / Мені легше буде (Т.Ш. 1, с. 97 – «Катерина», II).

351. Рушниками, що придбала, / Спусти мене в яму. / Нехай попи заспівають, / А дружки поплачуть (Т.Ш. 1, с. 115 – «Тополя»).

352. Туман, туман долиною, / Добре жити з родиною. / А ще лучше за горою / З дружиною молодою (Т.Ш. 2, с. 144 – «Туман, туман долиною»).

353. Свекор оженився, / Батько утопився» (Т.Ш. 2, с. 266 – «Відьма»), Якби мені свекрівонька тиха (Т.Ш. 1, с. 299 – «Сліпий»).

354. «Уже, таточку!» – озвалось / Із хати Ярина (Т.Ш. 2, с. 291 – «Невольник»); В хаті темно, нема дома / Або вже міг спати / Мій батечко одинокий (Т.Ш. 2, с. 271 – «Відьма»); Моя мати... чого вона, / Вона все журилась / І на мене, на дитину, / Дивилась, дивилась / І плакала?» (Т.Ш. 1, с. 373 – «Лілея»); Прости мене! Я каралась / Весь вік в чужій хаті... / Прости мене, мій синочку! / Я... я твоя мати (Т.Ш. 1, с. 342 – «Наймичка»); Прости мені, мій батечку, / Що я наробила! / Прости мені, мій голубе, / Мій соколе милий! (Т.Ш. 1, с. 97 – «Катерина»); Тяжко годувати / Малих діток неумитих. / В нетопленій хаті (Т.Ш. 1, с. 369 – «Три літа»).

355. Бідна моя Україно, / Стоптана ляхами! / Україно, Україно! / Ненько моя, ненько! / Як згадаю тебе, краю, / Заплаче серденько (Т.Ш. 1, с. 86 – «Тарасова ніч»); Ой Богдане! / Нерозумний сину! / Подивись тепер на матір, / На свою Вкраїну, / Що, колишучи, співала / Про свою недолю (Т.Ш. 1, с. 252– «Розрита могила»); Як мандрували день і ніч, / Як покидали запорожці / Великий Луг і матір Січ, / Взяли з собою Матер Божу, / А більш нічого не взяли (Т.Ш. 2, с. 44 – «Іржавець»).

356. Чи вже ж йому любо людей мордувать? / А надто сердешну мою Україну. / Що вона зробила? За що вона гине? / За що її діти в кайданах мовчать? (Т.Ш. 2, с. 45 – «Іржавець»); Просвітились! та ще й хочем / Других просвітити, / Сонце правди показати / Сліпим, бачиш, дітям!.. (Т.Ш. 1, с. 346 – «Кавказ»).

357. Жаль і батька, жаль і матір, / І вірну дружину, / Молодую, / Веселую, / Класти в домовину, / Жаль великий, брати мої (Т.Ш. 1, с. 369 – «Три літа»); Катерина задумалась / У третьому каже: / «Єсть у мене брат єдиний / У неволі вражій!..» (Т.Ш. 2, с. 137 – «У тієї Катерини...»).

358. Ой виростеш, сину, За півчварта року, Як княжа дитина, Як ясен високий, / Гнучкий і дебелий, / Щасливий, веселий / І не одинокий (Т.Ш. 1, с. 257 – «Сова»).